

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Актуальная археология 7

Материалы международной научной конференции молодых ученых

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Актуальная археология 7

Материалы международной научной конференции
молодых ученых
Санкт-Петербург, 1–4 апреля 2024 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2024

УДК 902/904
ББК 63.4
А43

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Рецензенты:

к. и. н. О. И. Богуславский (ИИМК РАН), к. и. н. Е. А. Черленок (СПбГУ)

Редакционная коллегия:

А. А. Бессуднов, В. С. Бочкарев, Ю. А. Виноградов,
А. М. Киселёва (отв. редактор), А. И. Климушина, Т. В. Корнева,
В. Н. Кузнецова, А. Р. Лада, В. М. Лурье,
А. И. Мурашкин, А. В. Фрибус, О. А. Щеглова

Актуальная археология 7

Материалы международной научной конференции молодых ученых.
Санкт-Петербург, 1–4 апреля 2024 г. – СПб.: ИИМК РАН, 2024. – 472 с. : ил.

Сборник содержит материалы докладов, представленных на все-российской научной конференции молодых ученых «Актуальная археология 7», прошедшей в Институте истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) 1–4 апреля 2024 г. Доклады отражают различные направления исследовательской деятельности молодых специалистов. Сборник разделен на тематические разделы, посвященные актуальным проблемам источниковедения, результатам полевых исследований, междисциплинарным исследованиям и истории археологической науки. Издание предназначено для историков, археологов, студентов и аспирантов исторических специальностей и всех интересующихся историей и археологией.

ISBN 978-5-6050962-3-8

DOI: 10.31600/978-5-6050962-3-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024

Содержание

КАМЕННЫЙ ВЕК

Эпохальные особенности индустрий каменного и бронзового веков на территории Нижнего Притомья (Западная Сибирь).....	15
<i>Бычков Д. А.</i>	
История изучения древнейшего прошлого Западной Брянщины: местонахождение Новые Бобовичи.....	20
<i>Верхолотова Д. И.</i>	
Типологический анализ долотовидных орудий палеолитического слоя стоянки Усть-Менза-14	23
<i>Власенко Д. Е.</i>	
Материальная культура многослойного поселения Усть-Онолва I по данным разведки.....	27
<i>Демаков Д. А.</i>	
Орудийная коллекция из культурного горизонта финального верхнего палеолита поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина).....	30
<i>Деревнина А. С.</i>	
Культурно-хронологическое положение нового участка памятника Челюскинец II в контексте среднего палеолита Нижней Волги.....	34
<i>Жамбровская С. А., Князев К. Е., Трубаева П. А., Дроков Е. А.</i>	
Опыт определения техники скола по материалам верхнепалеолитического местонахождения Кулаково 1 (юг Байкало-Енисейской Сибири).....	38
<i>Золотарев Д. П.</i>	
Приемы вторичной обработки вентральных поверхностей односторонних орудий в среднем палеолите Кавказа	43
<i>Иванов Я. Д.</i>	
Следы как критерий выделения палеолитических составных орудий: экспериментальные и археологические данные	46
<i>Иванов Я. Д., Смолкина В. С.</i>	
Стоянка Ростиславль-2 (по материалам раскопок 2020 г.)	49
<i>Кузьмина Ю. В.</i>	
Следы использования на костяных ретушерах стоянки Костенки 14, II слой	53
<i>Куприянова М. Д., Иванов Я. Д.</i>	

Керамика стоянки Таскудук в Северном Прикаспии по результатам раскопок 2022–2023 гг.	55
<i>Лактаева Э. М., Фролов И. К.</i>	
Экспериментальное моделирование верхнепалеолитических технологий производства украшений из поделочного камня.....	58
<i>Левина Е. В., Федорченко А. Ю., Харитонов Р. М., Тоцкий Д. А., Селютин А. И., Белоусова Н. Е.</i>	
Материалы новой стоянки Курсак-1 в контексте памятников финального каменного века Нижней Катуни.....	62
<i>Марковский Г. И., Глушко Н. В., Кирюшин К. Ю.</i>	
Информационный потенциал материалов из просеивания и промывки верхнепалеолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе.....	66
<i>Маскаева Т. А.</i>	
Возможности применения разных типов органических отбойников в верхнем палеолите Горного Алтая (по экспериментальным данным).....	70
<i>Михиенко В. А., Родионов А. М., Гурулев Д. А., Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е.</i>	
О проблеме изучения бифасиальной обработки в энеолите на территории Верхнего и Среднего Прикамья.....	74
<i>Можяева А. А.</i>	
Предварительные итоги изучения скребков с памятников мезолита — энеолита в Верхнем Прикамье.....	77
<i>Можяева А. А., Немцева Д. К., Никулина К. В.</i>	
К вопросу о технической орнаментации керамики среднего неолита Якутии.....	80
<i>Охлопков В. В.</i>	
К вопросу о происхождении и культурной принадлежности раннего неолита лесного Среднего Поволжья (на основе анализа керамических комплексов).....	83
<i>Пантелеева Т. Ю.</i>	
Неформальные костяные орудия в палеолитических комплексах восточной галереи Денисовой пещеры: новые материалы.....	86
<i>Плотников Д. Р., Деревнина А. С.</i>	

Локальные и хронологические варианты орнамента керамики Сперрингс на Карельском перешейке	88
<i>Радаева Ю. Д.</i>	
Типологическая характеристика каменного инвентаря неолитического поселения Кюльтепе-1 в Северо-Западном Ираке	92
<i>Светлаков Д. А.</i>	
Проблематика изучения фигурного кремня в Верхнем и Среднем Прикамье.....	96
<i>Смертина А. Ю.</i>	
Производство и использование микропластинчатого инвентаря в индустрии II слоя стоянки Костенки 17.....	99
<i>Смолкина В. С.</i>	
Скрепки стоянки Замостье-2: форма и функция (по материалам позднемезолитического слоя)	103
<i>Такташева С. Д.</i>	
Сравнение воротничковой керамики памятников на р. Сок.....	106
<i>Трофимов А. Г.</i>	
Проблемы идентификации пирогенных объектов эпохи камня и существующие методы их решения	110
<i>Уткин К. И.</i>	
Новые палеолитические местонахождения открытого типа в долине р. Или (Юго-Восточный Казахстан)	113
<i>Ферапонтов А. И.</i>	
Палеолитические комплексы РВП мастерской Титовская Сопка (Восточное Забайкалье)	117
<i>Филатов Е. А.</i>	
Новый этап исследований Куртакского археологического района (Средний Енисей).....	120
<i>Филатов Е. А., Клементьев А. М., Джуманов А. Т.</i>	

ЭНЕОЛИТ – БРОНЗОВЫЙ ВЕК

К вопросу о корреляции морфологических, типологических и технологических признаков керамики гаринской культуры.....	124
<i>Андреева О. В.</i>	

Грунтовое погребение катакомбной КИО «Ильинка селище-19» Алексеевского района Белгородской области.....	127
<i>Архипкина Т. А.</i>	
Металлическая узда эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья.....	130
<i>Богданов Д. О.</i>	
История изучения системы питания коллективов бронзового века Южного Зауралья.....	134
<i>Васючков Е. О.</i>	
Каменный топор с Зеленого острова.....	138
<i>Завершинская М. П., Ларенок О. П.</i>	
Сравнительный анализ форм сосудов из курганов Алакульского могильника	141
<i>Климова А. Д.</i>	
Изучение керамического производства поселения Старо-Яппарово.....	145
<i>Маркелов Н. Д.</i>	
Специфика видового подбора косторезного сырья для предметов искусства в окуневской культуре	149
<i>Миняло Ю. Ю.</i>	
Итоги археологических исследований, проведенных в Джейранчельской равнине в 2023 г. (Акстафа, Азербайджан)	152
<i>Мурсагулиев М. Г., Юсифзаде Л. А., Мамедова Ф. Ю., Наджафов Ш. Н.</i>	
Материалы поселения Куровицы 4 в контексте изучения культур неолита — эпохи бронзы юго-восточного берега Финского залива	156
<i>Мучкина Л. В.</i>	
Материалы бондарихинской культуры многослойного поселения «Осколище селище-2» Волоконовского района Белгородской области.....	159
<i>Непочатова А. В.</i>	
Орнамент на бронзовых бляхах алакульского облика: классификация и пространственный анализ	163
<i>Подгорных А. М.</i>	

Погребальная посуда андроновской (федоровской) культуры могильника Манжиха Западного Присалаирья (предварительные результаты изучения)	167
<i>Саеко И. А.</i>	
Фатьяновская и балановская культуры бронзового века лесной полосы: опыт сравнительного анализа	171
<i>Сыроватко Ф. А.</i>	
Генезис зольников бронзового века Южного Зауралья по данным междисциплинарных исследований	174
<i>Трубицына Э. Д., Куприянова Е. В., Соломонова М. Ю., Рябогина Н. Е.</i>	
Исследования памятников наскального искусства в бассейне р. Онон (Восточное Забайкалье): предварительные результаты.....	177
<i>Ячменев О. Ю., Власенко Д. Е.</i>	

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК. АНТИЧНОСТЬ

Лунницы круга восточноевропейских выемчатых эмалей: проблемы типологии.....	181
<i>Бакулина У. Д.</i>	
Реконструкция состава погребальной пищи сарагашенского населения тагарской культуры (по материалам могильника Казановка 6).....	185
<i>Бурашникова К. С.</i>	
Погребальные традиции населения эпохи раннего железного века полуострова Абрау	188
<i>Горланов С. С., Мещеряков А. М.</i>	
Изображения древних лошадей на «оленных» камнях: возможности типологического анализа	191
<i>Гражданкина В. А.</i>	
Комплексы с костями диких животных в погребениях кочевников раннего железного века Южного Приуралья.....	194
<i>Григорьева И. М.</i>	
О культурной принадлежности памятников раннего железного века Приильменьской низменности и севера Валдайской возвышенности.....	197
<i>Егоров Е. Д.</i>	

Культурно-хронологические индикаторы хунно-сяньбийского времени в Восточном Казахстане по материалам могильника Берел.....	200
<i>Каримбаева З. Р.</i>	
Поселение Трактир в Северо-Западном Крыму.....	204
<i>Коршун К. С.</i>	
Сосуды в погребальном обряде восточного варианта саргатской культуры.....	207
<i>Некраш А. А., Титова А. В.</i>	
К вопросу датировки колчанного набора из кургана 53 могильника Южный Тагискен.....	211
<i>Петрищева Д. П.</i>	
Украшение с выемчатыми эмальями с объекта археологического наследия «Котеневка селище-4» Старооскольского городского округа Белгородской области.....	216
<i>Пивнева Д. В., Кобзева Е. В.</i>	
Об одном типе стеклянных бус раннесредневекового клада из Суджи-Замостья в бассейне р. Псел.....	220
<i>Письмарова А. В.</i>	
Импорты из Северной Бактрии в памятниках саргатской культуры (по данным РФА).....	224
<i>Проконова М. М.</i>	
Древковое оружие из материалов могильника скифского времени Девица V на Среднем Дону.....	227
<i>Резникова В. А.</i>	
Находки щитов в курганах пазырыкской культуры Алтая: краткий историографический обзор.....	231
<i>Тишкин А. А.</i>	
Жилая и хозяйственная застройка городища Лбище римского времени на Самарской Луке: опыт обработки архивных данных в ГИС.....	234
<i>Халимуллина Л. Р.</i>	
Картографический анализ погребальных памятников кобанской культуры Северного Кавказа.....	238
<i>Чанаев А. Б.</i>	
Хронологическая атрибуция изображений на курганных камнях Тепсейского могильника.....	242
<i>Шишкина О. О.</i>	

Традиции использования «оленных» камней в ритуальной практике древних кочевников (по материалам изучения памятников Центральной Монголии).....	245
<i>Эрдэнэтурэв П.</i>	

СРЕДНИЕ ВЕКА

Керамика XII–XVI вв. как маркер культурных связей (по материалам Западной Сибири).....	248
<i>Арефьев И. А.</i>	
ГИС раскопа VIII (г. Старая Русса): стеклянные браслеты.....	251
<i>Болонин И. А.</i>	
История локализации средневекового города Бережца	255
<i>Борисов Е. А.</i>	
Украшения из раннесредневековых памятников Алтая в коллекциях Государственного Эрмитажа.....	258
<i>Бояринцева К. Е.</i>	
Погребение туюйхуньской принцессы и жужаньского генерала в г. Сиань: комплексный источник о межкультурных контактах эпохи раннего Средневековья	261
<i>Гречишников Д. К.</i>	
Производство железа на террасе северо-восточной части Центрального селища Гнездовского археологического комплекса: предварительная реконструкция.....	265
<i>Зленко Е. Ю.</i>	
Торгово-весовой инструментарий Роданова городища	268
<i>Кузнецов В. Е.</i>	
Археологические памятники долины реки Холук	272
<i>Ляпунова Т. П.</i>	
Вариативность процессов разрушения жилищ Краскинского городища	276
<i>Мальшев А. С.</i>	
Рыболовство средневекового населения Рождественского городища в Пермском крае.....	279
<i>Мальцев В. С.</i>	

Комплекс Пор-Бажын: хронология и назначение памятника	283
<i>Моисеев М. Г.</i>	
Комплекс вооружения раннеякутского воина в свете новых археологических материалов	286
<i>Новгородов А. П.</i>	
Результаты картографирования отдельных сюжетов пермского звериного стиля. Человеческие — от Прикамья до полярного Севера	289
<i>Павлюткин И. Д.</i>	
«Чудские ямы» как источник средневекового домостроительства Пермского Предуралья	293
<i>Половников Л. В.</i>	
Височные кольца из раскопок курганов у д. Зюзино в собрании Музея Москвы	296
<i>Синцера К. Л., Деркачев В. О.</i>	
Декорирование железных изделий в эпоху Средневековья в Пермском Предуралье	301
<i>Смертин А. Р.</i>	
Костяная пластинка от шкатулки XIII в. из раскопок Южного пригорода Херсонеса Таврического	305
<i>Цымбал М. Л.</i>	
Пальмы из погребений монгольского времени Северной Монголии	309
<i>Цэнд Д.</i>	
История изучения стратегий расселения средневекового населения Пермского Предуралья	312
<i>Чакилева Ю. И.</i>	
Химический анализ гарнитуры поясов неволинского типа	315
<i>Черных А. А.</i>	
Стеклянные браслеты из материалов раскопок объекта культурного наследия федерального значения «Крапивное, городище-1» в Шебекинском городском округе Белгородской области в 2021–2022 гг.	318
<i>Шлыков К. Е.</i>	
Место костяных изделий в погребальном обряде средневекового населения Пермского Предуралья	322
<i>Шмырина М. Е.</i>	

Изображение вооруженных всадников и лошадей на блоках стен Маяцкого городища.....	325
<i>Щербинин А. С.</i>	
Раскопки на Маркульском храме (Очамчирский район, Республика Абхазия) 2022–2023 гг.: методика и результаты полевых исследований.....	329
<i>Юрков В. Г., Егоров И. В., Юрков А. Г.</i>	
Динамика расселения древней и средневековой мордвы: по материалам могильников	333
<i>Якунин К. Д.</i>	

НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Пуговицы из коллекции ОАН «Город Гижигинск»: первый опыт классификации.....	337
<i>Ватолина А. Е.</i>	
Китель из погребения 2116 Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевск	340
<i>Данилова К. В.</i>	
Оборонительные сооружения г. Березова в конце XVI — первой половине XVII в. по письменным и археологическим источникам.....	344
<i>Ермакова К. К., Кардаш А. О.</i>	
Археологическое изучение якутских погребений в конце XIX — начале XX в.	348
<i>Иванов А. А.</i>	
Пространственный анализ предметов косторезного производства из культурного слоя Вологодской крепости: по материалам раскопок 2020 г.	351
<i>Кабанова А. А.</i>	
Монеты Шарканского и Большеволковского могильников XVIII–XIX вв.: планиграфический анализ	355
<i>Окшнев Д. Е.</i>	
Бутылочные клейма Нового времени из раскопок в г. Перми	358
<i>Романова Л. В.</i>	

Изразцы с территории Казанского Богородицкого монастыря (по материалам LXXVII раскопа 2017 г.).....	361
<i>Садриев Н. Р., Каплан П. Ю.</i>	
Кульг гор в наскальном искусстве Нового времени Минусинской котловины.....	365
<i>Сирюкин И. В.</i>	
Предметы быта и культуры XVI–XX вв. с раскопок Рождественского комплекса в Пермском крае.....	369
<i>Смирнов Д. С.</i>	
Глиняная посуда XVII–XVIII вв. города Тары.....	372
<i>Сопова К. О.</i>	
Социальное устройство остяко-вогульских княжеств (из истории изучения)	376
<i>Яковлева Е. А.</i>	

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Археологические изыскания Троицкосавско-Кяхтинского отдела РГО	379
<i>Бальжанов Б. Л.</i>	
Формирование основ методики полевых археологических исследований в СССР: опыт советских специалистов.....	382
<i>Бирюков М. Д.</i>	
Археолог Л. А. Чалая в Семипалатинске и во Владимире.....	385
<i>Галкин Т. О.</i>	
Раскопки курганного могильника у с. Доброе Владимирской губернии по архивным данным.....	388
<i>Дремова П. С.</i>	
«Революция символов» Жака Ковэна в свете археологических и антропологических открытий 1990–2020-х гг.	391
<i>Караченец К. Б.</i>	
Начальный этап изучения «оленных» камней в Синьцзяне	393
<i>Му Цилэ</i>	
Археология Предбайкалья в панораме интересов ВСОИРГО.....	396
<i>Рахматуллина О. Р., Мархаева Д. А.</i>	

Обзор зарубежной и отечественной историографии изучения средневековых деревянных мостов	399
<i>Соколов А. Ю.</i>	
Создание Центра по сохранению историко-культурного наследия в Иркутской области	402
<i>Сулова О. В.</i>	
Становление и развитие дендрохронологического метода в отечественной археологии: от зарождения до современности.....	405
<i>Храбров Д. С.</i>	
Начальный этап изучения памятника Тахти-Сангин на юге Таджикистана	408
<i>Элмуродов Л. Х.</i>	

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема репрезентации музейных коллекций Енисейской Сибири в цифровой среде	411
<i>Арефьев А. Е.</i>	
Обследование археологических памятников Восточного Оренбуржья: история изучения, дистанционные методы исследования	414
<i>Есинов В. С.</i>	
Образ археолога в видеоиграх	417
<i>Закандаев В. И.</i>	
Цифровизация определения границ объектов культурного наследия по результатам работ 2023 г. в Республике Татарстан	420
<i>Зарипова Г. Х., Овечкина Л. В., Яранцева Н. С.</i>	
Исследования и реставрация римского ковша из элитарного сарматского погребения I в. н. э. из Среднего Прихоперья.....	423
<i>Золотарева Е. К.</i>	
Музейный комплекс «Священная кедровая роща»: опыт использования достопримечательного места «Сырковский Сор» в археологическом эксперименте	427
<i>Календарев Д. М., Плеханов Д. А.</i>	
Первые исследования древнего стекла Мариинской лесостепи	431
<i>Калинская А. В., Созинов С. А.</i>	

Археозоологические материалы из раскопок Полютова (Роданова) городища 2021 и 2023 гг.	435
<i>Коновалова К. Ю.</i>	
Использование метода фотограмметрии при проведении археологических исследований (на примере раскопок Поселения 2 по ул. Острогожской, 107а, в г. Воронеж)	439
<i>Котова А. П.</i>	
Проблемы исследования и сохранения объектов археологического наследия на территории г. Омска в условиях стесненной городской застройки	443
<i>Оситашвили Д. З.</i>	
Связь лесных палеопожаров и истории заселения берегов озера Мергень в Приишимье	446
<i>Трубицына Э. Д., Нестерова М. И., Утягулова Р. Р., Рябогина Н. Е.</i>	
Опыт статистического анализа остеологических материалов из памятников эпохи бронзы и раннего железного века Среднего Притоболя	449
<i>Утягулова Р. Р.</i>	
Результаты археопаразитологического исследования образцов грунта из могильника «Викуловское кладбище»	453
<i>Филимонова М. О.</i>	
Данные об авторах	456
Список сокращений	468

КАМЕННЫЙ ВЕК

Эпохальные особенности индустрий каменного и бронзового веков на территории Нижнего Притома (Западная Сибирь)

Бычков Д.А.

Институт археологии и этнографии СО РАН

Ключевые слова: *индустрия, Томь, типология, поздний палеолит, неолит, эпоха бронзы*

Первые находки орудий из камня в нижнем течении р. Томи были обнаружены в конце XIX в. (Зенин 2002: 28–29). Выходившие в течение XX в. аналитические исследования были посвящены проблемам культуро- и этногенеза на изучаемой территории, а особенности форм материальной культуры определенных периодов не рассматривались. Исследования, проведенные в этом направлении, как правило, охватывали отдельные хронологические диапазоны, что не позволяло сопоставить предметные комплексы разных периодов для выделения их эпохальных особенностей (Васильев 2004; Зенин 2002).

За более чем вековую историю исследований в регионе был накоплен большой объем источников, которые в настоящее время пересматриваются. Актуальность работы обусловлена регулярным выявлением памятников каменного и бронзового веков и повсеместным обнаружением изделий из камня, которые необходимо доказательно атрибутировать. В процессе оцифровки фондов археологических источников ТОКМ и МАЭС ТГУ в течение 2018–2023 гг. были осмотрены коллекции 9 памятников изучаемых периодов (табл. 1).

Целью работы является выделение эпохальных особенностей индустрий, которые представлены на памятниках от позднего палеолита до эпохи бронзы, расположенных в нижнем течении р. Томи. Для этого было проведено описание изделий из камня и продуктов его расщепления и анализ полученной информации методами описательной статистики. Описывались технологически значимые признаки, выделяемые в рамках атрибутивного подхода (Павленок и др. 2011). Выборка ограничена коллекциями памятников, в материалах которых представлены наиболее целостные индустрии и имеются основания для их хронологической атрибуции.

Таблица 1. Типы предметов в коллекциях с памятников позднего палеолита, неолита и эпохи бронзы, расположенных в нижнем течении р. Томи

Эпоха	Палеолит		Неолит		Палеометалл		
	Поздний, МИС-2	Мезолит	Развитый	Поздний	Ранний	Развитый	Поздний
Период							
Датировка	20 150 т. л. н.	18300 т. л. н.	6 тыс. до н. э.	5 тыс. до н. э.	пер. пол. 2-го тыс. до н. э.	втор. пол. 2-го тыс. до н. э.	конец 2-го тыс. до н. э.
Памятник	Могочинская стоянка	Томская стоянка	Усть-Порос	Остров Няша I Томское мусульманское кладбище, Самуськинское селище	Потаповы Лужки III	Самуська 3	Ярское селище
Сырье	Кремнистые кварциту/яшмоиды		Кремнистый кварцитовидный песчаник		Кремнистые кварциты (галька)		
Расщепление	Призматическое		Призмат-е		Параллельное		
	Торцовые	+	+				
	Клиновидные	+	+				
	Дисковидные	+					
	Одноплос-це			+	+	+	+
Сколы	Отщепы ≤		Отщепы ≤	Отщепы =	Отщепы >	Отщепы >	Отщепы >
	Пластины	Пластины	Пластины	Пластины	Пластины	Пластины	Пластины
	Уплощающие			+	+	+	
	Краевые				+	+	
Реберчатые						+	

В процессе исследования было описано 5220 предметов, среди которых, на основании комплекса морфологических и технико-технологических признаков, были выделены различные типы (табл. 1). Определения типов орудий, способов вторичной обработки, разновидностей ретуши и т. д. сделаны на основе признаков, которые предложены в методическом пособии по обработке коллекций (Нохрина и др. 2016). Сопоставление полученных сведений позволило выделить следующие эпохальные особенности индустрий.

Позднепалеолитические индустрии отличаются призматическим расщеплением кремнистых кварцитов и яшмоидных пород, которое реализовано на клиновидных, торцовых и дисковидных нуклеусах. Среди сколов преобладают пластины. Их вторичная обработка краевой ретушью формирует относительно устойчивый орудийный набор, который включает долотовидные, резцовые и выемчатые формы.

В индустриях развитого неолита расщепление отличается ориентацией на получение пластин и их бóльшую долю среди сколов. Главной же особенностью индустрий этой эпохи является их моносырьевой состав на основе кремнистого кварцитовидного песчаника. Позднее распространилась техника параллельного расщепления, которое реализовывалось на одноплощадочных нуклеусах с присущей им декортикацией до «ядра». Это привело к относительно равной доле отщепов и пластин среди сколов. В этот же период появляются и уплощающие снятия, которыми стремились сделать заготовку более плоской. Приемы вторичной обработки становятся более разнообразными — выделяется покрывающая и бифасиальная ретушь, появляются шлифованные орудия. Среди орудий возникают наконечники, топоры, бифасы и перфораторы. В позднем периоде так же ярко выделяются тесло- и ножевидные формы.

В эпоху бронзы сохраняется преобладание песчаника, из которого изготавливаются серийные изделия. Вместе с тем повсеместно используются и другие осадочные породы, отбираемые из русловых отложений. Вероятно, такая сырьевая стратегия предопределила параллельный способ расщепления реже одноплощадочных нуклеусов, а чаще галек. Среди сколов стали преобладать отщепы, выделяются технические снятия. Для оформления орудий из мягких пород применялась шлифовка, захватывающая и распространенная ретушь. К орудийному набору добавляются грузила, абразивы, выемчатые и долотовидные формы. Доля таких орудий, как топоры, тесла, отбойники и ножи, существенно увеличивается.

Можно сделать вывод, что при распространении определенных типов орудий, приемов их оформления и способов утилизации существуют ранее не выделявшиеся эпохальные особенности. К ним следует отнести менявшиеся на протяжении эпох сырьевые предпочтения древнего населения, а также распространение в разные периоды отдельных типов орудий. Например, долотовидные орудия повсеместно распространены в позднем палеолите и на некоторых памятниках эпохи бронзы, а перфорирующие изделия на отщепах выделяются только в комплексах развитого неолита. Изменения в способах оформления изделий также имеют выраженную эпохальную изменчивость. Поиск объяснений данным явлениям следует отнести к перспективам исследования индустрий изучаемой территории.

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

- Васильев Е. А. 2004. Культура древнейших обитателей низовий Томи // По реке времени: путеводитель к экспозиции. Северск: Изд-во «Ветер», 5–18.
- Зенин В. Н. 2002. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии 4, 22–44.
- Нохрина Т. И., Лбова Л. В., Мыльникова Л. Н., Бородовский А. П., Мыльников В. П., Сальникова И. В., Скобелев С. Г. 2016. Методика обработки коллекций. Новосибирск: РИЦ НГУ.
- Павленок К. К., Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П. 2011. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография, 35–46.

История изучения древнейшего прошлого Западной Брянщины: местонахождение Новые Бобовичи

Верхолотова Д. И.

*Новозыбковский филиал Брянского государственного
университета им. академика И. Г. Петровского*

Ключевые слова: *Брянская область, бассейн Десны, бассейн Днепра, палеолит, мамонтовое кладбище*

Памятники палеолита в Брянской области изучены неравномерно. В верхнем течении Десны известны комплексы Хотылево-1, Хотылево-2, Тимоновка, Супонево, Бетовская и Неготинская группы памятников (Брянский район). На р. Судость, в Жирятинском районе — Елисеевичи-1, в Погарском районе находится музеефицированная Юдиновская стоянка. Стоит учесть, что край лучше изучен в его восточной части, вблизи областного центра. По всей видимости, территория современной Брянской области в позднем плейстоцене привлекала древних людей наличием кремня и других ресурсов. Цель настоящего обзора — обратить внимание на малоизученные места Брянщины, перспективные для исследования древнейшего прошлого региона.

На западной окраине Брянской области нет известных палеолитических стоянок, кроме одного местонахождения в Новозыбковском районе в Новых Бобовичах. 21 июня 1927 г. при рытье колодца местные жители обнаружили несколько больших костей. Администрация поручила раскопки преподавателям Новозыбковского политехникума Г. Э. Гиттерману и Д. П. Дятлову. Не имея опыта раскопок и значительных средств, они выбрали «метод боковых окон в колодце» (Гиттерман 1927: 29), чтобы проверить, в каком направлении залегают находки. 30 июня эти разведочные работы завершились. При поддержке Брянского краеведческого музея на памятнике начались новые работы «открытым карьером» глубиной 5,6 м, длиной 9 м и шириной 6 м (Гиттерман 1927: 31). Из слоя извлекли 156 костей, принадлежавших не менее чем 11 особям мамонта. Среди них найдено единственное кремневое орудие — «двойной боковой резец», как его определил в 1928 г. К. М. Поликарпович, тогда работавший в Гомельском губернском бюро краеведения и приехавший в Новозыбковский краеведческий музей для знакомства с находками (Поликарпович 1968: 192).

К. М. Поликарпович возобновил небольшие раскопочные работы в Новых Бобовичах в 1951 и 1953 гг. Вблизи от места работ 1927 г. им была заложена серия раскопов. В одном из них, выше по склону от старого колодца, найдено 12 фрагментов костей и «несколько кремневых ножевидных пластинок, обнаруженных ниже почвы» (Поликарпович 1968: 192–194).

Г. Э. Гиттерман и К. М. Поликарпович в своих работах о местонахождении описали расположение раскопов и стратиграфию в них, однако описания выглядят чрезмерно обобщенными и могут быть признаны устаревшими. В описании стратиграфии, выполненном Г. Э. Гиттерманом, привлекает внимание указание на горизонт с остатками растительности на глубине более 3 м, в суглинках с признаками ожелезнения, которые перекрывали «коричнево-черный культурный слой» мощностью 1,22 м (Гиттерман 1927: 32). Вероятно, исследователь столкнулся с уровнем торфообразования / древнего торфяника. Следовательно, здесь могут быть перспективы обнаружения органических остатков хорошей сохранности.

К. М. Поликарпович в своем письме в Брянский краеведческий музей от 21 апреля 1952 г. сообщает о результатах исследований 1951 г. (Чубур 2012: 35–36). Они показали, что слой, содержащий фауну, приурочен ко дну оврага, где и были обнаружены находки в 1927 г., и распространяется на южный склон оврага, постепенно поднимаясь от высоты 4,79 м до 6,22 м (по нижней границе залегания костей). Это может означать, что слой с костями не вскрыт полностью и уходит в юго-восточном направлении. Учитывая это, К. М. Поликарпович предложил продолжить поиски стоянки и попросил выделить денежные средства, но руководство Брянского музея на этот раз отказалось финансировать раскопки (Чубур 2012: 35–36).

Собрав опубликованные данные, автор представленного обзора посетила Новые Бобовичи и благодаря помощи местных жителей смогла найти место археологических работ прошлого века. Опрос помог получить информацию о других небольших выходах мамонтовых костей, сборы из которых хранятся в краеведческом музее Новобобовичской школы.

Если говорить о других палеонтологических местонахождениях на западе Брянщины, нужно вспомнить выходы четвертичной фауны в Суражском и Унечском районах (Чубур 2015). В Клинцовском краеведческом музее экспонируются кости мамонта хорошей сохранности. Со слов хранителей фондов, они были найдены возле озера, в черте города, однако систематических работ здесь никогда не проводилось.

Запад Брянского края по-прежнему остается белым пятном между концентрацией памятников палеолита в бассейне Верхней Десны и пусть единичными, но хорошо изученными памятниками верхнего палеолита Бердыж и Юровичи на востоке Белоруссии. Новые Бобовичи, как видно из представленного обзора результатов проведенных на них работ, сохраняют потенциал для полевых исследований. Культурный слой содержит остатки фауны и флоры и небольшое количество каменных артефактов, но при расширении исследованных площадей коллекция могла бы быть пополнена.

Перспективы изучения Новых Бобовичей и других местонахождений в западной части Брянской области связаны с дополнением имеющихся данных и обнаружением новых стоянок древнего человека, что можно реализовать при проведении разведок.

Список литературы

- Гиттерман Г. Э. 1928. Новозыбковские мамонты // Брянский край 2, 27–45.
- Поликарпович К. М. 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника.
- Чубур А. А. 2012. Кто убил «новозыбковских мамонтов»? К вопросу об интерпретации и истории изучения Ново-Бобовичского палеолитического местонахождения // Стародубец С. Н., Мищенко В. В., Пустовойтов В. Н., Шевцова Ю. А., Белугина О. В. (ред.). Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты (Материалы межгосударственной научной конференции). Новозыбков: БГУ имени академика И. Г. Петровского, 34–41.
- Чубур А. А. 2015. Палеолит и мезолит Брянского течения Ипути // Наш край в истории Отечества 3, 7–16.

Типологический анализ долотовидных орудий палеолитического слоя стоянки Усть-Менза-14

Власенко Д.Е.

Забайкальский государственный университет

Ключевые слова: каргинский термохрон, Западное Забайкалье, Усть-Менза-14, типологический анализ, долотовидные орудия

Усть-Менза-14 (далее УМ-14) входит в Усть-Мензинский археологический комплекс памятников, расположенный в Красночикойском районе Забайкальского края, в урочище при впадении р. Менза в р. Чикой (Западное Забайкалье). Начиная с 1980-х гг. отрядом Чикойской археологической экспедиции под руководством М. В. Константинова на данной территории выявлено 18 памятников археологии (Константинов и др. 2011: 160).

Стоянка УМ-14 открыта в 2007 г. Объект связан со II правобережной надпойменной террасой р. Менза. Стоянка является многослойной, выявлено четыре культурных слоя. Самый ранний — основной палеолитический культурный горизонт (далее — ОПКГ) — связан с завершающей стадией каргинского термохрона (Разгильдеева 2017: 85–87). С учетом стратиграфической ситуации и выделенной на памятнике серии культуросодержащих уровней, для данного слоя нами предложено использовать в обозначении номенклатуру, по которой ОПКГ является культурным слоем 4 (далее — к. с. 4) (Власенко 2023: 53).

В результате работ 2014 г. на к. с. 4 была собрана коллекция инвентаря, насчитывающая 2379 экз. (Разгильдеева 2017: 88). Из более 200 типологически определимых орудий 13 экз. интерпретируются как долотовидные (далее — ДО). Ранее к данному типу было отнесено 17 предметов (Власенко 2023: 55), но при более внимательном рассмотрении часть признана отщепами. В силу дефляции поверхности артефактов к. с. 4 трасологический анализ невозможен.

Выделение ДО в составе каменного инвентаря верхнепалеолитических памятников является дискуссионной темой, так как функциональная интерпретация изделий преимущественно зависит от контекста. Многие исследователи интерпретировали их и как орудия, и как нуклеусы (Харевич и др. 2021: 64). В отличие от других групп изделий (скребла, скребки и т. д.), для ДО практически нет устоявшихся принципов анализа и типологии, что, вероятно, связано с сильно

видоизменяющим форму ударным принципом их утилизации. Применение экспериментальных методов, возможно, прояснит в дальнейшем некоторые вопросы.

Методология нашего исследования основана на опубликованных работах по палеолиту (Деревянко и др. 1994; Константинов 1994; Васильев и др. 2007). При типологическом анализе ДО к. с. 4 УМ-14 учитывались следующие признаки: форма и размер изделий; количество рабочих лезвий и их форма; вариант заготовки; характер вторичной обработки; сырье.

В коллекции представлены 9 целых долотовидных изделий, 3 экз. с обломанным обушком, 1 экз. в виде фрагмента. Орудия имеют подквадратные или подпрямоугольные очертания. По размеру выделены: мелкие (до 3 см) — 2 экз., средние (до 5 см) — 10 экз., крупные (от 5 см) — 1 экз. Обушок имеет характерные для ДО следы в виде забитостей. Деформация части орудий, вероятно, связана с сильным ударом по ним в моменте нахождения в закрепленном рабочем положении.

По количеству лезвий выделены однолезвийные — 8 экз. и двулезвийные — 5 экз. Вторые изделия, вероятно, сформировались в результате многократной переориентации орудий, что было доказано в экспериментах новосибирских археологов (Харевич и др. 2021: 63). У 9 экз. рабочий край сохраняет четкую ретушированную, слегка изогнутую форму. 4 экз. имеют желобчатый по форме край с трудно различимой обработкой, что, вероятно, свидетельствует об интенсивной работе данными изделиями.

Основой для ДО выступали: отщепы — 6 экз., обломки — 4 экз., предполагаемые истощенные нуклеусы — 3 экз. Рабочие кромки оформлены мелкофасеточной чешуйчатой ретушью. Ретушь базируется вдоль кромки на двух смыкающихся поверхностях. По углу наклона выделяется полукрутая обработка (69,2%), крутая (23,1%) и плоская (7,7%). Другие типы вторичной обработки отсутствуют.

Исследуемые ДО были изготовлены из следующих видов сырья: песчаник (4 экз.), кварцит (3 экз.), эффузив (3 экз.), хрусталь (2 экз.), яшма (1 экз.).

Таким образом, типологический анализ, выполненный по аналогии с Толбагой (Константинов 1994: 58), показал присутствие в составе коллекции УМ-14 трех типов и пяти видов ДО:

- 1 — на отщепе: а) однолезвийные, 5 экз. (рис. 1: 4); б) двулезвийные, 1 экз.;

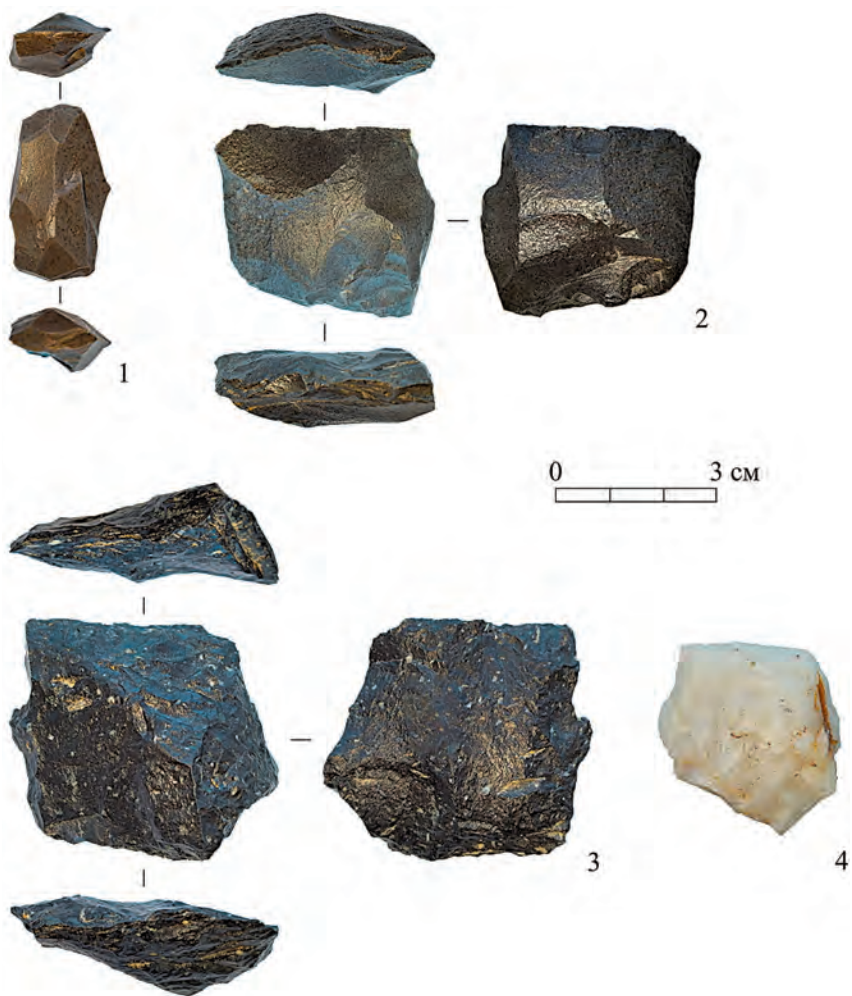

Рис. 1. Долотовидные орудия к. с. 4 Усть-Мензы-14: 1–2 – двулезвийные на истощенных нуклеусах; 3 – двулезвийное на обломке; 4 – однолезвийное на отщепе

2 — на обломках: а) однолезвийные, 3 экз.; б) двулезвийные, 1 экз. (рис. 1: 3);

3 — на истощенных нуклеусах: а) двулезвийные, 3 экз. (рис. 1: 1, 2).

Работа с материалами памятника продолжается. Введение их в научный оборот позволит расширить представление о каменной индустрии рассматриваемого слоя.

Список литературы

- Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н. 2007. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Власенко Д. Е. 2023. Многослойный палеолитический памятник Усть-Менза-14 (Западное Забайкалье) // Е. В. Дроботушенко, Е. Е. Богодухова, О. А. Яремчук (ред.). Студенческие чтения: сборник статей 15. Чита: ЗабГУ, 52–56.
- Дервянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. 1994. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск: ВО «Наука».
- Константинов М. В. 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита.
- Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. 2011. Усть-Менза // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 302–306.
- Разгильдеева И. И. 2017. Комплекс стоянки-мастерской Усть-Менза-14 (Лагерная): средняя пора верхнего палеолита Забайкалья // Археологические вести 23, 84–104.
- Харевич А. В., Харевич В. М., Федорченко А. Ю., Колобова К. А., 2021. Экспериментальный анализ долотовидных изделий из верхнепалеолитических комплексов Центральной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология 20 (5), 55–68.

Материальная культура многослойного поселения Усть-Онолва I по данным разведки

Демаков Д. А.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет

Ключевые слова: *материальная культура, многослойное поселение, археологическая разведка, шурф, мезолит, энеолит*

Поселение Усть-Онолва I находится на левом берегу р. Косы, правого притока р. Камы, на северо-западе Пермского края. Памятник открыт и исследован К. М. Русановой в 1975 г. Обнаружены фрагменты керамики и каменные изделия. Официальная датировка памятника: неолит (VI–IV тыс. до н. э.), ананьинская культура (VIII–VI вв. до н. э.), ломоватовская культура (VI–VII вв. н. э.).

Отчет по итогам раскопок 1975 г. отсутствует в архивах г. Перми и Института археологии РАН. Место хранения материалов раскопок неизвестно. По результатам работ К. М. Русановой существует несколько публикаций, из которых складывается противоречивая картина датировки и культурной принадлежности памятника.

К. М. Русанова в своей статье 1976 г. по итогам раскопок описывает полученные материалы: «...представленные многочисленными кремневыми скребками, скобелями, ножами, ножевидными пластинами, проколами, наконечниками стрелы и дротиков, нуклеусами. Найдены так же кусочек медного предмета, обломок полированной кости с зарубкой, фигурный кремь. В верхнем слое встречались фрагменты ломоватовской керамики. Стоянка датируется эпохой неолита, бронзой и ломоватовским временем» (Русанова 1976: 202).

А. Ф. Мельничук и соавторы в 2016 г. проанализировали микролитический инвентарь из раскопок К. М. Русановой и пришли к выводу, что: «...материалы поселения Усть-Онолва иллюстрируют культуру мезолитических охотников Северного Прикамья с развитой стандартной микролитической индустрией...» (Мельничук и др. 2016: 229).

Вся вышеуказанная информация показывает, что требуются дополнительные исследования для установления датировки поселенческих слоев и их культурной принадлежности. В 2023 г. на памятнике и в его окрестностях проведена разведка.

В ходе осмотра поселения собран подъемный материал, представленный: каменными наконечником и обломком наконечника, фрагментом шлифовальной плиты, отбойником, тремя отщепами, сколом и дистальным концом пластины. На основе характеристики наконечников стрел этот материал может быть отнесен к энеолиту.

В центральной части памятника удалось обнаружить остатки раскопа К. М. Русановой. Здесь же, на склоне, встречались скопления подъемного материала. В итоге на данном участке мы разбили шурф площадью 1 м².

В шурфе обнаружено 19 находок. Три металлических артефакта, представленные кованными гвоздями и неопределимым фрагментом железного предмета, вероятно, связаны с функционированием на территории поселения в XX в. плотбища.

Коллекция каменного инвентаря состоит из 16 предметов, большая часть которых (62,5%) представлена отходами производства (чешуйки, отщепы и сколы). Большинство находок изготовлено из кремня серых и светлых оттенков, присутствует группа артефактов, сделанных из кварцитопесчаника.

В коллекции содержится один торцовый клиновидный нуклеус, изготовленный из кремня. Он имеет одну прямую ударную площадку и узкий фронт скалывания.

Найдены 3 отщепа и 3 пластины, включая орудия на них. Все пластины правильных очертаний, две из них представлены медиальными формами, третий экземпляр представлен проксимальным концом. Целые формы не встречены. Ширина пластин не превышает 15 мм.

Орудий всего 4 экз.: на пластинах — 2 экз., на отщепах и на кварцитовых гальках — по одному экземпляру. Орудия на пластинах представляют собой медиальные части со следами утилизации. Заготовками являются узкие и средние пластины в равной пропорции, что отличается от общего распределения пластин по ширине на памятнике, с преобладанием узких пластин.

Орудие на пластинчатом отщепе обработано дорсальной ретушью по двум сторонам и имеет на себе следы сработанности.

Отбойник представлен галькой из коричневого кварцитопесчаника, имеет размеры 77×75×56 мм и по краям следы забитости от работы.

Керамики и органических материалов для радиоуглеродного датирования в шурфе не обнаружено.

Описанная коллекция близка к микролитическим материалам, полученным в ходе раскопок К. М. Русановой и отнесенным А. Ф. Мель-

ничуком с соавторами к мезолиту. Сходство наблюдается в нуклеидных формах и распределении пластин по ширине, показывающем микролитизацию каменного инвентаря (Мельничук и др. 2016). Вероятно, на территории поселения существовала стоянка мезолитических охотников, относящаяся к развитому этапу камской мезолитической культуры (VII тыс. до н. э.) (Лычагина 2022: 37).

Проведенные работы, с одной стороны, подтвердили наличие мезолитических слоев на поселении, которые не были отмечены первооткрывателем, с другой стороны, позволили получить энеолитические артефакты, присутствие которых не отмечалось ни в ходе раскопок, ни в ходе дальнейшего исследования их материалов. Все это приводит нас к выводу, что на поселении Усть-Онолва I требуется провести раскопки с целью полноценного изучения всех представленных выше хронологических и культурных слоев, получения коллекции артефактов всех периодов, в том числе керамического материала и органических остатков для радиоуглеродного датирования.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>.

Список литературы

- Лычагина Е. Л. 2022. Мезолит Среднего Предуралья // Крыласова Н. Б. (ред.). Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие. Пермь, 33–50.
- Мельничук А. Ф., Старков А. П., Чурилов Э. В. 2016. Поселение Усть-Онолва — памятник эпохи мезолита с микролитическим инвентарём в бассейне р. Косы // Дунина Е. М. и др. (ред.). Музей в современном мире: материалы международной научно-практической конференции. Кудымкар: Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П. И. Субботина, 228–231.
- Русанова К. М. 1976. Работы в Коми-Пермяцком округе // АО 1975 г., 202.

**Орудийная коллекция из культурного горизонта
финального верхнего палеолита поселения Тайлеп-2
(Кузнецкая котловина)**

Деревнина А. С.

Новосибирский государственный университет

Ключевые слова: *Кузнецкая котловина, Тайлеп-2, финальный верхний палеолит, каменная индустрия, орудийный набор*

Поселение Тайлеп-2, открытое в 2003 г. Ю. В. Шириним, расположено в юго-западной оконечности Кузнецкой котловины на месте схождения границ Салаирского кряжа, Горной Шории и Кузнецкого Алатау, на полого-наклонной поверхности первой надпойменной террасы р. Кондома (Барышников и др. 2005).

На памятнике зафиксировано три культурных горизонта: финального верхнего палеолита, мезолита — раннего неолита, раннего железного века — этнографической современности (Тимошенко и др. 2020).

В настоящей работе представлены результаты технико-типологического анализа коллекции изделий с вторичной обработкой из культурного горизонта финального верхнего палеолита.

Сырьевой базой каменного производства, представленной в основном кремнистыми породами, служил местный аллювиальный галечник — низкого качества, малогабаритный, трещиноватый (Тимошенко и др. 2020).

Изучаемая коллекция каменных артефактов насчитывает 10 755 экз., в том числе 106 нуклеусов и их преформ, 3607 сколов, 722 орудия и 6320 экз. отходов каменного производства — обломков, осколков, чешуек и колотых галек.

Коллекция типологически определимых орудий, представленных 520 экз., составляет 11,7% от каменной индустрии без учета отходов производства. Выделяются скребки (373 экз.), долотовидные изделия (далее — ДИ) (103 экз.), комбинированные орудия (28 экз.), скребла (10 экз.), ножи (4 экз.), ретушированная пластина, рубящее орудие. В коллекции имеется также 34 неформальных орудия (31 отщеп, две пластины и микропластина с эпизодической ретушью) и 168 неопределимых фрагментов орудий, которые в дальнейшем не учитывались при определении доли того или иного типа изделий в орудийном наборе (табл. 1).

Таблица 1. Орудийная коллекция третьего культурного горизонта поселения Тайлен-2

Тип орудия	Кол-во	% от орудийной коллекции
Скребки концевые	123	23,6
Скребки боковые	75	14,4
Скребки с лезвием на ½ периметра	75	14,4
Скребки с лезвием на ¾ периметра	77	14,8
Скребки с лезвием на полный периметр	7	1,3
Скребки альтернативные	10	1,9
Скребки двойные концевые	4	0,7
Скребки двойные боковые	2	0,4
ИТОГО скребков	373	72
ДИ однолезвийные	49	9,4
ДИ двулезвийные	48	9,2
ДИ трехлезвийные	4	0,7
ДИ четырехлезвийные	2	0,4
ИТОГО ДИ	103	20
КО типа «скребок с одним рабочим лезвием + ДИ однолезвийное»	16	3
КО типа «скребок с одним рабочим лезвием + ДИ двулезвийное»	9	1,7
КО типа «скребок с одним рабочим лезвием + ДИ трехлезвийное»	1	0,2
КО типа «скребок с двумя рабочими лезвиями + ДИ однолезвийное»	1	0,2
КО типа «скребок с двумя рабочими лезвиями + ДИ двулезвийное»	1	0,2
ИТОГО КО	28	5
Скребла двойные конвергентные дорсальные	2	0,4
Скребла одинарные продольные дорсальные	3	0,6
Скребло одинарное вентральное с обушком	1	0,2
Скребла одинарные поперечные дорсальные	2	0,4
Скребла одинарные поперечные вентральные	2	0,4
ИТОГО скребел	10	2
Ножи	4	0,7
Ретушированная пластина	1	0,2
Рубящее орудие	1	0,2

Тип орудия	Кол-во	% от орудийной коллекции
Отщепы с ретушью	31	5,9
Пластины с ретушью	2	0,4
Микропластина с ретушью	1	0,2
Фрагменты орудий	168	32,2
ИТОГО без неформальных орудий	520	100
ИТОГО без фрагментов	554	100
ИТОГО с фрагментами	722	100

Скребки различных модификаций — концевые (123 экз.), боковые (75 экз.), с лезвием на $\frac{1}{2}$ (75 экз.), $\frac{3}{4}$ (77 экз.) и полный периметр (7 экз.), альтернативные (10 экз.), двойные концевые (4 экз.) и боковые (2 экз.) — являются основными орудиями, составляющими 72% коллекции. Достаточно высока и доля ДИ — 20% коллекции. Преобладают одно- (49 экз.) и двулезвийные (48 экз.) формы; трех- (4 экз.) и четырехлезвийные (2 экз.) более редки в силу износа изначально негабаритного сырья в процессе утилизации.

Комбинированные орудия (далее — КО) в коллекции представляют собой различные варианты сочетания исключительно скребков и ДИ (28 экз.), среди которых выделяются пять типов: скребок с одним рабочим лезвием + ДИ однолезвийное (в том числе варианты скребок боковой + ДИ однолезвийное, скребок концевой + ДИ однолезвийное, скребок на $\frac{1}{2}$ периметра + ДИ однолезвийное, скребок на $\frac{3}{4}$ периметра + ДИ однолезвийное) — 57% от количества КО; скребок с одним рабочим лезвием + ДИ двулезвийное (в том числе скребок боковой + ДИ двулезвийное, скребок концевой + ДИ двулезвийное, скребок на $\frac{1}{2}$ периметра + ДИ двулезвийное, скребок на $\frac{3}{4}$ периметра + ДИ двулезвийное) — 32,5%; скребок с одним рабочим лезвием + ДИ трехлезвийное (в том числе скребок боковой + ДИ трехлезвийное) — 3,5%; скребок с двумя рабочими лезвиями + ДИ однолезвийное (в том числе скребок альтернативный + ДИ однолезвийное) — 3,5%; скребок с двумя рабочими лезвиями + ДИ двулезвийное (в том числе скребок двойной боковой + ДИ двулезвийное) — 3,5%. КО, предположительно, были получены путем использования непригодных более для эксплуатации скребков в качестве ДИ, что позволяет рассматривать их скорее как ситуативные изделия.

Среди немногочисленных скребел зафиксированы двойные конвергентные дорсальные (2 экз.) и одинарные — продольные дорсаль-

ные (3 экз.) и вентральное с обушком; поперечные дорсальные и вентральные (по 2 экз.).

Ножами в контексте индустрии названы орудия с режущей кромкой, протяженной по продольной оси заготовки. Для ножей коллекции, равно как и для единственной ретушированной пластины, характерны чешуйчатая мелкофасеточная краевая ретушь, следы различной степени утилизации режущей кинематики. Крупное рубящее орудие выделено на основании следов от использования — характерная забитость лезвия появилась в процессе утилизации, предположительно, рубящей кинематики.

Значительное преобладание в коллекции Тайлепа-2 скребков и ДИ типично для финального верхнего палеолита Сибири. Вкупе с малой представительностью скребел и ножей это может свидетельствовать о переходе древних обитателей Кузнецкой котловины от крупных ручных орудий к более мелким и стандартизованным, которые зачастую требовали специальных удерживающих приспособлений — рукояток. Состав орудийной коллекции Тайлепа-2 коррелирует с орудийным набором памятников бедаревской культуры, наиболее близких к исследуемому объекту типологически, хронологически и территориально. Однако основным отличием является доминирование в бедаревских комплексах пластинчатых заготовок: от 16 до 30% орудийного набора составляют ретушированные пластины (Маркин 1986), в то время как для орудий Тайлепа-2 в 72% случаев характерны заготовки отщеповых пропорций, что объясняется небольшим размером отдельных и плохим качеством сырья. Большая доля орудий средней и сильной степени сработанности позволяет предположить утилитарную направленность Тайлепа-2 как долговременного поселения.

Список литературы

- Барышников Г. Я., Кунгуров А. Л., Маркин М. М., Семибратов В. П. 2005. Палеолит Горной Шории. Барнаул: Аз Бука.
- Маркин С. В. 1986. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск: Наука.
- Тимощенко А. А., Бычков Д. А., Ахметов В. В., Когай С. А., Павленок Г. Д., Белан О. В. 2020. Материалы финального верхнего палеолита стоянки Тайлеп-2 (по результатам спасательных работ 2020 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XXVI, 932–936.

**Культурно-хронологическое положение нового участка
памятника Челюскинец II в контексте среднего палеолита
Нижней Волги**

Жамбровская С. А.¹, Князев К. Е.¹,

Трубаева П. А.¹, Дроков Е. А.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет

*²Волгоградский государственный социально-педагогический
университет*

Ключевые слова: *Нижняя Волга, средний палеолит, микок*

Нижневолжский регион находится в центре внимания археологов, геоморфологов и палеогеографов как ключевой для изучения истории изменения Понто-Каспийского бассейна и заселения его человеком в плейстоцене. На динамику освоения региона влияли трансгрессивно-регрессивные эпизоды, в результате которых происходили переливы вод между Черным и Каспийским морями по Манычской депрессии (Lavrentev et al. 2012: 1385–1386).

На указанной территории известно большое количество археологических памятников. Одним из ярких примеров для изучения культуры человека в изменчивых палеогеографических условиях Прикаспия служат стоянки среднего палеолита. Памятники этой эпохи в регионе представлены микоком. Самым выразительным из них является стоянка Сухая Мечетка (Очередной и др. 2020). Также в регионе присутствуют индустрии пластинчатого среднего палеолита, такие как коллекция стоянки Шлях (Нехорошев 2006). Самый ранний памятник региона — Челюскинец II, его индустрия была охарактеризована Л. В. Кузнецовой как микокская, а в качестве возраста культурного слоя была принята дата в 145 000 л. н. (Кузнецова, Сергин 1999: 107).

Палеолитическая стоянка Челюскинец II была обнаружена в 1983 г. В. И. Куфенко во время разведок в Дубровском районе Волгоградской области. Первые раскопки на памятнике были проведены в 1986–1987 гг. под руководством Л. В. Кузнецовой, тогда был выделен один культурный слой (Кузнецова, Сергин 1999: 99; Кузнецова 2006: 22–23).

В 2023 г. работы на памятнике Челюскинец II были возобновлены сотрудниками Нижневолжской экспедиции ИИМК РАН (далее —

НВЭ-2023). В результате был обнаружен и вскрыт новый участок памятника (название участка по номенклатуре НВЭ-2023 — Челюскинец II-2). Исследованный участок расположен на противоположном борту мыса, в 15 м к юго-западу от раскопа Л. В. Кузнецовой (Очередной и др. 2023: 334–335).

На новом участке памятника было обнаружено два литологических горизонта с культурными остатками (Очередной и др. 2023: 335). Они залегают в ритмичной флювиальной толще (рис. 1) без погребенных почв и других маркирующих литологических тел, которые позволили бы применить для их датирования существующую для региона хроностратиграфическую схему (Курбанов и др. 2023: 7–22). Коллекция первого культуросодержащего горизонта состояла из обушкового одностороннего кремневого скребла и отщепов, а фаунистические остатки были представлены фрагментами стенок трубчатых костей и позвонком мамонта (здесь и далее определения В. В. Титова). Во втором культуросодержащем горизонте были найдены угловатое скребло на кремневом отщепе и двойное продольное скребло на пластине окварцованного песчаника, из фаунистических остатков — фрагмент рога оленя.

На новом участке стоянки Челюскинец II нет артефактов, которые бы противоречили выводу Л. В. Кузнецовой о принадлежности коллекции этого памятника к микоку. Учитывая, что новый участок памятника находится в лучшем состоянии, чем культурный слой, обнаруженный при раскопках 1986–1987 гг., у дальнейших исследований Челюскинца II-2 есть большой потенциал.

По имеющимся данным, стоянка Челюскинец II является одним из самых ранних памятников среднего палеолита на Русской равнине. Сравнительный анализ индустрий Челюскинца II и Сухой Мечетки, при условии продолжения их комплексного изучения, позволит исследовать хронологическую вариабельность микокских индустрий на памятниках открытого типа Нижней Волги.

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 21-18-00552 «Древнейшая история Каспийского региона: хронология и развитие археологических культур в условиях меняющейся природной среды».

Рис. 1. Челоскинец II-2. Восточная стенка разреза. Положение верхнего и нижнего культуросодержащих горизонтов (фото А.К. Очередного)

Список литературы

- Кузнецова Л. В. 2006. Местонахождения Челюскинец II и Заикино Пепелище // Скрипкин С. А. (ред.). Археология Нижнего Поволжья 1. Каменный век. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 22–27.
- Кузнецова Л. В., Сергин В. Я. 1999. Местонахождение Челюскинец II // Археологический Альманах 8, 99–108.
- Курбанов Р. Н., Янина Т. А., Очередной А. К., Макаев А. О., Лебедева М. П., Солодовников Д. А., Макшаев Н. А., Таратунина Н. А., Кузнецова Л. В., Ремизов С. О., Рогов В. В., Стрелецкая И. Д., Головачев М. В., Беляев В. Р. 2023. Путеводитель полевых семинаров всероссийской конференции «Каспий в плейстоцене и голоцене: эволюция природной среды и человек». Волгоград – Астрахань, 18–24 сентября 2023. М.: Перо.
- Нехорошев П. Е. 2006. Результаты датирования стоянки Шлях // РА 3, 21–30.
- Очередной А. К., Иванов Я. Д., Кривошеев М. В., Ремизов С. О. 2023. Разведочные исследования на среднепалеолитических памятниках Нижней Волги в 2023 году // Нижневолжский археологический вестник 22, 333–341.
- Очередной А. К., Ремизов С. О., Степанова К. Н., Ельцов М. В., Воскресенская Е. В., Вишняцкий Л. Б., Нехорошев П. Е., Блохин Е. К., Титов В. В., Колесник А. В. 2020. Среднепалеолитический памятник Сухая Мечетка: возобновление комплексных исследований // Нижневолжский археологический вестник 19 (1), 230–253.
- Lavrentev N. V. Chepalyga A. L., Tsybrii V. V., Shilova G. N. 2012. Paleocologic Situation of Late Paleolithic in Zapadny Manych River Valley // European Researcher 28, 1385–1398.

**Опыт определения техники скола по материалам
верхнепалеолитического местонахождения Кулаково 1
(юг Байкало-Енисейской Сибири)**

Золотарев Д. П.

Иркутский государственный университет

Ключевые слова: *Байкало-Енисейская Сибирь, р. Ангара, верхний палеолит, техника скола*

Археологические комплексы позднего этапа верхнего палеолита юга Байкало-Енисейской Сибири в целом охарактеризованы достаточно подробно (Vorobieva et al. 2021). Тем не менее существуют взаимосвязанные направления в реконструкции технологий первичного расщепления, которые в силу разных причин не стали предметом специального исследования в региональном контексте. Один из таких ключевых аспектов — определение техники скола. В связи с этим актуально применение атрибутивного анализа для группы целевых снятий из коллекции местонахождения Кулаково 1.

Памятник находится на правом берегу р. Ангары в 4 км ниже устья р. Белой (левый приток), на правом борту устья распадка, по дну которого протекает руч. Черемуховый. В 1967–1969 гг. здесь проведены шурфовочные и раскопочные работы Ангаро-Бельским археологическим отрядом ИГУ под руководством И. Л. Лежненко. Раскоп площадью 115 м² заложен на склоне террасовидной поверхности высотой 10–12 м от уреза реки до ее затопления. Выделено несколько уровней залегания находок. В горизонте А современной почвы отмечены культурные остатки неолита и бронзового века. Находки основного уровня включены в погребенную почву среднего сартана (sr³₁), залегающую под слоем сильно карбонатизированной лессовидной супеси, на глубине около 0,8–1,0 м (Лежненко 1974). Датировка основного уровня определена по стратиграфической позиции — верхний палеолит (~18,6–17,6 тыс. кал. л. н., sr³₁).

Общее количество находок в основном уровне составило более 1 тыс. ед., из них 1066 каменных предметов и немногочисленные фаунистические остатки, среди которых определены северный олень и лошадь. Всего от первоначальной численности изделий из камня сохранилось лишь 422 предмета из кремня, аргиллита и кварцита (табл. 1). Первичное расщепление определяется сочетанием плоских/

объемных призматических форм для отщепов и пластин, а также терминально-краевых ядрищ для пластинок и микропластин. Продукты расщепления (отходы, технические и целевые снятия) составили 71,5% (302 ед.) от имеющейся в наличии коллекции. Отходы литопроизводства немногочисленны, к ним относятся только фрагменты битой породы, обломки и осколки, а чешуйки полностью отсутствуют. Технические снятия делятся на группы: оформления поверхностей (первичные, вторичные, подправки латерали), оформления и поддержания выпуклости фронта, подправки дуги скалывания и ударной площадки. Эмпирическую базу исследования составляют 222 ед. целевых снятий — отщепы различной морфологии, пластины, пластинки, микропластины и все категории фрагментов (табл. 1).

Таблица 1. Распределение каменного инвентаря по категориям

Категория находок	Кол-во
Фрагменты битой породы	12
Обломки, осколки	50
Отщепы крупные	12
Отщепы средние	55
Отщепы мелкие	11
Технические сколы	18
Сколы с ретушью	18
Пластины	50
Пластинки	23
Микропластины	2
Фрагменты пластин	39
Фрагменты пластинок	24
Фрагменты микропластин	6
Пластины с ретушью	1
Фрагменты пластин с ретушью	1
Фрагменты пластинок с ретушью	1
Фрагменты микропластин с ретушью	1
Нуклеусы	47
Фрагменты нуклеусов	13
Преформы нуклеусов	13
Ножевидные орудия	4
Скребки	11
Скребла	6

Категория находок	Кол-во
Зубчато-выемчатые орудия	2
Комбинированные орудия	1
Отбойники	1
Всего	422

Цель работы — определение техники скола на основе ограниченной выборки сколов в рамках атрибутивного подхода, направленного на изучение и реконструкцию технологий расщепления камня через идентификацию набора качественных и количественных свойств. В этот перечень входят: признаки проксимальной зоны (размер и степень выраженности ударного бугорка; наличие кольцевого ободка, изъянца, «усиков», трещин и вентрального карниза; размеры, форма и рельеф площадки; угол скалывания) и общей морфологии сколов (метрические характеристики; тип сечения, профиля и дистального окончания) (Павленок, Павленок 2013).

В результате атрибутивного анализа выявлено следующее: 1) у всех видов сколов (70–100%) преобладают мелкие, слабовыраженные и расплывчатые ударные бугорки, и лишь у части крупных (33,3%), средних (19,2%) и мелких отщепов (18,1%) ударные бугорки хорошо выражены; 2) на поверхности ударного бугорка кольцевой ободок, изъянец, «усики» и трещины присутствуют у крупных (100%) и средних отщепов (63,6%), пластин (31,1%), пластинок (27,6%) и отсутствуют у микропластин; 3) вентральный карниз в основном отсутствует у всех групп сколов (от 66,6 до 97,8%); 4) точечная ударная площадка характерна только для 3,9% средних отщепов и отмечена также у 6,4% пластинок, при этом изогнутая (от 19,3 до 36,3%) и треугольная площадка (от 27,2 до 100%) характерна для всех групп сколов. Рельеф площадок у всех видов сколов фасетированный (45,4–60,9%) или гладкий (31,2–45,4%); 5) ударные площадки горизонтальные или наклонены к дорсальной поверхности у 84,3–100% отщепов и у 66,6–96,7% пластинчатых снятий. Профиль крупных (66,6%) и средних сколов (78,1%) имеет заметную кривизну. Большинство пластин (88,7%), пластинок (78,7%) и микропластин (75%) имеют изогнутый профиль, в остальных случаях профили прямые (от 11,2 до 21,2%), а у 12,5% микропластин скрученные; 6) поперечное сечение преимущественно треугольное (45,4–78,7%) и трапециевидное (21,2–30,9%) у всех групп сколов; 6) перообразный тип дистального окончания преобладает у большинства отщепов (75,0–88,8%) и пластинчатых снятий (71,8–

100%); 7) определены метрические характеристики (длина, ширина) для всех групп целых и фрагментированных снятий (рис. 1).

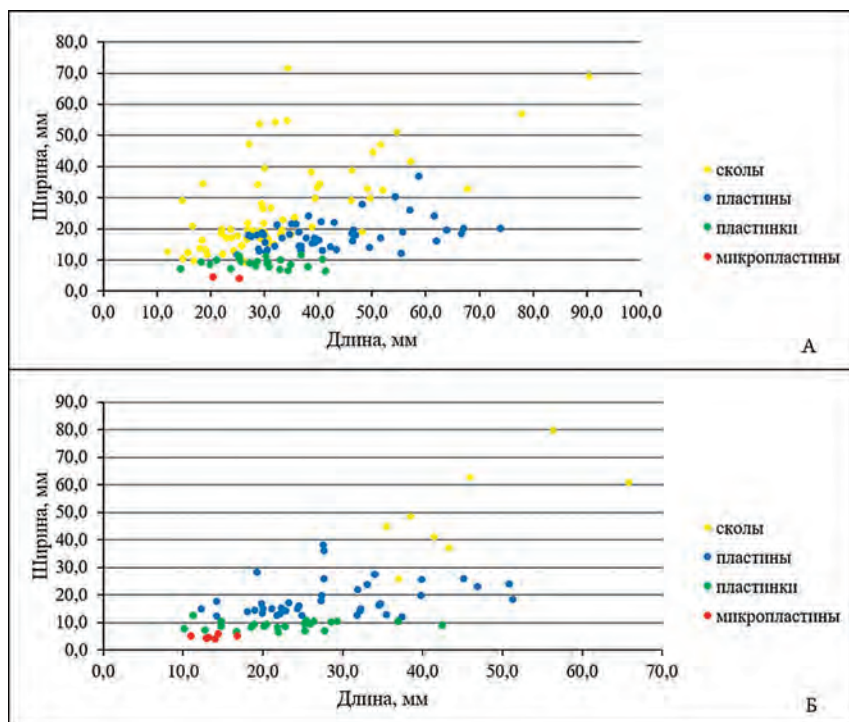

Рис. 1. Соотношение между длиной и шириной сколов: 1 – целые; 2 – фрагментированные

На основе результатов проведенного анализа можно сделать заключение, что большинство отщепов и пластинчатых снятий получены путем прямого удара твердым отбойником. Возможность использования мягкого отбойника в прямой или опосредованной форме также допускается, но в ограниченном виде и только для скалывания мелких/средних сколов или пластинок. Применение отжимной техники остается открытым вопросом.

Работа выполнена при финансовой поддержке ИГУ в рамках темы № 091-23-324.

Список литературы

- Лежненко И.Л. 1974. Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // Медведев Г.И. (ред.). Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. унта, 65–115.
- Павленок Г.Д., Павленок К.К. 2013. Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо-и русскоязычной литературы // Вестник НГУ. Серия: История, филология 12 (7), 28–37.
- Vorobieva G., Vashukevich N., Berdnikova N., Berdnikov I., Zolotarev D., Kuklina S., Lipnina E. 2021. Soil Formation, Subaerial Sedimentation Processes and Ancient Cultures during MIS2 and the Deglaciation Phase MIS1 in the Baikal-Yenisei Siberia (Russia) // Geosciences 11, 323.

Приемы вторичной обработки вентральных поверхностей односторонних орудий в среднем палеолите Кавказа

Иванов Я.Д.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Ключевые слова: *Северо-Западный Кавказ, варибельность
среднепалеолитических индустрий, технологический анализ*

Изделия с вторичной вентральной обработкой широко распространены в среднепалеолитических комплексах Кавказа с различной атрибуцией. Вариации приемов такой обработки включают в себя полную или частичную ликвидацию ударного бугорка и обушковой части, дополнительную подправку и переоформление лезвий на дистальном конце орудий.

Примеры таких орудийных форм известны в материалах пещерных стоянок Восточно-Причерноморской группы среднего палеолита Северо-Западного Кавказа, куда, как наиболее выразительные, могут быть включены коллекции Ахштырской и Малой Воронцовской пещер на территории сельских округов г. Сочи и пещеры Мачагуа в Абхазии. Традиционно при анализе индустрий многослойных Ахштырской и Малой Воронцовской пещер в центре внимания находились категории зубчато-выемчатых орудий, большое количество и разнообразие которых считалось особым технико-типологическим признаком. На основании этого признака памятники объединялись в отдельную хостинскую мустьерскую культуру (Любин 1977: 194–196). Впоследствии вторичная обработка многих зубчатых орудий этих стоянок была оценена как результат постдепозиционных естественных повреждений, количество признанных орудий значительно сократилось, и на первое место в характеристике комплексов вышли статистический анализ распределения изделий по категориям и учет отдельных технических параметров, например, присутствие выразительного леваллуа-острийного компонента (Чистяков 1996; Кулаков 2017: 77–84). Однако остается неясным, как эта группа, вместе с индустрией пещерной стоянки Мачагуа, демонстрирующей близкие технико-типологические признаки (Хварцкия и др. 2005), связана с другими памятниками среднего палеолита Кавказа. Возможно, в определении места этих индустрий могут сыграть роль и изделия с вентральным

уточнением, наиболее ярко выраженные в северокавказских комплексах, объединяемых в группу восточного микока (Голованова, Хоффекер 2000).

В настоящее время на территории Кавказа известно восемь стратифицированных памятников, на которых выявлены микокские индустрии, характеризующиеся в первую очередь присутствием разнообразных бифасиальных форм (Голованова, Хоффекер 2000; Дороничева и др. 2020). Среди односторонних орудий, помимо простых скребел, преобладают орудия со сходящимися лезвиями: варианты остроконечников, угловатых и конвергентных скребел, на которых, вне рамок выделяемых типов, часто отмечаются приемы вентрального утончения. Некоторые исследователи включают такие изделия в категорию частично двусторонне обработанных форм, выделяя их как один из признаков микокских индустрий при учете отмечаемой тенденции на уменьшение роли двусторонних орудий в более поздних комплексах (Беляева 1999: 140–144; Голованова, Хоффекер 2000: 38–46).

Дополнительные свидетельства широкого использования приемов вентрального утончения аккомодационных частей и ударного бугорка на орудиях фиксируются в Западном Закавказье в индустриях мустье Загросского типа, объединяющего группу иранских пещерных стоянок и памятников Малого Кавказа, в первую очередь пещеры Таглар на территории Азербайджана (Голованова, Дороничев 2003: 47–57). В контексте разнообразия кавказских среднепалеолитических индустрий интересны результаты исследований недавно открытого грота Сарадж-Чуко в Приэльбрусье, где материалы одних и тех же слоев демонстрируют признаки сходства как с восточно-микокской группой, так и с мустье Загросского типа (Дороничева и др. 2020: 187–193).

Специфический вариант приема вторичной вентральной обработки известен также в Центральном Закавказье, в материалах пещер Джручула и Кударо I, где тщательной двусторонней ретушью выведены дистальные концы удлиненных остроконечников, реже вентральная подтеска переходит в медиальную и проксимальную части изделий (Любин 1977: 18–96).

Таким образом, на данный момент широкое распространение и разнообразие изделий с вторичной вентральной обработкой в различных вариантах среднепалеолитических индустрий Кавказа не имеет четкого объяснения и может быть связано как с сочетанием или смешением различных культурных традиций, так и с особой функциональной ролью таких изделий в рамках индустрий. Для попытки ответа на этот

вопрос необходимо выяснить соотношение этого признака с различными технологическими параметрами индустрий, в первую очередь с сырьевой обеспеченностью обитателей разных стоянок. Остается неясным, отмечаются ли изделия с вентральным утончением только в коллекциях с преобладанием реутилизированных форм или присутствуют в любых, в том числе на стоянках с полным циклом расщепления. В дополнительной разработке нуждается и тафономический фактор, включающий в себя степень сохранности не только отдельных вещей, но и культурных слоев и их соотношения. Только при учете названных показателей и уточнении хроностратиграфической позиции большинства среднепалеолитических комплексов Кавказа может быть решен вопрос о культурном значении изделий с вторичной вентральной обработкой.

Исследование проведено в рамках исполнения программы ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0019).

Список литературы

- Беляева Е. В. 1999. Мустьерский мир Губского ущелья. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Голованова Л. В., Хоффекер Д. Ф. 2000. Микок на Северном Кавказе // Археологический альманах 9, 35–64.
- Голованова Л. В., Дороничев В. Б. 2003. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах 13, 18–66.
- Дороничева Е. В., Голованова Л. В., Дороничев В. Б., Недомолкин А. Г. 2020. Анализ археологических коллекций из грота Сарадж-Чуко (2017–2019 гг.) // Грот Сарадж-Чуко в Приэльбрусье (результаты междисциплинарных исследований 2017–2019 гг.). СПб.: Изд-во РИПОЛ классик, 140–243.
- Кулаков С. А. 2017. К вопросу о выделении и определении «Хостинской мустьерской культуры» на Северо-Западном Кавказе // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (ред.). Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское востоковедение, 77–85.
- Любин В. П. 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука.
- Чистяков Д. А. 1996. Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб.: Европейский Дом.
- Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К. 2005. Мачагуа — памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб.: Копи-Р.

Следы как критерий выделения палеолитических составных орудий: экспериментальные и археологические данные

Иванов Я. Д., Смолкина В. С.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: составные орудия, технологии монтажа, следы крепления, экспериментально-трасологический метод

Проблема выделения составных орудий эпохи палеолита существует с начала изучения этого периода. Присутствие в коллекциях наконечников, острий и других форм, трактуемых как метательное вооружение, вместе с видимой тенденцией к увеличению роли микроинвентаря и вкладышевых орудий на поздних этапах каменного века позволяло исследователям связывать различные категории изделий с технологией производства составных орудий. Дополнительным аргументом служили примеры находок клеящих веществ и их остатков на орудиях (например, Doronicheva et al. 2022) и сохранившихся рукоятей из органических материалов (Семенов 1950: 132–136; Разгильдева и др. 2022: 32) со стоянок среднего и верхнего палеолита Евразии.

Большим шагом вперед в изучении составных орудий стало развитие методики трасологического анализа. Одним из первых исследователей, обративших внимание на возможность выделения следов от рукояти наравне со следами использования, стал Л. Кили. Исследователь подчеркивал необходимость учета этого параметра для верной интерпретации различных индустрий (Keeley 1982: 798–801). Позднее трасологическое изучение технологий монтажа позволило исследовательской группе во главе с В. Ротс разработать методику идентификации составных орудий при полном отсутствии их органических частей, определить и экспериментально подтвердить особые характеристики микроизноса орудий, использовавшихся в рукояти (Rots et al. 2001).

Сравнив следы крепления на экспериментальных эталонах с материалами среднего палеолита Западной и Центральной Европы, исследователи пришли к выводу о значительной роли и широкой распространенности составных орудий уже в эту эпоху (Rots 2015). Удалось также проследить некоторые тенденции в связи между функцией конкретных изделий и их закреплением в рукоять. Помимо метательного

охотничьего вооружения, следы крепления были прослежены на всех орудиях, интерпретируемых в качестве топоров и тесел, а также на большинстве других изделий, задействованных в деревообработке, что объясняется значительным увеличением эффективности работы при использовании рукоятей. Однако исследователи не акцентировали внимание на связи между следами крепления и выделяемыми в индустрии типами орудий, оставив таким образом открытым вопрос об использовании составных орудий в качестве критерия для выявления культурных и других различий между комплексами.

В течение нескольких лет наша группа проводит эксперименты, направленные на отработку критериев идентификации технологий монтажа для сопоставления с археологическим материалом. Мы также пришли к выводу, что следы крепления концентрируются на выступающих ребрах (реже — краях), их характеристики при этом зависят от многих параметров. На текущем этапе исследований для развития методики необходимо уточнение критериев для разделения следов от длительной работы в рукояти и от попадания различных материалов в крепление. Отдельной проблемой при анализе являются яркие пятна плоской заполировки типа G (green spot). Их возникновение на составных орудиях связывается с откалыванием чешуек внутри зоны крепления. Подобные пятна также характеризуют следы совместной транспортировки каменных орудий, но часто они возникают и под влиянием залегания и перемещения в культурном слое (Гирия, Ресино Леон 2002; Rots 2002). Для разделения следов крепления, транспортировки и постдепозиционного воздействия необходимо обращать внимание на их стратиграфию, локализацию и представленность в рамках коллекции. В отличие от следов транспортировки, на составных орудиях подобные заполировки будут ограничены аккомодационным участком. Следы от слоя имеют тенденцию сохраняться только на одной из поверхности изделий и характерны для разных категорий каменного инвентаря, включая отходы производства. Таким образом, некоторые выводы исследователей о вариабельности следов крепления и критериях их выделения нуждаются в уточнении с привлечением различных сочетаний исходного сырья, обрабатываемого материала и способов крепления. Дополнительная разработка необходима и для критериев выделения следов разных вариантов совместной транспортировки каменных изделий.

В целом современное состояние методики выделения составных орудий по следам при учете вышеназванных проблем дает возможность

применять ее к разновременным материалам эпохи палеолита и в будущем позволит значительно расширить и пересмотреть устоявшиеся представления как о вариабельности типов изделий в рамках конкретных индустрий, так и о поведении древних людей в целом.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности».

Список литературы

- Гиля Е. Ю., Ресино Леон А. 2002. С. А. Семенов, Костенки, палеолитоведение // Археологические вести 9, 173–190.
- Разгильдеева И. И., Акимова Е. В., Барков А. В., Клементьев А. М., Новосельцева В. М. 2022. Позднепалеолитический жилищно-хозяйственный комплекс стоянки Афонтова Гора IV (Овражная): результаты исследований 2020–2021 гг. // Археология, этнография и антропология Евразии 50 (4), 27–38.
- Семенов С. А. 1950. Верхнепалеолитические костяные рукоятки // КСИИМК 35, 132–138.
- Keeley L. H. 1982. Hafting and Retooling: Effects on the Archaeological Record // American Antiquity 47 (4), 798–809.
- Doronicheva E. V., Golovanova L. V., Kostina J. V., Legkov S. A., Poplevko G. N., Revina E. I., Rusakova O. Y., Doronichev V. B. 2022. Functional characterization of Mousterian tools from the Caucasus using comprehensive use-wear and residue analysis // Scientific Reports 12, 1–18.
- Rots V. 2002. Bright Spots and the Question of Hafting // Anthropologica et Præhistorica 113, 61–71.
- Rots V. 2015. Hafting and Site Function in the European Middle Paleolithic // Conard N. J., Delagnes A. (eds.). Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age 4. Tübingen: Kerns Verlag, 383–411.
- Rots V., Pirnay L., Pirson P., Baudoux O., Vermeersch P. M. 2001. Experimental Hafting Traces Identification and Characteristics // Notae Præhistoricae 21, 129–137.

Стоянка Ростиславль-2 (по материалам раскопок 2020 г.)

Кузьмина Ю. В.

Музей Москвы

Ключевые слова: *финальный палеолит, мезолит, иневская культура, р. Ока, каменная индустрия, черешковые наконечники*

Стоянка Ростиславль-2 была открыта сотрудником Музея Москвы А. В. Трусовым в 2014 г. в ходе разведочных работ у подножия городища Ростиславль (Трусов 2018: 80). Памятник расположен на террасовидном участке, на правом берегу р. Оки, в Озерском районе Московской области. В слое делювиального коричневого суглинка на глубине около 1 м был зафиксирован переотложенный слой эпохи позднего мезолита (?) (Трусов 2018). Ниже, на глубине 1,3 м от поверхности, в слое погребенной почвы (темно-серый суглинок) был обнаружен насыщенный кремневыми изделиями культурный слой мощностью 10–15 см (Трусов 2018). В 2020 г. археологическим отрядом Музея Москвы под руководством А. В. Трусова изучался только этот основной слой, в результате работ была собрана коллекция из 352 кремневых предметов (из них 56 орудий и отщепов с ретушью).

Среди морфологически выраженных орудий, обнаруженных на стоянке, присутствуют скребки, резцы, наконечники стрел, ножи на пластинах, несколько острий (рис. 1). Трапеции в материалах памятника отсутствуют. Кроме того, единичными для стоянки находками стали обнаруженные в 2020 г. роговой отбойник и часть рога северного оленя.

На стоянке представлены только концевые скребки, в большинстве случаев на пластине, с выпуклым лезвием, встречается подправка противоположного конца резцовым сколом (рис. 1: 7). Резцы присутствуют как ретушные, так и на углу заготовки, в том числе двойные (рис. 1: 9–11). Найденное в 2020 г. острие имеет дугообразный профиль и ориентировано дистальным концом вверх. Левый край изделия полностью ретуширован, правый край — только у завершения острия (рис. 1: 8). Нуклеусы многоплощадочные, для пластин и отщепов, устойчивой формы не имеют (рис. 1: 12).

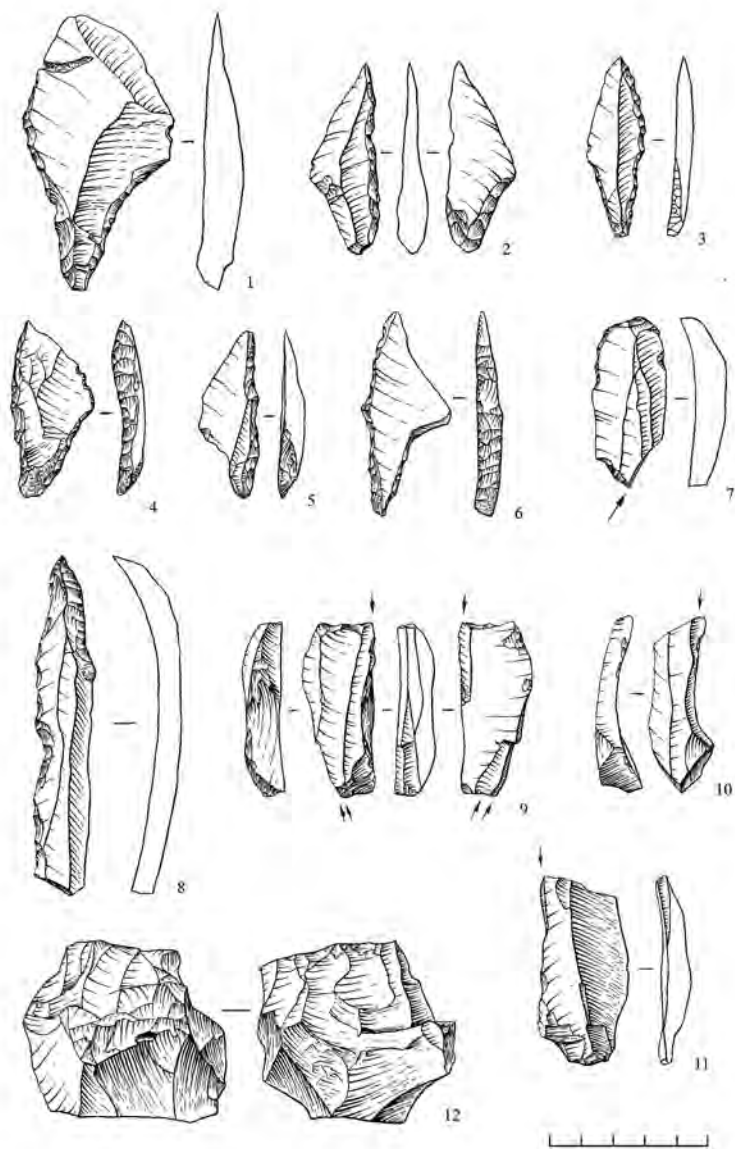

Рис. 1. Орудия основного слоя стоянки Ростиславль-2 из раскопок 2020 г. (рис. А.В. Трусова): 1–6 – наконечники; 7 – скребок-резец; 8 – острие; 9–11 – резцы; 12 – нуклеус

Источник сырья, по всей видимости, находился в непосредственной близости к стоянке, так как кремль подобного качества и цветности (коричнево-рыжий, иногда с фиолетовым прослойками) и сейчас встречается в бассейне р. Оки. Некоторые предметы изготовлены из мелового серого и темно-серого кремня, а также из бело-серого кремня невысокого качества с крупными включениями.

Для хронологической и культурной атрибуции памятника особенно важны представленные в коллекции черешковые наконечники (рис. 1: 1–6). Известно, что культуры с черешковыми наконечниками стрел были распространены на обширных территориях лесной зоны Северной и Восточной Европы в относительно короткий период (12–9¹⁴С тыс. л. н.) (Лисицын 2014: 87). В ходе работ 2020 г. было обнаружено шесть черешковых наконечников, пять из них асимметричные. Заготовка двух из них ориентирована проксимальным концом вверх (рис. 1: 4, 6). Левый край обоих предметов срезан крупной крутой ретушью; у одного из них основание черешка уплощено ударом. Остальные четыре наконечника ориентированы дистальным концом вверх. У одного наконечника, изготовленного на отщепе, сформирован только черешок, конец не обработан (рис. 1: 1). У двух изделий правый край срезан крутой ретушью, а в оформлении черешка используется вентральная ретушь (в одном случае — с одной, в другом — с обеих сторон) (рис. 1: 2, 5). Симметричный наконечник ориентирован дистальным концом вверх, правый край полностью ретуширован притупляющей ретушью, а левый лишь наполовину, до конца оформления черешка (рис. 1: 3).

Наконечники частично имеют схожий облик с находками таких стоянок, как, например, Беливо бв и Усть-Тудовка 1, материалы последней ранее относились исследователями к «протоиеневским» (Жилин, Кравцов 1991: 17). Однако в более поздних работах авторы относят стоянку к «наиболее ранним памятникам иеневской культуры» (Жилин 2004: 9). Одним из признаков перехода к иеневской культуре М. Г. Жилин называет «появление коротких косолезвийных наконечников» (Жилин 2004). А. В. Трусов относил материалы основного слоя стоянки Ростиславль-2 к эпохе финального палеолита (Трусов 2018: 89). В начале работ на памятнике было выдвинуто предположение о принадлежности материала к аренсбургским и лингбийским традициям, тем не менее впоследствии автор раскопок ставил данное положение под сомнение (Трусов 2018: 89). Таким образом, вопрос о культурно-хронологической принадлежности памятника остается дискуссионным (Синицына 2021: 7).

Список литературы

- Жилин М. Г., Кравцов А. Е., 1991. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка // Васильева Ф. В. (ред.). Археология Верхнего Поволжья. Материалы к «Своду памятников истории и культуры РСФСР» 1. Н. Новгород: Ниж. Ун-т, Упр. культуры Ниж. облизполкома, НИП «Этнос», 3–18.
- Жилин М. Г. 2004. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Амирханов Х. А. (ред.). Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир, 92–139.
- Лисицын С. Н. 2014. Технокомплексы рубежа плейстоцена и голоцена в лесной зоне Восточной Европы // Хлопачев Г. А. (ред.). Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник 3. СПб.: МАЭ РАН, ИИМК РАН, 85–109.
- Синицына Г. В. 2021. Проблематика верхнего — финального палеолита на Тверском семинаре // ТАС 12, 5–10.
- Трусов А. В. 2018. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль 2 (предварительное сообщение) // ТАС 11, 80–89.

Следы использования на костяных ретушерах стоянки Костенки 14, II слой

Куприянова М.Д., Иванов Я.Д.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Ключевые слова: *Костенки, городцовская культура, трасологический метод, костяные ретушеры*

В костяной индустрии II слоя Костенок 14 (далее — К14/II) на фоне развитой технологии обработки твердых органических материалов обращает на себя внимание присутствие более 30 ретушеров на осколках диафизов трубчатых костей, то есть изделий с очень слабой степенью модификации.

Детальный трасологический анализ следов на ретушерах К14/II ранее не проводился, не предпринимались и попытки сопоставить эти инструменты с конкретными приемами вторичной обработки, встречающимися в каменной индустрии комплекса. В коллекциях других памятников, относимых к городцовской культуре (К12/I, К15), костяные ретушеры, по опубликованным данным, не выделяются (Палеолит... 1982: 136, 171). Это указывает скорее на то, что их присутствие определяется функциональной спецификой стоянки (Палеолит... 1982: 149), а не культурными особенностями.

В представленном исследовании морфология костяных ретушеров К14/II и следы на них сопоставляются с результатами экспериментальных данных по публикациям (Щелинский 1983; Колясникова и др. 2021) и собственным эталонам авторов. В результате анализа предполагается сопоставить разные виды следов на артефактах с конкретными приемами обработки каменных орудий.

Для фиксации динамики развития следов эталоны использовались в ходе одного и нескольких циклов ретуширования. Кроме нанесения ударной и отжимной ретуши, использовался прием, при котором удары наносятся каменным инструментом, а кость выступает в качестве «наковаленки», удерживаемой в руке. Для корректного выделения тонких линейных следов от ретуширования учитывались следы скобления кости, отчистки от надкостницы, а также следы соскоков каменного посредника, возникающие во время расщепления. Наши эксперименты показывают, что при совпадении ряда условий (схожий угол и большая сила удара) близкий с ударным ретушированием комплекс следов может образовываться на костях при их рубке

каменными орудиями. Важным фактором отличия этих двух видов следов выступает локализация. В ходе продолжительного использования на костяных ретушерах чаще образуется более широкая область контакта с обрабатываемым материалом, нежели от рубки, следы от которой концентрируются только на близкой к слову диафиза зоне, образуя более глубокие повреждения.

Анализ фаунистической коллекции и костяных артефактов К14/II показывает, что первичная обработка кости в индустрии связана с ударным воздействием, часто для увеличения контроля расщепления предварительно подготавливались поперечные пропилены, заготовки дополнительно подрабатывались скоблением. В то же время в качестве ретушеров обычно использовались немодифицированные осколки диафизов трубчатых костей (от 10 до 18 см), что позволяет предположить ситуативность их применения. Чаще всего выделяется только одна зона слабаразвитого износа, что отражает недолговременный характер их использования. Комплекс фиксируемых следов соответствует приемам ударного ретуширования.

Результаты экспериментально-трасологического изучения костяных ретушеров К14/II позволяют определить их место в индустрии в качестве ситуационных орудий на осколках длинных костей. Вторичная обработка каменных орудий в целом соответствует характеристикам ретуши, которая могла быть получена в результате воздействия костяными ретушерами, в индустрии преобладают изделия с крутой, чешуйчатой ретушью с крупными фасетками, что в первую очередь прослеживается на преобладающей в коллекции категории скребков (Палеолит... 1982: 151).

Исследование проведено при поддержке гранта РФФ № 23-78-10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности».

Список литературы

- Колясникова А. С., Чистяков П. В., Колясникова А. С. 2021. Исследование следов на костяных ретушерах из Чагырской пещеры с использованием профилометра // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XXVII, 154–160.
- Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. 1982. Л.: Наука.
- Щелинский В. Е. 1983. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Рогачев А. Н. (ред.). Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 72–133.

Керамика стоянки Таскудук в Северном Прикаспии по результатам раскопок 2022–2023 гг.

Лактаева Э. М., Фролов И. К.

*Самарский государственный социально-педагогический
университет*

Ключевые слова: *поздний неолит, Северный Прикаспий, гончарство, стоянка Таскудук, каиршакско-тентексорская культура, тентексорский тип*

Северный Прикаспий является предметом интереса специалистов с середины прошлого века: в результате многолетних исследований было установлено, что данный регион является одним из древнейших очагов гончарства в Восточной Европе (Выборнов и др. 2020: 147). В 2021 г. членами астраханской и самарской археологических экспедиций в Астраханской области была обнаружена стоянка Таскудук (Дога и др. 2023: 25). Площадь раскопа за два года составила 67 м². Сохранившийся культурный слой занимает примерно 21 м², его мощность достигает 30 см. Данная статья посвящена технико-типологическому анализу гончарства древних людей, обитавших на стоянке Таскудук. Цель работы — предварительно определить положение памятника в неолите региона.

Коллекция стоянки Таскудук представлена 288 фрагментами керамики. Выделено около 60 орнаментированных и 10 неорнаментированных (только по венчикам) сосудов. Обнаружено 14 днищ, 145 стенок с рисунком и 45 без узоров. Для анализа материалов применялись технико-технологический, типологический и статистический методы.

Исходным пластичным сырьем для изготовления керамики служил жирный (незапесоченный или слабозапесоченный) пелогеновый ил с естественной примесью раковины моллюсков и растительности. Данная тенденция в отборе сырья близка к гончарной технологии населения стоянки Тентексор I. При подготовке формовочной массы применялись органические растворы — реликтовая традиция, свойственная гончарству данного региона. Сосуд изготавливали путем лоскутно-комкового налепа. Обжиг низкотемпературный (Васильева и др. 2023: 140). Толщина стенок варьирует от 0,6 до 1,7 см, преобладают фрагменты толщиной порядка 1,1 см. Аналогичная ситуация наблюдается и для других памятников Северного Прикаспия: толщина

стенок изделий 1,1 см является стандартом стоянок Тентексор I, Приозерная. Многие из сосудов имеют нагар или копоть на одной или обеих поверхностях.

Внешняя и внутренняя поверхность керамики имеют следы заглаживания, иногда глубокие и ребристые, вроде зубчатого оттиска. На ряде фрагментов встречаются отверстия цилиндрической или конической формы. Преимущественно изделия имеют баночную и горшковидную формы. Есть несколько сосудов с высокой шейкой и широким туловом. Представлено два неорнаментированных фрагмента с ребром (1% от всех стенок). Слабое распространение биконических сосудов характерно для стоянки Тентексор I. Днища плоские, один экземпляр представляет собой поддон. Наиболее распространен прямостенный венчик с округлым срезом; отогнутые венчики имеют часто плоский срез. Есть несколько экземпляров со слабоотогнутым верхним краем, а также один вогнутый венчик. 25% изделий с орнаментом и 10% без него имеют наплыв на внутренней стороне, он может быть слабовыраженным или четко фиксируемым. Такой технологический прием встречен на посуде ряда памятников именно тентексорского типа.

У ряда сосудов венчик украшен по срезу наколами, насечками или ямчатыми вдавлениями. Орнамент находится в верхней части сосуда. Однако было обнаружено три днища, у которых придонная часть украшена накольчатым узором. Также следует отметить, что ряд фрагментов венчиков имеет орнамент с внутренней стороны, вдоль среза. Зависимость наличия орнамента на внутренней стороне от напыла не подтвердилась. Керамика орнаментируется разнообразными наколами — овальными, треугольными, прямоугольными, «копытцами». Распространение отступающей техники нанесения орнамента сближает памятник с тентексорской коллекцией. Фрагменты, украшенные ямчатыми вдавлениями, прочерком или гребенчатым штампом, представлены единичными экземплярами. Самые распространенные орнаментальные мотивы — горизонтальные, вертикальные, ломаные, наклонные линии отступающего накола, а также горизонтальные линии единичного накола, зигзаг, меандр. Встречаются горизонтальные и наклонные короткие линии отступающего накола, аналогичные вертикальные, которые могут располагаться в шашечном и шахматном порядках; вертикальные и наклонные линии единичного накола; вертикальная, горизонтальная и наклонная волна в технике отступающего накола; спаренные по горизонтали и вертикали наколы; треуголь-

ники, прямоугольники и ромбовидный мотив; лесенка; косая решетка. Близкие орнаментальные мотивы обнаруживаются на всех памятниках тентексорского типа (Выборнов и др. 2023: 127–139).

Технико-типологический анализ керамики демонстрирует гомогенный характер памятника. Сопоставляя гончарство стоянки Таскудук с другими памятниками Северного Прикаспия, можно констатировать принадлежность его материалов к каиршакско-тентексорской культуре. Памятник в значительной степени сходен с тентексорским типом. Об этом свидетельствуют технология изготовления керамики, морфологические характеристики, техника нанесения орнамента, орнаментальные мотивы и композиции.

Список литературы

- Васильева И. Н., Дога Н. С., Гилязов Ф. Ф. 2023. Новые данные о неолитическом гончарстве Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки 5 (1), 137–150.
- Выборнов А. А., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Ойнонен М., Поснерт Г., Нестерова Л. А. 2020. О древнейших керамических традициях населения Северного Прикаспия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения 25 (1), 141–151.
- Выборнов А. А., Лактаева Э. М., Фролов И. К. 2023. Керамика жилищ памятника Тентексор I // Самарский научный вестник. Исторические науки 12 (2), 127–139.
- Дога Н. С., Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Сомов А. В., Гречкина Т. Ю. 2023. Новый памятник неолита в Северном Прикаспии // Поволжская археология 3, 25–37.

Экспериментальное моделирование верхнепалеолитических технологий производства украшений из поделочного камня

^{1,2}Левина Е. В., ²Федорченко А. Ю., ²Харитонов Р. М.,

³Тоцкий Д. А., ⁴Селютина А. И., ²Белоусова Н. Е.

¹Новосибирский государственный университет

²Институт археологии и этнографии СО РАН

³ООО НПО ЦИИС

⁴Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Ключевые слова: Горный Алтай, верхний палеолит, украшения, экспериментальное моделирование, технологический анализ

Личные украшения, выполненные из органического и минерального материала, выступают одной из ключевых культурных и технологических инноваций начала верхнего палеолита (Shunkov et al. 2020). На территории Северной Евразии одни из древнейших находок подобного рода в виде сверленных подвесок из зубов и костей млекопитающих, раковин пресноводных моллюсков, серпентина, талька, мрамора и агальматолита, бусин из кости, бивня, скорлупы страусиных яиц и камня происходят из контекста многослойных памятников Горного Алтая, таких как Денисова пещера, Кара-Бом, Усть-Каракол-1 и Ануй-2 (Деревянко, Рыбин 2003; Деревянко, Шуньков 2004; Федорченко и др. 2020). Отмечаемая для этих стоянок варибельность предметов личного декора отражает существование в культуре первых верхнепалеолитических сообществ этой территории глубоких познаний в сфере обработки поделочного сырья и несомненной потребности во внутригрупповой и межгрупповой коммуникации.

Современный анализ древних форм персональной орнаментации осуществляется на базе комплексного подхода, предполагающего установление способов производства, функционального назначения и стилистических норм, определявших облик этих изделий и их роль в жизни палеолитических сообществ. Значимое место в таких изысканиях занимает экспериментальное моделирование технологий изготовления и использования конкретных форм изделий (Gurova, Bonsall 2017; Vassanelli et al. 2023). Экспериментальные и трасологические исследования личных украшений верхнего палеолита Алтая ведутся свыше двадцати лет (см. Левина, Федорченко 2022). В последние годы одной из актуальных задач этих работ выступает формирование коллекции

сравнительных эталонов. Цель данной работы заключалась в исследовании условий и особенностей обработки поделочных пород каменного сырья в процессе создания подвесок — наиболее популярной категории украшений, обнаруженных в комплексах верхнего палеолита Алтая. Для достижения указанной цели было проведено экспериментальное моделирование.

В рамках исследования проводилась обработка нескольких поделочных пород камня: серпентина, талька, кальцита и селенита (рис. 1: 1–3). Для указанных материалов характерны плотное скрытокристаллическое или слоистое сложение, зеленоватый, оранжевый, желтый, белый или серый цвета, возможность получения в процессе обработки гладкой и блестящей поверхности, низкая твердость — от 1 до 3 по шкале Мооса. В процессе экспериментов отмечалась цель операции и кинематика используемого инструмента, количество движений и затраченное время, осуществлялась фото- и видеофиксация. Реконструкция начального этапа производства каменных подвесок предполагала подбор заготовок — фрагментов отдельностей, обломков или отщепов с относительно прямым профилем и тонким поперечным сечением. Для получения сколов-основ осуществлялось расщепление отдельностей прямым ударом каменного отбойника. Дальнейшие стадии изготовления украшений предполагали ручное биконическое сверление заготовок посредством острий с подготовленным ретушью концом или немодифицированных сколов, а также шлифовку на крупно- и мелкозернистых абразивах. Было получено девять изделий, формы которых находят соответствие в верхнепалеолитических материалах алтайских памятников (рис. 1: 4–6).

Конечное формообразование и морфометрические параметры экспериментальных подвесок в значительной степени зависели от выбора основ изделий и интенсивности использования абразивной обработки. Проведенные работы позволили охарактеризовать основные особенности процесса ручного сверления заготовок из различных пород поделочного камня. Полученные отверстия отличали биконический профиль, неправильная округлая или овальная форма, присутствие концентрических бороздок с прорывами в одной или нескольких областях, указывающих на неполное вращение сверла вокруг своей оси. Внутренний диаметр отверстий экспериментальных подвесок варьировал от 2 до 6 мм, внешний — от 3 до 7,6 мм. Вследствие слоистого сложения серпентина и селенита сверление двух образцов привело к частичному расслаиванию обрабатываемого материала. Подобная

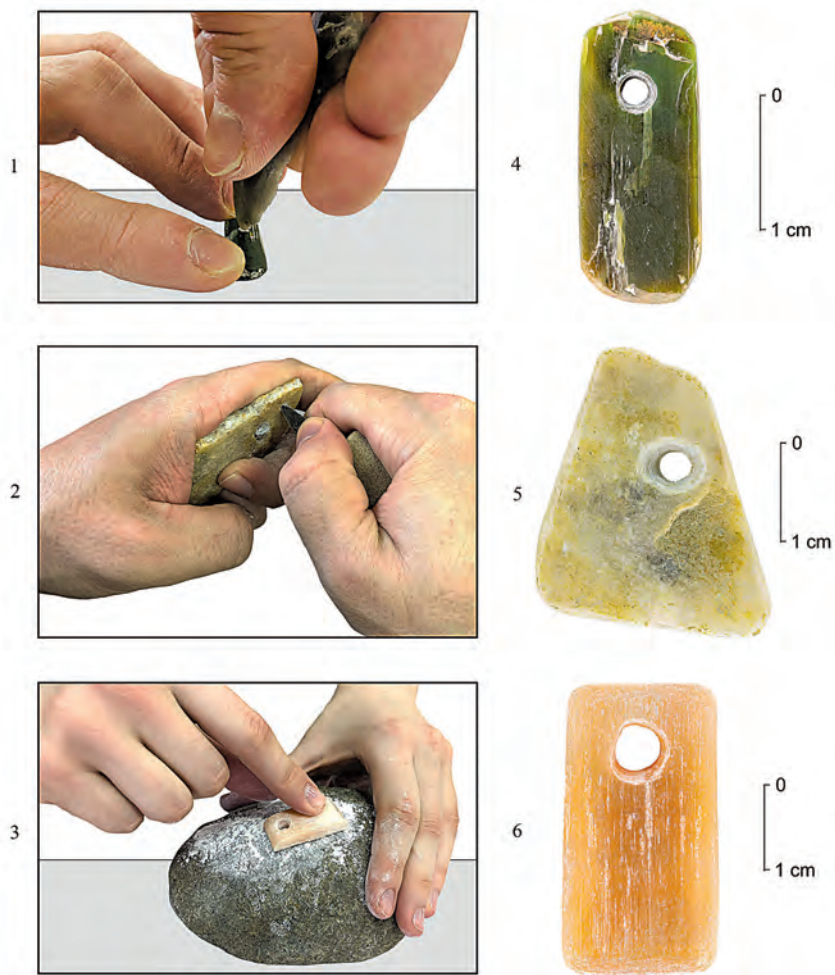

Рис. 1. Экспериментальное моделирование технологий производства подвесок из подделочных пород камня: 1 – ручное сверление с удержанием заготовки на плоскости, 2 – ручное сверление на весу, 3 – шлифовка заготовки на мелкозернистом абразиве, 4 – подвеска из серпентина, 5 – подвеска из кальцита, 6 – подвеска из селенита

специфика сырья детерминировала целесообразность использования приема перфорации до отделочной шлифовки.

Благодаря проведенным экспериментам была осуществлена предварительная реконструкция операционных цепочек, которые использовались для обработки различных видов поделочного камня в начале верхнего палеолита на Алтае. Накопленные экспериментальные наблюдения и сравнительный анализ следов обработки на эталонах и артефактах из археологических коллекций позволяют детализировать и верифицировать операционные последовательности производства каменных украшений верхнепалеолитических комплексов Алтая.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-78-10125-П «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

Список литературы

- Деревянко А. П., Рыбин Е. П. 2003. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии 3, 27–50.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В. 2004. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии 3, 12–40.
- Левина Е. В., Федорченко А. Ю. 2022. Основные этапы экспериментально-траксологических исследований в палеолитоведении Алтая // Молодин В. И. (отв. ред.). Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 85–102.
- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Кулик Н. А., Шуньков М. В. 2020. Украшения из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии 48 (1), 3–15.
- Gurova M., Bonsall C. 2017. Experimental Replication of Stone, Bone and Shell Beads from Early Neolithic Sites in Southeast Europe // Bar-Yosef Mayer D., Bonsall C., Choyke A. M. (eds.). Not just for show: The Archaeology of Beads, Beadwork, & Personal Ornaments. Oxford: Oxbow Books, 159–167.
- Shunkov M. V., Fedorchenko A. Y., Kozlikin M. B., Derevianko A. P. 2020. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quaternary International 559, 47–67.
- Vassanelli A., Petrinelli Pannocchia C., Starnini E. 2023. The Chaîne Opératoire Approach for Interpreting Personal Ornament Production: Marble Beads in Copper Age Tuscany (Italy) // Open Archaeology 9 (1), 20220334.

Материалы новой стоянки Курсак-1 в контексте памятников финального каменного века Нижней Катунь

¹Марковский Г. И., ¹Глушко Н. В., ²Кирюшин К. Ю.

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Алтайский государственный университет

Ключевые слова: Горный Алтай, Нижняя Катунь, Курсак-1, мезолит, неолит, стоянка, мастерская

Обнаружение новых объектов периода мезолита на территории Горного Алтая — задача, не теряющая актуальности. Ряд памятников финального каменного века уничтожен в результате хозяйственной деятельности (комплекс Усть-Сема) (Кунгуров 2019), мезолитическая принадлежность некоторых становится предметом дискуссий (Усть-Бийке-1) (Семибратов, Майчиков 1997: 110–113; Тишкин, Горбунов 2005: 34–41; Марковский и др. 2022: 279), другие труднодоступны, а культурные слои мезолита перекрыты мощной пачкой более поздних отложений (Тыткескень-2, 3) (Кирюшин, Кирюшин 2008).

С целью выявления новых памятников мезолита и неолита в 2022 г. отрядом Института археологии и этнографии СО РАН проведена разведка в нижнем течении р. Катунь (Республика Алтай, Чемальский район). В результате в устье р. Карасу обнаружен памятник Курсак-1.

Объект расположен на краю широкой ровной террасы (8–10 м над урезом реки), протяженной вдоль левого берега р. Катунь. На склонах неглубоких оврагов, на борту ручья Карасу, а также на площадке собран многочисленный экспонированный археологический материал (274 каменных артефакта, 3 мелких фрагмента керамики) (табл. 1). Размеры и состояние фрагментов не позволяют составить представление о форме, орнаментации, даже толщине сосудов. Вероятнее всего, они смещены в ходе распушки близлежащих курганов и не имеют отношения к многочисленным каменным артефактам стоянки. Установлено, что массовый подъемный материал происходит из пачки супесчаных отложений мощностью около 2 м, покрывающих аллювиальные отложения террасы. Для определения стратиграфической ситуации и контекста залегания археологических находок был заложен шурф (2×1×2 м). В результате вскрыты 4 литологических подразделения: слои 1 и 2 эолового происхождения имеют общую мощность от 1 до 1,2 м; слои 3 и 4 относятся к отложениям пойменной аллю-

виальной фации долины р. Катунь. В слое 2 зафиксированы два горизонта залегания археологического материала, получена коллекция из 113 каменных артефактов (табл. 1), выявлены два объекта (яма, непотревоженное кострище). Остальные литологические подразделения оказались археологически стерильными.

Таблица 1. Типологический состав археологического материала, полученного в процессе исследования стоянки Курсак-1 в 2022 г.

КАМЕННЫЕ АРТЕФАКТЫ	Сборы с поверхности	Шурф № 1, горизонт 1	Шурф № 1, горизонт 2	Всего
Нуклеусы	4		2	6
плоские для отщепов	2			2
торцовые	2		1	3
нуклевидный обломок			1	1
Технические сколы	7	8	8	23
подправка ударной площадки	3	4		7
подправка фронта	1	1	2	4
краевые	2	2	5	9
полуреберчатые	1			1
первичные		1	1	2
Пластинчатые сколы	10	2	4	16
пластины (ширина более 12 мм)	9	1	3	13
пластинки (ширина от 6 до 12 мм)		1	1	2
микропластины (ширина менее 6 мм)	1			1
Отщепы	236	16	33	285
крупные (более 50 мм)	20		1	21
средние (от 20 до 50 мм)	147	12	20	179
мелкие (менее 20 мм)	69	4	12	85
Обломки	13	17	19	49
крупные (более 50 мм)	3			3
средние (от 20 до 50 мм)	10	10	14	34
мелкие (менее 20 мм)		7	5	12
Орудия	4			4
скребок концевой на отщепе	1			1

КАМЕННЫЕ АРТЕФАКТЫ	Сборы с поверхности	Шурф № 1, горизонт 1	Шурф № 1, горизонт 2	Всего
наконечник (медиальная часть)	1			1
фрагмент скребка/скребла	1			1
изделие с двусторонней обработкой	1			1
Гальки		2	2	4
Всего:	274	45	68	387
КЕРАМИКА	3			3
ВСЕГО НАХОДОК				390

Экспонированные артефакты и находки из шурфа по морфологическим и сырьевым характеристикам очень близки, поэтому нельзя разделить подъемный материал в соответствии с двумя выявленными горизонтами. Основная масса каменных артефактов (около 80%) изготовлена из сырья местного происхождения — халцедонового и халцедоно-кварцевого кремня, а также собственно халцедона. Небольшие блоки этих минеральных образований встречаются по всей террасе. В подъемных и стратифицированных комплексах прослеживается общая черта — большое количество отщепов при малой доле пластин (3,6% среди подъемного материала, около 8% от общего числа сколов в горизонтах). Вероятно, это побочный продукт первичной апробации сырья и подготовки преформ нуклеусов, а не направленность на отщепы как целевые заготовки, поскольку ядриц для получения пластинчатых снятий (3 экз.) больше, чем ориентированных на отщепы (2 экз.). Создается устойчивое впечатление, что доминирующие аморфные сколы без вторичной обработки, реализованные с неподготовленных ударных площадок, немногочисленные пластинчатые снятия, единичные нуклеусы для пластин и микропластин — отражение одинакового использования участка террасы в разные хронологические периоды. Подобный набор признаков не характерен для каменных индустрий мезолитических и неолитических горизонтов наиболее близких памятников — Усть-Бийке-I (Семибратов, Майчиков 1997: 110–113; Тишкин, Горбунов 2005: 34–41; Марковский и др. 2022: 276–279), Тыткескень-2 и Тыткесень-3 (Кирюшин, Кирюшин 2008).

Обнаруженный археологический объект Курсак-1 имеет большой потенциал для исследования по следующим причинам: 1) выявлены два горизонта залегания археологического материала в четком стра-

тифицированном контексте; 2) во вскрытых отложениях отсутствует керамика, что свидетельствует в пользу мезолитического возраста археологических материалов; 3) зафиксирована высокая концентрация находок; 4) обнаруженное кострище не потревожено геологическими или антропогенными процессами, что говорит о хорошей сохранности культурных отложений; 5) состав коллекции каменных артефактов позволяет предположить, что перед нами специализированная стоянка-мастерская — крайне редкое явление для территории Нижней Катунь; 6) объект легкодоступен, и работы на нем будут менее затратны, чем на большинстве близлежащих синхронных памятников; 7) самое распространенное сырье на стоянке (пятнистые кремни с черными прожилками) по внешним признакам схоже с материалом стоянок на реках Бийке и Тыткескень, и характерно для этого участка Катунской долины, что значительно расширяет возможности для сопоставления коллекций. На данный момент можно сделать обоснованное предположение, что археологические материалы горизонта 2 могут датироваться финальным мезолитом, горизонт 1 — более поздним этапом финального каменного века.

Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ 21-59-93002 «Распространение микропластинчатой технологии расщепления в регионах Шелкового пути».

Список литературы

- Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф. 2008. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та.
- Кунгуров А. Л. 2019. Мезолит (ранний, развитый, поздний, финальный) // Тишкин А. А. (ред.) / История Алтая: в 3 т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 30–52.
- Марковский Г. И., Шнайдер С. В., Салтанат Алишер кызы, Дедов И. Е., Кирюшин К. Ю., Тишкин А. А. 2022. Результаты новых полевых исследований на памятнике Усть-Бийке-I в 2020 году // Тишкин А. А. (ред.). Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края XXVIII. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 272–281.
- Семибратов В. П., Майчиков О. В. 1997. Поселение Усть-Бийке I: итоги и перспективы изучения // Тишкин А. А. (ред.). Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края VIII. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 108–113.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В. 2005. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.

Информационный потенциал материалов из просеивания и промывки верхнепалеолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе

Маскаева Т. А.

Государственный академический университет
гуманитарных наук

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, пещера Двойная, поздняя пора верхнего палеолита, методика обработки материалов

Методика раскопок памятников каменного века предполагает просеивание и промывку всего изъятых культурного слоя (далее — к. с.). Это позволяет получить дополнительную информацию об археологическом и палеоэкологическом контекстах. Полученные данные привлекаются к анализу лишь частично для разных аспектов исследований. Цель работы — показать весь потенциал материалов из промывки на примере небольшой выборки из раскопок пещеры Двойная.

Пещера Двойная исследовалась раскопом площадью около 21 м² (Леонова 2014). Раскоп разбит на квадраты 1×1 м с численно-буквенными координатами (к-о 4–7); каждый квадрат разбит на 4 сектора (а–г) (рис. 1: А). На большей части площади раскопа в 2022 г. исследовался слой 7, ассоциированный с позднего порой верхнего палеолита (18,2–15,8 кал. тыс. л. н.) (Леонова 2021).

К. с. частично нарушен ходами землеройных животных. Плотность находок высокая. Кроме каменного инвентаря (кремь, сланец, обсидиан, песчаник), в слое сохраняются органические материалы: кости и раковины моллюсков. Сохранность хорошая, предметы не окатаны. Патинированные кремни единичны, ряд костей и камней несут следы воздействия огня. Крупные кости сильно фрагментированы. Помимо этого, в к. с. встречаются комочки охры, древесный уголь, кальцинированная кость, мелкие гальки.

Раскопки ведутся по секторам, тонкими зачистками. Весь снятый грунт просеивают, промывают, упаковывают с соответствующей этикеткой, что позволяет определить положение пропущенных на слое находок с точностью до сектора и диапазона глубин зачистки (как правило, не более 1–1,5 см).

В анализируемую ниже коллекцию входят материалы из просеивания и промывки к. с., а также зафиксированные на слое крупные

Рис. 1. А – план раскопа; Б – находки: 1 – острие (кремнь), 2 – фрагмент иглы (кость), 3 – бусина (раковина)

неопределимые обломки костей, комочки охры, раковины моллюсков. Материалы из промывки состоят из дресвы, мелкого щебня (до 10 мм), артефактов и фаунистических остатков. В процессе переборки ведутся записи об общем составе вмещающего субстрата и наличии поздних включений (волокна древесины, семена растений и т. п.). Материалы разделяют по категориям и определяют их количество и/или вес (табл. 1).

Таблица 1. Материалы из просеивания и промывки к. с. с кв. 15 по категориям

Категория материала	Количество	Масса (г)
Каменный инвентарь:	6116	–
технологические сколы с нуклеусов	3	–
отщепы и осколки	164	–
пластины, пластинки и микропластинки	131	–
микродебитаж 5–10 мм (кремь/обсидиан)	1060/2	–
микродебитаж до 5 мм (кремь/обсидиан)	4703/6	–
морфологически невыраженные орудия	21	–
острия	5	–
ППК/МППК	5	–
пластины, пластинки и микропластинки с ретушью	5	–
обломки орудий	9	–
сколы переоформления лезвия орудия	1	–
микрорезцовые сколы	1	–
Изделия из кости	10	–
Изделия из раковин моллюсков	7	–
Галечки (крупные – свыше 20 мм / мелкие – от 4 мм)	1/126	–
Раковины моллюсков <i>Helix</i> sp.: целые / крупные фрагменты / мелкие фрагменты	2/27/сотни	–
Уголь и кальцинированные кости	–	27,5
Фрагменты и целые зубы крупных и средних млекопитающих	51	9,46
Определимые фрагменты костей посткраниального скелета крупных и средних млекопитающих	38	44,01
Кости определимые мелких млекопитающих (грызунов), пресмыкающихся, земноводных	360	2,35
Кости неопределимые	–	1088,98
Охра красная	719	4,6
Охра желтая	239	2,79
Прочие находки (фрагменты сланца и др. минералов)	6	–

Для анализа выбраны материалы кв. 15¹ (рис. 1: А), в пределах которого зафиксировано углисто-золистое пятно и скопление находок, в том числе бусины из раковин моллюсков.

Коллекция каменных артефактов с этой площади составляет 370 предметов, зафиксированных на слое, и 6116 из промывки, включая орудия (табл. 1). Примечательна находка асимметричного микроострия с притупленным краем на пластинке (рис. 1: Б, З), еще одно подобное острие зафиксировано на слое. Среди изделий из других материалов наиболее выразительны фрагмент острия костяной иголки и бусины из раковин моллюсков *Theodoxus* sp. (рис. 1: Б, 1–2). Среди фаунистических остатков обнаружено 449 определяемых фрагментов костей животных; общая масса костей — 1145 г (табл. 1).

Общее количество находок, происходящих из просеивания и промывки, превышает количество находок, обнаруженных в слое, более чем в 16 раз. За счет обнаруженных микроорудий и специфических отходов их производства (например, микрорезцов) расширяются и, возможно, даже меняются наши представления об индустрии в целом. Массовый материал — микродебитаж, угольки, обломки костей, комочки охры — необходим для полноценного пространственного анализа, в том числе выявления разнофункциональных зон на площади стоянки, дифференциации разновременных уровней обитания. Наличие позднейших включений помогает определить места вероятных нарушений, не прослеженных в процессе раскопок.

Список литературы

- Леонова Е. В. 2014. Предварительные результаты новых исследований пещеры Двойная в Губском ущелье // КСИА 236, 11–15.
- Леонова Е. В. 2021. Проблемы хронологии и культурной дифференциации поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа // Васильев С. А. (отв. ред.). Верхний палеолит Европы: время культурных новаций. Тезисы международной научной конференции (6–8 декабря 2021 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, 121–123.

¹ Автор выражает благодарность Е. В. Леоновой за предоставленную возможность работать с неопубликованными материалами.

**Возможности применения разных типов органических
отбойников в верхнем палеолите Горного Алтая
(по экспериментальным данным)**

Михиенко В.А., Родионов А.М., Гурулев Д.А.,

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е.

Институт археологии и этнографии СО РАН

Ключевые слова: *Горный Алтай, верхний палеолит, экспериментальное моделирование, технология расщепления, техника скола, пластинчатая технология*

Возможность применения в палеолите «палочной техники» или деревянного отбойника наряду с роговым неоднократно являлась предметом дискуссий (Семенов 1957: 53–54; Семенов, Коробкова 1983: 16; Semenov 1971). Основные минусы, выявленные исследователями в работе с деревянными отбойниками, сводятся к следующему: невозможность подправки ударной площадки и удаления выступов с нуклеуса, применение большой физической силы, превосходящей необходимую при использовании каменного инструментария в 6–8 раз. Данные выводы подкреплялись наблюдениями, что подходящие по плотности породы деревьев (самшит и бакаут) не встречались в приледниковой Европе, а наиболее эффективными и доступными являлись роговые отбойники.

В начальном верхнем палеолите на территории Южной Сибири (Горный Алтай) и Центральной Азии происходят изменения в производстве крупных пластинчатых заготовок: среднепалеолитическое плоскостное (конвергентное) леваллуазское расщепление сменяется подпризматическим скальванием в рамках объемной концепции. Смена технологий могла сопровождаться изменениями в технике скола, в частности, в используемом инструментарии (Гиля, Нехорошев 1993). В ходе трехлетней экспериментальной программы, посвященной моделированию верхнепалеолитических технологий изготовления пластин на основе алтайской полисырьевой ресурсной базы, нами были апробированы разные типы отбойников в контексте производства крупных (шириной более 12 мм) пластин ударом. Цель настоящего исследования состояла в определении условий применения различных типов органических отбойников для производства пластин, а также в сравнительном описании

экспериментальных эталонов, полученных ударом роговым, деревянным и каменным отбойниками для их дальнейшего сопоставления с археологическим материалом.

Источниковую базу работы составили пластины, полученные с одной отдельности качественного сырья вулканогенного происхождения с применением органических отбойников из дерева (самшит) и рога; для сравнения привлекались пластины, полученные с двух различных сработанных нуклеусов из качественного сырья вулканогенного происхождения путем использования минеральных отбойников двумя разными экспериментаторами (табл. 1).

Экспериментальное моделирование показало, что производство крупных пластинчатых заготовок потенциально могло осуществляться как каменным отбойником, так и роговым или деревянным. В случае применения деревянного из-за его мягкости происходит минимизация ударного бугорка, из-за чего скальвующая стремится вынырнуть из плоскости нуклеуса. При формировании особых условий (угол площадки $85-90^\circ$ и дополнительная редукция карниза) возможно получение полноценных сколов правильной формы. На определенном этапе утилизации нуклеуса поддержание всех необходимых условий и дальнейшее продуктивное скальвание деревянным отбойником становится невозможным, в то же время роговой инструмент в таких же условиях не теряет свою эффективность.

В результате атрибутивного анализа выборок экспериментальных пластин была сформирована база данных для дальнейшего сравнения с археологическими материалами (табл. 1, рис. 1). Намечены характеристики сколов, потенциально отражающие морфологические отличия, связанные с особенностями передачи и распределением импульса сырью используемым инструментарием (толщина сколов, форма и рельеф ударного бугорка, форма дистальных частей). Наибольший контроль за скальвующей при наименьших трудовых затратах и, как следствие, получение наибольшего количества целых пластин достигается в результате применения отбойников из рога и камня. Применение трехмерного моделирования, геометрико-морфометрического анализа (в частности, для описания сложнодиагностируемых различий, связанных с особенностями формирования ударного бугорка) при увеличении выборок позволит в дальнейшем расширить возможности сопоставления сколов, полученных в разных техниках.

Таблица 1. Состав и краткая характеристика экспериментальных эталонов

№	Условия эксперимента	Целевые сколы (экз.)	Форма (экз.)	Форма проксимальных частей (экз.)	Удельный вес сколов с вентральным карнизом, изъязщем и ресничками	Форма дистального окончания
1	Деревянный отбойник, экспериментатор № 1	33, из них: целье — 15, целье, фрагм. на три части при ударе — 5, проксимально-медialные фр. — 1, медiallyные фр. — 1, медiallyно-дистальные фр. — 3, дистальные фр. — 1	прямоугольная — 8, подтреугольная — 6, листовидная — 5, подовальная — 1	подовальная — 8, подтрапецевидная — 8, подпрямоугольная — 3	с карнизом — 51,5%, с изъязщем — 36,4%, с ресничками — 42,4%	слои — 36,4%, перовидное — 33,3%, петлевидное — 18,2%, ступенчатое — 15,2%, ныряющее — 9,1%
2	Роговой отбойник, экспериментатор № 1	15, из них: целье — 14, проксимальные фр. — 1	прямоугольная — 5, листовидная — 4, подовальная — 3, подтрапецевидная — 1, подтреугольная — 1	подовальная — 7, подтрапецевидная — 5, подпрямоугольная — 3	с карнизом — 80,0%, с изъязщем — 40,0%, с ресничками — 60,0%	перовидное — 40,0%, петлевидное — 26,7%, слои — 20,0%, ныряющее — 13,3%
3	Минеральный отбойник, экспериментатор № 2	16, и них: целье — 16	подтрапецевидная — 6, листовидная — 3, подтреугольная — 3, подпрямоугольная — 2, сегментовидная — 1, миндалевидная — 1	подовальная — 6, подпрямоугольная — 5, подтрапецевидная — 4, подтреугольная — 1	с карнизом — 43,8%, с изъязщем — 37,5%, с ресничками — 50,0%	перовидное — 43,8%, петлевидное — 37,5%, ступенчатое — 18,8%
4	Минеральный отбойник, экспериментатор № 1	17, из них: целье — 16, проксимально-медiallyные фр. — 1	прямоугольная — 4, листовидная — 3, подовальная — 3, сегментовидная — 3, подтреугольная — 2, подтрапецевидная — 2	подовальная — 8, подтрапецевидная — 7, подпрямоугольная — 2	с карнизом — 41,2%, с изъязщем — 35,3%, с ресничками — 29,4%	перовидное — 41,2%, петлевидное — 41,2%, ступенчатое — 5,9%, ныряющее — 5,9%, слои — 5,9%

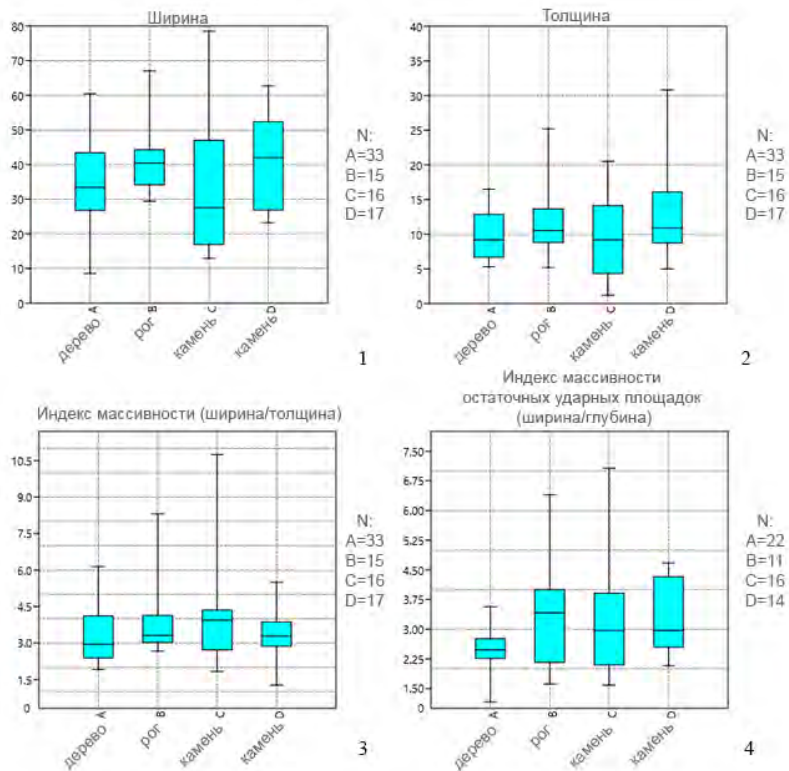

Рис. 1. Диаграммы размаха показателей ширины (1), толщины (2), индекса массивности сколов (3) и индекса массивности остаточных ударных площадок (4) пластин, полученных в рамках экспериментального моделирования с применением: А — деревянного отбойника из самшита (экспериментатор № 1); В — рогового отбойника (экспериментатор № 1); С — минерального отбойника (экспериментатор № 2); D — минерального отбойника (экспериментатор № 1)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-78-10125-П «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

Список литературы

- Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е. 1993. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА 4, 5–24.
- Семёнов С. А. 1957. Первобытная техника. Л.: Наука.
- Семёнов С. А., Коробкова Г. Ф. 1983. Технология древнейших производств. Мезолит — энеолит. Л.: Наука.
- Semenov S. A. 1971. The Forms and Functions of the Oldest Tools // Quartar 21, 1–20.

О проблеме изучения бифасиальной обработки в энеолите на территории Верхнего и Среднего Прикамья

Можсаева А. А.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Ключевые слова: *вторичное бифасиальное утончение, каменная индустрия, энеолит, гаринская культура, Верхнее и Среднее Прикамье*

В настоящее время вновь стало актуально изучение технологии бифасиальной обработки. Методические разработки Е. Ю. Гири (Гирия 1997) позволили по-новому взглянуть на данную технологию, а также впервые в отечественной археологии было предложено выделить ее в отдельный вид расщепления. В исследованиях все чаще стали употребляться термины «вторичное бифасиальное утончение» и «тонкий бифас». Современные исследования направлены на выделение этапов изготовления тонких бифасов (среди которых преобладают наконечники стрел) в энеолите, их характеристику и поиск истоков традиций бифасиального расщепления.

Территория исследования охватывает Верхнее и Среднее Прикамье. Большинство энеолитических комплексов региона представлено поселениями гаринской культуры, для каменной индустрии которой характерно распространение двусторонне обработанных изделий и наконечников стрел (Лычагина 2022: 86–87).

Методической основой исследования послужили одни из последних работ авторства А. Ю. Тарасова и В. Н. Карманова, в которых освещены вопросы изучения технологии бифасиального расщепления в энеолите.

А. Ю. Тарасов в ходе классификации заготовок-бифасов стоянки Фофаново XIII (западное побережье Онежского озера) выделил три стадии их изготовления (без учета получения исходной заготовки как отдельного этапа расщепления): первая стадия — оформление бифасиального ребра, вторая — конкретно-ситуационное расщепление, третья — серийное расщепление (Тарасов 2022: 229–235). В работе автором также учитываются морфологические особенности скальвания на поверхности расщепления и соотношение ширины и толщины изделий.

В. Н. Карманов в результате рассмотрения характерных черт бифасиального расщепления гаринской культуры выделяет пять стадий

изготовления бифасов (конкретно-ситуационное избирательное расщепление; создание листовидной формы с прямым или выпуклым основанием и линзовидным сечением; уточнение заготовки отжимной ретушью с формированием зубчатого края заготовки; нивелировка рельефа поверхности и зубчатого края; финальное оформление выемок разной глубины или прямой базы). Для исследования автором используются наконечники стрел с вогнутой и прямой базой и декоративные бифасы с комплексов чойновтинской/гаринской культуры Европейского Северо-Востока. Последовательность и характеристика стадий бифасиального расщепления зависит от вида используемого сырья (Карманов 2023: 23–27).

При изучении энеолита Верхнего и Среднего Прикамья проблема анализа технологии вторичного бифасиального утончения до настоящего времени не поднималась. О. Н. Бадером были описаны и выделены типы наконечников, но не делался акцент на характере и особенностях их изготовления (Бадер 1961: 181–185). На современном этапе изучения энеолита региона при рассмотрении каменных индустрий используется термин «бифасиальное утончение» (Лычагина 2022: 86), но не дается полная характеристика технологии и стадий расщепления. Данное обстоятельство вполне объясняется отсутствием на сегодняшний день отработанной и проверенной методики анализа технологии бифасиального расщепления и недостатком опубликованных источников по энеолиту Прикамья.

В ходе раскопок стоянки Чашкинское Озеро II в 2021–2022 гг., расположенной в Верхнем Прикамье, была собрана внушительная коллекция каменного инвентаря гаринской культуры (Можаева 2023). В ее составе морфологически выражены бифасы, среди которых преобладают наконечники различных форм. Чаще всего в качестве сырья для их изготовления использовалась яшма вулканогенно-осадочная, кремневая, сургучного и близких оттенков, органогенный кремнь темного либо серого цвета. Оба вида сырья происходят из аллювиальных отложений и встречаются в виде уплощенных галек.

Анализ предметов со следами бифасиальной обработки показал наличие следующих стадий расщепления: конкретно-ситуационное расщепление, направленное на создание бифасиального ребра по периметру заготовки и формирование линзовидной формы в сечении; создание необходимой формы орудия и окончательное оформление бифасиального ребра; уточнение заготовки регулярной отжимной ретушью, выравнивание очертаний орудия (устранение перепадов

на поверхности), оформление округлого/приостренного основания; окончательное выравнивание поверхности изделия путем серийного снятия сколов, при необходимости — оформление вогнутого/усеченного основания. Для готовых орудий в среднем характерно соотношение ширины к толщине, равное 4, большинство орудий имеет длину до 3,5 см, ширину до 1,5 см и толщину до 0,4 см.

В результате анализа материалов стоянки Чашкинское Озеро II было выделено четыре основных стадии расщепления, направленных на изготовление двусторонне обработанных изделий, среди которых преобладают наконечники с вогнутым/усеченным основанием. Представленные результаты имеют предварительный характер и могут быть пересмотрены в ходе дальнейших исследований по анализу материалов гаринских комплексов Среднего Прикамья.

Список литературы

- Бадер О. Н. 1961. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА 99. М.; Л.: АН СССР.
- Гиря Е. Ю. 1997. Технологический анализ каменных индустрий: методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: ИИМК РАН.
- Карманов В. Н. 2023. Гаринская традиция бифасиального расщепления кремня и проблема поиска ее истоков // РА 4, 20–35.
- Лычагина Е. Л. 2022. Энеолит Среднего Предуралья // Крыласова Н. Б. (ред.). Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь: ПГГПУ, 75–96.
- Можаева А. А. 2023. Каменная индустрия энеолитической стоянки Чашкинское Озеро II (по материалам раскопок 2021–2022 гг.) // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Stadia Historica Jenium* 1 (19), 21–31.
- Тарасов А. Ю. 2022. Материальное производство и обмен в Северо-Восточной Европе периода позднего неолита/энеолита (на примере индустрии орудий русско-карельского типа): дис. ... д-ра ист. наук. СПб.

Предварительные итоги изучения скребков с памятников мезолита — энеолита в Верхнем Прикамье

Можяева А. А., Немцева Д. К., Никулина К. В.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет*

Ключевые слова: *скребки, мезолит, неолит, энеолит, сравнительный анализ, Верхнее Прикамье*

Верхнее Прикамье в пределах Среднего Предуралья определяется от западной границы Пермского края до г. Усолье. Помимо этого, к этой территории относятся бассейны рек Вишеры и Колвы (Демаков 2019: 13). На сегодняшний день в Верхнем Прикамье известно множество стоянок каменного века. В последнее десятилетие активно проводились археологические исследования мезолитических, неолитических и энеолитических памятников региона. Был получен обширный археологический материал, требующий всестороннего анализа, систематизации и обобщения (Белавин и др. 2022).

Целью данной работы является анализ скребков с памятников Чашкинское Озеро X, Чашкинское Озеро XI, Коса I, Коса II, Коса III, Огурдино (мезолит); Хуторская, Чашкинское Озеро IIIa, Чашкинское Озеро IV, Чашкинское Озеро VI, Чашкинское Озеро VIII, Хомутовское Болото II (неолит); Чашкинское Озеро I, Чашкинское Озеро II, Чашкинское Озеро IX (энеолит).

В ходе исследования было изучено 86 экз. скребков с мезолитических, 186 экз. — с неолитических и 249 экз. — с энеолитических памятников.

Для мезолита характерны небольшие орудия из галечникового/валунного/плитчатого кремня серых оттенков. В качестве заготовок использовались как отщепы, так и пластины и случайные сколы. Большее распространение имеют одинарные скребки, нежели скребки с несколькими лезвиями. Преобладают концевые орудия, рабочая поверхность которых располагалась на дистальной части заготовки. Лезвия широкие (превалируют выпуклые формы), оформлены крутой дорсальной ретушью. Реже встречаются боковые скребки, незначительна доля изделий округлых форм. Отличительной чертой мезолита является появление микроскребков, составляющих отдельную группу изделий (Немцева 2023: 19).

На неолитических памятниках преобладают скребки, изготовленные из кремня серых оттенков, рабочие лезвия которых располагались на дистальной части заготовки. Они, как правило, выполнены на пластинчатых отщепах. В основном скребки имели одно лезвие выпуклой формы, оформленное крутой дорсальной ретушью. Наиболее характерно поперечное расположение скребкового лезвия. Помимо этого, имеются боковые и с двумя и более лезвиями скребки, реже встречаются округлые и угловые формы. Разнообразие форм скребков, использование в их изготовлении пластинчатых отщепов является характерной чертой неолита региона (Никулина 2023: 16).

В энеолите распространение также получают одинарные концевые скребки с выпуклым рабочим лезвием, расположенным на дистальном конце заготовки. Они изготавливались в основном на кремневых (сургучных оттенков) отщепах, гальках и сколах различных форм. Во второй обработке преобладает краевая дорсальная (преимущественно крутая) ретушь. Среди одинарных скребков также встречаются боковые и угловые изделия. Интересными формами представлены двойные и с ретушью на 2/3 периметра скребки. К характерным для энеолита относятся скребки на заготовках тонких бифасов / фрагментах орудий с бифасиальной обработкой и изделия с подтеской «брюшка» (Можаева 2023: 26).

Кремневое сырье от мезолита к энеолиту не менялось — в основном это галечник из аллювиальных и делювиальных отложений крупных рек. В качестве заготовок повсеместно используются отщепы и сколы различных форм, реже применяются пластины. Для неолита наибольшее распространение получают пластинчатые отщепы, а в энеолите скребки, помимо вышеперечисленного, делаются еще на гальках и плитках, заготовках бифасов и фрагментах орудий с бифасиальной обработкой. Во второй обработке для всех периодов свойственно в большей степени использование крутой дорсальной ретуши. Разнообразие форм скребков, среди которых преобладают одинарные концевые орудия, характерно для мезолита — энеолита в целом. Из всех проанализированных изделий выделяются следующие группы скребков: в мезолите — микроскребки, в энеолите — скребки с подтеской «брюшка». В неолитических памятниках имеются формы скребков, которые встречаются как в мезолите, так и в энеолите.

Список литературы

- Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Павлов П. Ю., Шмуратко Д. В. 2022. Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ.
- Демаков Д. А. 2019. Особенности расположения памятников гаринской, новоильинской и борской культур в бассейне верхней и средней Камы // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Stadia Historica Jenium* 1 (15), 12–19.
- Можяева А. А. 2023. Скребки со стоянки Чашкинское озеро II в Верхнем Прикамье // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья 13, 22–30.
- Немцева Д. К. 2023. Характеристика скребков камской мезолитической культуры // Перевозчикова С. А. (ред.). LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Камско-Вятской археологической экспедиции, Ижевск, 1–3 февраля 2023 года. Ижевск: Удмуртский университет, 18–20.
- Никулина К. В. 2023. Характеристика скребков поселения Чашкинское озеро IIIa // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Stadia Historica Jenium* 1 (19), 11–20.

К вопросу о технической орнаментации керамики среднего неолита Якутии

Охлопков В. В.

Алтайский государственный университет,
Арктический научно-исследовательский центр РС (Якутия)

Ключевые слова: археология Северо-Востока Азии, керамика, древнее гончарство, техническая орнаментация, средний неолит

Средний неолит Якутии представлен белькачинской культурой. Она образовалась под влиянием пришлых племен из Забайкалья, которые ассимилировали местную сылахскую культуру носителей сетчатой керамики и принесли новую традицию — изготовление шнуровых сосудов (Мочанов, Федосеева 2013: 286). Оттиски или негативы шнура являются следствием технологических операций заключительной стадии формования изделия. В опубликованных ранее работах преобладает мнение, что происхождение оттисков объясняется результатом выколотки (или выбивки) стенок сосуда при помощи ударно-прессующего орудия с намотанными на него шнуром либо кожаным ремешком, вследствие чего емкость приобретает монолитный вид (Мочанов, Федосеева 2013: 275). Данное определение не отражает в полной мере характер следов на сосуде. Согласно нашей первичной визуальной диагностике, существует степень вариативности оттисков на сосудах со шнуровым техническим орнаментом: иногда использовались тонкие волокнистые шнуры, которые завязывались на колотушку, также возможен вариант с применением разных методов скручивания и связывания шнуровых или ниточных структур, которые оставляли характерные негативы в виде связанных между собой оттисков.

А. П. Окладников (Окладников 1950: 46) уже поднимал вопрос про методы формовки данных сосудов и предположил, что для нанесения такого типа технического орнамента могла использоваться форма-основа из прутиков, которые обвязывались снаружи тонкими нитями шнура или маленькими веревками.

Гипотеза о применении как минимум двух разных приемов нанесения технического орнамента высказана также в статье В. М. Дьяконова (Дьяконов 2001: 181). Согласно первому предположению, инструментом выколотки сосудов могла быть рубчатая лопаточка, после чего палочкой с затупленным округлым концом проводились вертикальные

прямые. Согласно второму предположению, использовалась структура по типу «корчаги» из прутиков, которые обвязывались в нижней точке тонкими нитями или шнурами, а на верхней части они расходились. Внутри каркаса укладывалась глиняная масса, и сосуд формовался внутри нее. После этого на поверхности оставались вертикальные вдавления от прутиков и горизонтальные — от нитей или веревочек. Следует отметить, что на некоторых сосудах диагностированы четкие линии пересечения длинных вертикальных шнуровых линий в области доньшка, которые накладываются друг на друга.

В ходе работы со слепками и их визуальной диагностики нами выдвинуты другие версии происхождения данных оттисков. Предполагается, что могла быть использована плетеная структура (возможно, сетчатая) из пересекающихся вертикальных и горизонтальных шнуров. Прокатывая или выбивая инструментом с таким плетением, возможно добиться таких же негативов, как и на археологических сосудах.

Вторая предложенная нами версия происхождения данных оттисков — применение метода бокового проката либо выбивка рубчатой/шнуровой лопаточкой с последующей сушкой на каркасе со шнуровой основой. На фрагментах и слепках диагностировано, что их пересекает один сплошной длинный шнур либо длинный прутик с намотанным на него шнуром. Такого рода негативы ближе к донной части нередко пересекаются. После формовки выбивкой из одного кома глины, будущий сосуд клался на форму-основу из прутиков или шнуров для подсушки. На начальных этапах сушки сосуд достаточно влажный, и на нем могут остаться диагностируемые нами длинные негативы шнура, которые местами перекрывали оттиски, создавая отдельный подвид шнуровой керамики.

С технологической точки зрения данный тип либо подтип керамики практически не отличается от классического «выбитого» шнурового сосуда: формовочные массы, художественная орнаментация, цвет и морфология сосуда идентичны. Подобная керамика широко распространена на памятниках белькачинской культуры, занимая от 1,71 до 29,11% на опорных памятниках Белькачи I (IV–V слой), Сумнагин I (IX–X слой), Усть-Тимптон, Помазкино III, IV.

Техника и технология изготовления керамики белькачинской культуры все еще вызывает достаточно много вопросов: подбор сырья, инструментарий нанесения технического и художественного орнамента, обжиг, уточнение формовочных масс и т. д. Нашей задачей стали выявление и первичная визуальная диагностика технического

орнамента с постановкой проблемы о возможном наличии нескольких синхронных способов формовки керамики белькачинской культуры. Керамический комплекс и выдвинутые предшественниками и автором гипотезы все еще требуют уточняющих работ с экспериментальным моделированием, сравнительным анализом и технико-технологическим анализом.

Список литературы

- Окладников А. П. 1950. Ленские Древности. М.; Л.: АН СССР.
- Дьяконов В. М. 2001. К вопросу о текстильной керамике в неолите Якутии // А. А. Тишкин (ред.). Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы ХLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул.: Изд-во Алт. ун-та; 2001, 180–182.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. 2013. Очерки дописьменной истории Якутии. Т. 2. Эпоха камня. Якутск: ЦААПЧ АН РС (Я).

**К вопросу о происхождении и культурной принадлежности
раннего неолита лесного Среднего Поволжья
(на основе анализа керамических комплексов)**

Пантелеева Т. Ю.

*Самарский государственный социально-педагогический
университет*

Ключевые слова: *Марийское Поволжье, ранний неолит, накольчатая керамика, неорнаментированная керамика, сравнительный анализ*

Вопрос о культурной принадлежности материалов раннего неолита лесного Среднего Поволжья вызывает много споров среди исследователей. Посуда данного региона представлена прямостенными или закрытыми округлобочными банками с плоским/плосковогнутым дном. Толщина фрагментов 0,4–0,8 см, поверхность залощена. Срезы венчиков округлые или прямые. Под срезом зачастую нанесен горизонтальный ряд сквозных отверстий или ямочных вдавлений. Часть сосудов не имеет орнамента, остальные украшены наколами треугольной, овальной и подквадратной формы в отступающей манере. Орнаментальные мотивы представлены наклонными, горизонтальными или волнистыми рядами, порой поставленными под углом друг к другу (Никитин 2011: 16–20).

В конце 60-х гг. XX в. А. Х. Халиков отнес подобные керамические комплексы ко второму этапу развития раннего периода волго-камской культуры. Появление данной посуды исследователь видел в заимствовании традиций у населения южных областей Восточной Европы при содействии днепро-донецкой культуры. При этом представленные материалы входили в единую культурную область с зауральской накольчатой керамикой (Халиков 1969: 39–40).

В конце 80-х гг. XX в. И. Б. Васильев и А. А. Выборнов предложили рассматривать накольчато-гребенчатые комплексы в рамках средне-волжской культуры. Исследователи отмечали определенное сходство данной керамики с материалами стоянок Виловатое и Ильинка, это позволило предположить культурную близость обитателей юга лесостепи и лесного Среднего Поволжья, не исключая локальной специфики последних (Васильев, Выборнов 1988: 30–33).

В середине 90-х гг. XX в. В. В. Никитин предложил новый взгляд на проблему формирования и культурного статуса комплексов лесного

Среднего Поволжья. Проведя сравнительный анализ материалов Марийского Поволжья с различными культурами сопредельных регионов, автор приходит к выводу о наибольшей близости с керамическими коллекциями среднедонской культуры (Никитин 1996: 111).

В XXI в. А. А. Выборнов продолжил развивать ранее предложенную точку зрения, появление раннеолитической керамики в Марийском Поволжье рассматривалось как итог взаимодействия носителей посуды луговского типа и средневожских коллективов, изготавливавших керамику с накольчатый орнаментом. Об этом свидетельствовали близкие радиоуглеродные датировки раннеолитических комплексов регионов (Выборнов 2008: 70–73). Схожего мнения придерживается В. В. Ставицкий, конкретизируя маршрут продвижения южного населения вдоль бассейна реки Свияги (Ставицкий 2016: 133).

В результате сравнительного анализа раннеолитической посуды Марийского Поволжья и верхневожской культуры В. В. Никитин приходит к мнению об их высокой степени близости и предлагает объединить данные материалы в вожскую историческую общность (Никитин 2002: 295–303). При этом автор пересматривает позицию относительно истоков формирования раннего неолита лесного Среднего Поволжья и отмечает в качестве наиболее вероятного источника заимствования навыков гончарного производства орловскую культуру степного Поволжья. Общими, по мнению В. В. Никитина, являются баночная форма сосудов, обработка поверхностей, расположение орнамента в верхней и нижней трети, доминирование треугольных наколов, отдельные орнаментальные мотивы (Никитин 2011: 150).

Наконец, в недавних работах В. В. Никитин предложил выделить раннеолитические материалы лесного Среднего Поволжья в отдельную культуру, генетически близкую елшанской, и назвать ее дубовско-отарской. По мнению автора, несмотря на то, что на территории и лесостепного Поволжья, и Подонья бытует керамика с накольчато-прочерченной или гребенчатой орнаментацией с плоским или острым дном, отсутствуют чистые комплексы плоскодонной посуды с накольчатой системой орнаментации типа Дубовская III, Отарская VI и др. (Никитин 2013: 14).

Автор поддерживает позицию В. В. Никитина о возможности выделения самостоятельной культуры в лесном Среднем Поволжье. При этом проблема ее формирования по-прежнему остается дискуссионной. Керамика орловской культуры более толстостенна, имеет примесь раковины, венчики с наплывом, более сложные орнаментальные

мотивы, на ней отсутствуют сквозные отверстия под устьем. Материалы среднедонской культуры представлены остродонными сосудами с поясками ямок-жемчужин под срезом венчика, фиксируется одновременное присутствие накольчатых и гребенчатых элементов орнамента на фрагментах. Для средневожских комплексов характерно наличие ямочно-жемчужных поясков, частое нанесение орнамента по срезу венчика, геометризм композиций. Представленные черты обозначенных культур не находят аналогий в материалах Марийского Поволжья.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

Список литературы

- Васильев И. Б., Выборнов А. А. 1988. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ.
- Выборнов А. А. 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ.
- Никитин В. В. 1996. Каменный век Марийского края. Том IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- Никитин В. В. 2002. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья (к проблеме происхождения) // ТАС 5, 293–303.
- Никитин В. В. 2011. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- Никитин В. В. 2013. Некоторые проблемы раннего неолита лесной полосы Среднего Поволжья // Поволжская археология 2, 11–17.
- Ставицкий В. В. 2016. О происхождении накольчатой керамики Среднего Поволжья // NovaInfo.Ru 56, 129–135.
- Халиков А. Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука.

Неформальные костяные орудия в палеолитических комплексах восточной галереи Денисовой пещеры: новые материалы

¹Плотников Д. Р., ²Деревнина А. С.

¹Алтайский государственный университет

²Новосибирский государственный университет

Ключевые слова: Горный Алтай, средний палеолит, верхний палеолит, костяные ретушеры, ретушированные костяные орудия

В ходе ревизии коллекции фаунистических остатков, обнаруженных при раскопках в восточной галерее Денисовой пещеры, была выявлена представительная серия слабомодифицированных (неформальных) костяных орудий. Изучаемые изделия включают две основные группы изделий: ретушеры и ретушированные костяные орудия (РКО). Данные материалы сопоставимы с аналогичными находками, полученными из палеолитических горизонтов на других участках пещеры (Бомман и др. 2017; Козликин и др. 2018).

К первой группе относятся 27 предметов, происходящих из литологических слоев 14 (3 экз.), 12 (13 экз.), 11.4 (3 экз.), 11.3 (3 экз.) и 11.2 (5 экз.). Находки из слоя 14 соотносятся с ранней стадией среднего палеолита, слоев 12–11.3 — с развитым и финальным средним палеолитом, слоя 11.2 — с начальным верхним палеолитом (Деревянко и др. 2020). Габариты ретушеров и их фрагментов варьируют от 24×14×7 до 113×57×16 мм.

Все изделия изготовлены из фрагментов стенок диафизов трубчатых костей крупных млекопитающих, имеют преимущественно удлиненные пропорции. Рабочие зоны располагаются на внешней стороне поверхности компактного вещества, приурочены к выпуклым участкам рельефа кости. В двух случаях (слои 11.2 и 11.3) фиксируются две рабочие зоны, остальные орудия имеют только один участок концентрации следов использования. Степень износа изделий варьирует от слабо утилизированных до сильно изношенных, вплоть до образования участков понижения рельефа поверхности или утраты части внешнего слоя компактного вещества в процессе эксплуатации.

Кроме утилизационных, на ряде предметов фиксируются также следы подготовки поверхности к эксплуатации в виде линейных следов, идущих близ рабочих зон вдоль длинной оси кости. Эти следы, ве-

роятно, относятся к операции удаления надкостницы; они присутствуют на пяти ретушерах: два из слоя 12 и по одному из слоев 11.2, 11.3 и 14. На изделии из слоя 14 фиксируется перекрытие следов скобления погрызами хищного животного.

Коллекция РКО включает 15 предметов: 10 экз. из слоя 14, 4 экз. из слоя 12 и 1 экз. из слоя 11.3. Орудия представлены преимущественно фрагментами рабочих кромок с краевой ретушью. Целые изделия изготовлены из стенок диафизов трубчатых костей крупных копытных с помощью дорсального, вентрального (в одном случае) или двустороннего (в трех случаях) ретуширования.

Три целых артефакта происходят из слоя 12; среди них типологически выделяются орудие-посредник (52×21×8 мм) и два уплощенных скребловидных изделия подтреугольных в плане очертаний (68×42×12 и 59×39×11 мм).

Обнаруженные артефакты значительно обогащают коллекцию слабомодифицированных костяных изделий из Денисовой пещеры, а также демонстрируют присутствие в палеолитических комплексах стоянки устойчивого компонента орудий из твердого органического сырья. Эти предметы свидетельствуют о длительном существовании развитой индустрии, демонстрирующей преемственность традиций обработки и использования кости на протяжении регионального среднего и верхнего палеолита.

Список литературы

- Бомман М., Козликин М. Б., Плиссон Х., Шуньков М. В. 2017. Слабомодифицированные костяные орудия раннего верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XXIII, 50–53.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. 2020. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии 48 (3), 3–32.
- Козликин М. Б., Михиенко В. А., Францева Е. А., Шуньков М. В. 2018. Костяные ретушеры из Денисовой пещеры: новые материалы // Теория и практика археологических исследований 28 (4), 7–14.

Локальные и хронологические варианты орнаментации керамики Сперрингс на Карельском перешейке

Радаева Ю.Д.

Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: *неолит, культура Сперрингс, керамика, орнамент, Карельский перешеек*

В раннем неолите на территории Южной и Центральной Финляндии, Карельского перешейка и Карелии распространяется керамика типа Сперрингс. Эта керамика очень разнообразна по своему орнаменту, что позволяет исследователям выделять локальные и хронологические варианты данного типа посуды. Впервые такие разработки были представлены в работе А. Европеуса-Эйряпя (Eugoraeus-Äygrää 1930). Исследователь на материалах Финляндии и Карельского перешейка выделил два сменяющих друг друга подстиля ранней гребенчатой керамики: Ка I:1 (Сперрингс 1) с орнаментом в виде оттисков рыбьих позвонков, веревочки, прочерченных линий и Ка I:2 (Сперрингс 2) с оттисками гребенчатого штампа. Типология, разработанная А. Европеусом-Эйряпя, получила подтверждение в радиоуглеродных датировках: первый хронологический вариант датируется 5300–4400 кал. лет до н. э., второй — 4500–4000 кал. лет до н. э. (Nordqvist, Mökkönen 2017).

Изучением культуры Сперрингс занимаются на протяжении ста лет отечественные и зарубежные исследователи. Тем не менее керамика Сперрингс остается недостаточно изученной. Материалы Карельского перешейка — важный источник для изучения распространения традиции изготовления керамики данного типа, так как эта зона является пограничной между Финляндией и Карелией, двумя центрами ареала культуры Сперрингс. За последние два десятилетия благодаря ряду российских и международных проектов было накоплено значительное количество материала раннего неолита этого региона, требующего подробного изучения и систематизации.

Необходимо соотнести материалы раннего неолита Карельского перешейка с двумя этапами развития культуры Сперрингс, охарактеризовать варианты орнаментации сосудов, выделить группы и проследить их встречаемость на памятниках.

Для настоящего исследования были отобраны коллекции 11 памятников Карельского перешейка, содержащие материалы культуры

Сперрингс, из фондов МАЭ (Кунсткамера) РАН (рис. 1). Результаты изучения ряда рассматриваемых памятников были опубликованы Д. В. Герасимовым и другими исследователями (Тимофеев 1993; Герасимов, Субетто 2009; Gerasimov, Kriiska 2018). Следует отметить, что с двух памятников (рис. 1: 7, 9) рассматривался только подъемный материал, полученный в ходе разведок, однако и единичные фрагменты несут информацию о присутствии на данной территории керамики Сперрингс с тем или иным видом орнамента, что дополняет наши представления о типологии. Подъемный материал по сосудам не разделялся. В коллекциях раскопанных памятников было выделено 27 условных сосудов, исходя из особенностей орнамента и контекста обнаружения фрагментов.

Рис. 1. Памятники с керамикой типа Сперрингс на Карельском перешейке:
 1 – Холмогорское 1; 2 – Холмогорское 3; 3 – Каменка 1; 4 – Озерное 3;
 5 – Ермилово 9; 6 – Силино 1; 7 – Светлое 1; 8 – Комсомольское 3;
 9 – Озеро Синее 1; 10 – Большое Заветное 4; 11 – Синтола

Сосуды типа Сперрингс с памятников Карельского перешейка имеют примесь дресвы, толстые стенки (более 10 мм), округлое дно, прямосрезанные венчики, орнамент, полностью покрывающий внешнюю поверхность. Нанесение декора на поверхность сосудов осуществлялось разными способами (техниками): штампование, прочерчивание, отступление, накальвание. Основными элементами орнамента являются прочерченные и отступающие линии, оттиски рыбьих позвонков, веревочки, гребенчатого штампа, составляющие мотивы: ряд, елочка, зигзаг. Встречаются также ямочные вдавления, наносившиеся поверх основного орнамента и/или под венчиком.

В результате проведенного исследования было выделено пять групп сосудов по особенностям орнамента: с оттисками позвонков, веревочки, прочерченными линиями, отступающими линиями, гребенкой. Керамика Сперрингс 1, орнаментированная прочерченными линиями, была встречена на девяти памятниках, отступающими линиями — на трех, единичные фрагменты с оттисками веревочки обнаружены на двух памятниках и только на одном — сосуд с оттисками рыбьего позвонка. Керамика Сперрингс 2, декорированная гребенчатым штампом, присутствовала на семи памятниках. Отметим, что в шести комплексах совместно залегали материалы двух хронологических вариантов.

Таким образом, на Карельском перешейке преобладают находки керамики Сперрингс 1 с прочерченным орнаментом и Сперрингс 2 с гребенчатым. Остальные группы встречаются значительно реже. Примечательно, что на территории Карелии наблюдается другая ситуация: здесь большее распространение получила посуда, орнаментированная оттисками рыбьего позвонка и отступающими линиями (Герман 2001). Выделение локальных вариантов керамики типа Сперрингс на Карельском перешейке в настоящий момент затруднительно в силу небольшого количества рассмотренных материалов. Тем не менее здесь сложился особый вариант, отличный от тех, что сформировались в бассейне Онежского озера, с преобладанием прочерченных линий в орнаментации. Также на данной территории хорошо просматриваются два хронологических варианта керамики типа Сперрингс.

Перспективной является дальнейшая работа с коллекциями памятников Карельского перешейка, содержащими материалы культуры Сперрингс и доступными для изучения. Сопоставление керамики с хронологической схемой (вариантами Сперрингс 1 и 2) и соотноше-

ние сосудов разных орнаментальных групп на памятниках может стать основой для выявления локальных отличий, контактов ранненеолитического населения региона.

Список литературы

- Герасимов Д. В., Субетто Д. А. 2009. История Ладожского озера в свете археологических данных // Известия РГПУ им. Герцена 106, 37–49.
- Герман К. Э. 2001. Памятники с керамикой сперрингс в бассейне Онежского озера: дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Тимофеев В. И. 1993. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Массон В. М., Носов Е. Н., Рябинин Е. А. (ред.). Древности Северо-Запада. СПб.: Петербургское востоковедение, 8–33.
- Europaeus-Äyräpää A. 1930. Die Relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finland // Acta Archaeologica 1, 165–190.
- Gerasimov D., Kriiska A. 2018. Early-Middle Holocene archaeological periodization and environmental changes in the Eastern Gulf of Finland: Interpretative correlation // Quaternary International 465, 298–313.
- Nordqvist K., Mökkönen T. 2017. Periodisation of the Neolithic and radiocarbon chronology of the Early Neolithic and the beginning of the Middle Neolithic in Finland // Documenta Praehistorica XLIV, 78–86.

**Типологическая характеристика каменного инвентаря
неолитического поселения Кюльтепе-1
в Северо-Западном Ираке**

Светлаков Д. А.

*Государственный академический университет
гуманитарных наук*

Ключевые слова: *типология, Архаическая Хассуна, керамический неолит, Северо-Западный Ирак*

Неолитическое поселение Кюльтепе-1 расположено на левом берегу вади Шарайя, в долине Синджар на северо-западе Ирака. Оно исследовалось Н. О. Бадером в 1976 г. в рамках Советской археологической экспедиции в Ираке. В ходе раскопок было выявлено четыре строительных горизонта (пронумерованы от нижнего к верхнему), относящихся к периоду Архаической Хассуны (Бадер 1989: 143).

Коллекция каменного инвентаря неполная: отсутствуют несколько пластин из кремня и обсидиана, а также шлифованные топорики, упомянутые в монографии Н. О. Бадера (Бадер 1989: 156).

Коллекция содержит 106 (59+20+13+14)¹ артефактов². Преобладают изделия из местного коричневатого-серого кремня низкого и среднего качества. Изделий из черного и зеленоватого обсидиана — 18 экз. Встречаются изделия из галек (3 экз.) и окремнелого известняка (3 экз.). На 65 предметах из кремня и окремнелого известняка сохранилась естественная поверхность. Шесть находок имеют следы термического воздействия. Сохранность материалов хорошая, предметы не окатаны, на 15 — патина.

Ретушеры в виде целых плоских галек подокруглой формы с несколькими плоскими сколами по краям и неглубокими царапинами по периметру — 2 (гор. 1).

Нуклеусов и нуклевидных обломков — 12 экз.: (4+1+0+1) и (4+2+0+0) соответственно. Все одноплощадочные (рис. 1: 4), подпризматические и аморфные от отщепов с разомкнутым фронтом рас-

¹ Здесь и далее в скобках указано количество предметов в каждом горизонте, начиная с первого.

² Выражаю благодарность Ш. Н. Амирову и Н. Ю. Петровой за возможность работы с материалами из раскопок Советской археологической экспедиции в Ираке.

щепления. На плоскостях скалывания от 1 до 4 негативов субпараллельных однонаправленных сколов. Все ядрища сильно истощены.

Технологических сколов с нуклеусов — 2 экз. (1+0+0+1).

Отщепов — 23 экз. (17+4+0+2). **Осколков** — 14 экз. (6+4+3+1). Среди пластинчатых сколов преобладают **пластины** — 5 экз. (0+1+4+0), 4 из них изготовлены из обсидиана (рис. 1: 3, 5); **пластинка** всего одна (гор. 1). Для пластин из обсидиана характерны параллельные края, тонкое сечение, прямой профиль, более или менее устойчивая на всем протяжении толщина; возможно, они были получены техникой отжима.

К группе морфологически невыраженных орудий относится 13 предметов (7+2+1+3): 8 **отщепов с ретушью**, 4 (1+1+2+0) **пластины**, в том числе 3 из обсидиана, и **пластинка с ретушью утилизации** (гор. 1).

В коллекции 28 морфологически выраженных орудий: 14 (7+3+3+1) изготовлены на отщепах, 2 — из отдельных сырьевых, 9 — на пластинах, тип заготовки у 3 обломков неопределим.

Выемчатых орудий — 7 экз. (6+0+0+1), все оформлены на отщепах (рис. 1: 6). Выделяются 4 изделия со схожей техникой вторичной обработки: на краях предметов уплощающими сколами сформировано от 1 до 3 выемок со следами утилизационной ретуши в них.

Резцов всего 4 (1+2+1+0), они изготовлены на отщепах. Три резца оформлены на конце заготовки, присутствует один двугранный резец (гор. 3) (рис. 1: 7).

Крупный массивный **скребок** (гор. 1) подокруглых очертаний в плане из отдельности кремня оформлен крупными частично двусторонними сколами, дугообразное лезвие выделено ретушью (рис. 1: 8).

В коллекции представлено крупное и массивное **рубящее орудие** (гор. 2) из целой гальки кремнистой породы с сохранившимися участками естественной поверхности и естественным обушком (рис. 1: 10). Края изделия обработаны двусторонней оббивкой. Сечение линзовидное, слабо асимметричное. Лезвие выпуклое, слабо скошенное.

Примечательны 3 (0+1+2+0) **орудия с обушком** из крупных отщепов кремневого известняка (рис. 1: 9). Прямой или слегка дугообразный обушок оформлен крупной крутой ретушью на одном краю заготовки, противоположащее лезвие не обработано или подправлено ретушью. Подобные формы есть в коллекции Телль Сотто, но в публикации не описаны (Бадер 1989: 154).

Орудий из обсидиана — 9 экз. (4+1+2+2): **микролит** из узкого сечения пластины, концы которого усечены вертикальной ретушью, образующей выемки (гор. 1) (ближайшие аналогии встречаются на хассунском поселении Кашкашок II (Kashkashok II) (рис. 1: 1) (Hole 1994: 340)); **пластина с перемежающейся ретушью**, образующей зубчатый край (рис. 1: 2) (гор. 1); 3 (0+1+2+0) **пластины с вертикальной ретушью** по краю у проксимального конца; 4 (2+0+0+2) **обломка орудий** из пластин.

Еще в коллекции представлены 3 **неопределимых обломка орудий** из кремня.

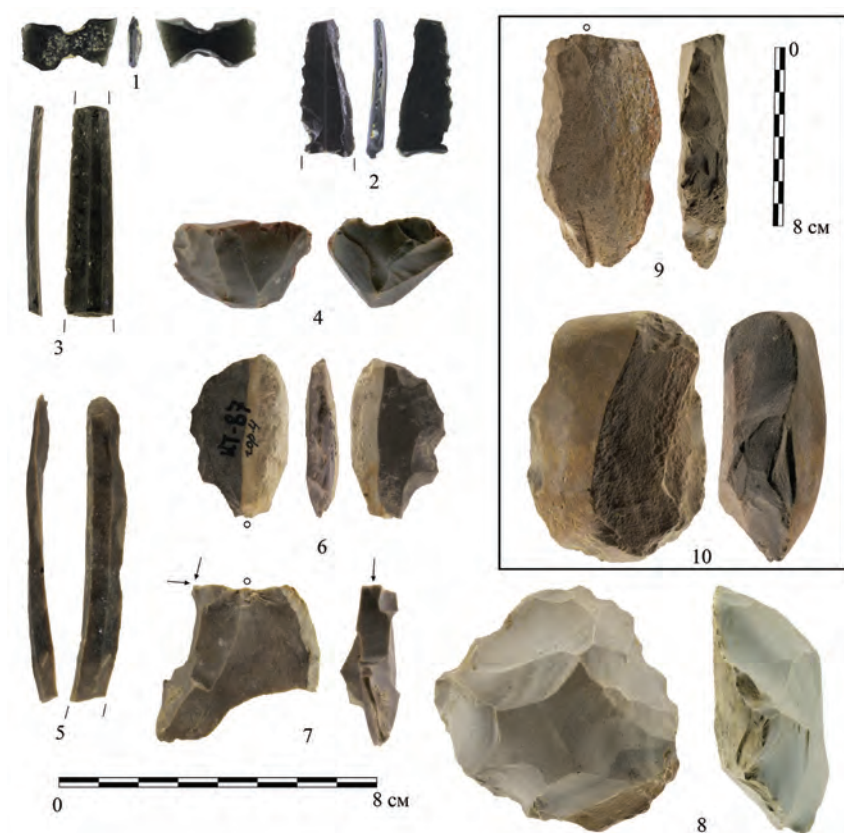

Рис. 1. Инвентарь поселения Кюльтепе-1: 1 — микролит; 2 — пластина с зубчатым краем; 3, 5 — пластины; 4 — нуклеус; 6 — выемчатое орудие; 7 — двугранный резец; 8 — скребок; 9 — орудие с обушком; 10 — рубящее орудие

В целом для коллекции каменного инвентаря характерны следующие черты: преобладают орудия из кремневых отщепов, но доля изделий из пластин, преимущественно из обсидиана, значительна и составляет около трети находок, индекс пластинчатости сколов — 34%; изделия из обсидиана представлены исключительно пластинами и орудиями; отходы первичного расщепления отсутствуют, что косвенно может свидетельствовать об импорте заготовок; предположительно обсидиан происходит с юго-востока Анатолии, из источников Бингель (Bingöl) или Немрут Даг (Nemrut Dağ) (Maeda 2009: 70); своеобразной чертой коллекции является наличие макроорудий с обушком; ни один из типов орудий не представлен во всех четырех горизонтах.

Сравнительный анализ инвентаря по горизонтам выявил следующие отличия. Более половины предметов из камня (59 экз.) происходит из нижнего горизонта, в том числе большинство предметов, связанных с первичным расщеплением. Наиболее разнообразный орудийный набор представлен в нижнем горизонте. В третьем горизонте среди заготовок преобладают пластины.

Малочисленность коллекции не позволяет проследить изменения каменной индустрии, но разница в количественном и качественном составе материалов нижнего горизонта и последующих трех позволяет предположить, что на более поздних этапах поселения либо происходит сдвиг функциональных зон, либо интенсивность производства и использования каменных орудий уменьшается.

Список литературы

- Бадер Н. О. 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука.
- Hole F. 1994. Khabur Basin PPN and Early PN Industries // Gebel H. G., Kozłowski S. K. (eds.). Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent. Berlin: ex oriente, 331–347.
- Maeda O. 2009. The Materiality of Obsidian and the Practice of Obsidian Use in the Neolithic Near East. Thesis. Manchester.

Проблематика изучения фигурного кремня в Верхнем и Среднем Прикамье

Смертина А. Ю.

*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Ключевые слова: *фигурный кремь, кремневая скульптура, Прикамье, неолит, энеолит*

Фигурный кремь — это кремневая скульптура, обработанная техникой ретуши, отображающая определенный сюжет духовных представлений древнего человека. Мелкая пластика относится к категории предметов неутилитарного назначения, так как на большинстве изделий нет следов использования в хозяйственной деятельности. Основной массив обнаруженных кремневых скульптур относится к периоду неолита — энеолита. Для памятников Верхнего и Среднего Прикамья характерно наличие единичных находок фигурного кремня. Задача данной работы — составить перечень опубликованных находок мелкой пластики с памятников Верхнего и Среднего Прикамья, так как для настоящей территории они комплексно не обработаны.

Первое упоминание о подобных находках было сделано в работе С. Н. Замятина, посвященной кремневой скульптуре неолита Северо-Восточной Европы (Замятин 1948: 98). Автор сообщает о кремневой фигурке, которую описал Н. А. Прокошев. находка происходила с неолитической стоянки у с. Курья в районе устья р. Чусовой (1 экз.). Точный памятник и сюжет, изображенный на скульптуре, автор не указывал. Данный труд стал отправной точкой в исследованиях фигурного кремня, так как С. Н. Замятин постарался не только опубликовать накопленный материал, но и создать классификацию предметов по сюжетам, изображенным на скульптуре.

В последующий период фигурному кремню уделяется лишь короткое упоминание при описании коллекций с памятников Прикамья. Примером может послужить публикация О. Н. Бадера, который при описании материальной культуры Астраханцевского поселения (устье р. Чусовой) упоминает фигурный кремь в виде головы птицы (1 экз.) (Бадер 1959: 110). Сюда же можно добавить публикацию

Л. А. Наговицина, который изучал соотношение гаринских и борских памятников в Прикамье. В тексте статьи фигурный кремль не указывается, но фигурирует в таблице, посвященной количественной характеристике каменных орудий (Наговицин 1990: табл. 5). Изделия происходят с поселений Бор II (2 экз.) и Выстелишна (3 экз.).

В статье А. Ф. Мельничука и Л. В. Пономаревой, посвященной раскопкам и обобщению материала стоянки Чашкинское Озеро VI периода неолита, можно обнаружить подробную информацию о фигурном кремне из коллекции памятника (2 экз.). Исследователи указывают, что одна из скульптур была обработана сплошной ретушью и имела серповидную форму. В работе описаны особенности предмета, представлена иллюстрация одной из двух находок (Мельничук, Пономарева 1984: 54). Позднее В. П. Денисов и А. Ф. Мельничук, при публикации материалов с энеолитического памятника Гагарское III, выделили фигурное изображение животного (1 экз.) (Денисов, Мельничук 2014: 47).

Предметы мелкой пластики фигурируют в монографии коллектива авторов, посвященной памятникам Чашкинского микрорегиона Верхнего Прикамья (2 экз.). Один из предметов изображает рыбу. Скульптура выполнена из синего кремня и имеет плоскую ретушь, происходит со стоянки Чашкинское Озеро II (Крыласова и др. 2014: 77). На памятнике был обнаружен как неолитический, так и энеолитический комплекс. Следующая находка была обнаружена на поселении Чашкинское Озеро VI, имеет форму «лунницы» или водоплавающей птицы — утки. Изделие изготовлено на отщепе из белого кремня и обработано двусторонней отжимной ретушью (Крыласова и др. 2014: 162).

Отдельно стоит отметить работу Ю. Б. Серикова, который описывал прикамские материалы в своих трудах. В обобщающей монографии по первобытному искусству Урала исследователь разбирает уже упомянутые предметы, происходящие с памятников Чашкинского озера. Здесь он обозначает лишь сюжеты, хронологическую привязку и размер изделий (Сериков 2014: 28). Кроме того, исследователь отмечает, что изделия, которые были отнесены к серповидным рыбным ножам, являются лунницами, аналогичными зауральским материалам.

На современном этапе фигурный кремль с памятников Верхнего и Среднего Прикамья обобщен в статье В. Н. Карманова. Автор включает ранее описанные исследователями находки в единый массив первобытной культуры Севера. В. Н. Карманов акцентирует внимание

на изображении рыбы со стоянки Чашкинское Озеро II, так как оно является не только скульптурой, но и подвеской (Карманов 2022: 142). К предметам искусства автор также относит фигурные бифасы с Астраханцевского поселения (3 экз.), поселения Бор I (5 экз.), Базов Бор (1 экз.) и Заборное Озеро I (3 экз.), так как их можно отнести к изображениям рыб или подвескам в виде клыков. Исследователь отмечает, что изделия долины р. Камы слабо изучены и их информативность снижена.

Подводя итоги, стоит отметить, что фигурному кремню практически не уделялось внимания в трудах, посвященных материальной и духовной культуре неолита — энеолита Прикамья. Всего в работах кратко опубликовано 24 кремневые скульптуры. Если изделия и фигурируют в работах исследователей, то достаточно коротко упомянуты. На территории Прикамья к настоящему моменту обнаружено малое количество кремневой скульптуры. Возможно, это связано с тем, что исследователи атрибутируют подобные предметы иначе, не обращая внимание на сюжеты, которые они отображают. С целью выявления предметов и создания классификации изделий необходима тщательная работа с накопленными коллекциями.

Список литературы

- Бадер О. Н. 1959. Астраханцевское поселение в устье Чусовой // Бадер О. Н. (ред.). Отчеты Камской (Воткинской) археол. экспедиции. Вып. 1. М.: Главиздат МК РСФСР, 87–112.
- Денисов В. П., Мельничук А. Ф. 2014. Поселение Гагарское III в системе новолыгинских древностей Пермского Приуралья // Вестник Пермского университета. История 24 (1), 44–59.
- Замятнин С. Н. 1948. Миниатюрные кремнёвые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // СА 10, 85–123.
- Карманов В. Н. 2022. Просто красота или еще и магия? Фигурные кремни и их место в первобытной культуре Севера // Stratum Plus 2, 139–158.
- Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В. 2014. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: ПГГПУ.
- Мельничук А. Ф., Пономарева Л. В. 1984. Неолитическая стоянка Чашкинское Озеро VI // Наговицин Л. А. (ред.). Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск: Изд-во УдИЯЛИ, 44–57.
- Наговицин Л. А. 1990. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Наговицин Л. А. (ред.). Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 82–96.
- Сериков Ю. Б. 2014. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НГСПА.

Производство и использование микропластинчатого инвентаря в индустрии II слоя стоянки Костенки 17

Смолкина В. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории материальной культуры РАН

Ключевые слова: *верхний палеолит, экспериментально-трасологический анализ, функция, микропластины*

Стоянка Костенки 17 расположена на второй правобережной надпойменной террасе Дона между Покровским и Аносовым логами (Воронежская обл., Хохольский район, с. Костенки). Она была открыта П. И. Борисовским в 1953 г. За 1953 и 1955 гг. была вскрыта площадь 60 м² (Борисовский 1963: 80, 82). В 1963 г. А. Н. Рогачевым был заложен шурф площадью 4 м², в 1980–1982 гг. Н. Д. Прасловым — раскоп площадью 12 м² (Борисовский и др. 1982: 181). С 2017 г. работы на памятнике были возобновлены и проводятся по настоящее время под руководством А. А. Бессуднова.

Второй культурный слой относится к индустриям пласта начального верхнего палеолита (Синицын 2014: 76) и по современным данным датируется 42–41 кал. тыс. л. н., он считается одним из самых ранних свидетельств расселения человека современного физического облика в Восточной Европе (Dinnis et al. 2019: 25).

Расщепление в индустрии II слоя стоянки Костенки 17 было направлено на производство двух стандартных видов заготовок: крупных пластин, контекст изготовления которых отсутствует, а также микропластин, снимавшихся с ретушных резцов (Бессуднов и др. 2021: 187). Среди каменных орудий со вторичной обработкой в коллекции преобладают резцы, скребков немного, единично представлены долотовидные орудия и пластины с ретушью.

На стоянке прослеживается полный контекст производства микропластин, представленный резцами спицынского типа, резцовыми сколами первого и последующих порядков и сколами формирования ретушной площадки (Бессуднов и др. 2021: 185, 187), с которой сначала снимался длинный подтреугольный в сечении резцовый скол, затем следовало снятие плоского резцового скола — микропластины (Лада и др. 2021: 184). Крупные пластины, на которых изготавливались резцы, приносились на стоянку, о чем свидетельствует наличие на обеих

поверхностях большей части пластин следов транспортировки. В некоторых случаях можно проследить снятие части поверхности с этими следами более поздними древними сколами (Смолкина 2023). Некоторые микропластинки без морфологии резцового скола также могли быть сняты с резцов (Бессуднов и др. 2021: 185). Резцовые сколы первого порядка часто несут на себе следы использования пластины до ее переоформления в резец. На кромках резцов (выборка из 29 экз.) и на дорсальных поверхностях резцовых сколов второго порядка следов использования зафиксировано не было.

Выборка микропластин (30 экз.) для проведения трасологического анализа была сформирована на основе коллекции 2023 г. (26 экз.) и дополнена предметами из коллекции Н. Д. Праслова 1980 г. (1 экз.) и П. И. Борисковского (3 экз.). Большинство артефактов изготовлены из черного мелового кремня — основного сырья для индустрии II слоя стоянки Костенки 17, но две микропластинки (коллекция 1953–1955 гг.) изготовлены из коричневого валунного кремня. Среди микропластин выборки встречаются изделия как со свежими краями, так и с нерегулярной мелкой ретушью по отдельным участкам одного или обоих краев.

В результате трасологического анализа было выяснено, что из тридцати микропластин пять (16,7% выборки) несут на себе микроследы использования, во всех случаях связанные с выкрошенностью, различимой невооруженным глазом. На четырех экземплярах (1950-х гг.: № 698, 894; 2023 г.: № 44, 52) фиксируется проникающая заполировка средней яркости, глубоко заходящая от края и часто сглаживающая его, с редкими участками более интенсивного блеска. Подобный износ появляется в результате взаимодействия орудия с мягкими материалами животного происхождения. Говорить о конкретной функции в этих случаях сложно, но, вероятнее всего, они являлись вкладышами, поскольку износ расположен исключительно на одном из краев, не распространяясь на дистальный и проксимальный концы. На № 44 фиксируются мельчайшие фасетки выкрошенности, не связанные с заполировкой, что также говорит о жестком контакте этой части орудия с материалом основы.

Только на одном экземпляре была зафиксирована яркая налегающая заполировка, связанная с длинными линейными следами. Заполировка имеет неполный профиль, поскольку в прикромочной части снята выкрошенностью, внутри фасеток которой также видна начальная стадия образования износа. В этом случае заполировка тоже ло-

кализуется по одному краю орудия и не заходит на концы. Характер следов использования говорит о связи орудия с обработкой твердых органических материалов.

Таким образом, в индустрии II слоя Костенок 17 резцы спицынского типа в большинстве случаев выступают вариантом переоформления пластин, бывших до этого в работе. Отсутствие следов на резцовых кромках и дорсальных поверхностях резцовых сколов второго порядка, включенных в выборку, говорит о том, что технологическая цепочка была направлена на получение микропластин, которые в свою очередь могли использоваться в качестве вкладышей составных орудий — по крайней мере, результаты трасологического анализа этому не противоречат.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-78-10151 «Палеолит Костенок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии»).

Список литературы

- Бессуднов А. А., Синецын А. А., Диннис Р., Артюшенко А. А., Лада А. Р., Степанова К. Н., Малютина А. А., Бессуднова М. А., Петрова Е. А., Дука К. 2021. Костенки 17 (ст. Спицына): новые данные о стратиграфии, хронологии и условиях залегания культурных слоев // *Stratum plus* 1, 163–198.
- Борисковский П. И. 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках (МИА 121). М.; Л.: АН СССР.
- Борисковский П. И., Праслов Н. Д., Аникович М. В. 1982. Костенки 17 (Спицынская стоянка) // *Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979: некоторые итоги полевых исследований*. Л.: Наука, 181–185.
- Лада А. Р., Бессуднов А. А., Диннис Р., Синецын А. А. 2021. Технология получения микропластин в индустриях ранней поры верхнего палеолита Костенок // Толстых Д. С. (ред.). *Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костенки» 1*. Воронеж: Пресс-Бургер, 182–187.
- Синецын А. А. 2014. Прерывистость и преемственность в палеолите Костенок // Бессуднов А. Н. (ред.). *Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы: Мат-лы межрегион. науч. конф., посвящ. 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии) (Верхнедонской археологический сборник 6)*. Липецк: ЛГПУ, 66–76.

- Смолкина В. С. 2023. Трасологический анализ орудий и резцовых сколов коллекции II слоя стоянки Костенки 17 (2022 г.) // Пустовалов А. Ю. (ред.). Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костенки» 3. Воронеж: Полиграфический центр «Пресс-Бургер», 85–102.
- Dinnis R., Bessudnov A. A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M. V., Sinitsyn A. A., Higham T. 2019. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *Journal of Human Evolution* 127, 21–40.

Скребки стоянки Замостье-2: форма и функция (по материалам позднемезолитического слоя)

Такташева С. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: *поздний мезолит, Волго-Окское междуречье, типологический анализ, функциональный анализ, скребки*

Стоянка Замостье-2 — один из опорных многослойных памятников эпох мезолита — неолита в Волго-Окском междуречье. Он расположен на территории Московской области, в 100 км к северо-востоку от Москвы, в русле р. Дубны. Материалы стоянки ранее неоднократно обращали на себя внимание исследователей прежде всего из-за уникальной сохранности артефактов из органических материалов. Изучение каменного инвентаря и отдельных его категорий, в том числе скребков, требует дальнейшего комплексного анализа, в чем и заключается цель данной работы.

Предметом исследования выступают 35 кремневых орудий со скребковым лезвием позднемезолитического (7) слоя. Слой залегает на глубине 2,75–2,91 м и представляет собой темно-серый сапропель с растительными остатками, чешуей и костями рыб, мелкими углями. Мощность слоя колеблется от 10 до 15 см, кремневая индустрия насчитывает 11 892 артефакта (Лозовская и др. 2023: 176). Хронологические рамки формирования слоя определяются датами ок. 6300–5900 calBC (Лозовская и др. 2023: 174).

Скребок, как правило, называется орудие на отщепе или пластине с коротким ретушированным выпуклым или прямым рабочим краем (Васильев и др. 2007: 192). В этом исследовании скребками названы орудия с крутой, зачастую многорядной, краевой ретушью. Использование такой же ретуши для формирования расположенных рядом либо интегрированных в скребковое лезвие выемок и приостренных жалцев приводит к сложности типологической дифференциации внутри категории (Лозовская и др. 2023: 180). В силу своей распространенности скребки мезо- и неолитических комплексов уже обращали на себя внимание исследователей как непосредственно на стоянке Замостье-2 (Лозовская, Лозовский 2003), так и в Верхневолжье в целом (например: Сорокин 2002; Жилин 2004; Цветкова 2015). Однако общепринятая типология скребков для памятников мезолита Волго-Окского междуречья и бассейна Верхней Волги не выработана. Это можно

связывать как с типологической неоднородностью и неустойчивостью морфологии, так и с культурно-хронологической вариативностью материалов, спецификой стоянок и степенью изученности.

Для производства скребков на стоянке Замостье-2 использовался местный моренный кремьен темно-серых и коричневатых оттенков (определение М. А. Кульковой). Основным типом заготовки служили отщепы и обломки (33 ед.), что характерно для каменной индустрии стоянки в целом (Лозовская и др. 2023: 179–180). Некоторые артефакты имеют галечную корку (4 орудия — на полупервичных отщепах, 3 — на первичных).

Исследование базируется на применении типологического и экспериментально-трасологического методов анализа. Использовалось следующее оборудование: бинокулярный микроскоп МБС-10 (увеличение до $\times 98$); металлографический микроскоп Olympus BH-2 со встроенным прямым освещением (до $\times 500$) в сочетании с камерой Canon EOS6D Mark II, а также ПО Canon EOS Utility, Helicon Focus.

В коллекции представлены 12 концевых скребков с дугообразным (11 ед.) и прямым (одна ед.) лезвием, три боковых скребка (два из них имеют заостренные выступы — жальца — в одном случае на углах лезвия, в другом на его противоположном конце), два скребка округлой формы с дорсальной ретушью по периметру и два подокруглых скребка, один концевой-боковой скребок с дугообразным лезвием, два скребка с волнообразным лезвием, два скребка с резчиком на углу заготовки, один узкий угловой скребок с выемкой, одна проколка-острие с прямым скребковым лезвием, а также выемкой и ретушированным краем, один скребок с выпуклым лезвием на короткой массивной заготовке.

Наиболее ярким типом орудий со скребковым лезвием являются орудия типа Замостье (Лозовская, Лозовский 2003: 35) с сочетанием на одной заготовке различных видов рабочих лезвий — скребок, пологая выемка, приостренное жальце. В выборке их восемь единиц.

Типологическое определение орудий в качестве скребков в ходе функционального анализа нашло свое подтверждение. Для выделения вариантов/подтипов необходима количественно большая выборка. Сочетание методов позволило уточнить технику и сырьевой ряд обрабатываемых этими орудиями материалов (обработка шкур, скобление кости (рис. 1), дерева). В качестве рабочих частей орудий не всегда использовалось скребковое лезвие, что говорит о ситуативности этих орудий. В ряде случаев износ располагается на углах сломов заготовок и на жальцах. На части предметов следы отсутствуют.

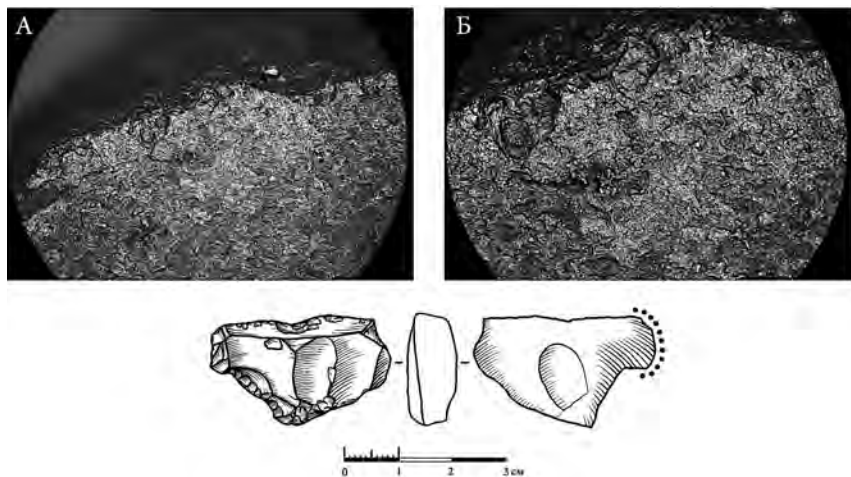

Рис. 1. Замостье-2. Орудие, которое использовалось для скребления кости:
 А — увеличение $\times 100$; Б — увеличение $\times 200$

Таким образом, результаты типологического и функционального анализов органично дополняют друг друга и расширяют наше понимание позднемезолитической индустрии стоянки Замостье-2.

Список литературы:

- Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н. 2007. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Жилин М. Г. 2004. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Амирханов Х. А. (ред.). Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир, 92–139.
- Лозовская О. В., Лозовский В. М. 2003. Типология и функция каменных изделий стоянки Замостье 2 (поздний мезолит — ранний неолит Русской равнины) // Археологические вести 10, 31–46.
- Лозовская О. В., Федорова Д. Н., Малютина А. А., Такташева С. Д. 2023. Типологический анализ и оценка костеобрабатывающего каменного инвентаря позднемезолитического слоя стоянки Замостье 2 // Поволжская археология 3 (45), 168–187.
- Сорокин А. Н. 2002. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука.
- Цветкова Н. А. 2015. Скрепки в раннем неолите Верхневолжского региона (сравнительная характеристика) // ТАС 10 (том I), 343–361.

Сравнение воротничковой керамики памятников на р. Сок

Трофимов А. Г.

Самарский государственный социально-педагогический университет

Ключевые слова: *энеолит, бассейн р. Сок, воротничковая керамика*

На территории лесостепного Поволжья в бассейне р. Сок располагаются памятники, на которых была обнаружена воротничковая керамика эпохи энеолита. На памятниках Лебяжинка-I, Лебяжинка-IV, Лебяжинка-III найдены фрагменты около сотни сосудов, потому данные памятники взяты для анализа.

На поселении Лебяжинка-III из 77 сосудов воротничковое утолщение имеют 37 (48%) (рис. 1). Из общего количества сосудов у 33 верхняя часть прямая с плоским срезом (43%). Среди воротничковой посуды воротнички прямоугольной формы встречены на 20 фрагментах (55%), у семи сосудов среди них воротничковое оформление венчиков слабо выражено (35%). Среди 77 сосудов примерно у 47 можно предположительно разглядеть орнамент (61%). Таким образом, воротничковое утолщение венчика не основной признак для данной посуды.

Удалось установить, что среди этих сосудов большинство имеют округлые или уплощенные днища, у одного сосуда зафиксировано плоское дно. Преобладают сосуды горшковидной формы (61%) (Васильева и др. 2020: 219–220). В глиняном сырье памятника содержится раковина и пух птиц, толщина стенок сосудов доходит до 1,8 см, в среднем-1 см.

На сохранившихся воротничковых сосудах, где можно определить наличие или отсутствие орнамента, в 11 (52%) случаях он выполнен гребенчатым штампом и в 5 (23%) — отпечатками веревочки. У пяти сосудов (24%) орнамент не зафиксирован.

Сосуды, не имеющие воротничкового оформления, были орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа в 15 случаях (58%), четыре сосуда были орнаментированы веревочным штампом (15%). По одному сосуду орнаментировано ямками и гладким штампом.

На поселении Лебяжинка-IV встречаются воротничковые и неворотничковые сосуды. Из 97 сосудов 85 (88%) имеют воротничковое оформление венчика (рис. 1).

Сама керамика серого цвета, в изломе черепок черный. Визуально можно установить добавление в глиняное сырье примеси раковины.

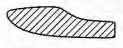

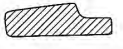

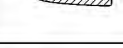

												Всего сосудов
Леб.- III	-	2(5%)	-	4 (11%)	9 (24%)	4 (11%)	2(5%)	-	-	40	77	
Леб.- IV	6(7%)	1(1%)	2(2%)	5(6%)	1(1%)	-	17 (20%)	15 (18%)	6 (7%)	12	97	
Леб.-I	4 (5%)	5 (6%)	9 (10%)	4 (5%)	1 (1%)	-	19 (22%)	18 (20%)	6 (7%)	16	104	

Рис. 1. Форма венчиков сосудов памятников Лебяжника I, Лебяжника III, Лебяжника IV

Толщина стенок сосудов колеблется от 0,5 до 1,3 см, в среднем 0,8. Среди воротничковых сосудов выделяются следующие формы: валиковые — 32 (38%), подтреугольные — 29 (31%), выделяются сосуды, близкие материалам Съезжинского могильника, — 9 (38%). Венчиков с воротничком, близкому к прямоугольной форме, — 6 (7%).

Среди воротничковой керамики стоянки Лебяжинка-I были проанализированы венчики от 104 сосудов.

Из 104 сосудов с воротничковым оформлением венчика — 88 (85%). Среди воротничковых сосудов выделяются следующие формы: валиковые — 26 (18%), подтреугольные — 18 (20%). Венчиков с воротничком, близкому к прямоугольной форме, — 5 (6%); также встречено 19 (22%) венчиков переходной формы. Больше распространены отогнутые венчики — 71 экземпляр (81%) от всех воротничковых сосудов. Наиболее распространены воротничковые сосуды толщиной 0,7 см, их 35 (40%). Среди всех сосудов большинство венчиков — 56 (64%) — были отогнуты. Толщина стенок сосудов колеблется от 0,5 до 1,4 см, в среднем 0,7.

Большая часть фрагментов была орнаментирована, 11 сосудов из 104 были без орнамента (11%).

Из орнаментированных сосудов гребенчатый штамп располагался на 36 сосудах (35%). Коротким зубчатым штампом было орнаментировано 11 сосудов (10%). Вереvoчная орнаментация обнаружена на 26 сосудах (27%). Плетеные фактуры присутствовали на 21 сосуде (20%). Один сосуд орнаментирован прочерченными линиями. Наиболее распространена орнаментация: наклонно-вертикальные линии на венчике сосудов и горизонтальные под венчиком. Подобный мотив орнамента встречался на 51 сосуде (49%). У 18 (18%) сосудов привенчиковая часть была орнаментирована наклонно-вертикальными линиями, зона под венчиком была без орнамента. У трех сосудов были наколы под венчиками. У двух сосудов привенчиковая часть была орнаментирована вертикальными зигзагами. Сосудов, орнаментированных коротким зубчатым штампом, — 4 (5%).

Таким образом, на р. Сок выделяются две основные группы воротничковой посуды. К первой относится воротничковая керамика поселения Лебяжинка-III, которой близки материалы Гундоровского (жилище № 5), третья группа керамики Лебяжинка-VI и венчик со стоянки Лебяжинка-IV. В глиняном тесте содержится пух птиц, сосуды толстостенные, воротничковое оформление венчика встречено только на 48%, воротничок прямоугольной формы (рис. 1). Отсут-

ствуют меандровые композиции, керамика этой группы была отнесена к материалам первого этапа самарской культуры (Овчинникова 2007: 108) и в особый «лебяжинский» культурный тип (Королев 2012: 42).

Ко второй группе относятся материалы со стоянок Лебяжинка-I, Лебяжинка-IV, несколько фрагментов было обнаружено и на поселении Лебяжинка-VI. В результате анализа было выявлено, что воротничковая керамика памятников Лебяжинка-I и Лебяжинка-IV близка между собой. В результате сравнения с материалами воротничковой керамики поселения Лебяжинка-III были выявлены существенные различия, такие как: форма воротничка (рис. 1), отогнутость венчика, примесь раковины. Керамика третьей группы близка материалам хвалынской культуры и воротничковой керамике с памятников на р. Турганик (Моргунова и др. 2017: 49).

Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

Список литературы

- Васильева И. Н., Королев А. И., Шалапинин А. А. 2020. Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка III: морфология и технология // Сташенков Д. А. (ред.). Самарский край в истории России. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения П. В. Алабина. Вып. 7. Самара: СОИМК им. П. В. Алабина, 199–210.
- Королев А. И. 2012. К вопросу о месте материалов поселения Лебяжинка III в энеолите Средней Волги // Проблемы истории, археологии, образования. Самара: ПГСГА, 31–42.
- Моргунова Н. Л., Васильева И. Н., Кулькова М. А. и др. 2017. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГАУ.
- Овчинникова Н. В. 1995. Лебяжинка III — поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 164–191.

Проблемы идентификации пирогенных объектов эпохи камня и существующие методы их решения

Уткин К.И.

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

Ключевые слова: пирогенный объект, ИК-Фурье спектроскопия, микроморфология, экспериментальная археология

Доказательство использования огня древним человеком — одна из актуальных задач современной археологии. Следуя терминологии (Нестерова 2019: 10), будем называть «пирогенным объектом» след, зафиксированный в раскопе и предположительно являющийся результатом горения.

Наличие следов очажных конструкций и явно выраженного углесто-зольного заполнения, как правило, дает основание для дальнейших интерпретаций, но порой в отчетах фигурирует только термин «прокал» с цветовой характеристикой, что не является достаточным доказательством. Анализ включений на предмет термических изменений также часто требует большего, чем макроскопический осмотр. К тому же наличие обожженных предметов в объекте не дает гарантий, что они были обожжены именно в нем.

Недостаток доказательств может привести к ошибочной интерпретации (Stahlschmidt et al. 2015). Один и тот же цвет следа на грунте может быть следствием как антропогенных, так и природных процессов (Mallol et al. 2013).

В тех случаях, когда макроскопические параметры не дают однозначных оснований, требуются более убедительные аргументы при ответах на следующие вопросы:

1. Действительно ли рассматриваемый объект содержит продукты горения?
2. Было ли тепловое воздействие именно на месте этого объекта, или продукты горения были перенесены из другого места?
3. Сформировался ли объект именно на том уровне, на котором его обнаружили, или содержимое переместилось с более поздних или более ранних слоев?
4. Возникло ли тепловое воздействие по инициативе человека или имело природный характер?

В англоязычной литературе делается ставка на естественно-научные методы, каждый из которых применим для решения своего набора задач (Mentzer 2014).

ИК-Фурье спектроскопия (FTIR) может показать наличие определенных химических соединений в исследуемом образце, а также различить карбонаты геологического, биологического и пирогенного происхождения (Regev et al. 2010). По наличию магния и пиролизованного коллагена можно понять, приобрела ли кость черный цвет из-за термического воздействия или в ходе процесса минерализации. Термические изменения кости хорошо исследованы при помощи FTIR (Lebon 2010).

Эффект термоостаточной намагниченности позволяет установить, был ли конкретный участок подвержен температурным воздействиям (Фассбиндер 2019). Но измерений одного параметра может быть недостаточно, и для палеолитических памятников применяется комплексный метод на основе соотношений ряда магнитных параметров, в том числе магнитной восприимчивости (Kurgaeva et al. 2023).

Градиентометрия (измерение вектора магнитной индукции Земли) позволяет выявлять на местности магнитные аномалии, среди которых и следы горения (Бычков 2017).

Хороший потенциал имеют микроморфологические исследования, включающие в себя стабилизацию микростратиграфических образцов при помощи эпоксидных и полиэфирных смол. Изучение проводится при помощи поляризационных микроскопов с увеличением ~400× (Mallol et al. 2013). Подготовка образцов имеет решаемые технические сложности и не требует дорогих материалов, а вот для описания и интерпретации нужен высокий уровень компетенции. Поэтому самостоятельно изготовленные стабилизированные образцы (которые могут храниться годами) следует пересылать специалистам для описания.

Метод эксперимента позволяет получить связь между температурой горения и следами на грунте; изготовить контрольные образцы как отложений, так и сжигаемых материалов; оценить эффективность топлива и его расход при разных видах деятельности и т. д. (Aldeias 2017; March et al. 2014). Эта часть работы наименее требовательна к финансовому обеспечению.

В целом заметная результативность при умеренных расходах может быть достигнута путем комбинирования эксперимента, микроморфологии и FTIR, хотя этот набор методов не является универсальным.

Список литературы

- Бычков Д. А., Евменов Н. Д. 2017. Следы горения отопительных кострищ с точки зрения магнитометрии: результаты эксперимента // Родянкова В. Е., Федорина А. Н. (ред.). Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям: материалы IV конференции молодых ученых М.: ИА РАН, 142–144.
- Нестерова М. С. 2019. Очажные устройства в эпоху палеометалла (Западная Сибирь). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Фассбиндер Й. В. Е. 2019. Магнитометрия в археологии — от теории к практике // РА 3, 75–91.
- Aldeias V. 2017. Experimental Approaches to Archaeological Fire Features and Their Behavioral Relevance // *Current Anthropology* 58, 191–205.
- Kurgaeva A., Sedov S., Moreno-Roso S., Barceinas C., Hermenegildo, O., Guerrero B., Solleiro-Rebolledo E., Sinitsyn A. 2023. Magnetic properties as indicators of pedogenic and pyrogenic processes at the Upper Paleolithic site of Kostenki 14 // *Geoarchaeology* 39, 143–167.
- Lebon M. 2010. Characterization of burnt bones in archaeological context: a comparative study of modern and fossil material by infrared spectroscopy // *Paethnologie* 2, 145–158.
- Mallol C., Hernandez C. M., Cabanes D., Sistiaga A., Machado J., Rodriguez A., Perez L., Galvan B. 2013. The black layer of Middle Palaeolithic combustion structures. Interpretation and archaeostratigraphic implications // *Journal of Archaeological Science* 40 (5), 2515–2537.
- March R. J., Lucquin A., Joly D., Ferreri J. C., Muhieddine M. 2014. Processes of Formation and Alteration of Archaeological Fire Structures: Complexity Viewed in the Light of Experimental Approaches // *Journal of Archaeological Method and Theory* 21 (3), 1–45.
- Mentzer S. 2014. Microarchaeological Approaches to the Identification and Interpretation of Combustion Features in Prehistoric Archaeological Sites // *Journal of Archaeological Method and Theory* 21 (3), 616–668.
- Regev L., Poduska K. M., Addadi L., Weiner S., Boaretto E. 2010. Distinguishing between calcites formed by different mechanisms using infrared spectrometry: archaeological applications // *Journal of Archaeological Science* 37 (12), 3022–3029.
- Stahlshmidt M. C., Miller C. E., Ligouis B., Hambach U., Goldberg P., Berna F., Richter D., Urban B., Serangeli J., Conard N. J. 2015. On the evidence for human use and control of fire at Schöningen // *Journal of Human Evolution* 89, 181–201.

Новые палеолитические местонахождения открытого типа в долине р. Или (Юго-Восточный Казахстан)

Ферапонтов А. И.

Государственный академический университет
гуманитарных наук

Ключевые слова: *каменный век, подъемный материал, Юго-Восточный Казахстан, средний палеолит*

Каменный век Юго-Восточного Казахстана сейчас активно изучается (Ожерельев, Мамиров 2023), однако неравномерная изученность территории до сих пор остается актуальной проблемой. В связи с этим большое значение имеет проведение археологических разведок, что и осуществляется в рамках совместной Российско-Казахстанской палеолитической экспедиции ИА РАН (Москва) и Института археологии им. Маргулана (Алматы).

Район исследований — Юго-Восточный Казахстан, долина р. Или — основного притока крупнейшего водоема Центральной Азии оз. Балхаш. Точнее это Кербулакская платообразная возвышенность, расположенная на правом берегу р. Или ниже по течению от Капчагайского водохранилища. Впервые в бассейне р. Или кости динозавров, а также сопровождавшую их палеофлору (окаменевшие стволы деревьев) обнаружил известный палеонтолог И. А. Ефремов (Ефремов 1944). Первые каменные артефакты эпохи палеолита на правом берегу р. Или были обнаружены историком А. В. Михайловым в 2010-х гг. В 2022 г. Российско-Казахстанской палеолитической экспедицией под руководством Д. В. Ожерельева при участии автора были проведены разведки в долине р. Или¹. В результате были открыты новые местонахождения открытого типа и собрана коллекция подъемного материала. Этим материалам и посвящена данная работа.

По итогам разведок были выявлены 2 комплекса местонахождений — Кербулак 1 (5 пунктов сбора) и Кербулак 2 (2 пункта сбора) (рис. 1: Б), всего было собрано около 50 каменных артефактов, большая часть которых представлена обломками и фрагментированными отщепами без ретуши. Кратко опишем наиболее яркие находки. В качестве сырья использовались яшмоиды — метаморфизированные

¹ Автор выражает благодарность А. В. Михайлову за помощь в проведении археологических разведок.

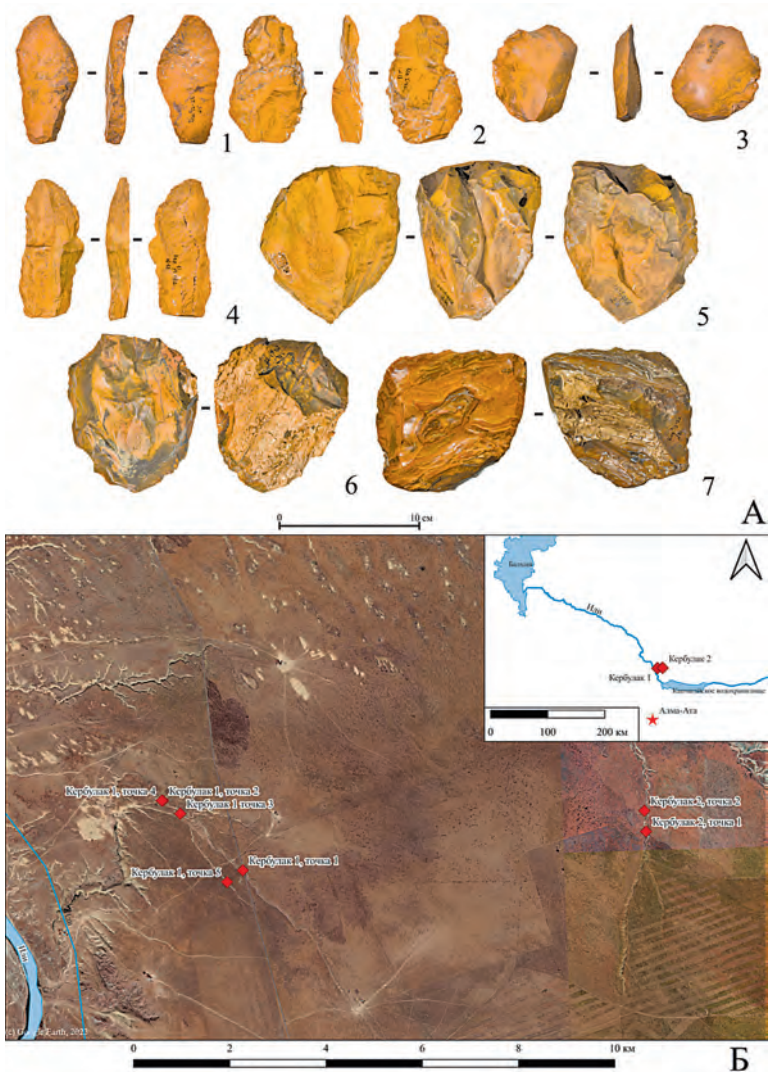

Рис. 1. А – Материалы сборов. Кербулак 1: 6–7 – нуклеусы; 1, 4 – пластины; 3 – скребло. Кербулак 2: 5 – нуклеус; 2 – обломок отщипа. Б – Карта памятников

(окаменевшие) стволы меловых деревьев, преимущественно желто-серых и темно-коричневых цветов.

Стоянки приурочены к выходам высококачественного сырья, которое и сейчас обнаруживается в разновозрастных галечниках, перекрывающих мезозойские отложения Кербулакской равнины. Равнина прорезается сухими руслами сезонных водотоков. В обнажениях этих водотоков и в руслах галечников встречаются как естественно оббитые куски окаменевших пород деревьев, так и каменные изделия: нуклеусы, отщепы, пластины, единичные орудия.

К нуклеусам на Кербулаке 1 отнесено два предмета. Первый — сильно сработанный одноплощадочный леваллуазский нуклеус овальной формы для пластин и пластинчатых отщепов размером 10,2×8,7×4,8 см (рис. 1: А, 6). Второй нуклеус — одноплощадочный для пластин (размер 9,4×9,5×4,4 см), близкий к леваллуазским формам (рис. 1: А, 7).

Из орудий в материалах Кербулака 1 присутствует продольное скребло, оформленное крутой ступенчатой ретушью, размерами 6,9×5,7×2 см (рис. 1: А, 3). Также на местонахождении обнаружены две пластины. Первая (размером 9,7×4,3×1,3 см) с нерегулярной ретушью, по всей видимости, природного происхождения (рис. 1: А, 4). Другая пластина (9,1×4,4×1,1 см) с крутой двурядной ретушью по двум сторонам, при этом ретушь на правой стороне образует выпуклое лезвие (рис. 1: А, 1).

С местонахождения Кербулак 2 происходит один нуклеус для пластин (10,7×9,2×7,4 см), он имеет достаточно сильные заломы и внутренние трещины (рис. 1: А, 5). Из орудий на местонахождении присутствует обломок отщепы с ретушью (9,0×5,4×1,6) и несколькими естественными выемками (рис. 1: А, 2).

Леваллуазская техника обработки в Юго-Восточном Казахстане известна по материалам таких местонахождений, как Актогай, Актерек, Кастек. На других ближайших местонахождениях Казахстана она отмечена на стоянках Чингиз, Хантау, отдельных комплексах Семизбугу (Артюхова 1998; Ожерельев 2012).

Следует отметить, что сама по себе леваллуазская техника не является точным хронологическим маркером для материалов Юго-Восточного Казахстана. Например, на стоянке Майбулак в материалах слоев 3–5 (возраст 27–34 тыс. некал. л. н.) представлено как призматическое, так и леваллуазское расщепление, но под ними был обнаружен слой 6 (возраст около 35 тыс. некал. л. н.), где применялась исключительно микропризматическая техника расщепления (Ожерельев и др.

2023). В целом средний палеолит Центральной Азии — явление более позднее относительно других регионов, а вопрос о выделении внутри него возможных локальных вариантов достаточно дискуссионный (Vishnyatsky 1999: 108–112).

Таким образом, в результате разведок был обнаружен новый комплекс местонахождений открытого типа. Собранный материал типологически можно отнести к среднему палеолиту. По всей видимости, оба комплекса местонахождений Кербулак 1–2 относятся к стоянкам-мастерским, на что указывает относительно большое количество нуклеусов для столь небольшой выборки. В целом данный микрорегион представляется перспективным для поиска стратифицированных стоянок среднего палеолита.

Работа выполнена в рамках гранта РФФ № 23-18-00329 «Культурная динамика в эпоху среднего и верхнего палеолита на территории внутренних бассейнов аридной зоны Казахстана в контексте изменений окружающей среды».

Список литературы

- Артюхова О. А. 1998. Корреляция мустьерских индустрий Казахстана // Таймагамбетов Ж. К. (ред.). Каменный век Казахстана и сопредельных территорий. Туркестан: Мирас, 31–57.
- Ефремов И. А. 1944. Динозавровый горизонт Средней Азии и некоторые вопросы стратиграфии // Известия АН СССР: Серия геологическая 3, 40–58.
- Ожерельев Д. В. 2012. Новейшие открытия палеолитических памятников в Юго-Восточном Казахстане // КСИА 227, 182–195.
- Ожерельев Д. В., Мамиров Т. Б. 2023. Комплекс многослойных стоянок верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня: общие данные и перспективы исследований // Археология, этнография и антропология Евразии 51 (3), 67–74.
- Ожерельев Д. В., Успенская О. И., Таймагамбетов Ж. К. 2023. Начальные этапы раннего верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня, Казахстан (по материалам многослойной стоянки Майбулак) // Stratum plus 1, 129–152.
- Vishnyatsky L. B. 1999. The Paleolithic of Central Asia // Journal of World Prehistory 13 (3), 69–122.

Палеолитические комплексы РВП мастерской Титовская Сопка (Восточное Забайкалье)

Филатов Е. А.

Институт геологии и минералогии СО РАН им. В. С. Соболева

Ключевые слова: *Восточное Забайкалье, ранний верхний палеолит, мастерская Титовская Сопка*

Палеолитическая мастерская Титовская Сопка (также известная как мастерская им. А. П. Окладникова) расположена на территории горного массива Титовская Сопка (Восточное Забайкалье) (рис. 1: А). Памятник был открыт в 1950 г. А. П. Окладниковым (Береговая 1984). Исследовалась первооткрывателем, а также в 1950–1970-е гг. В. Е. Ларичевым, С. Н. Астаховым, И. И. Кирилловым. За время работ был накоплен большой массив археологического материала, который в научной литературе упоминался в тезисной форме (Астахов 2018; Береговая 1984; Кириллов 2011). Новый этап исследования, начавшийся в 2020 г., позволил получить топографическую привязку раскопов разных лет, произвести корреляцию культуросодержащих отложений, получить радиоуглеродные датировки, а также выполнить технико-типологический анализ каменной индустрии культурных слоев 3 и 4, относящихся к РВП Забайкалья (Филатов, Филатова 2020; Федорченко и др. 2021; Филатов 2021).

Культурный слой 4 связан с серо-коричневым суглинком с равным соотношением субфракций песка, алеврита и пелита. По структуре — неясно слоистый, с обильным включением щебня, отломов и камней с признаками антропогенного воздействия. Мощность слоя 0,5–0,55 м. В культурном слое 3 выявлен материал, переотложенный из нижележащего слоя 4. Слой мощностью 0,3–0,32 м представляет собой светло-коричневую супесь с преобладанием песчаных и алевритовых размерностей. Исходя из стратиграфического залегания и радиоуглеродных определений, вышеперечисленные слои датируются заключительными этапами МИС 3 ~27–28 тыс. кал. л. н.

Индустрия этих комплексов базируется на использовании вулканических туфов, к выходу которых приурочен памятник. Всего в раскопе 1–3 (работы 1958–1962 гг.) было выявлено 10 897 экз. каменных изделий, среди которых 466 экз. были отнесены к нуклеусам, преформам и конкрециям апробации каменного сырья. В первичном расщеплении доминируют нуклеусы объемного и торцового

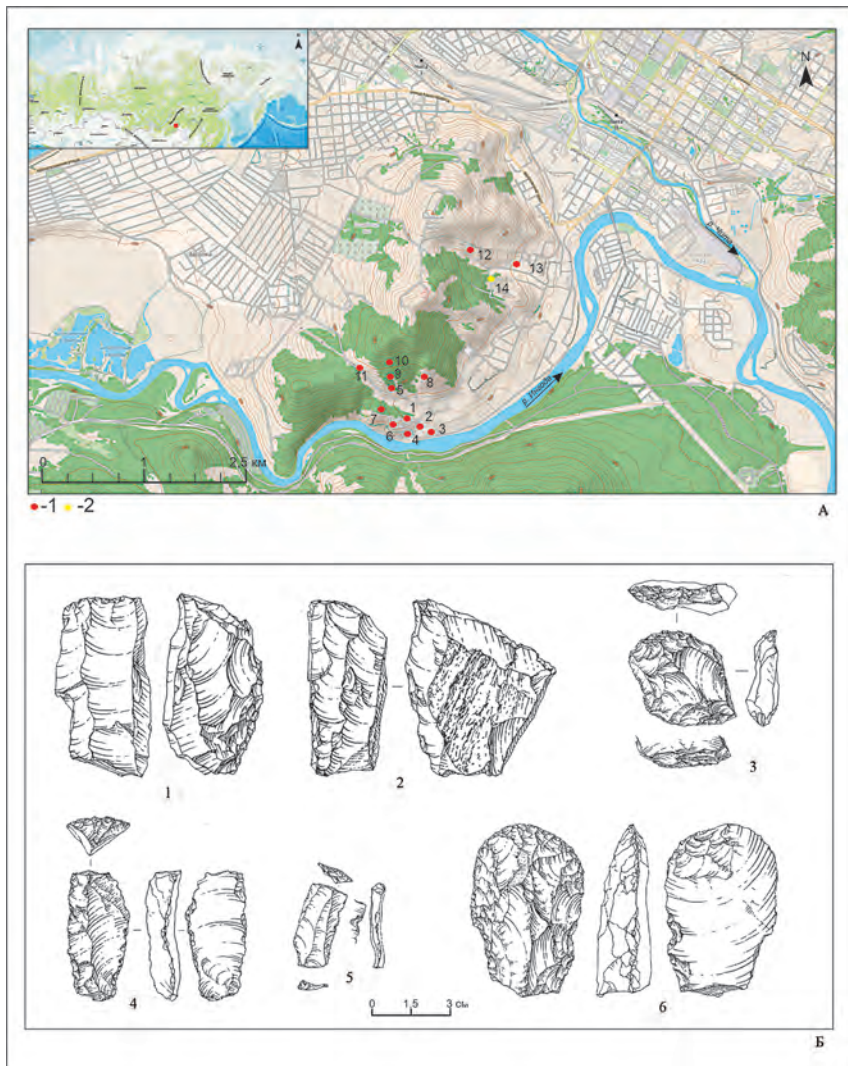

Рис. 1. А – карта с расположением мастерской Титовская Сопка: 1 – палеолитические памятники в окрестностях мастерской, 2 – мастерская Титовская Сопка; Б – находки: 1, 2 – нуклеусы; 3 – скребло, 4, 5 – концевые скребки; 6 – бифас

скальвания, направленные на получение пластин средних размеров (46,56%) (рис. 1: Б, 1–2).

Для изготовления орудий использовались пластины (35%), отщепы (47%), а также отдельные сырья и обломки (7%). Наиболее представительной группой орудий являются концевые скребки и резцы (29%), также выделены скребла, зубчатые и долотовидные орудия, бифасиальные изделия (рис. 1: Б, 3–6).

Археологический материал культурных слоев 3 и 4 мастерской близок к синхронным памятникам «пластинчатой группы индустрий» РВП Забайкалья, куда входят материалы стоянок: Усть-Менза-6 (слой 4), Мастеров Ключ (слой 4), Мельничное-2 (слои 2, 3). Вышеперечисленные комплексы на основании радиоуглеродного датирования, позиции культурных слоев в геологическом контексте, технико-типологических особенностей индустрии могут быть датированы заключительными стадиями МИС 3 (33–26 тыс. кал. л. н.) (Филатов и др. 2023).

Работа выполнена по теме НИР ИГМ СО РАН 122041400252-1 при поддержке Минобрнауки РФ.

Список литературы

- Астахов С. Н. 2018. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // ЗИИМК 19, 13–19.
- Береговая Н. А. 1984. Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970 гг.). Л.: Наука.
- Кириллов И. И. 2011. Титовская сопка // Гениатулин Р. Ф. (ред.). Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 288–289.
- Филатов Е. А. 2021. Палеолит Восточного Забайкалья: по материалам мастерской им. А. П. Окладникова. Выпускн. квалификац. работа магистранта. Новосибирск.
- Филатов Е. А. Константинов А. В. Трухина Ю. А. Филатова М. О. 2023. Первичное расщепление культурного слоя 4 мастерской Титовская Сопка (Восточное Забайкалье) // Лохов Д. Н., Липнина Е. В. (ред.). Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Иркутск: ИГ СО РАН им. В. Б. Сочавы, 20–21.
- Филатов Е. А., Филатова М. О. 2020. Топографические исследования мастерской имени А. П. Окладникова в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XXVI, 258–262.
- Федорченко А. Ю., Филатов Е. А., Селецкий М. В., Филатова М. О. 2021. Пластина с гравировкой из комплекса начального верхнего палеолита мастерской им. А. П. Окладникова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XXVII, 282–288.

Новый этап исследований Куртаковского археологического района (Средний Енисей)

¹Филатов Е. А., ²Клементьев А. М., ³Джуманов А. Т.

¹Институт геологии и минералогии СО РАН им. В. С. Соболева

²Институт земной коры СО РАН

³Томский государственный университет

Ключевые слова: Куртаковский археологический район, абразия, палеолит, неоплейстоцен

В 2023 г. сотрудниками ИГМ СО РАН, совместно с ИАЭТ СО РАН, ИЗК СО РАН, а также ТГУ и НГУ на территории Куртаковского археологического района, расположенного в Северо-Минусинской котловине, проводились междисциплинарные исследования, направленные на уточнение современной схемы четвертичных отложений Алтае-Саянской горной области (Зольников и др. 2023).

Куртаковский археологический район был выделен Н. И. Дроздовым в 1988 г. (Дроздов и др. 2005; Дроздов и др. 2007), но работы на береговых обнажениях, возникших при затоплении ложа Красноярского водохранилища, проводились Н. Ф. Лисицыным начиная с 1970-х гг. (Лисицын 2000). В границах Куртаковского района были выявлены десятки палеолитических объектов, представленных в основном подъемными сборами и редко стратифицированными памятниками, датируемыми от среднего до позднего неоплейстоцена (Лисицын 2000; Дроздов и др. 2005; Дроздов и др. 2007).

Анализ топографических данных 1970–1980-х гг. и современных спутниковых снимков свидетельствует о сильной абразии, которая за последние 30 лет на этой территории привела к отступлению берега водохранилища на расстояние от 60 до 120 м, что стало причиной утраты береговых обнажений и стоянок палеолита, исследовавшихся в предшествующие годы (Зольников и др. 2023).

Большинство памятников палеолита Куртаковского района приурочено к палеопочвам или педоседиментам, сформированным в условиях субэриального осадконакопления. Несмотря на наличие на Куртаке отложений раннего и среднего неоплейстоцена, включающего палеопочвы, наиболее раннее присутствие человека было достоверно зафиксировано только в каменноложско-сухололожском педокомплексе, сопоставляемом с МИС-5е. С этими палеопочвами на Бережеково связана каменная

индустрия среднего палеолита, представленная расколотыми гальками, радиальными нуклеусами, чопперами, остриями с носиком, отщепами с ретушью (Дроздов и др. 2005; Дроздов и др. 2007). Также к стратифицированным объектам этого возраста исследователи относят памятник Усть-Ижуйль-1, где в отложениях вышеупомянутых палеопочв, размываемых водохранилищем, была выявлена стоянка с немногочисленным каменным инвентарем, сопровождавшимся фаунистическим материалом, среди которого присутствуют кости с нарезками (Акимова и др. 1996). Более определенно о возрасте усть-ижуйльского комплекса высказывалась И. В. Форонова (Форонова 2001), связывавшая его с потеплением в пределах среднего плейстоцена.

Следующий эпизод заселения Куртакского района фиксируется в средние этапы МИС-3 (Куртакский педокомплекс), к которому приурочены материалы стоянок, ассоциируемых с ранним верхним палеолитом, представленные как отщеповой (Куртак-4), так и пластинчатой (Куртак-1, Каштанка-1А) индустриями (Лисицын 2000).

В ходе наших работ единичные артефакты были зафиксированы на бечевнике в районе известных памятников: Усть-Ижуйль-1, Каменный Лог, Куртак-1 (Зольников и др. 2023), но большинство палеолитических объектов было уничтожено абразией частично, как вышеприведенные местонахождения, так и полностью (Куртак-4).

Нами на Бережековском и Каштанковском участках были найдены антропологические остатки — нижняя челюсть (Чикишева и др. 2023), а также фрагмент черепной коробки, залегавшие в ассоциации с плейстоценовой палеофауной, которые могут быть датированы плейстоценом (в настоящее время находятся на AMS-C¹⁴ анализе). В районе Каштанковского участка в ходе изучения Куртакского почвенного профиля было выявлено скопление археологического материала размерами 6×5,5 м, разрушаемого абразией. Разрушающееся местонахождение получило наименование Каштанковский Мыс. Выявленный археологический материал представлен продуктами первичного расщепления, вторичной обработки, орудиями, а также костями северного оленя и лошади с признаками антропогенного воздействия. Проведенный планиграфический анализ позволил выделить связи по ремонту различных категорий каменного инвентаря, что может свидетельствовать о минимальном переотложении материала (рис. 1). Позиция скопления в составе Куртакского педокомплекса позволяет предварительно датировать его в районе заключительных этапов МИС-3 — первой половиной МИС-2 (~27–23 тыс. л. н.).

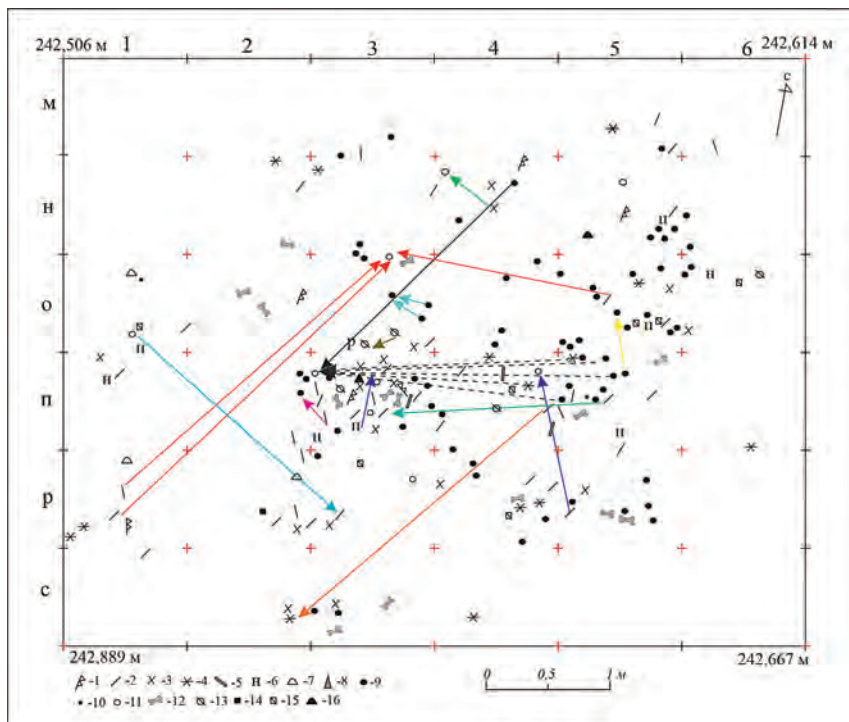

Рис. 1. Местонахождение Каитанковский Мыс. План с ремонтными блоками: 1 – отщеп с ретушью; 2 – отщеп первичный; 3 – отщеп полупервичный; 4 – отщеп вторичный; 5 – пластина / фр. пластины; 6 – нуклеус; 7 – скребок; 8 – резец; 9 – осколки/обломки; 10 – чешуйки; 11 – оббитая галька; 12 – кость; 13 – чоппер; 14 – обломок с ретушью; 15 – долечный скол; 16 – скребло

Проведенные работы свидетельствуют и о сильной деформации (вплоть до полного уничтожения) абразией палеолитических объектов, выявленных в предшествующие десятилетия. С другой стороны, перманентная абразия водохранилища, приводящая к обнажению новых участков четвертичных отложений раннего, среднего и позднего неоплейстоцена на территории Куртаковского района, позволяет выявлять и изучать новые палеолитические комплексы.

Работы выполнены при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-17-00140 «Позднечетвертичная история магистральных долин Западной Сибири».

Список литературы

- Акимова Е. В., Дроздов Н. И., Лаухин С. А., Оводов Н. Д., Томилова Е. А., Стасюк И. В., Чеха В. П. 1996. Археологические исследования в Ижувском заливе // Вдовин В. С. (ред.). Древности Приенисейской Сибири 1. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 47–61.
- Дроздов Н. И., Чеха В. П., Хазартс П. 2005. Геоморфология и четвертичные отложения Куртаковского геoarхеологического района (Северо-Минусинская впадина). Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та.
- Дроздов Н. И., Чеха В. П., Артемьев Е. В., Хазартс П. 2007. Археология и четвертичные отложения Куртаковского геoarхеологического района. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та.
- Зольников И. Д., Филатов Е. А., Анойкин А. А., Клементьев А. М., Шпанский А. В., Новиков И. С., Джуманов А. Т., Рогозин Д. Е. 2023. Предварительные результаты междисциплинарных исследований на территории Куртаковского археологического района в 2023 году (Северо-Минусинская котловина) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XXIX, 118–123.
- Лисицын Н. Ф. 2000. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: ИИМК РАН.
- Форонова И. В. 2001. Четвертичные млекопитающие юго-востока Западной Сибири (Кузнецкий бассейн). Новосибирск: ГЕО.
- Чикишева Т. А., Кишкурно М. С., Зольников И. Д., Клементьев А. М., Филатов Е. А., Новиков И. С., Джуманов А. Т., Рогозин Д. Е. 2023. Находка нижней челюсти человека в Куртаковском археологическом районе в 2023 году (Средняя Сибирь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XXIX, 436–443.

ЭНЕОЛИТ – БРОНЗОВЫЙ ВЕК

К вопросу о корреляции морфологических, типологических и технологических признаков керамики гаринской культуры

Андреева О.В.

Самарский государственный социально-педагогический университет

Ключевые слова: *энеолит, керамика, Прикамье, гаринская культура, типология, технико-технологический анализ керамики*

Гаринская культура занимает основной пласт среди энеолитических культур Прикамья. Изучение ее началось в 1920–1930-х гг., однако наиболее масштабные работы проводились в 1950-е гг. О. Н. Бадером. Исследователь выделял гаринские древности как часть турбинской культуры бронзового века на раннем этапе ее развития и относил их к XX–XXII вв. до н. э. (Бадер 1961: 110–271), позднее А. Ф. Мельничук датировал гаринские древности второй половиной 4 – первой четвертью 2 тыс. до н. э. (Мельничук 2013: 157–160). Современные исследователи выделяют два этапа гаринской культуры: ранний в пределах середины 4 – первой четверти 3 тыс. до н. э. и поздний в пределах середины 3 – первой четверти 2 тыс. до н. э. (Лычагина и др. 2023: 12).

Было отобрано 46 сосудов со следующих стоянок: Новоильинское III, Чашкинское Озеро IIIа, Заборное Озеро, Ларевская I, Заурчим I, Бойцово II.

Керамика гаринской культуры представлена прямостенными сосудами с округлоконическими днищами. Венчики прямые либо слабо прикрытые, часто утолщенные, орнаментированы гребенчатым штампом по срезу. Внутренняя и внешняя поверхность слабо заглажена мягким предметом во влажном состоянии, зачастую встречается обработка гребенчатым штампом обеих поверхностей сосуда. Цвет посуды от светло- до темно-коричневого, с преобладанием светлых оттенков. Толщина стенок варьирует от 5 до 12 мм, чаще всего – 7–8 мм. Основными элементами орнамента являются гребенчатый штамп (разнообразен, порядка 10 видов отмечено на изучаемых образцах) и круглые ямки. Распространены простые мотивы в виде повторяющихся элементов. Наиболее массовым является горизонтальный мотив наклон-

но расположенных оттисков гребенчатого штампа, горизонтальных отпечатков гребенчатого штампа, зигзагов, а также ямок круглой формы, которые служат разделителем между рядами гребенчатого штампа или наносятся под венчиком. Кроме того, довольно распространенным является мотив шагающей гребенки. Из-за фрагментированности материала не предоставляется возможность определить орнаментальные композиции.

Изучение технологии изготовления посуды проводилось в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским (Бобринский 1999). Технологические следы интерпретируются на основе результатов сравнительного анализа с сериями эталонов (Васильева, Салугина 2008).

При отборе исходного пластичного сырья на исследуемых стоянках гончары отдавали предпочтение пластичным илистым глинам, реже использовали глины, им отдают предпочтение на таких стоянках, как Заборное Озеро и Бойцово II, также зафиксирован единичный случай применения запесоченной илистой глины на стоянке Чашкинское Озеро IIIa (Андреева, Батуева 2020: табл. 3).

При изучении формовочной массы для изготовления посуды гаринской культуры на обозначенных стоянках было выделено шесть рецептов. В качестве примеси к исходному пластичному сырью использовали: дробленую раковину, органический раствор и шамот. Наиболее распространен рецепт с добавлением органического раствора и дробленой раковины, остальные вариации примесей встречаются единично (Андреева, Батуева 2020: табл. 4).

При корреляции результатов типологического и технико-технологического метода видно, что на представленных стоянках преобладает единообразный облик и технология создания посуды гаринской культуры. Однако стоит отметить, что сосуды со стоянки Заборное Озеро, которые изготавливались из глины, имеют отличную от остальных форму венчика (отогнутый наружу), а также в орнаментации отсутствуют ямки.

По итогам исследования можно сделать вывод о высоком уровне стандартизации сосудов гаринской культуры, на что указывает единообразие форм сосудов и венчиков, цвета посуды, орнаментации. При анализе отбора исходного пластичного сырья также наблюдается устойчивость традиции, однако на этапе составления формовочных масс появляется разнообразие рецептов с явным преобладанием одного (исходное пластичное сырье + органический раствор + дробленая

раковина). Данная картина может свидетельствовать о начальных этапах смешения населения, так как новые технологии создания керамики используются при сохранении традиционного внешнего облика посуды.

Работа выполнена в рамках реализации гранта РНФ (проект № 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

Список литературы

- Андреева О. В., Батуева Н. С. 2020. Некоторые итоги изучения гончарных традиций населения верхнего и среднего Прикамья в эпоху неолита и энеолита // Вестник Пермского университета 48, 5–18.
- Бадер О. Н. 1961. Поселение у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Бадер О. Н. (ред.). Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М.: Главиздат МК РСФСР, 110–271.
- Бобринский А. А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А. (ред.). Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Изд-во Самарского государственного педагогического университета, 5–190.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П. 2008. Некоторые итоги 18-летней работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Деревянко А. П., Макаров Н. А. (ред.). Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: Изд-во ИА РАН, 159–159.
- Лычагина Е. Л., Выборнов А. А., Кулькова М. А. 2023. Новые данные о хронологии энеолитических памятников Камы и Камско-вятского междуречья // Вестник Пермского университета. История. 60 (1), 5–18.
- Мельничук А. Ф. 2013. Хронология гаринской культуры в Среднем Приуралье // Черленок Е. А. (ред.). Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: материалы тематической научной конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 157–160.

Грунтовое погребение катакомбной КИО «Ильинка селище-19» Алексеевского района Белгородской области

Архипкина Т. А.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Ключевые слова: эпоха средней бронзы, грунтовое погребение, катакомбная культура, селище, погребальный инвентарь, антропология

Большинство известных на сегодняшний момент погребальных комплексов катакомбной культурно-исторической общности (далее — КИО) представлено подкурганскими захоронениями. Количество грунтовых могильников и одиночных погребений сравнительно невелико. Это обстоятельство делает публикацию подобного рода объектов весьма актуальной.

В 2018 г. экспедицией под руководством А. А. Божко в процессе раскопок ОАН Ильинка селище-19, расположенного на территории Алексеевского района Белгородской области, было выявлено одиночное грунтовое погребение катакомбной КИО. Захоронение обнаружено по пятну, которое резко выделялось на фоне вмещающего слоя. В процессе зачистки удалось установить, что, возможно, это два объекта, прорезающих друг друга, в связи с этим было решено зафиксировать профиль, который отобразил характер заполнения. В результате проведенных работ был сделан вывод о том, что захоронение относится к катакомбной КИО. После выборки объекта была выявлена яма размером 1,3×0,9 м, прорезающая погребальную яму в восточной части. По ее форме можно сделать предположение, что это остатки норы животного или грабительского лаза. В заполнении объекта в третьем пласте были обнаружены 2 стенки лепных сосудов, в четвертом пласте — 3 стенки лепных сосудов.

Погребальное сооружение представляло собой катакомбу Н-образной формы. Глубина камеры от уровня материка составляла 1,65 м. Переход к камере осуществлен через ступеньку, высота которой составляет 0,6 м. Дно ровное, а в стенках прослеживаются следы от нор животных. Погребение расположено в центральной части камеры. Кости правой руки и череп очень хорошо сохранились, однако остальной скелет отсутствует, а череп развернут теменной частью к позвоночнику, что говорит о стороннем вмешательстве. Южнее

кости правой руки располагается развал острореберного сосуда, который орнаментирован богатой композицией. Сосуд имел высоту 35 см, размер венчика — 24,7 см, диаметр дна — 16,2 см. Венчик слабо отогнут, дно без закраин. Внешняя поверхность сосуда коричневого цвета, верхняя часть имеет следы нагара и представлена черно-коричневым цветом. В изломе и внутренней стороне сосуд имеет черный цвет. В тесте сосуда встречается мелкий шамот. Орнамент представлен в верхней, нижней части венчика и на тулове короткими частыми вертикальными насечками. По всей площади венчика проходят глубокие горизонтальные линии. По плечу проведен волнообразный орнамент, по выпуклым линиям нанесены короткие насечки, а между волнообразными линиями — тонкие длинные насечки. На тулово нанесены длинные остро-волнообразные линии, образующие елочную композицию. Также рядом располагалась истлевшая кость мелкого рогатого скота, что говорит об остатках погребальной тризны. При снятии сосуда были зафиксированы остатки рассыпчатого вещества органического происхождения.

Форма и орнаментация сосуда имеют близкие аналогии в материалах катакомбных памятников. В частности, аналогичный сосуд происходит из погребения 1 Власовского могильника (Синюк 1983: 45). А.Т. Синюк относит эти погребения к среднедонской катакомбной культуре. В работе А.Д. Пряхина «Поселения катакомбного времени Лесостепного Подонья» мы можем увидеть похожий сосуд с «елочной» орнаментацией и отогнутым наружу венчиком, который обнаружен в поселении Ксизово I и отнесен исследователем к среднедонской катакомбной культуре (Пряхин 1982: 69).

Антропологическое исследование захоронения проводил В.И. Безбородых — археолог-антрополог ООО «Белгородская археологическая экспертиза». Им были сделаны следующие выводы: череп крупный, массивный, тяжелый, с выраженным рельефом в местах прикрепления мышц шеи и жевательных мышц. Надпереносье и надбровные дуги выражены хорошо, лобные и теменные бугры не выражены. Представленные кости посткраниального скелета крупные, массивные, развиты хорошо, а рельеф костей развит выше среднего (Божко 2018: 66), что свидетельствует о том, что это мужское захоронение. Стертость зубов верхней и нижней челюсти сильная, суммарная стертость моляров говорит о том, что примерный возраст мужчины — 50 лет. Состояние суставных поверхностей указывает на зрелый возраст. На теле поясничного позвонка имеются признаки остеохондроза. Имеются призна-

ки пародонтоза, на коронках зубов имеются отложения зубного камня, на верхних клыках эмалевая гипоплазия, что свидетельствует о недостаточном питании в детстве и перенесенных заболеваниях, которые вызвали временную остановку ростовых процессов в детстве. Присутствуют следы реакции на костях лицевого скелета — маркер холодового стресса, обветривания и обморожения лица. В области лучевой кости — выраженная энтезопатия (свидетельство чрезмерной нагрузки на бицепс) (Божко 2018: 67). На правой лучевой кости — дефект костной ткани, имеющий вид зубчатого перелома кости, который был близок к моменту смерти человека. По комплексу расово-диагностических признаков череп относится к большой европеоидной расе, а специфический краниологический комплекс признаков распространен в среде носителей катакомбной археологической культуры средней бронзы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что погребение принадлежит зрелому мужчине европеоидной расы возрастом 45–55 лет ростом около 178 см. В захоронении вместе с костными останками был обнаружен погребальный инвентарь в виде керамического сосуда. Наличие богатой орнаментированной композиции на поверхности сосуда, а также особенности погребальной конструкции данного объекта позволяют отнести погребение к катакомбной КИО эпохи средней бронзы. Наличие аналогий в материалах А. Т. Синюка и А. Д. Пряхина позволяет отнести погребение к среднедонскому катакомбному варианту.

Список литературы

- Божко А. А. 2018. О результатах проведения археологических полевых работ (наблюдение) на территории объекта археологического наследия «Ильинка селище-19» в Алексеевском районе Белгородской области в 2018 году // Архив ИА РАН.
- Пряхин А. Д. 1982. Поселения катакомбного времени Лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.
- Синюк А. Т. 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.

Металлическая узда эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья

Богданов Д. О.

Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: *эпоха поздней бронзы, Северное Причерноморье, металлическая узда, псалии*

Одной из категорий изделий периода поздней бронзы в Северном Причерноморье являются металлические псалии и другие принадлежности конской узды. В литературе данный вопрос поднимался вскользь. Его затрагивали такие исследователи, как М. Руссу, Х.-Г. Хюттель и И. Т. Черняков.

На территории Северного Причерноморья известно 13 металлических псалиев периода поздней бронзы, а также 3 литейные формы для их изготовления. Это 2 псалия из Ингульского клада (рис. 1: 4) (Сымонович 1966: 127), 8 псалиев из Винницкой области (рис. 1: 3) (Шарко 2016), псалий из Войцеховского могильника (рис. 1: 2) (Лысенко, Лысенко 2021: 345), 2 псалия из Томешти (рис. 1: 1, 5) (Palade 1976: 233), а также негативы псалиев с литейных форм Новокиевской мастерской (рис. 1: 6) (Гершкович и др. 1987: 145) и Андрово (рис. 1: 7) (Писларий, Будякина 1982: 65).

По форме псалии можно разделить на две группы: крюковидные и стержневидные.

К первому типу относятся псалии из Томешти, Ингульского клада и Андрово. Это крюкообразные псалии, ромбовидные или круглые в сечении, имеющие в качестве цапфы диск или шар. При этом способ крепления одного из ремней отличается во всех трех случаях — цапфами, с помощью круглых отверстий или втулки.

Стержневидные псалии представлены экземплярами из Томешти, Войцеховского могильника, Винницкой области, Новокиевки и Андрово. Эти изделия, в сечении круглые или ромбовидные, имеют дугообразную или Г-образную форму. По способу крепления ремней делятся на три вида: с втулкой (Новокиевка), с цапфой (Андрово, Томешти, Винницкая область), с отверстием (Войцеховский могильник).

Металлические псалии появляются в V периоде по относительной хронологии поздней бронзы В. С. Бочкарева (Бочкарев 2017). Самыми ранними являются псалии с втулкой и с отверстиями, рас-

положенными в разных плоскостях. Их прототипами были костяные и роговые псалии. Они появляются в Северном Причерноморье очень рано. Затем в VI и VII периодах в связи с кризисом бронзолитейного производства почти все формы металлических псалий исчезают, остаются только стержневидные псалии с отверстиями в одной плоскости.

Металлические стержневидные псалии, вероятно, происходят от трансильванской традиции. В Трансильвании впервые появляются бронзовые стержневидные псалии, которые происходят от костяных и роговых. Об этом говорят такие их характерные черты, как отверстия в разных плоскостях, втулка, разнообразие форм (Руссу 1960: 165). Видимо, эта традиция распространяется и на Северное Причерноморье.

По-другому обстоит дело с крюковидными псалиями. Вероятно, они являются уникальным для Северного Причерноморья явлением, возникшим здесь самостоятельно. Возможно, они происходят от роговых и костяных псалий, найденных на поселениях Волошское и Дикий Сад (рис. 1: 8, 9) (Шарафутдинова 1982: 140). Они имеют крюковидную форму, а также цапфу. Псалии из Волошского и Дикого Сада имеют аналогии изделиям из Казахстана. Это находки из поселений Кент, Мыржик и Шортанды-Булак (рис. 1: 10–12). При этом псалии из группы Кент происходят от щитковых бесшипных псалий (Панковский 2004: 121–123). Таким образом, металлические крюковидные псалии, вероятно, происходят от роговых псалий группы Кент, которые являются поздним вариантом щитковых бесшипных псалий, которые получили распространение в алакульской и срубной культурах.

Таким образом, в период поздней бронзы в Северном Причерноморье существовало две традиции производства металлических псалий: крюковидные и стержневидные. Крюковидные псалии имеют местные истоки, восходящие к волго-уральским и казахстанским традициям. Их находки неизвестны на территории Румынии и всего Карпато-Балканского региона. Эта традиция возникает в V периоде и полностью исчезает в VI. Вторая традиция берет начало от металлических псалий Трансильвании, которые, в свою очередь, также происходят от роговых и костяных образцов. Наибольшее распространение такие псалии получили в V периоде. Тем не менее, несмотря на трансильванские корни, литейные формы свидетельствуют о местном производстве псалий обоих типов.

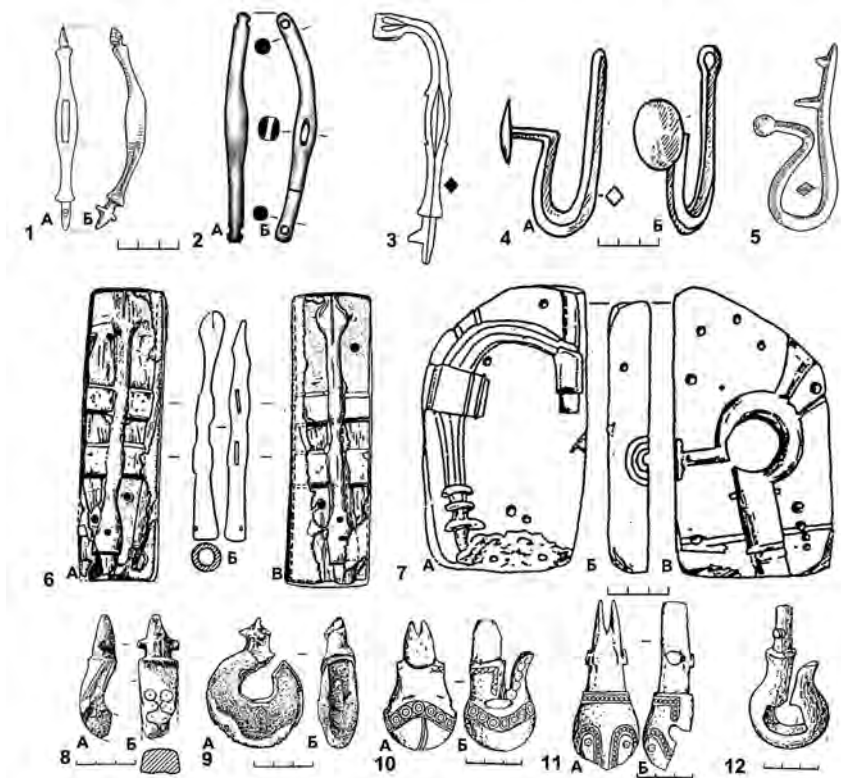

Рис. 1. Псалии: 1, 5 – Томешть (Palade 1976); 2 – Войцеховский могильник (Лысенко, Лысенко 2021); 3 – Винницкая область; 4 – Ингульский клад (Черных 1976); 6 – Новокиевка (Гершкович и др. 1987); 7 – Андрово (Писларий, Будякина 1982); 8 – Волошское; 9 – Дикий Сад; 10, 11 – Кент; 12 – Мыржик (Панковский 2004)

Список литературы

- Бочкарев В. С. 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum Plus* 2, 159–204.
- Гершкович Я. П., Ключко В. И., Евдокимов Г. Л. 1987. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабастиновских памятников нижнего Поднепровья // *СА* 2, 142–158.
- Лысенко С. Д., Лысенко С. С. 2021. Комплекс металлических изделий завершающего этапа эпохи поздней бронзы с территории Войцеховского могильника // *Stratum plus* 2, 339–360.

- Панковский В. Б. 2004. Особый класс псалиев эпохи бронзы? // Усачук А. М. (ред.). Элементы упряжи и конского снаряжения в древности (Археологический альманах 15). Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 115–127.
- Пистларий И. А., Будякина Г. Н. 1982. Клад литейщика эпохи бронзы из с. Андрово // Телегин Д. Я. (ред.). Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наукова Думка, 61–67.
- Руссу М. 1960. «Докиммерийские» детали конской сбруи из Трансильвании // *Dacia* 4, 161–180.
- Сымонович Э. А. 1966. Ингульский Клад // *СА* 1, 127–142.
- Шарафутдинова И. Н. 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова Думка.
- Шарко В. А. 2016. Клад бронзовых изделий культуры Ноуа XIV–XIII вв. до н. э. // Электронный ресурс: [SwordMaster.org: форум](http://swordmaster.org/2016/04/18/klad-bronzovyh-kultury-noua-xiv-xiii-vv-do-ne.html). URL: <http://swordmaster.org/2016/04/18/klad-bronzovyh-kultury-noua-xiv-xiii-vv-do-ne.html> (дата обращения: 21.11.2016).
- Palade V. 1976. Depozit de obiecte din epoca bronzui de la Tomești, Comuna Pogana (Județul Vaslui) // *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie* 26, 233–245.

История изучения системы питания коллективов бронзового века Южного Зауралья

Васючков Е. О.

Южно-Уральский государственный университет,
Институт истории и археологии УрО РАН

Ключевые слова: история изучения системы питания, бронзовый век, Южное Зауралье

Изучение проблем повседневности, включая производство и потребление продуктов питания, во многом обусловлено спецификой доступных источников. Расширение спектра применяемых методов естественных наук существенно увеличивает познавательные возможности источников. Для социумов бронзового века Южного Зауралья имеется ряд исследований, рассматривающих проблемы питания древних людей (Hanks et al. 2018; Epimakhov, Zazovskaya 2022 и др.). Существует историографический обзор современной литературы по обсуждаемой теме (Карапетян 2023). Интерес к данной теме и отсутствие в литературе полного историографического экскурса побуждает автора систематизировать историю изучения вопросов питания населения бронзового века на территории Южного Зауралья с целью выделения историографических этапов.

В рамках данной работы история развития археологии, в частности история изучения питания древних обществ, рассматривается как череда научно-технических революций в соответствии с концепцией К. Кристиансена (Kristiansen 2022). Согласно его концепции, в основе каждой научной революции в археологии лежит воздействие других наук, то есть революция возникает как результат углубления мультидисциплинарности в практике археологических исследований.

Источниками для данной работы стали монографии и научные статьи, затрагивающие проблемы питания в обществах бронзового века.

Критериями выделения историографических этапов стали: а) доминирующее представление о целях и задачах археологии; б) фазы системы питания, которые рассматривались авторами (использована схема Д. Сэмюэль (Samuel 1996)); в) методы анализа источников; г) характеристика профессионализма исследователей; д) инструменты верификации гипотез.

В результате в историографии темы питания обществ регионального бронзового века было выделено три этапа:

1. «Вещеведческий». В качестве отправной точки (при некоторой условности хронологических рамок для рассматриваемой темы) целесообразно указать 1870 г. и создание Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) (Виноградов 2018: 27–46). Основной исследовательской установкой является максимально полное описание материала. Для данного этапа характерно почти полное игнорирование вопросов питания ввиду отсутствия в арсенале археологии валидных методов анализа, как и задач, связанных с реконструкцией экономики древних обществ. Некоторые из археологов (В.Я. Толмачев, Н.К. Минко) имели специальное образование, однако и для них археология остается своего рода «хобби». Говоря о верификации результатов, стоит отметить, что при общей установке на описательность, превалирует интуитивное понимание материала без строгого разграничения гипотез и аргументации.
2. «Культурно-хронологический». Исходной точкой являются изыскания К.В. Сальникова, создавшего первую периодизацию бронзового века Южного Зауралья, которая в развернутом варианте была изложена в его монографии (Сальников 1967). На этом этапе большое внимание уделяется выстраиванию относительной хронологии и закрытию «белых пятен», а проблемы социальных реконструкций затрагиваются редко. Исследователями в основном изучается фаза получения продуктов питания с целью определения экономической базы древнего социума. Кроме классификации археологических артефактов, также активно используются методы археозоологии (Косинцев 1989 и др.), трасологии (Виноградов 1982: 136–155) и этнографические параллели. Исследования проводят профессиональные археологи. Верификация гипотез в определенной степени остается интуитивной, что подтверждается, например, историей тезиса о наличии земледелия в бронзовом веке Южного Зауралья.
3. «Синтетический». Начало 2000-х гг. ознаменовалось первыми несистемными попытками применения новых естественнонаучных методов (Аркаим... 2002: 166–171). Цели и задачи археологии начинают смещаться в сторону культурной антропологии и всестороннего изучения темы питания древнего

населения, активно затрагиваются вопросы потребления продуктов питания, чему способствует использование анализа стабильных изотопов азота и углерода (Epimakhov, Zazovskaya 2022) и другие методы. Для данного этапа характерно создание крупных коллективов, состоящих из археологов и специалистов других наук. Проблема верификации результатов по-прежнему существует, однако расширение количества методов и возможность взаимной проверки повышают достоверность выводов.

Современное развитие мультидисциплинарных проектов не только расширило круг методов, но изменило дизайн исследований, требования к полноте и достоверности исходных данных, строгости аргументации заключений.

Работа поддержана грантом № 20-18-00402-П от 12.05.2023 «Миграции человеческих коллективов и индивидуальная мобильность в рамках мультидисциплинарного анализа археологической информации (бронзовый век Южного Урала)».

Список литературы

- Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). 2002. Кн. 1. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство.
- Виноградов Н. Б. 1982. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): дис. ... канд. ист. наук. М.
- Виноградов Н. Б., Валиахметова З. А. 2018. Люди археологии Южного Зауралья (XVIII век — середина 1970-х годов). Челябинск: АБРИС.
- Карапетян М. К. 2023. Пищевые традиции по данным мультидисциплинарных исследований: степи и лесостепи Поволжья и Южного Урала в эпоху бронзы // Вестник Московского университета, серия: XXIII Антропология 1, 78–79.
- Косинцев П. А. 1989. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Викторова В. Д., Смирнов Н. Г. (ред.) Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УРО РАН СССР, 84–104.
- Сальников К. В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука.
- Epimakhov A., Zazovskaya E. 2022. Diet and Mobility in the Pre-Urals Bronze Age, Russia (Preliminary Results of Stable Isotope Analysis) // Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences, 117–126.
- Hanks B. K., Ventresca Miller A., Judd M., Epimakhov A., Razhev D., Privat K. 2018. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotope Data from the

- Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC) // *Journal of Archaeological Science* 97, 14–25.
- Kristiansen K. 2022. *Archaeology and the genetic revolution in European prehistory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Samuel D. 1996. Approaches to the archaeology of food // *Petits Propos Culinaires* 54, 12–21.

Каменный топор с Зеленого острова

Завершинская М. П., Ларенок О. П.

ООО «Южархеология»

Ключевые слова: Ростовская область, Ростов-на-Дону, Зеленый остров, эпоха бронзы, катакомбная культура, каменный топор, топор-молот

В 2020 г. М. П. Завершинской были проведены археологические работы по уточнению границ памятника бронзового века на территории Зеленого острова. Остров располагается в нижнем течении реки Дон, административно относится к городскому округу Ростова-на-Дону, к Пролетарскому району. С юга омывается основным руслом Дона, с севера — Нахичеванской протокой, к северу от которой находится городская застройка.

Находки на Зеленом острове приурочены к его северо-восточной оконечности, где в 60-е гг. XX в. первые сборы были сделаны В. Я. Кияшко, в 80-е гг. сборы продолжили сотрудники ростовского областного краеведческого музея П. А. Ларенок и С. В. Мячин (Ларенок, Мячин 1982). Из найденных тогда кремневых отщепов, фрагментов гончарной и лепной керамики в коллекции областного музея сохранилось костяное изделия в форме трубочки (хранится в Ростовском краеведческом музее, КП4549¹). Эти сборы сотрудники археологической лаборатории Ростовского государственного университета использовали при инвентаризации памятников археологии г. Ростова-на-Дону в 1994 г. Так, по Постановлению главы Администрации Ростовской области «О принятии на государственную охрану памятников истории и культуры области» № 69 от 14.03.1994, в списке памятников археологии города значится «Остров Зеленый и его северо-восточный конец».

При проведении археологических работ на Зеленом острове в 2020 г. было заложено 8 разведочных шурфов для уточнения границ памятника. В результате обнаружена единственная находка в шурфе № 8, расположенном к северо-западу от стрелки острова. На нижнем горизонте пласта 1 на отметке –0,3 м в слое светло-серой супеси

¹ Под этим номером КП удалось обнаружить только костяное изделие, в паспорте которого указано место находки — Зеленый остров, судьба остальных материалов сборов неизвестна.

был зафиксирован фрагмент каменного топора-молота серо-зеленого цвета (рис. 1).

Найденный обломок — это лезвийная сторона, захватывающая часть середины с просверленным округлым отверстием. По форме изделие можно отнести к слабо изогнутым в профиле орудиям. Для того чтобы попытаться установить археологический период, к которому может относиться обломок топора, приведем несколько аналогий и сопоставлений.

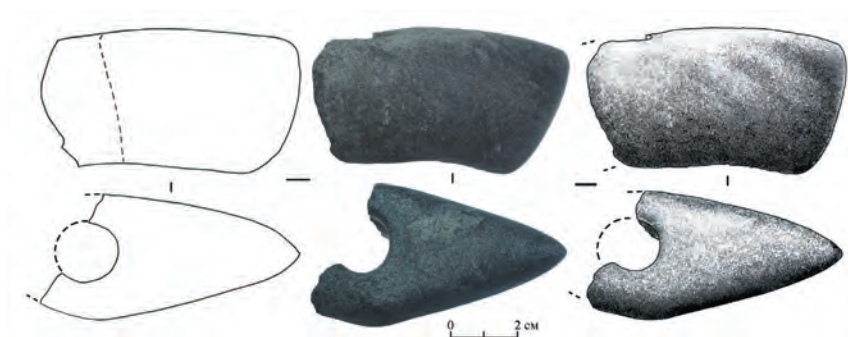

Рис. 1. Фрагмент каменного топора-молота, найденного на Зеленом острове в г. Ростове-на-Дону

В начале 90-х гг. С. Н. Санжаров составил типологию каменных сверленных топоров-молотков, найденных на территории Донбасса. В выборку вошли все известные на тот момент предметы в количестве 55 штук, включая как целые экземпляры, так и наиболее выразительные фрагменты. В итоге было выделено шесть основных типов предметов из различных археологических культур Донбасса. Основным принцип отличия изделий в типологии заключался в очертании формы обушка и лезвия как наиболее «подвижных элементов» (Санжаров 1992: 161).

Согласно типологии С. Н. Санжарова, топор-молот с Зеленого острова можно отнести к типу 4. Изделия, выделенные в данную группу, имеют усеченно-ромбическую форму, с выраженной усеченно-конической обушковой частью, которая постепенно сужается к обушку. Сверленное отверстие располагается в центре предмета, тулово слегка изогнуто. Лезвие близко к дуговидной форме, оттянутой к обушку. Топоры-молоты такого типа, по наблюдениям С. Н. Санжарова, встречаются в погребальных комплексах катакомбной культуры,

расположенных в Днепровском междуречье, Северном Приазовье и Западном Прикаспии. При этом С. Н. Санжаров отмечает определенное сходство с парадными топорами-молотами Северного Кавказа и Центральной Европы (Санжаров 1992: 166–167).

К сожалению, масштабные исследования, посвященные данным изделиям на территории Нижнего Дона, отсутствуют. В начале 2000-х гг. О. Г. Олих была предпринята попытка охарактеризовать топоры-молоты, находящиеся в фондах Таганрогского музея. За основу была взята уже отмеченная выше работа С. Н. Санжарова о типологии каменных изделий. В итоге ученой удалось выделить 5 типов топоров-молотов, и в том числе два предмета были отнесены и к 4-му типу (Олих 2004: 195–202).

Также следует отметить, что находки схожих каменных орудий были обнаружены на таком эталонном нижнедонском памятнике финала средней бронзы, как Ливенцовская крепость. От изделий, как и в нашем случае, сохранились только рубящие части (Братченко 2006: 145–146). Тем не менее С. Н. Братченко отмечал, что предметы были тщательно отшлифованы и активно использовались, о чем говорят сколы на поверхности и поврежденное острие клинка на одном экземпляре (Братченко 2006: 145).

Таким образом, на основе приведенных аналогий можно установить относительную датировку каменного топора с Зеленого острова в рамках периода средней бронзы.

Список литературы

- Братченко С. Н. 2006. Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Материалы и исследования по археологии восточной Украины 6, 32–307.
- Ларенок О. П., Мячин С. В. 1982. Справочник. Археологические памятники г. Ростова-на-Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского областного музея краеведения.
- Олих О. Г. 2004. Каменные сверленные топоры-молотки из собрания Таганрогского музея-заповедника // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону 20, 195–202.
- Санжаров С. Н. 1992. Каменные сверленные топоры-молотки Донбасса // СА 3, 160–177.

Сравнительный анализ форм сосудов из курганов Алакульского могильника

Климова А.Д.

Институт археологии РАН

Ключевые слова: Южное Зауралье, поздний бронзовый век, алакульская культура, керамика, формы сосудов, историко-культурный подход

История изучения керамики алакульской культуры началась почти сто лет назад, когда М.П. Грязнов впервые отметил своеобразие форм и орнаментации керамики в западном районе андроновской территории, — это сосуды с уступом на плече и незаполненной орнаментом зоной на шее (Грязнов 1927). Особенности форм сосудов и их орнаментации являются критериями для характеристики как хронологических групп, так и локальных вариантов алакульской культуры (Сальников 1967; Кузьмина 1994; Виноградов 1982 и др.).

В данной работе формы сосудов алакульской культуры проанализированы с позиций историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (Бобринский 1986). Для исследования был использован 231 горшок из 15 курганов Алакульского могильника, расположенного на северном берегу одноименного озера в Щучанском районе Курганской области (Маслюженко, Шилов 2005).

Целью работы является сравнительное изучение курганов Алакульского могильника и выделение культурных традиций создания форм сосудов.

Формы сосудов были исследованы на трех уровнях анализа (Цетлин 2018: 126–168):

- 1) определение общей пропорциональности всего сосуда;
- 2) анализ естественной структуры форм сосудов с целью определения их конструкции, то есть выявление функциональных частей, из которых они состоят;
- 3) выяснение степени сформированности функциональных частей сосуда, включая их пропорциональность и угол наклона боковой линии костяка. Для оценки этих параметров используются ступени универсальной шкалы качеств (Цетлин 2018).

Следующим этапом является определение количественных показателей степени сходства традиций создания форм сосудов по каждому кургану могильника. Затем все курганы сравнивались между собой

по степени сходства выделенных традиций (Цетлин 2008: 16). Полученные данные были представлены в виде графов связей, которые были построены для более устойчивых и менее устойчивых параметров форм.

Начнем с анализа более устойчивых параметров: угол наклона предплечья и угол наклона тулова (Суханов 2023: 27). Обнаружено высокое сходство (коэффициент сходств (далее — КС) в интервале 78–91%) между курганами 1, 8, 13, 14, 18, 20, 22, 38 — их условно обозначим как группу 1. Курганы 55, 61, 67, вероятно, образуют группу 2, при этом курганы 55 и 61 имеют связи с группой 1, а курган 25 связан как с группой 1, так и с группой 2. Меньше всего связей у курганов 23, 27 и 18а (рис. 1: А).

По менее устойчивым параметрам (общая пропорциональность (далее — ОПП) всего сосуда, угол наклона шеи и пропорциональность шеи, предплечья и тулова) между курганами обнаружено мало связей, а КС оказываются довольно низкими. Выделяется группа курганов с наибольшим сходством (КС в диапазоне 0,66–0,77) — 1, 13, 14, 18, 20, 22 (рис. 1: Б).

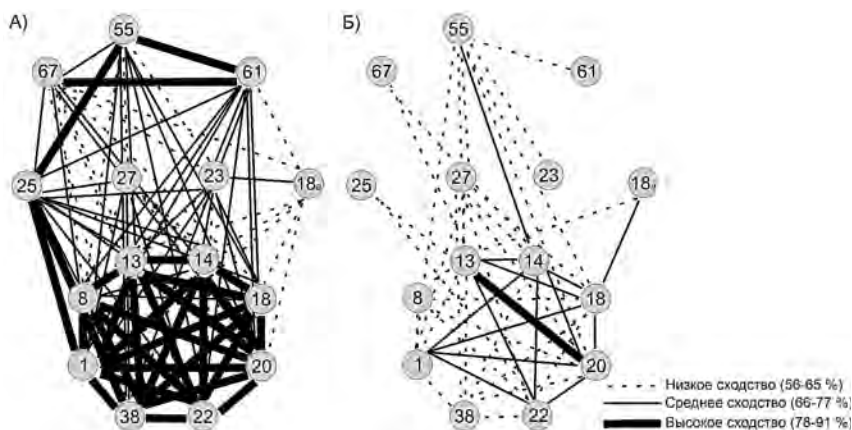

Рис. 1. Графы связей между курганами Алакульского могильника: А — граф связей между курганами по более устойчивым параметрам формы сосуда; Б — граф связей между курганами по менее устойчивым параметрам формы сосуда

Таким образом, курганы 1, 13, 14, 18, 20, 22 характеризуются более высокой степенью сходства гончарных традиций как по устойчивым, так и по менее устойчивым параметрам форм сосудов. Их характеризуют следующие черты:

1. ОПП сосуда — 33–35 ступени (всего 92% от общего числа сосудов).
2. Сосуды 5-частной конструкции «губа + шея + предплечье + тулово + основание тулова» (100%).
3. Пропорциональность шеи варьируется в широком диапазоне 13–19 ступеней (77%); угол наклона шеи — 17–20 ступеней (98%).
4. Пропорциональность предплечья занимает широкий интервал 4–12 ступеней (85%); угол наклона этой части — 20–23 ступени (95%).
5. Пропорциональность тулова — 31–34 ступени (83%); угол наклона тулова — 13–14 ступени (92%).
6. Основание тулова большинства сосудов — частично-сформированное с невыделенной плоской горизонтальной опорой (84%).

Таким образом, выделена группа курганов, где сосуды обладают наибольшим сходством по всем параметрам — это курганы 1, 13, 14, 18, 20, 22. В результате анализа выделено и охарактеризовано «культурное ядро» традиций создания форм сосудов у населения, оставившего Алакульский могильник. Поскольку данный могильник является эпонимным памятником культуры, выделенные традиции можно использовать для сравнения с ними традиций форм сосудов других могильников алакульской культуры Южного Зауралья.

Список литературы

- Бобринский А. А. 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Матвеева Г. И. (ред.). Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский ГУ, 137–157.
- Виноградов Н. Б. 1982. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): дис. ... канд. ист. наук. М.
- Грязнов М. П. 1927. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: антропологические очерки. Материалы ОКИСАР 2, 172–219.
- Кузьмина Е. Е. 1994. Откуда пришли индоарии? М.: МГП «Калина» ВИНТИ РАН.
- Маслюженко Д. Н., Шилов С. Н. 2005. Некоторые предварительные итоги исследования Алакульского могильника позднего бронзового века в 1999–2003 гг. // Черноухов А. В. (ред.). Зауралье в панораме веков. Курган: Изд-во Курганского ГУ, 40–48.
- Сальников К. В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука.

- Суханов Е. В. 2023. Об устойчивости параметров функциональных частей глиняных сосудов // Цетлин Ю. Б. (ред.). Вестник «История керамики 5». М.: ИА РАН, 8–28.
- Цетлин Ю. Б. 2008. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К.
- Цетлин Ю. Б. 2018. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Цетлин Ю. Б. (ред.). Формы глиняных сосудов как объект изучения: Историко-культурный подход. М.: ИА РАН, 124–179.

**Изучение керамического производства
поселения Старо-Яппарово**
Маркелов Н.Д.
Уфимский университет науки и технологий

Ключевые слова: *гончарство, культурные традиции, срубная КИО, алакульская культура*

На данный момент остается актуальной проблема срубно-алакульских контактов на Южном Урале. Информативным источником в исследовании проблемы культурогенеза древнего населения является керамика, поскольку этот объект материальной культуры в ситуации этнокультурных взаимодействий отражает визуальные и технологические изменения в производстве керамической посуды. Особую роль в изучении керамики для решения проблем культурных контактов играет историко-культурный подход, разработанный А. А. Бобринским (Бобринский 1978).

Для расширения базы данных о гончарных традициях населения Южного Урала в контексте проблемы срубно-алакульских контактов нами в научный оборот вводятся результаты технико-технологического анализа Старо-Яппаровского поселения.

Археологический объект Старо-Яппарово находится в Давлекановском районе БАССР, поселение и могильник были обнаружены экспедицией Башкирского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой в 1973 г. (Обыденнов 1976). В 1975 г. М. Ф. Обыденновым были проведены полевые изыскания.

Всего для исследования было отобрано 12 фрагментированных сосудов. Исследование осуществлялось на бинокулярном микроскопе МБС-10.

При визуальном анализе было отмечено, что 7 сосудов из 12 имеют синкретичные черты и относятся к срубно-алакульской культурной группе. К срубной группе принадлежат остальные 5 фрагментов. Явным чертам срубно-алакульской группы являются многозональность орнамента, аккуратная техника нанесения, использование мелкого гребенчатого штампа и тщательная обработка поверхности.

Посуда срубной группы отличается простой формой, значительной толщиной стенок, использованием в орнаментации крупногребенчатого штампа, небрежной техникой нанесения орнамента и грубой обработкой поверхности.

Технология изготовления посуды срубной культурной группы

Срубная культурная группа отличается однородностью технологических традиций. Так, в качестве исходного пластичного сырья во всех случаях использовалась ожелезненная глина. В одном случае среднезапесоченная, в остальных трех случаях в сырье фиксируется только естественный пылевидный песок. Рассматривая традиции составления формовочной массы, можно также обратить внимание на наличие одного рецепта: глина + шамот + органика.

Обработка поверхности в данной группе производилась в двух случаях в два этапа. Первичная обработка осуществлялась гребенчатым инструментом, затем заглаживалась травой. В одном случае применялся только крупнозубчатый инструмент, который также использовался при орнаментации. На этом же сосуде X № 1 вместе с крупным гребенчатым штампом использована палочка. В случае двух других сосудов в качестве единственного инструмента также применялась палочка для нанесения наколов по поверхности. В одном случае орнамент отсутствует.

Технология изготовления посуды срубно-алакульской культурной группы

Микроскопический анализ показал, что при изготовлении сосудов срубно-алакульского облика мастера отдавали предпочтение илистой глине (5 случаев). Также в этой группе имеются сосуды из нежелезненной глины (2 случая). Данные фрагменты идентичны по составу формовочной массы: глина + шамот + органика.

Всего в группе выделено 5 рецептов формовочных масс. Два близких рецепта: глина + шамот + органика и илистая глина + шамот + органика представлены в 5 сосудах из 8. В других рецептах помимо шамота встречаются дробленая раковина и тальковая дресва, навоз и органический раствор (табл. 1).

Таблица 1. Распределение технологических навыков по культурным группам

Шифр	ИС	ФМ	ОП	Орнаментация
Срубная культурная группа				
X № 4	Г	Г+Ш+ОР	Гр+Греб.	П.
X № 3	Г	Г+Ш+ОР	Тк+греб	–
X № 1	Г	Г+Ш+ОР	Греб.	Кр. Гр.+П
№ 194	Г	Г+Ш+ОР	–	П

Шифр	ИС	ФМ	ОП	Орнаментация
Срубно-алакульская группа				
301/239	ИГ	ИГ+Р+Ш+ОР	Пальц.	Круп.греб.шт.
301/42	Г	Г+Р+ОР	П+Лощ	Греб.шт.
301/450	ИГ	ИГ+Ш+ОР	Лощ	Мел.гр. шт + П
301/282 и 281	ИГ	ИГ+Ш+ОР	Тр	Мел. Груб. Шт.
I-8035-3	Г	Г+Ш+ОР	Д+лощ.	Греб.шт.
X № 2	Г	Г+Ш+ОР	мел.гр+лощ	Мел. Гр. Шт.
№ 194301/230	ИГ	ИГ+Ш+ОР	лощение	П.
X № 5	ИГ	ИГ+Ш+Т+ОР	Тр+греб.	Гр. Шт.

Примечание. Г – глина; ИГ – илистая глина; Р – раковина; Ш – шамот; Т – тальк; ОР – органический раствор; Тр. – трава; Тк. – ткань; Греб. – гребенка; П – палочка; Лощ. – лощение; Мел. гр. – мелкогребенчатый штамп; Д – дощечка; Гр. шт – гребенчатый штамп; Кр. гр. – крупногребенчатый штамп; Мел. гр. – мелкогребенчатый штамп

Поверхность сосудов заглаживалась и в отдельных случаях лоцилась. В 6 случаях фиксируется два этапа заглаживания: грубое, выполненное пальцами, травой, щепой и гребенкой. Затем осуществлялась вторичная обработка поверхности – лощение. В срубно-алакульской группе встречается 3 случая лощения вместе с первичной обработкой пальцами, дощечкой и мелкой гребенкой. В двух случаях выполнено только лощение. В одном случае обработка выполнена пальцами, так же как и в случае с другим фрагментом, обработка которого совершалась травой.

Технология нанесения орнамента отличается от зафиксированной в срубной группе. Трижды фиксируется применение мелкого гребенчатого штампа, в одном случае вместе с мелкой гребенкой использовалась палочка. В двух случаях использовалась только палочка приемами накола и прочерчивания. В трех случаях было зафиксировано использование среднего гребенчатого штампа.

Таким образом, технологические традиции, по которым изготовлены сосуды выделенных групп, различны. Алакульское влияние было опосредованным и отражалось на внешнем облике сосудов. При этом срубно-алакульская группа демонстрирует гораздо большее разнообразие в технологических традициях. Технология на подготовительной стадии производства в большей степени тяготеет к срубным

традициям. Однако в одном случае было зафиксировано использование тальковой дресвы, что можно отнести к традициям алакульского гончарства.

Подобную ситуацию можно наблюдать на Родниковском поселении в степном Предуралье. Технологические традиции населения, изготавливавшего посуду срубно-алакульского облика, были более разнообразны. В целом традиции на памятнике оставались в пределах канонов срубного гончарства (Мухаметдинов 2012: 111).

Список литературы

- Бобринский А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука.
- Мухаметдинов В. И., 2012 Техничко-технологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // Моргунова Н. Л. (ред.). Археологические памятники Оренбуржья 10. Оренбург: ОГПУ, 101–112.
- Обыденнов М. Ф. 1976. Отчет об археологических исследованиях в Давлекановском районе Башкирской АССР в 1975 г. По открытому листу № 403. Ф. 4. Д. 4. Уфа.

Специфика видового подбора косторезного сырья для предметов искусства в окуневской культуре

Миняйло Ю. Ю.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Ключевые слова: *окуневская культура, кости животных, сырье, костяные изделия, культ*

Несмотря на интерес ученых, окуневская проблематика остается недостаточно разработанной. В частности, слабо изучены костяные предметы, найденные на памятниках Хакасско-Минусинской котловины. Материалы, с которыми мы ознакомились, дают основание предполагать, что окуневские косторезы выбирали сырье для своих изделий, опираясь в том числе на сакральный статус животного.

Данная работа — первый этап исследования, цель которого — подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. Внимание автора сосредоточено на специфике видового подбора сырья косторезами окуневской культуры.

Для анализа выбран ряд костяных изделий — предметов искусства, украшений и культовых вещей, найденных на известных археологических памятниках окуневской культуры. Выборка представлена артефактами из 33 археологических комплексов (могильников), костяные изделия из которых опубликованы. Среди находок — артефакты из костей сурка (6 экз.), соболя (13 экз.), лисы (3 экз.), волка (3 экз.), лося (4 экз.), оленя (9 экз.), медведя (22 экз.), косули (5 экз.), марала (9 экз.), кабарги (4 экз.), барана (6 экз.), коровы (1 экз.), птицы (2 экз.). В 61 случае вид животного не указан или не выявлен. Почти у всех предметов, являющихся именно косторезными изделиями, «не опознан» источник сырья. Костяные бусы, пластинки, колечки маркированы как «костяные изделия». Напротив, все, что сделано из клыков и зубов (подвески, украшения головных уборов, обуви, одежды, сумочек), как правило, имеет четкую дефиницию по виду животного.

Костяные пластины из могильника Черновая VIII Э. Б. Вадецкая определяет как ритуальные предметы (Вадецкая и др. 1980: 25). Мастера группы, сформировавшей данный комплекс, обращали внимание на медведя, соболя, оленя, кости которых стали сырьем для воплощения их творческих замыслов. Клыки и зубы диких животных чаще использовали для изготовления подвесок и амулетов (Вадецкая и др. 1980: 24).

Подвески из клыков медведя находят преимущественно в мужских захоронениях (Вадецкая и др. 1980: 24). И. П. Лазаретов и А. В. Поляков называют их «сугубо мужским атрибутом» и подчеркивают, что в женских и детских захоронениях встречаются только резцы и когти медведя (Лазаретов, Поляков 2018а: 55). Этих же покойников, как правило, сопровождают каменные шары — по мнению многих исследователей, знак статусности погребенного (Лазаретов, Поляков 2018б: 39). Таким образом, можно предположить, что клыки медведя маркируют гендер и высокий статус погребенного.

Подвески из костей соболя и сурка встречаются в основном в женских и детских могилах и часто окрашены охрой. Исследователи определяют их как средство украшения сумочек, нагрудников, обуви и головных уборов. В то же время подчеркивается их магическая функция (Вадецкая 2012: 211). И. П. Лазаретов пополняет группу указанных магических предметов подъязычными костями лося и оленя (Лазаретов 1997: 31). В особую категорию выделим имитации зубов марала. В захоронениях они встречаются редко (Гультов и др. 2006: 124). В нашей выборке они представлены четырьмя подвесками из могильников «94-й километр» и Уйбат-Чарков. По мнению Э. Б. Вадецкой, украшения из кости марала, как и его имитация, маркируют служителей культа (Липский, Вадецкая 2006: 27). Нередко изделия из марала находились рядом с покойниками, которых сопровождали мраморные шары — знаки «шамана» и ритуальные курильницы.

Примеров, указывающих на существование культа домашних животных, у окуневцев недостаточно: могилы, свидетельствующие о нем, не обнаружены (Вадецкая 2012: 208). На наш взгляд, маркером особого отношения к домашним животным на поздних этапах развития окуневской культуры служат захороненные черепа и «шкуры» быков, найденные в могильниках на озере Итколь, База Минторга, Усть-Камышта-1 (Поляков и др. 2018: 126).

Очевидно, быки, лошади и овцы участвовали в ритуальных действиях как жертвенные животные. Однако в косторезной индустрии для изготовления предметов искусства их остеологический материал использовался крайне редко. Отметим, что количество поделок из костей домашних животных росло пропорционально возрастающей роли скотоводства в хозяйстве окуневского населения (Вадецкая 2012: 208). В нашей выборке такая поделка встречается в одном экземпляре. Изделия из домашних животных не повторяют репертуар изделий из представителей дикой фауны. Артефактов, которые относят к обе-

регам и амулетам, среди них не найдено. Возможно, одомашненные животные выполняли роль самостоятельных символических персонажей в построении ритуального пространства. Сам факт их использования в похоронном обряде представляется нам достойным внимания и нуждается в более детальном изучении (Вадецкая 2012: 208; Грязнов, Комарова 2006: 72).

Таким образом, можно предположить, что у представителей окуневской культуры было особое отношение к диким животным, выражением которого служила в том числе косторезная индустрия, а именно фактор выбора костяного материала для определенной категории изделий (предметов искусства, ритуальных предметов и украшений).

Список литературы

- Вадецкая Э. Б. 2012. Культ диких животных в похоронной практике и мировоззрении племен окуневской культуры // Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Книга 2. СПб.: ИИМК РАН, 208–220.
- Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. 1980. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука.
- Грязнов М. П., Комарова М. Н. 2006. Сыда V — могильник окуневской культуры // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.). Окуневский сборник. 2. Культура и ее окружение. СПб.: СПбГУ, 53–59.
- Гультов С. Б., Подольский М. Л., Цыганков И. Н. 2006. Окуневский курган «94-й километр» // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.). Окуневский сборник. 2. Культура и её окружение. СПб.: СПбГУ, 120–124.
- Лазаретов И. П. 1997. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.). Окуневский сборник: Культура, Искусство, Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 19–65.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В. 2018а. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологического исследования 3 (23), 41–69.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В. 2018б. Могильник Красный Камень — погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // Теория и практика археологического исследования 2 (22), 21–46.
- Липский А. Н., Вадецкая Э. Б. 2006. Могильник Тас Хазаа // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.). Окуневский сборник. 2. Культура и ее окружение. СПб.: СПбГУ, 9–53.
- Поляков А. В., Лазаретов И. П., Есин Ю. Н. 2018. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Соловьева Н. Ф. (ред.). Бюллетень ИИМК РАН. Том 8. СПб.: ИИМК РАН, 123–139.

**Итоги археологических исследований, проведенных
в Джейранчельской равнине в 2023 г.
(Акстафа, Азербайджан)**

¹Мурсагулиев М. Г., ¹Юсифзаде Л. А.,

¹Мамедова Ф. Ю., ²Наджафов Ш. Н.

¹Государственный историко-культурный
заповедник «Кешикчидаг»

²Институт археологии, этнографии и антропологии
Национальной академии наук Азербайджана

Ключевые слова: эпоха бронзы, курганы, ходжалы-гядабекская культура, Азербайджан, Джейранчель, Кешикчидаг, Карасой

Джейранчельская равнина — один из малоизученных регионов на карте Южного Кавказа, где расположены дошедшие до наших дней историко-археологические и архитектурные памятники. В 2023 г. на территории Агстафинского района, в границах Государственного историко-культурного заповедника «Кешикчидаг», проводились археологические исследования. Этот район богат памятниками, охватывающими этапы последнего периода эпохи средней бронзы, поздней бронзы, раннего железного века и развитого средневековья (Насибли, Мурсагулиев 2023: 26–37). Здесь известно поселение эпохи бронзы площадью более 3 га. Оно было заложено, в соответствии с требованиями того времени, на необжитой природной платформе. Скала вокруг поселения была высечена, также была построена защитная ограда.

Наиболее распространенными захоронениями эпохи бронзы на данной территории являются курганы. В ходе полевых исследований, проведенных на побережьях озера Джандаргель, хребте Сарыкуш, долинах Карван, Карасой и Галтан, было зафиксировано более сотни курганов, относящихся к периоду поздней бронзы — раннего железа (вторая половина II тыс. до н. э. — конец I тыс. до н. э.). Как известно, наступление железного века совпало с переходом пастушеских и скотоводческо-земледельческих племен к кочевому и полукочевому скотоводству и соответствующему образу жизни. Но данный процесс начался еще в эпоху бронзы. В указанное время пригодность этих территорий в качестве пастбищ для больших стад, близость источников воды и наличие торговых караванных путей повысили для древ-

них племен стратегическое значение хребтов Сарыекуш, долин Карван, Галтан и Карасой (Наджафов, Мурсагулиев 2023: 63–64).

В 2023 г. археологические раскопки проводились на курганных могильниках в районе Карасой. Карасойская равнина входит в состав Джейранчельской низменности и охватывает левую равнинную и правую низкогорную часть долины реки Карасой, притока реки Аджидара (Насафов, Мурсагулиев 2023: 63). На данном поле захоронений курганы расположены на расстоянии 10–15 м друг от друга. Большинство крупных (диаметр 20–25 м) и малых (диаметр 15–10 м) курганов имеют кромлехи. Эти кромлехи хорошо заметны — вокруг больших курганов они выложены из валунов и крупных булыжников, а в небольших курганах — из булыжников и речных камней. В обоих случаях использовались в основном прямоугольные, вытянутые камни. В некоторых случаях верхнее покрытие курганов целиком состоит из малых речных камней, в остальных — из смешанной с гравием почвы. Существуют гипотезы, что кромлехи связаны с первобытными религиозными представлениями о солнце и что они служили своеобразными храмами.

В Карасое было исследовано 2 курганных погребения. Оба кургана имели большой диаметр (18 и 25 м) и высоту 1,75 и 2,1 м. Курганные кромлехи в основном выложены из крупногабаритных (60×80 см, 50×90 см, 70×100 см) скальных пород и материалов из кальцинированного песчаника (рис. 1: 1). На глубине около 1–1,5 м выявлены курганные перекрытия из гравия, смешанного с грунтом. В центральной части обнаружена состоящая из средних и крупных камней (50×70 см) кладка над могильными камерами. Плотные каменные кладки, состоящие из булыжников и скальных пород, были выложены преимущественно в направлении с севера на юг. После удаления этих камней над могильными камерами были открыты плиты — установленные тяжелые и крупные камни (0,7×0,9 м; 1×1,2 м). Ввиду того, что в центральной части почва обеих погребальных камер под курганом была относительно мягкой, наблюдается обрушение тяжелых камней внутрь камеры (Наджафов, Мурсагулиев 2023).

Далее в процессе исследования были обнаружены погребальные камеры на глубинах 1,75 и 2,1 м от современного уровня поверхности земли (рис. 1: 2). Обе камеры были прямоугольной формы, ориентированы в направлении север — юг. Длина камер в этом направлении составляла соответственно 4–5 м, ширина в направлении восток — запад — 1,8–2 м, глубина погребальных камер — 2,25 м и 3,2 м.

Внутри камер были обнаружены скелеты людей и кости животных, глиняные сосуды, бусы из агата и шевы/сердолика, наконечники стрел, бронзовые браслеты (рис. 1: 3–5). Погребенные были ориентированы лицом на восток или запад, в направлении север — юг, с опорой на левое или правое плечо, в полусогнутом виде. У изголовья человеческих скелетов обнаружены средние и крупные глиняные горшки, вокруг костей ног находились пастовые бусины.

Рис. 1. Курган № 2 из Карасое: 1 — каменная насыпь кургана; 2 — погребальная камера; 3 — керамический сосуд; 4 — бронзовый браслет; 5 — бусы из пасты и каури

На раскопанных в Карасое курганах 1 и 2 наблюдается схожий погребальный обряд. Это сходство проявляется, если не принимать во внимание разницу в направлении захоронений, как в размещении покойного в определенной части камеры, так и в расположении погребального инвентаря.

Площадь вскрытых курганов Карасоя, их структура, устройство погребальных камер под курганом, порядок захоронения, а также типологический анализ полученных артефактов позволяют отнести эти курганы ко времени поздней бронзы — раннего железа (2-я половина II тыс. до н. э. — начало I тыс. до н. э.). Древние жители местности, являющиеся носителями ходжалы-гядабекской культуры, практиковали курганный обряд захоронения (Наджафов 2020: 230–232).

Детальный анализ археологических материалов, обнаруженных в результате исследований Джейранчельских курганов, позволяет сделать вывод, что этот регион являлся одним из мест сезонных поселений полукочевых скотоводческих племен — носителей ходжалы-гадабекской культуры.

Список литературы

- Наджафов Ш. Н. 2020. Связь заселения среднего бассейна Куры с естественно-географическими и экономическими факторами в период бронзы // Конончук К. В. (ред.). Актуальная археология 5. Тезисы Международной научной конференции молодых ученых; ИИМК РАН. СПб.: Невская типография, 230–232.
- Наджафов Ш. Н., Мурсагулиев М. 2023. Следы древнейшей культуры в Джейранчеле // Наука и жизнь 4 (482), 63–67 (на азерб. яз.).
- Насибли Ю. М., Мурсагулиев М. Г. 2023. Средневековые христианские пещерные памятники Кешикчидагского хребта // İrs-Наследие 123, 26–37.

**Материалы поселения Куровицы 4
в контексте изучения культур неолита — эпохи бронзы
юго-восточного берега Финского залива**

Мучкина Л. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: Ленинградская область, Финский залив, неолит, эпоха бронзы, шнуровая керамика, сетчатая керамика

На протяжении XX в. изучением каменного века юго-восточного берега Финского залива занимались Р. Индрекко (1930-е гг.), Н. Н. Гурин (1950-е гг.), В. И. Тимофеев (1980-е гг.). Планомерное исследование началось в последние 20 лет, когда были открыты десятки новых памятников — к 2019 г. было известно 58 памятников (Памятники... 2019: 19, 164).

С 2018 г. и по настоящее время в регионе к востоку от р. Луга активные археологические работы проводит Ленинградская областная археологическая экспедиция (ЛОАЭ) ИИМК РАН под руководством А. Ю. Городилова и М. А. Раззак. За это время выявлено более 30 памятников раннего неолита — эпохи бронзы, на нескольких из них проведены раскопки большой площадью. В 2022 г. ЛОАЭ ИИМК РАН проводились раскопки поселения Куровицы 4. Поселение было выявлено Д. В. Герасимовым в 2015 г., оно расположено в Нижнем Полужье, на коренном правом берегу р. Черной. Раскоп располагался в восточной части поселения, его площадь составила 746 м². В ходе работ были выявлены культурные напластования, относящиеся к эпохе неолита — раннего железного века IV—I тыс. до н. э., найдены фрагменты сосудов (1146 фрагментов), изделия из камня (556 экземпляров), кальцинированные кости (178 фрагментов). На основании керамики в материалах поселения было выявлено 8 культурно-хронологических типов древностей.

Ромбоямочная керамика представлена 6 фрагментами стенок сосудов. Аналогичные материалы известны на территории Карелии, Латвии, Эстонии, Финляндии, они датируются первой половиной — серединой IV тыс. до н. э. (Витенкова 2016: 9–23).

Гребенчатая керамика с комбинированной примесью представлена в количестве 246 фрагментов, выделено не менее 15 сосудов. Данная культурная группа выявлена в регионе только в последнее время, она датируется концом IV — III тыс. до н. э. (Городилов 2023: 198).

Асбестовая гребенчатая керамика (тип Оровнаволок XVI по А. М. Жульникову) представлена 4 фрагментами стенок, они имеют примесь асбеста и гребенчатый орнамент. Аналогичная керамика характерна для Карелии, Карельского перешейка, Финляндии, Швеции, Норвегии, она датируется около 3400–2900 гг. до н. э. (Нордквист, Меккенен: 2018 47).

Шнуровая керамика представлена 42 фрагментами, среди них выделено 7 сосудов, в том числе кубок. Данная группа керамики широко представлена в регионе исследования, ближайшие аналогии найдены в Эстонии (Городилов, Раззак 2022: 16–24).

Сетчатая керамика с примесью органики самая многочисленная, представлена 477 фрагментами. В этой группе выделено 28 сосудов, они разделены по орнаменту на 3 группы: сосуды с ямками, сосуды с гребенчатыми отпечатками, сосуды без орнамента. Ближайшие аналогии происходят с территории Эстонии. Эти находки относятся к эпохе бронзы (Юшкова 2015: 208).

Сетчатая керамика с примесью дресвы представлена 24 фрагментами, она аналогична сосудам поселения Галик 11, приблизительно датируется рубежом II/I тыс. до н. э. (Городилов, Раззак 2021).

Керамика «волховского» типа представлена 62 фрагментами, выделяется не менее 17 сосудов. Определены следующие виды основных орнаментов: штамп «веревочка, намотанная на палочку», ямки, «жемчужины». Аналогии представлены в регионе исследования, в Поволховье, Приильменье. Керамика волховского типа относится к концу эпохи бронзы и датируется около первой половины I тыс. до н. э. (Кулькова, Юшкова 2006).

Штрихованная керамика представлена 12 фрагментами стенок сосудов, которые предположительно относятся к раннему железному веку.

Планиграфическое распределение находок не позволяет выделить определенные скопления, материалы различных культурных групп перемешаны в культурном слое поселения.

В результате анализа керамического материала из раскопок поселения Куровицы 4 2022 г. было выявлено 8 культурно-хронологических групп материалов. Данные группы древностей типичны для рассматриваемого региона и имеют аналогии на соседних территориях. Наиболее ранние материалы представлены ромбоямочной керамикой, к позднему неолиту относятся поздняя гребенчатая керамика с комбинированной примесью, асбестовая керамика (тип Оровнаволок XVI),

шнуровая керамика. К эпохе бронзы относятся сетчатая керамика и керамика «волховского» типа, наиболее поздний тип представлен штрихованной керамикой раннего железного века. Поселение многократно заселялось на протяжении неолита — раннего железного века.

Список литературы

- Витенкова И. Ф. 2016. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбовидной керамикой). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.
- Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья. 2019 // Герасимов Д. В. (ред.). СПб.: МАЭ РАН.
- Городилов А. Ю. 2023. За миг до шнуровой: гребенчатая керамика юго-восточного берега Финского залива в конце IV тыс. до н. э. // АВ 38, 198.
- Городилов А. Ю., Раззак М. А. 2021. Результаты раскопок поселения Галик 11 в 2020 г. // АВ 31, 163–178.
- Городилов А. Ю., Раззак М. А. 2022. Результаты раскопок на поселении Галик 11 в 2021 г. // АВ 37, 11–31.
- Жульников А. М. 2005. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск.
- Кулькова М. А., Юшкова М. А. 2006. Керамика эпохи раннего металла поселения Шкурина Горка // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб.: Нестор-История, 82–92.
- Нордквист К., Меккенен Т. 2018. Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита — энеолита Карелии // Тверской археологический сборник 11. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 39–68.

**Материалы бондарихинской культуры многослойного
поселения «Осколице селище-2» Волоконовского района
Белгородской области**

Непочатова А. В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
БРОО «Общество любителей древней истории»*

Ключевые слова: *эпоха бронзы, бондарихинская культура, лепная керамика*

Бондарихинская культура относится к эпохе поздней бронзы. Ее памятники занимают территории среднего течения Северского Донца, бассейн Дона и Цнинско-Мокшанского междуречья (Артеменко 1987: 116–119).

На территории Белгородской области исследование памятников этой культуры началось в XX в. с разведок А. Ф. Евминовой, Р. Л. Розенфельдта, А. С. Смирнова, М. Б. Щукина, А. М. Обломского и С. И. Воловика.

В 2012 г. в Волоконовском районе Белгородской области проводилась археологическая разведка. В результате исследований А. А. Божко был обнаружен ряд памятников, в том числе поселение исследуемой нами культуры — «Осколице селище-2» (Божко 2012). Памятник занимает дюнообразную возвышенность в пойме правого берега р. Оскол, вытянутую параллельно реке в направлении север — юг.

Раскопки объекта археологического наследия проводились в 2013 г. под руководством А. А. Божко. Площадь исследования составила 1524 м². Было изучено 46 хозяйственных ям. Их небольшое количество, взаимовстречаемость разновременных находок в яме в одном слое, а также расположение найденных материалов в большинстве ям в верхнем пласте, куда они могли попасть под влиянием различных факторов из культурного слоя, затрудняют датировку объектов. С большой долей вероятности можно отнести ямы № 3, 19, 38 к бондарихинской культуре эпохи бронзы. Приведем краткое описание этих объектов.

Яма 3. Имеет овальную форму и стенки, наклоненные вовнутрь. Размеры ямы 1,5×1,1 м, глубина 0,2 м от материкового основания. В яме, в пласте 0–0,2 м, обнаружена стенка лепного сосуда с примесью песка в тесте и кремневый отбойник.

Яма 19. Имеет овальную форму и стенки, наклоненные вовнутрь, кроме южной стенки, стоящей вертикально. Диаметр ямы 1,6×1 м, глубина 0,2 м от материкового основания. В пласте 0–0,2 м были выявлены венчик и стенка лепных сосудов с примесью песка в тесте, кремневый отщеп и кость животного.

Яма 38. Имеет округлую форму, стенки, наклонные вовнутрь. северо-западная часть ямы перерезана ямой 37. Диаметр ямы 1,35 м, глубина 0,4 м от материкового основания. В пласте 0–0,2 м были выявлены два фрагмента стенок лепных сосудов с примесью песка в тесте.

Всего в ходе исследования было выявлено 205 фрагментов керамики, из которых 68 относятся к черняховской культуре, 136 к бондарихинской культуре, 1 — к эпохе неолита.

Бондарихинская керамика (10 венчиков, 3 днища и 123 стенки) изготовлена из глины с примесью песка и мелкого шамота, толщина черепка 0,6–1 см, цвет поверхности желто-коричневый. 8 фрагментов украшены шнуровым орнаментом, 9 — тычковым. На внутренней поверхности двух стенок прослежены расчески, нанесенные зубчатым штампом (рис. 1).

Кроме того, материалы данной культуры представлены каменными орудиями труда, получившими широкое распространение в исследуемый период. Орудия представлены 4 скребками, скобелем, двумя отбойниками, ножом, двумя ретушерами, резцом и 9 отщепами со следами утилизации. Скребки изготовлены на отщепах и относятся к типу концевых. Ретушь утилизации на рабочих поверхностях свидетельствует об их эксплуатации в качестве режущих орудий. Производственные отходы представлены 49 отщепами и 79 обломками кремня со следами скалывания (Божко 2013).

Керамика поселения «Осколище-2» имеет аналогии в материалах памятников бондарихинской культуры бассейна Дона и Северского Донца. Так, сосуды со слабоотогнутым венчиком, орнаментированные одиночными тычками, известны из материалов раскопок Шиловского поселения и стоянки Копанище-2 (Синюк 1996: 259–260). Реже на данных поселениях встречаются сосуды, орнаментированные шнуровым орнаментом и украшенные прочерченными линиями, формирующими геометрические фигуры (Синюк 1996: 259). Венчик, орнаментированный налепным валиком, не имеет прямых аналогий в материалах бондарихинских памятников, близкие ему предметы встречены в слоях финальной бронзы — например, при раскопках дюны Терешковско-го вала (Синюк 1996: 261–262).

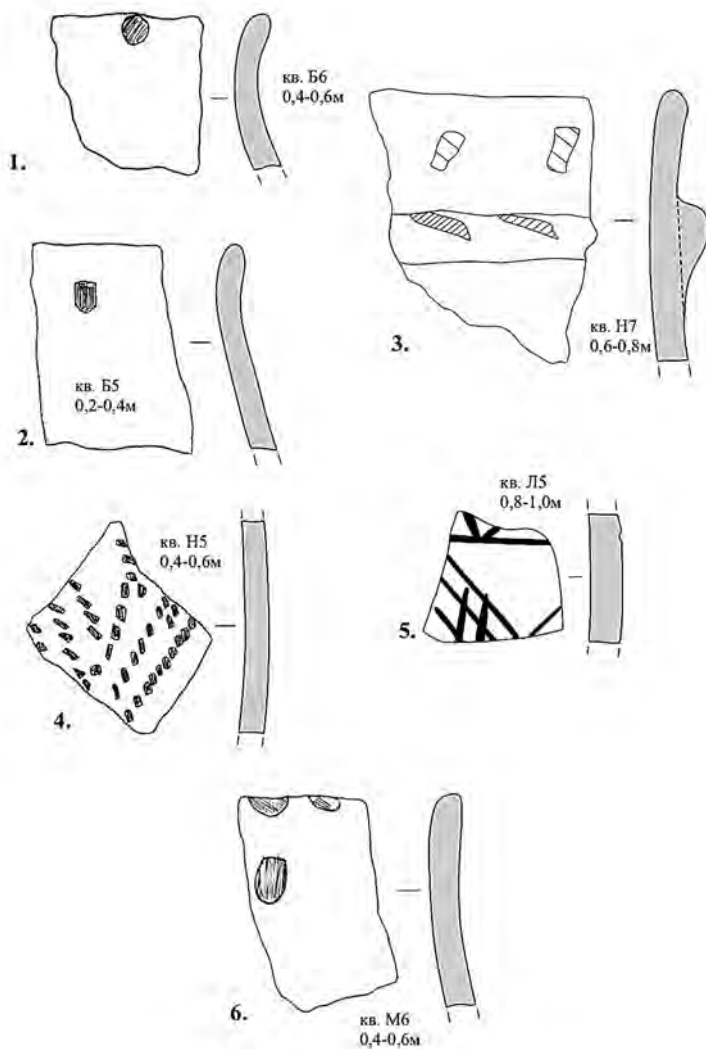

Рис. 1. Фрагменты керамики бондарихинской культуры эпохи бронзы из культурного слоя поселения «Осколице селище-2», полученные в результате полевых работ в 2013 г.: 1-3 – венчики лепных сосудов; 4-5 – орнаментированные стенки лепных сосудов; 6 – венчик лепного сосуда

Кремневый материал, как правило, типологически не выражен, орудия изготовлены на отщепах.

Таким образом, в ходе раскопок на ОАН «Осколище селище-2» были изучены три хозяйственные ямы бондарихинской культуры. Материалы этого времени представлены 136 фрагментами керамики, а также многочисленными продуктами расщепления кремня. Характер керамического материала позволяет отнести его к бондарихинской культуре финального этапа эпохи бронзы. Обращает на себя внимание низкий уровень производства керамики и кремневых изделий. Он может быть объяснен общим упадком развития культур в эпоху поздней бронзы на территории Восточной Европы. Возможно, это было вызвано значительным сокращением поступления металлического сырья с востока, а именно Волго-Уральской горно-металлургической области.

Слабая насыщенность культурного слоя материалами бондарихинской культуры, вероятно, может быть интерпретирована как результат кратковременного либо сезонного использования территории памятника.

Список литературы

- Артеменко И. И. 1987. Бондарихинская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 116–119.
- Божко А. А. Отчет о проведении археологического обследования земельных участков в Волоконовском районе Белгородской области в 2012 году // Архив ИА РАН. № 30152.
- Божко А. А. Отчет об археологических раскопках памятников археологии «Козловка селище 5», «Осколище селище 2» и курганов 3, 5 памятника археологии «Грушевка курганный группа 3» в Волоконовском районе Белгородской области в 2013 году // Архив ИА РАН. № 39101.
- Синюк А. Т. 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского педагогического университета.

Орнамент на бронзовых бляхах алакульского облика: классификация и пространственный анализ

Подгорных А. М.

Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: алакульская культура, срубная культура, бронзовые бляшки, классификация, пространственный анализ

На территории Урало-Казахстанских степей в середине II тыс. до н. э. были распространены круглые бронзовые орнаментированные бляшки, встречающиеся в погребениях синташтинской, петровской, федоровской культур, но наибольшее их количество найдено в алакульских могильниках. Кроме того, подобные бляшки иногда встречаются в погребениях срубной культуры, на территории степей и лесостепей Русской равнины. В данной работе подобные бляшки будут называться бляхами алакульского облика.

В историографии существует проблема установления места этих бляшек в составе костюма. Первоначально они интерпретировались как обшивка ворота одежды (Кривцова-Гракова 1948: 114). В конце XX в. существовали две точки зрения на расположение бляшек. Некоторые ученые считали их частью челюстно-лицевой подвески — украшения, в котором бляшки были нашиты на полоску ткани и обрамляли лицо (Усманова, Ткачев 1993: 78). Согласно второй точке зрения, бляшки нашивались на шапочку или начальную ленту (Виноградов 1998: 200). На данный момент существование челюстно-лицевой подвески признается практически всеми исследователями, однако бляшки могли служить частью и других видов украшений.

Что касается вопроса, посвященного происхождению бляшек в срубных могильниках, то здесь единогласно признается влияние взаимодействий с восточными соседями. Некоторые исследователи полагают наличие брачных связей между носителями срубной и алакульской культур, и челюстно-лицевая подвеска и бляшки стали своеобразным символом этих связей (Усманова и др. 2022: 85).

Проблеме классификации бляшек посвящены две основательные работы. Е. В. Флек выделила три типа бляшек, среди которых: ромбические, выпуклые полусферические и круглые плоские. Отдельно она классифицировала последние, разделив их на 6 разрядов (Флек 2010: 87–88). Э. Р. Усманова подробно исследовала женские головные уборы с украшениями, в том числе орнаментированные бляшки. Была

создана классификация бляшек по орнаментам, состоящая из 12 типов, проведен анализ их семантики (Усманова 2010: 91–93).

В настоящей работе было использовано 240 бляшек, целостность которых позволяет судить об орнаменте, рассмотрено 39 памятников. Была предпринята попытка создания единой классификации на базе предыдущих исследований. Основой для нее служит сходство орнаментальных мотивов на дисках бляшек. Всего можно выделить 10 типов орнамента на бляшках: концентрические круги, звезды, волюты, прямолинейные свастики, зигзаги, кружочки по диску, кресты, треугольники, криволинейные свастики и группа с нетипичным орнаментом, представленным единичными экземплярами (рис. 1: А).

Среди приведенных выше типов орнамента чаще всего встречаются «концентрические круги», этот тип представлен 59 экземплярами. На втором месте находятся «кресты», всего 57 бляшек. На третьем месте — «кружочки по диску», к нему относится 27 бляшек. Остальные типы представлены меньшим количеством экземпляров. Так, к типу «звезды» относится 21 бляшка, «волюты» — 15, «прямолинейные свастики» — 13, «зигзаги» — 7, «кресты» — 5, «нетипичные» — 5, «треугольники» — 4.

На следующем этапе исследования памятники с преобладающим количеством бляшек наиболее распространенных типов были нанесены на карту (рис. 1: Б). В результате, на наш взгляд, можно выделить три базовые группы их распространения: восточная, соответствующая типу «кресты», центральная, соответствующая типу «концентрические круги», и западная, соответствующая типу «кружочки по диску». Восточный ареал занимает территории современных Акмолинской, Карагандинской, Костанайской и Павлодарской областей Казахстана. Центральный расположен на территориях Тюменской, Челябинской, Курганской областей России, а также Костанайской области Казахстана. Восточная и центральная группа представлены в основном памятниками алакульской культуры. Западный ареал занимает территории Челябинской, Оренбургской, Самарской и Владимирской областей, памятники относятся к срубной культуре.

В настоящей работе для картографирования были отобраны памятники, в которых бляшки каждого доминирующего типа были представлены в большинстве, однако в перспективе для получения более точной картины планируется рассмотреть и памятники с другими процентными соотношениями разных типов бляшек, например, 50 на 50. Что касается остальных, более малочисленных групп, то здесь

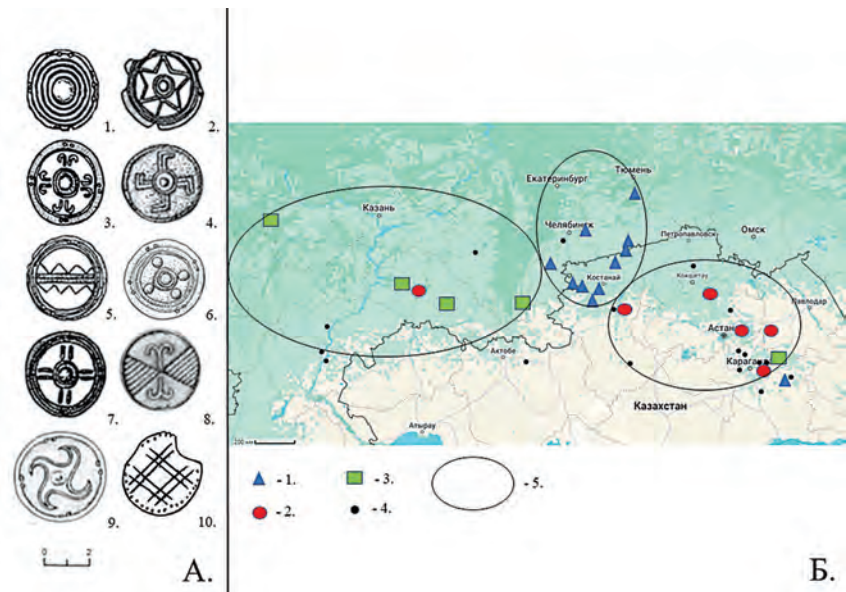

Рис. 1. А — Примеры круглых бронзовых орнаментированных бляшек разных типов: 1 — концентрические круги; 2 — волотные мотивы; 3 — зигзаги; 4 — кресты; 5 — звезды; 6 — прямолинейные свастики; 7 — кружочки по диску; 8 — треугольники; 9 — криволинейные свастики; 10 — нетипичная группа (1 — Алексеевский мог., погр. 13 (Флек 2010: 88); 2 — мог. Балыкты, ограда 14 (Флек 2010: 90); 3 — мог. Степное VII, комплекс 4, погр. 17 (Флек 2010: 92); 4 — мог. Балыкты, ограда 14 (Флек 2010: 89); 5 — мог. Нуртай, курган 15, погр. 1 (Флек 2010: 91); 6 — мог. Джангильды V, погр. 48 (Усманова 2010: 44); 7 — мог. Степное VII, комплекс 4, погр. 17 (Курпьянова, Зданович 2015: 41); 8 — мог. Майтан, ограда 5, ограда А (Усманова 2010: 92); 9 — Ново-Ябалаклинский мог., курган 2, погр. 3 (Горбунов 1977: 158); 10 — мог. Куропаткино II (Флек 2010: 92)). Б — Ареалы распространения наиболее многочисленных типов бляшек: 1 — памятники с преобладающим типом «концентрические круги», центральная территориальная группа; 2 — памятники с преобладающим типом «кресты», восточная территориальная группа; 3 — памятники с преобладающим типом «кружочки по диску», западная территориальная группа; 4 — памятники, где нет преобладающего типа; 5 — обозначение ареала

прослеживается тяготение к восточному ареалу всех типов, кроме «криволинейных свастик», встречающихся только на западных территориях в срубных могильниках, однако этот вопрос требует дополнительного исследования.

Список литературы

- Виноградов Н. Б. 1998. Новые материалы для реконструкции облика алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры 6, 186–202.
- Горбунов В. С. 1977. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы (Башкирия) // СА 1, 149–161.
- Кривцова-Гракова О. А. 1948. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ 27, 57–172.
- Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. 2015. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия.
- Усманова Э. Р., Ткачев А. А. 1993. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // Вестник древней истории 2, 75–83.
- Усманова Э. Р. 2010. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Лисаковск-Караганда: ТАиС.
- Усманова Э. Р., Мерц В. К., Гюль Э. Ф., Антонов М. А. 2022. Головной убор, ритуал и гендерная символика (реконструкция по материалам эпохи бронзы могильника Ново-Ябалаклинский 1) // Археология Евразийских степей 2, 77–87.
- Флек Е. В. 2010. Бронзовые бляшки алакульской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии 12 (1), 87–96.

**Погребальная посуда андроновской (федоровской)
культуры могильника Манжиха Западного Присалаирья
(предварительные результаты изучения)**

Савко И. А.

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Алтайский государственный университет,
Алтайский государственный педагогический университет*

Ключевые слова: андроновская (федоровская) культура, Западное Присалаирье, погребальный обряд, керамика

В Западном Присалаирье обнаруживается большая концентрация андроновских памятников. В настоящее время наиболее обследованным участком этой территории является долина р. Чумыш, пересекающая Целинный район Алтайского края. Здесь, на отрезке реки длиной около 15 км зафиксировано 13 андроновских памятников: девять поселений, в том числе многослойные, и четыре грунтовых могильника (Кирюшин, Кунгуров 1996). Подобное скопление объектов андроновской культуры на Алтае известно только в верховьях р. Алей. Одним из памятников, изученных на этом участке, является могильник Манжиха (Демин и др. 2024). Памятник был обнаружен А. П. Уманским в 1960-е гг., исследовался П. Ф. Рыженко, затем экспедицией Алтайского педагогического университета с 2003 по 2006 г. На данный момент на могильнике выявлено 10 захоронений. Наиболее массовой категорией находок являлась керамика.

Вся доступная для анализа посуда¹ обжигалась в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды, чаще всего с непродолжительным действием температур каления (не ниже 650 °С). Сосуды горшковидной формы все залощены по сухой поверхности. Верхняя часть внутренней поверхности сосудов заглажена зубчатыми инструментами. На плече фиксируются следы выбивания колотушкой. Два сосуда имели внутри нагар, свидетельствующий об их использовании в приготовлении и хранении пищи. Вся посуда конструировалась при помощи лоскутов в один слой, которые наращивались по траектории, близкой к спиралевидной. Характер соединения лоскутов на стыке дна и стенок позволяет предположить, что конструирование начин

¹ Особенности обжига, обработки поверхности и конструирования удалось зафиксировать только для шести образцов.

осуществлялось по емкостной программе (рис. 1: 1), когда дно изготавливалось отдельно и вмазывалось внутрь уже готовой емкости. Плечо и шея у горшков изготавливались отдельно и примазывались уже на готовую емкость, о чем свидетельствует смена наложения лоскутов в месте перехода плеча и шеи. Особенности наложения лоскутов позволяют предполагать использование формы-емкости. В целом, особенности технологии изготовления, которые представляют собой наиболее устойчивые традиции в гончарстве, характерны и для других федоровских памятников Кулундинской степи и Центрального Казахстана (Ломан 1993).

Посуду можно разделить по форме на несколько типов, которые имеют свои особенности орнаментации. Тип 1 — сосуды горшковидной формы средних пропорций с плавной профилировкой, со средними пропорциями плеча и шеи (рис. 1: 1). Орнамент наносился мелкозубчатыми штампами разных видов, но в целом он типичен для сосудов этой формы. Композиция классическая, трехзональная, с косыми треугольниками на шее, различными видами геометрических меандров и треугольников на плече и тулове и дополнительным мотивом на придонной части в виде равнобедренных треугольников. Раз-

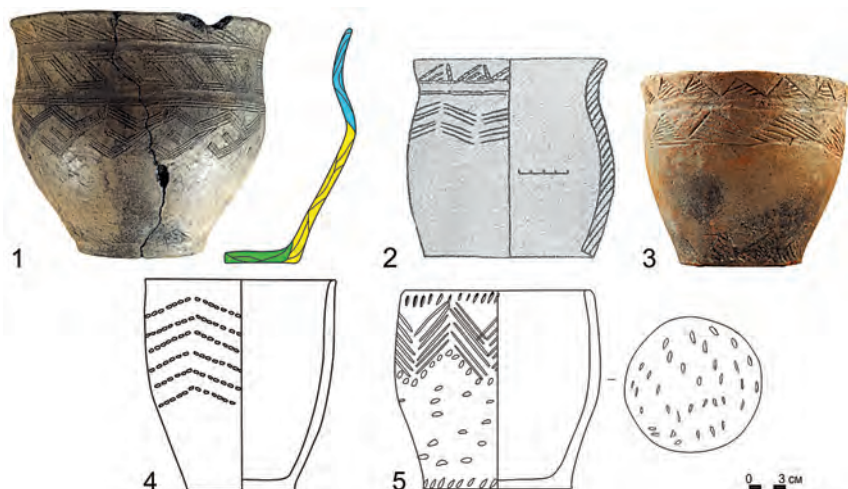

Рис. 1. Основные типы керамики из могильника Манжица: 1 — сосуд из м. № 8 с прорисовкой лоскутов в изломе; 2 — сосуд из раскопок П. Ф. Рыженко (Кунгуров, Лузин 1992); 2, 3 — сосуды из м. № 2; 4 — сосуд из м. № 3; 5 — сосуд из м. № 6

делителями зон выступали каннелюры (прочерченные линии). Характерной чертой является наличие нескольких мотивов на зоне плеча. Тип 2 — горшок с высоким плечом и короткой шеей из раскопок П. Ф. Рыженко (рис. 1: 2), по-видимому, декорировался гребенчатым и гладким штампом, имел двухзональную композиционную схему (треугольники на шее и зигзаг на плече). Тип 3 (рис. 1: 3) — открытые банки с изгибом у венчика, имели двухзональную композиционную схему в виде треугольников, зигзагов и вдавлений, с разделителями между зонами в виде горизонтальных линий и без них. Тип 4 (рис. 1: 4) — банка с прямым плечом и тип 5 (рис. 1: 5) — банки закрытых форм со средними пропорциями плеча имели однозональную или двухзональную разбивку композиции, в целом со схожими мотивами декора, как и у формы 3-го типа.

Сравнительный анализ керамики из ближайшего поселения Манжиха-2, которое находится в 200 м от могильника, показывает довольно большое сходство сосудов из могильника с сосудами баночной формы, которые также имели простую композиционную схему, чаще орнаментировались мотивами в виде зигзагов и вдавлений (Леонтьева 2016: 48–50, 108–110). В то же время фиксируется значительное отличие от сосудов горшковидной формы, среди которых практически нет лощеных сосудов с классическим геометрическим декором (Леонтьева 2016). При условии, что поселение и могильник были оставлены одной группой населения, объяснить отличие керамики горшковидной формы можно лишь тем, что это была особая категория посуды, используемая чаще для обряда.

По своей форме и декору керамика имеет больше аналогий с материалами Верхнего Приобья, чем Кузнецкой котловины, могильники которой географически находятся ближе. Примерами таких аналогий могут служить керамические изделия из комплексов Кытманово, Подтурино, Фирсово-14, Чекановский Лог 2, 10, Нижняя Суетка, Ближние Елбаны 14 и др.

Перспективность дальнейшего исследования связана с изучением всего комплекса погребальных (Татарские могилки, Коврижка 2 и др.) и поселенческих объектов (Манжиха 2, Сосновый Лог 1, Гориное Озеро, Куюк 1 и 2) района окрестностей могильника Манжиха. Изучение данных памятников позволит разработать хронологию и динамику развития андроновской общности локального района в Западном Присалаирье, проследить хозяйственные особенности, социальные отношения внутри культуры и палеодемографию древнего населения.

Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 20-18-00179).

Список литературы

- Демин М. А., Ситников С. М., Савко И. А. 2024. Предварительные результаты раскопок грунтового могильника андроновской (федоровской) культуры Манжика в Верхнем Причумышье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края XXX, [в печати].
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. 1996. Андроновские находки на верхнем Чумыше // Кирюшин Ю. Ф. (ред.). Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 22–27.
- Кунгуров А. Л., Лузин С. Ю. 1992. Андроновские памятники в окрестностях с. Победа Барнаула // Елин В. Н. (ред.). Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии III, 42–43.
- Леонтьева Д. С. 2016. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Ломан В. Г. 1993. Гончарная технология Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Фатьяновская и балановская культуры бронзового века лесной полосы: опыт сравнительного анализа

Сыроватко Ф.А.

*Государственный академический университет
гуманитарных наук*

Ключевые слова: *средний бронзовый век, фатьяновская культура, балановская культура, погребальный обряд, сравнительный анализ, Волго-Окское междуречье*

Сходство материальной культуры, хронологическая и географическая близость фатьяновской и балановской археологических культур уже не раз отмечались многими исследователями (Кожин 1967; Крайнов 1972), без сомнения, сильно расширившими современное представление о населении лесной полосы в эпоху бронзы. Однако детальное сравнение погребальных обрядов этих общностей предпринималось в весьма ограниченном объеме (Большов 2010), между тем погребальные памятники остаются на сегодняшний день основным источником информации о представителях этих культур.

Целью работы являлось выявление сходств и различий погребального обряда фатьяновской и балановской культур, которые дали бы возможность делать некоторые выводы и предположения о характере взаимодействия населения лесной зоны в эпоху бронзы.

Хронологические и территориальные границы исследования — время приблизительно с XXVII в. до н. э. до XXV в. до н. э. (Кренке 2019; Соловьев, Ставицкий 2021) и территория от верхнего течения Волги и Волго-Окского междуречья до среднего течения Волги. Необходимо отметить, что рассмотрение погребального обряда балановской культуры, предпринятое в этой работе, было проведено лишь для раннего этапа существования культуры (балановского, XXVI–XXV вв. до н. э.), что обусловлено крупными изменениями, произошедшими с общностью в последующий период. Для анализа погребального обряда фатьяновской культуры было отобрано 103 комплекса из 8 могильников: Голузиновского, Никульцинского, Воронковского, Вауловского, Волосово-Даниловского, Тимофеевского, Ивановогорского и Ханевского. Основными критериями отбора погребений были целостность погребального сооружения и сохранность костей скелета, достаточная для определения его положения в могиле. Для анализа

погребального обряда балановской культуры были выбраны погребения с эталонного памятника культуры — Балановского могильника, что обусловлено небольшим (31 погребение из 117) количеством исследованных погребений для раннего этапа балановской культуры.

Проведенный анализ позволил очертить основные черты погребального обряда изучаемых культур:

1. Погребальное сооружение.

Представители обеих культур клали своих умерших в подпрямоугольные в плане ямы, размеры которых зависели от достатка и положения погребенного (или его возраста). Средние размеры ям слабо отличаются (270×200×100 см и 200×150×125 см).

Внутри могильной ямы представители обеих культур помещали погребальное сооружение из легкого органического материала, видимо, примерно идентичного (береста, дерево или прутья). Размеры погребальных сооружений различаются (200×105 см и 165×100 см), однако в обоих случаях средний размер весьма условен: сооружение с трудом ловится в слое, а его размеры могут сильно варьировать в зависимости от погребенного, его пола, возраста и положения.

2. Положение погребенного.

Для обеих культур сохраняется правило: погребенные мужского пола лежат на правом боку, головой на юго-запад — юг, женского — на левом, головой на северо-восток — восток. Любые отклонения от этой схемы в рамках выборок настолько незначительны, что их можно считать исключениями из общего правила.

Положение детей в могилах несколько отличается: для фатьяновской культуры характерно погребение детей по сходной со взрослыми процедуре, что позволяет условно разделить их на «девочек» и «мальчиков», в то время как представители балановской культуры совершали погребение детей только по сходному с мужским обряду, что, впрочем, может означать, что в выборку попали только мальчики.

3. Погребальный инвентарь.

Особое место в погребальном обряде обеих культур играли топоры разных типов (и клиновидные, и сверленные) и керамика, однако употребление топоров, как кажется, распространено шире в фатьяновской культуре и меньше привязано к полу погребенного, чем в погребениях балановской культуры, где в женских погребениях топоры встречаются крайне редко.

Несмотря на то, что тенденция с положением в женские могилы большего числа сосудов наблюдается в обеих культурах, для баланов-

ской культуры эта тенденция прослеживается значительно четче, создается впечатление, что в этой культуре происходит углубление в размежевании женского и мужского погребальных обрядов.

В результате проделанной работы были выявлены сходства и различия в погребальном обряде балановской и фатьяновской археологических культур, что дает возможность с большой осторожностью сделать некоторые предположения о характере взаимодействия культур: сходство погребального обряда в первую очередь говорит о сходных обрядовых практиках и сходстве в базовых религиозных вопросах. Поскольку эта часть жизни человеческого общества всегда была наименее чувствительной к изменениям, наиболее близким к действительности кажется вариант, при котором данный погребальный обряд имел некую общую подоснову и, следовательно, общее происхождение, поиск которого представляется чрезвычайно перспективной задачей для будущих исследований.

Список литературы

- Большов С. В. 2010. К вопросу о фатьяново-балановской культурно-исторической общности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион 3, 3–10.
- Кожин П. М. 1967. Происхождение фатьяновской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Крайнов Д. А. 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура. М.: Наука.
- Кренке Н. А. 2019. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Смоленск: Свиток.
- Соловьев Б. С., Ставицкий В. В. 2021. Балановская и атликасинская культуры // Ситдииков А. Г. (ред.) Археология Волго-Уралья. Энеолит и бронзовый век. Казань: Изд-во АН РТ, 420–441.

Генезис зольников бронзового века Южного Зауралья по данным междисциплинарных исследований

¹Трубицына Э. Д., ²Куприянова Е. В.,

³Соломонова М. Ю., ⁴Рябогина Н. Е.

¹Тюменский научный центр СО РАН

²Челябинский государственный университет

³Алтайский государственный университет

⁴Гетеборгский университет

Ключевые слова: зольники, бронзовый век, Южное Зауралье, палинология, фитолиты, геохимический состав почвы, сапротрофные бактерии

Зольники являются уникальным археологическим объектом, их происхождение и функция остаются дискуссионными (Рыбаков 1981; Матвеев 1993; Зах 1995; Потемкина и др. 1995; Папин 2002; Гершкович 2004; Корочкова 2009; Сава, Кайзер 2011). Для получения новых данных, раскрывающих свойства этих объектов, выполнен комплекс естественнонаучных анализов: спорово-пыльцевой, фитолитный, почвенно-микробиологический и гранулометрический анализы отложений золистых слоев. В Челябинской области исследованы три зольника, расположенных рядом с поселениями позднего бронзового века Степное, Стрелецкое и Черноречье 2.

По результатам исследования зольника Степное установлено, что отложения мощностью 45 см были сформированы за счет привнесения большого количества травянистой растительной массы, накопленной после очистки жилых и хозяйственных помещений поселения (Куприянова и др. 2023).

В зольнике Стрелецкое белесые «золистые» отложения мощностью 52 см визуальнo разделены на две части: 86–68 см и 68–34 см. В нижней части этих отложений доминирует фракция песка, в верхней — фракции пыли. Численность сапротрофных бактерий, отвечающих за разложение органики, в начале накопления золистых отложений незначительна и составляет менее 2 млн. КОЕ¹/г почвы, но постепенно возрастает выше по профилю до 7 млн КОЕ/г почвы. Значительное количество термофильных бактерий, связанных с компостированием органики, отмечено почти во всей верхней части золистых отложений

¹ КОЕ — колониеобразующие единицы.

(0,7–1,8 млн КОЕ/г почвы) и возрастает вверх по профилю до 3 млн КОЕ/г. Кератинофильные грибы, разлагающие шерсть и волосы, обильно присутствуют во всем золистом слое (7–8 тыс. КОЕ/г почвы) и резко меняют численность в верхней его части. Спорово-пыльцевой состав в нижней части зольного слоя преимущественно представлен злаками, разнотравьем и цикориевыми. Но в верхней части слоя доминирует полынь, разнотравье, астровые, цикориевые. Фитолитный анализ также показал, что образцы с глубины 84–65 см отличаются преобладанием степных злаков, тогда как в фитолитном комплексе проб с глубины 65–34 см доминируют фитолиты двудольных растений и мезофитных злаков.

Мощность «золистых» слоев зольника Черноречье 2 составляет 40 см. Отложения сформированы фракцией крупного, среднего и мелкого песка. Постоянно присутствуют сапротрофные бактерии в золистых отложениях (2,9–7,1 млн КОЕ/г почвы). Термофильные бактерии присутствуют на глубине 45 и 35 см — 2,9 млн КОЕ/г почвы и также в верхней части зольника 1,7 млн КОЕ/г почвы. Кератинофильные грибы отмечены во всем профиле отложений (0,8–39,8 млн КОЕ/г почвы). Спорово-пыльцевой комплекс зольника представлен полынью, разнотравьем и цикориевыми. Фитолитный комплекс зольного слоя состоит из двудольных трав и мезофитных злаков.

Данные естественнонаучных анализов дали схожие результаты для исследованных зольников. Однако почвенно-микробиологический анализ показал, что численность термофильных бактерий и кератинофильных грибов в Стрелецком и Черноречье 2 значительно выше, чем в Степном. Это позволяет предположить другое формирование отложений: возможно, зольники около поселения Стрелецкое и Черноречье 2 могли быть местом накопления стойлового навоза.

Грант Российского научного фонда № 23-27-10016, <https://rscf.ru/project/23-27-10016/> «Изучение последствий скотоводства около поселений синташтинско-аркаимского типа в Южном Зауралье: междисциплинарные исследования».

Список литературы

- Гершкович Я. П. 2004. Феномен зольников белогрудовского типа // РА 4, 104–113.
- Зах В. А. 1995. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука.
- Корочкова О. Н. 2009. О западно-сибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА 1, 25–35.

- Куприянова Е. В., Соломонова М. Ю., Трубицына Э. Д., Каширская Н. Н., Филимонова М. О., Афонин А. С., Шарапов Д. В., Иванов С. Н., Рябогина Н. Е. 2023. Междисциплинарные исследования отложений зольника около поселения Степное (Челябинская область) // Вестник археологии, антропологии и этнографии 4 (63), 18–38.
- Матвеев А. В. 1993. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: НГУ.
- Папин Д. В. 2002. Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублево VI // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 181–183.
- Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. 1995. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). Москва: ПАИМС.
- Рыбаков Б. А. 1981. Язычество древних славян. М.: Наука.
- Сава Е., Кайзер Е. 2011. Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова: (Археологические и естественнонаучные исследования). Кишинев: Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei.

Исследования памятников наскального искусства в бассейне р. Онон (Восточное Забайкалье):

предварительные результаты

Ячменев О. Ю., Власенко Д. Е.

Забайкальский государственный университет

Ключевые слова: река Онон, наскальное искусство, писаницы, останец, скальный выход, грот

В сентябре 2023 г. студенческим археологическим клубом ЗабГУ была проведена экспедиция в районе с. Чирон (Шилкинский район), с целью изучения трех памятников наскального искусства — Софьин Гриб, пункт-1 и пункт-2 (условные обозначения) (рис. 1: А). В работе также принимали участие сотрудники Шилкинского районного краеведческого музея и Центра охраны и сохранения культурного наследия Забайкальского края.

Софьин Гриб — памятник наскального искусства, ранее известный местным краеведам Шилкинского района (Кожин 2020: 28), располагается в 12,6 км к северо-востоку от с. Чирон (рис. 1: В). Во время работ на памятнике выяснилось, что значительная часть рисунков оказалась обведена мелом. На плоскостях останца сосредоточены фигуры зооморфов (лосей, оленей, собак), антропоморфов (крупные изображения людей и группы человечков, расположенных рядами), символов и знаков, скоплений аморфных пятен, встречаются палимпсесты, что может свидетельствовать о поэтапном оформлении панно. В ходе фотофиксации рисунков был осуществлен предварительный подсчет изображений. В итоге выявлено 200 рисунков, однако при дальнейшем изучении памятника возможны корректировки. Писаницы сосредоточены по всему периметру останца и выполнены ярко-красной и темно-красной охрой. Предварительный возраст памятника — V тыс. до н. э. — II тыс. н. э. По характеру нанесения рисунков и по стилистике данный объект может считаться одним из древнейших памятников наскального искусства Восточного Забайкалья (Мазин 1986: 81–88).

Пункт-1 находится в 12 км к северо-востоку от с. Чирон, в 1,4 км к юго-западу от писаницы Софьин Гриб (рис. 1: Б). Он расположен на маленьком скальном выступе, сильно пострадавшем от эрозии, и представлен небольшой композицией из 5 изображений (линии

с двумя отростками снизу и сверху, тремя овальными пятнами и одной точкой). Рисунки выполнены бледно-красной охрой. Памятник ранее был известен местным краеведам, однако публикации о нем отсутствуют.

В 12,8 км к северо-востоку от с. Чирон, в 250 м к юго-востоку от Софьиного Гриба находится **пункт-2** (рис. 1: Г). Рисунки сосредоточены на верхней плоскости большого грота, защищенной от внешнего воздействия (осадков) навесом. Всего выявлено 20 изображений разной степени сохранности. Объект ранее был обследован местными краеведами, о чем свидетельствуют две обведенные мелом фигурки, однако итоги работ не были опубликованы. Большая часть рисунков едва заметна невооруженным глазом. Для более точной фиксации изображений была использована специальная программа «aDStretch». В итоге удалось выявить антропоморфные фигуры, X-образный знак, зооморфа, линии и фрагменты, покрытые белесым натеком. По характеру нанесения и стилистике рисунки пункта-1 и пункта-2 предварительно датируются I тыс. до н. э. и относятся к таежной традиции наскальных рисунков (Мазин 1986: 81–86).

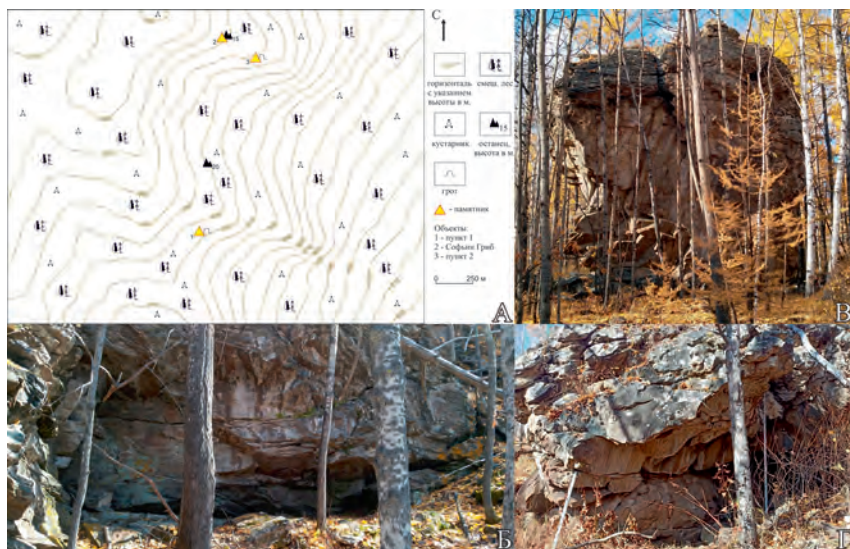

Рис. 1. А – топоплан местности; Б – общий вид на пункт-1; В – общий вид на останец Софьин Гриб; Г – общий вид на пункт-2

Наскальное искусство — это отражение не только бытовых и охотничьих практик, но и религиозных мировоззрений. Возможно, исследуемые памятники были местами особого поклонения и проведения религиозных обрядов. Например, у кочевых племен, таких как представители культуры плиточных могил (бронзовый век), было распространено почитание оленей (Окладников, Запорожская 1970: 117–118). Более поздние этносы заимствовали многие ритуально-обрядовые элементы у ранних народов. Примером этого является сакрализация народом мани неолитических сюжетов с лосями и оленями на скальных плоскостях бассейна р. Амур (Мазин 1984: 7–35). Подобная традиция существует и в нынешнее время. Значительная часть бурят, переселившихся в Забайкалье из Прибайкалья в начале XVII в., сохраняет и почитает более древние культурные формы и религии в соответствии с их собственными культурными устоями. Бурятское население в некоторых случаях использует для религиозного поклонения стелы и захоронения культуры плиточных могил, а также древние рисунки эпохи бронзового века на Востоке Забайкалья. Однако для расшифровки семантики и уточнения датировки изображений необходимы более точные исследования. Важно найти аналогии сюжетам данных памятников на сопредельных территориях. Для этого требуются комплексные работы, включающие этнографические исследования и археологические раскопки. Отметим лишь некоторые сходные черты между изображениями лося и оленя, замеченными на сводах Софьиного Гриба, и ближайшими объектами Забайкалья. Наиболее выразительная фигура оленя встречается на писанице Бутиха (бассейн р. Шилка), где отображена сцена охоты (Рижский 1965: 82–83). Другой памятник с фигурой копытного животного располагается в бассейне р. Ингода. Это Дворцовская писаница, на основном панно которой есть фигура, напоминающая лося (Ячменев 2023: 210). Наличие подобных памятников свидетельствует о глубококом почитании этих животных древними народами Южной Сибири.

Список литературы

- Кожин О. С. 2020. Шилкинский район с древнейших времен до дня сегодняшнего: География, геология, история освоения, исследования. Иркутск: ООО ПИФ.
- Мазин А. И. 1994. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука.
- Мазин А. И. 1984. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (кон. XIX — нач. XX в.). Новосибирск: Наука.

- Окладников А. П., Запорожская В. Д. 1970. Петроглифы Забайкалья в 2 ч. Ч. 2. Л.: Наука, 1970.
- Рижский М. И. 1965. Из глубины веков. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во.
- Ячменев О. Ю. 2023. Дворцовая писаница (бассейн р. Ингоды, Восточное Забайкалье) // Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая. Иркутск: ИГ СО РАН, 208–213.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК. АНТИЧНОСТЬ

Лунницы круга восточноевропейских выемчатых эмалей: проблемы типологии

Бакулина У.Д.

*Государственный академический университет
гуманитарных наук*

Ключевые слова: *эпоха Великого переселения народов, восточноевропейские выемчатые эмали, подвески-лунницы, типология, хронология*

Украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей представляют собой изделия из бронзы, декорированные эмалью различных цветов. Они обладают ярко выраженным стилистическим единством и получили широкое распространение в Восточной Европе: от Прибалтики на западе до верховьев Волги и Северного Кавказа на востоке и юге. Фиксируются такие предметы и на территории Крыма. Лунницы с эмалевыми вставками существуют со второй половины II в. по вторую половину IV в., являясь одной из самых часто встречающихся категорий украшений этого круга.

Цель работы — рассмотрение существующих типологий подвесок-лунниц и введение в научный оборот новой схемы, основанной на имеющихся разработках и дополняющей их.

На данный момент существуют две основные типологические системы подвесок-лунниц. Г. Ф. Корзухина разделила все находки на две категории: большие (шириной более 6 см) и малые (шириной от 2,5 до 6 см). Большие лунницы включают две группы: двурогие и трехрогие (Корзухина 1978). Еще одна типологическая схема была представлена И. К. Фроловым (Фролов 1980). Основным типобразующим признаком при ее создании послужила форма тела подвески и эмалевых вставок на нем. И. К. Фролов разделил весь массив изделий на пять типов. Каждый тип состоит из нескольких вариантов, в основе выделения которых лежит характер оформления щитков на концах рожек, а именно форма эмалевого поля и отростков на них. Однако при выделении хронологических и территориальных групп украшений исследователь собственную схему не использовал.

В последние несколько десятилетий количество материала увеличилось в разы, в том числе из-за активного использования металлодетекторов. По этой причине возникла необходимость в разработке новой типологической системы, включающей не только накопленные за последнее время находки, но и разновидности лунниц, не учтенные Г. Ф. Корзухиной и И. К. Фроловым, которые, судя по полученным данным, входят в набор изделий круга эмалей (Брянский клад... 2018).

Рассматриваемый массив находок (ок. 200 изделий) разделен на две группы: малые и больше ажурные. В первую входят лунницы, у которых акцент сделан на оформлении концов рожек. Во вторую — изделия, у которых орнаментальный акцент сделан на теле подвески.

1. Малые лунницы. Выделяются 6 типов по характеру оформления тела изделий. Тип I: пластинчатые с дугообразным телом, не имеющие эмалевых вставок и отростков на щитках на концах рожек (рис. 1: 4). Тип II: литые с дугообразным или дугообразно-треугольным телом, без эмалевых вставок на нем (рис. 1: 5). Тип III: литые, имеющие дугообразное или треугольное тело, с эмалевыми вставками, повторяющими его форму (рис. 1: 6). Тип IV: литые с дугообразным, рамочным телом (с множеством прорезей) (рис. 1: 7). Тип V: литые с дополнительной дужкой на теле (рис. 1: 8). Тип VI: литые с дугообразно-треугольной формой тела и эмалевыми вставками на нем, с усложненными контурами и увеличенными размерами отростков (рис. 1: 9).

В соответствии с хронологией эмалевых украшений, предложенной Е. Л. Гороховским, подвески-лунницы типа II датируются серединой — второй половиной II в., типов III и IV — концом II — первой половиной / серединой III в., типа V — концом III — первой половиной IV в., типа VI — второй половиной IV в. (Гороховский 1988). Лунницы типа I (рис. 1: 4) найдены в Брянском кладе (Брянский клад... 2018) совместно с украшениями типа II (рис. 1: 5), следовательно, они синхронны и датируются серединой — второй половиной II в.

2. Большие ажурные лунницы. Выделение типов и вариантов в группе на данном этапе исследования затруднено, так как большинство изделий уникальны, среди них повторяющиеся формы имеют только изделия из одной цепи (рис. 1: 1–3). Причиной отсутствия одинаковых украшений, предположительно, является то, что каждая лунница отливалась в индивидуальной форме, не выдерживавшей больше одной отливки.

Судя по имеющимся данным, большие ажурные подвески синхронны малым лунницам.

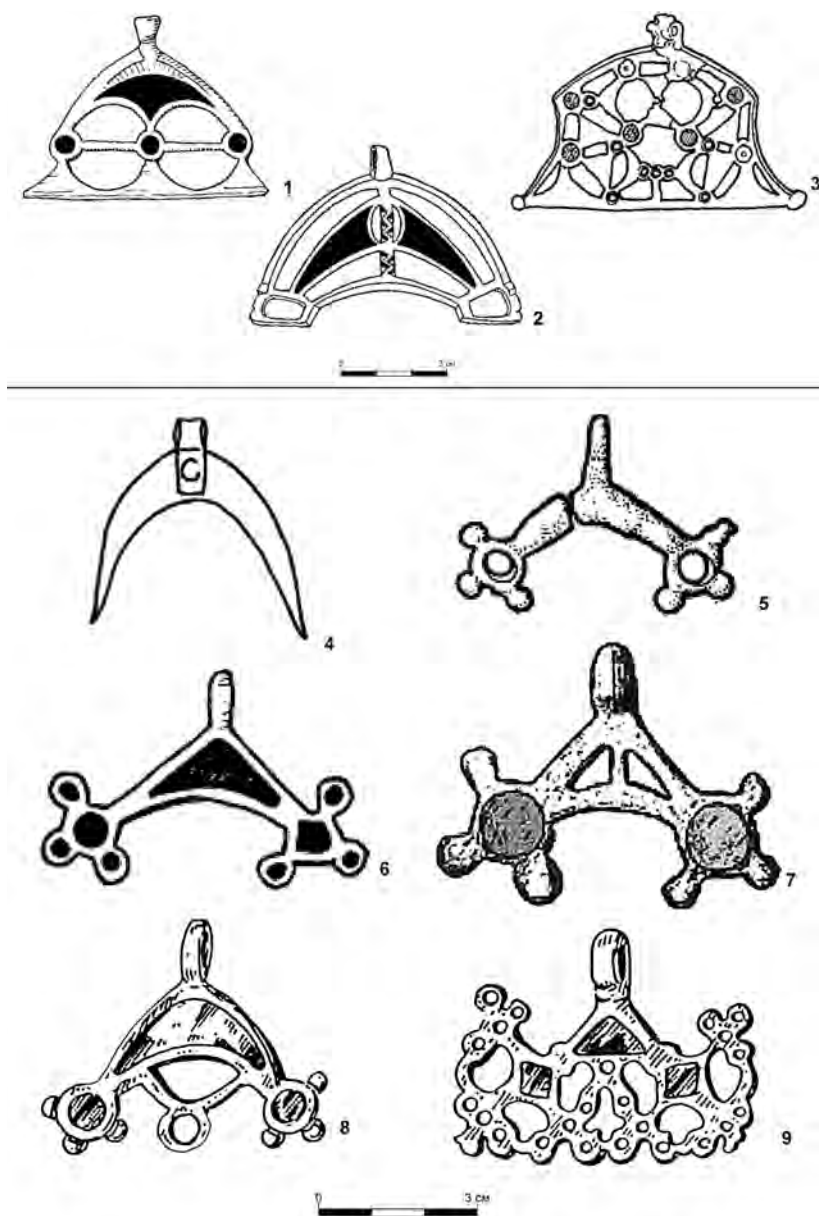

Рис. 1. Подвески-луницы круга восточноевропейских выемчатых эмалей:
 1 – Киев; 2 – Мощинь; 3 – Брянский клад; 4 – Осиповка; 5 – Картамышево 2;
 6 – Ромашки; 7 – неизвестно; 8 – Гута Комаровская; 9 – Новые Безрадици

Таким образом, разработана новая типологическая схема подвесок-лунниц, охватывающая большую часть известного на данный момент материала. Привязка типов первой группы к абсолютной временной шкале позволяет использовать изделия как хронологические индикаторы. Разделение больших ажурных лунниц на типы представляется чрезвычайно перспективной задачей для выявления источников формирования стиля.

Список литературы

- Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). 2018 // Обломский А. М. (ред.). Раннеславянский мир. Вып. 18. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера.
- Гороховский Е. Л. 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н. э. лесостепного Поднепровья и южного Побужья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Корзухина Г. Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л. (САИ. Вып. Е 1–43). М.: ИА РАН.
- Фролов И. К. 1980. Лунницы с выемчатой эмалью // Мугуревич Э. С. (ред.). Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига: Зинатне, 111–123.

**Реконструкция состава погребальной пищи
сарагашенского населения тагарской культуры
(по материалам могильника Казановка 6)**

Бурашникова К. С.

Новосибирский государственный университет

Ключевые слова: *система питания, сарагашенский этап, тагарская культура, естественнонаучные методы, ПЦР-тестирование*

Питание лежит в основе жизнедеятельности человека. В область изучения системы питания входят определение состава пищи, способов ее приготовления, объема порций и частота приемов пищи. Целью данной работы является представление результатов исследования состава погребальной пищи сарагашенского населения тагарской культуры, проживавшего на территории Минусинской котловины в V–IV вв. до н. э. Отдельно стоит вопрос о соотношении повседневной и ритуальной пищи у традиционных кочевых культур.

В работе представлены результаты анализа образцов, полученных с поверхности керамических сосудов, обнаруженных в погребениях кургана 4 могильника Казановка 6, расположенного в Республике Хакасия. Могильник насчитывает 40 курганов, курган 4, изучавшийся в 2020 г., относится к сарагашенскому этапу (Митько и др. 2020).

В литературе упоминается, что сарагашенское население, проживавшее на территории Минусинской котловины в V–IV вв. до н. э., занималось яйлажным скотоводством. При данном виде хозяйственной деятельности молочные и мясные продукты составляли основу питания. Вопрос о существовании в сарагашенском обществе земледелия остается дискуссионным. Существуют многочисленные находки сельскохозяйственных орудий труда (Тихонов, Гришин 1960). Однако они являются лишь косвенным свидетельством занятий земледелием, поскольку могли использоваться для сбора и обработки дикорастущих растений. Вместе с тем употребление сарагашенскими племенами продуктов растительного происхождения не вызывает сомнений, поскольку изготовленная на их основе пища содержит витамины и микроэлементы, необходимые для поддержания жизнедеятельности. Этнографические материалы, относящиеся к современным хакасам, проживающим на той же территории, что и «сарагашенцы», свидетельствуют о широком употреблении в пищу ягод, грибов, дикорастущих растений, таких как черемша, кандык, сарана (Патачков 1958: 65–66).

Наиболее распространенными современными методами изучения системы питания кочевых обществ являются анализ состава зубного камня, изотопный анализ костных останков, археоботанический метод и фосфатный анализ. Начинает активно применяться метод ПЦР-тестирования образцов, полученных с внутренней поверхности керамических сосудов. Он основан на принципе многократного копирования определенных фрагментов ДНК (Ребриков 2009: 11–12). Для осуществления копирования необходимы специальные реагенты — праймеры. В наш набор входили праймеры, изготовленные на основе генетического материала ячменя, овса, пшеницы, проса, коровы, овцы, курицы. Данный набор включает основные продукты, которыми могли питаться сарагашенские племена, однако он лишь частично отражает их рацион.

Образцы для ПЦР-тестирования отбирались с внутренней поверхности семи керамических сосудов, обнаруженных при раскопках кургана 4. Всего был отобран 21 образец, в 9 из них было выявлено содержание растительной или животной ДНК. Анализ образца, отобранного с поверхности сосуда 1 из объекта № 1, выявил ДНК пшеницы. Данный результат является нетипичным для диеты сарагашенских племен. Ранее не были зафиксированы случаи обнаружения остатков этого растения в погребальных или поселенческих памятниках сарагашенского этапа тагарской культуры. Обнаружение ДНК пшеницы в сосуде оставляет открытым вопрос — это растение собирали как дикорастущее или выращивали его культивируемую форму? Однако, независимо от ответа на этот вопрос, из пшеницы могли готовить кашу или жидкую похлебку.

Анализ образца из сосуда 11 из склепа № 2 выявил содержание ДНК коровы. Вероятно, в нем находились мясо и/или молочные продукты, которые характерны для сарагашенского рациона, поскольку известно, что сарагашенские племена разводили крупный рогатый скот. Предположительно в сосуде содержалась жидкая мясная или молочная пища.

Анализ образца из сосуда 1 из склепа № 2 выявил содержание ДНК коровы, проса, пшеницы, ячменя и овса. Такой широкий спектр продуктов можно объяснить тем, что сосуд длительное время использовался для хранения продуктов, либо тем, что в сосуде содержалась каша, приготовленная на мясном бульоне из нескольких видов злаков.

В образцах из сосудов 3 (склеп № 1), 5 (могила № 1), 12 (склеп № 2), 10 (склеп № 2) ДНК не выявлено. Очевидно, сосуды были либо поставлены в погребения пустыми, либо в них была налита вода.

Таким образом, в трех погребениях кургана номер 4 умершие сопровождалась сосудами с жидкой пищей, приготовленной из мяса (бульон) или молока коровы, пшеницы, пустыми сосудами или сосудами с водой (?), сосудами с кашей, приготовленной из четырех видов злаков (сосудами, длительное время употреблявшимися в быту). Обращает на себя внимание отсутствие ДНК овцы, что нетипично для рациона сарагашенского населения.

Список литературы

- Митько О. А., Зубков В. С., Поселянин А. И., Фролов Я. В., Тетерин Ю. В., Морозов А. А., Половников И. С., Чертыков В. А., Выборнов А. В. 2020. Предварительные результаты раскопок тагарских курганов могильника Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасия // Деревянко А. П. (ред.) Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 888–894.
- Патачков К. М. 1958. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан: Хакасское книжное издательство.
- Ребриков, Д. В. 2009. ПЦР «в реальном времени». М.: БИНОМ. Лаборатория знаний.
- Тихонов Б. Г., Гришин Ю. С. 1960. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: Академия наук СССР.

Погребальные традиции населения эпохи раннего железного века полуострова Абрау

¹Горланов С. С., ²Мещеряков А. М.

¹Институт археологии РАН

²Государственный университет просвещения

Ключевые слова: *ранний железный век, полуостров Абрау, синды, погребальный обряд, каменный ящик*

Начало исследования могильников населения полуострова Абрау раннего железного века было положено раскопками погребальных сооружений у хутора Рассвет под руководством Ю. С. Крушкол и В. Н. Карасева в 1958–1977 гг. Всего на некрополе было выявлено свыше 160 захоронений с различными погребальными конструкциями: площадки с закладами, ямы, каменные ящики и склепы, датируемые VI–V вв. до н. э. (Новичихин 2010: 192). В настоящее время ареал подобных памятников довольно обширен и охватывает весь п-ов Абрау. Наиболее значительные из исследованных памятников — Владимировский могильник, расположенный в верховьях Цемесской долины, могильники в Широкой балке и Лобановой щели (Малышев, Братченко 2018: 86).

В последние годы в рамках работы Новороссийской археологической экспедиции ИА РАН под руководством А. А. Малышева исследуются погребальные памятники населения раннего железного века в Анапско-Натухаевской долине. В рамках разведывательных работ 2022–2023 гг. исследованы, в том числе неразрушающими методами, три могильника: в Урочище Самойленко, «ОПХ Анапа», «Барашник». Результатом проведенных работ стала комплексная информационная система, объединившая информацию о проведенных археологических работах и включившая разновременные материалы по всем типам данных, а именно — архивные карты и планы, ортофотопланы, цифровые модели местности, актуальные топографические планы. Для памятников характерна следующая погребальная обрядность: захоронения находились на древней дневной поверхности, для них использовались каменные конструкции (ящики и склепы), в погребальном инвентаре преобладает керамика (античные закрытые сосуды, кувшины и амфоры VI–II вв. до н. э., лепная посуда местного производства).

Один из крупнейших в регионе могильников эпохи раннего железа — «Родники», расположенный в 4 км к ССЗ от станицы Натухаевская в верховьях р. Котламы. Впервые он был обследован А. В. Дмитриевым в 1987 г.; систематические исследования памятника были начаты в 2012–2013 гг. (раскопки К. А. Демичева и В. С. Батченко). Изучение могильника продолжено в 2018–2023 гг., в результате чего были определены 3 очага сосредоточения погребальных сооружений, получившие наименование Родники 1–3.

В северо-восточной части могильника открыт участок (Родники-1) традиционных для аборигенного населения гробниц в виде каменных ящиков, обложенных по периметру крупными камнями. Найденные здесь фрагменты тарной керамики позволили датировать бытование участка концом V — началом III в. до н. э. В 100 м к востоку, на участке Родники-2, был открыт ряд аналогичных захоронений, представленных кольцевыми конструкциями, выложенными из кусков плитняка с уклоном к центру (судя по схожим захоронениям в других частях п-ва Абрау — это наиболее архаичный тип погребальных сооружений), а также нетипичное для этого периода грунтовое захоронение. Бытование этого участка датировано концом VI — началом V в. до н. э. (Мальшев и др. 2023: 226–228).

Третий участок могильника (Родники-3) расположен на 300 м севернее второго; он локализован на мысообразной возвышенности, площадь участка составляет около 5400 м². В 2022–2023 гг. здесь было выявлено порядка 25 захоронений в каменных ящиках, датируемых VI–V вв. до н. э. В одном случае выявлена сложная (схожая с Родниками-1) структура взаиморасположения погребальных сооружений: два каменных ящика располагались внутри одной кольцеобразной каменной кладки высотой до 0,4 м, в свою очередь вокруг нее группировались другие ящики, в том числе для детских захоронений. Вероятно, здесь обнаружена группа гробниц, использовавшихся аборигенным населением как коллективные, возможно, семейные захоронения.

Для могильника в целом характерна широтная ориентация захоронений и положение погребенных на спину (в одном случае отмечено скорченное захоронение) головой на восток. Вероятно, захоронения сопровождалась тризнами: пространство между погребальными сооружениями было заполнено обломками керамики, в ряде случаев в погребениях отмечены следы заупокойной пищи. В одном из захоронений был обнаружен костяк лошади с уздечным набором.

Погребальный инвентарь в первую очередь представлен керамическими сосудами. В ногах или у головы погребенных помещались один-два лепных сосуда местного производства и круговая импортная столовая или тарная керамика (амфоры, миски, кувшины, солонки). В одном захоронении обнаружен амфориск из финикийского стекла. В погребениях имелись также украшения: бронзовые перстни, серьги, браслеты, скопления раковин каури. Предметы вооружения довольно редки, это преимущественно наконечники копий и стрел.

Сопоставление материалов археологических исследований прошлых лет, их актуализация, а также новые археологические открытия свидетельствуют как о преемственности аборигенных погребальных традиций на данной территории с погребальными традициями эпохи бронзы, так и о тесном их переплетении с традициями античного мира.

Список литературы

- Малышев А. А., Батченко В. С. 2018. Полуостров Абрау в античную эпоху (историографический очерк) // Проблемы истории, филологии, культуры 4 (62), 78–93.
- Малышев А. А., Горланов С. С., Дрыга Д. О., Мочалов А. В. 2023. Могильник Родники: топография и археология // КСИА 270, 220–234.
- Новичихин А. М. 2010. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Население архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет. Некрополи Черноморья 3, 192–203.

Изображения древних лошадей на «оленных» камнях: возможности типологического анализа

Гражданкина В. А.

Алтайский государственный университет

Ключевые слова: Южная Сибирь, Монголия, «оленные» камни, изображения лошадей, классификация, тип

Целенаправленной разработке классификации изображений древних лошадей на «оленных» камнях до сих пор не уделялось внимания в археологической литературе. В. В. Волков (Волков 1981) в своей работе «Оленные камни Монголии» уделил внимание особенностям стиля изображений оленей и лошадей на таких изваяниях. Чаще всего кони изображены с изящно изогнутой шеей, с подогнутыми или выпрямленными конечностями, а также в композиции с другими животными, оружием и украшениями (или в виде украшения). Опыт классификации изображений скифского звериного стиля в Восточной Европе представлен А. Р. Канторовичем (Канторович 2015).

Нами была предпринята попытка создания классификационной схемы изображений древних лошадей на «оленных» камнях Внутренней Азии для дальнейшего типологического анализа. Основой такой разработки стала шестичленная система таксономического группирования признаков у конкретного вида археологических источников: категория — группа — разряд — раздел — отдел — тип. Каждая единица этой последовательности включает в себя характеристику в зависимости от степени всеобщности показателя (Кызласов 1983: 10). На первом этапе были привлечены сведения об изображениях древних лошадей, запечатленных на «оленных» камнях Южной Сибири и Монголии, которые содержатся в работах таких отечественных исследователей, как А. П. Окладников (1954), Н. Н. Диков (1958), Л. Р. Кызласов (1958), Н. Л. Членова (1962), В. Д. Кубарев (1979), В. В. Волков (1981), Д. Г. Савинов (1994) и др. В изучении аналогичных петроглифов также важны три тома каталога древних каменных изваяний Монголии (Монгол ба бүс... 2021).

Характеристика изображений древних лошадей как исторического источника требует учета присущих им признаков, которые необходимо упорядочить для выстраивания таксономической иерархии. Основу предлагаемой классификации составляют следующие выделенные показатели для конкретного полнофигурного или

частично сохранившегося изображения: число изображений лошадей на «оленном» камне; изображение лошади по отношению к другим реалиям; внешние признаки лошади (специфические пропорции животного: преувеличенность определенной части тела (в ущерб остальным), гипертрофированность — глаз, морды, туловища, конечностей); правильные пропорции тела животного — грацильные лошади; обычные — без каких-либо вышеуказанных признаков; специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору поз, характерных для определенных групп изображений коней; детали в изображении частей тела животного (морда, туловище, конечности и т. д.).

Классификационная схема представлена следующим образом:

- I. Категория — изображения лошадей.
- II. Группа выделена по числу и контексту изображений лошадей (отдельные или парные; табун; с колесницей; с всадником).
- III. Разряд демонстрирует изображение лошадей в комплексе с другими реалиями (в виде отдельного петроглифа; в виде наверхи кинжала, как подвеска, в сереге; в композиции).
- IV. Раздел отражает внешние особенности изображения лошади (грацильные или обычные лошади; с утрированными частями тела; фрагменты частей тела животного).
- V. Отдел уточняет позу лошади (лежа с повернутыми конечностями; стоя; «на цыпочках»; вывернутые).
- VI. Тип учитывает самые изменяющиеся признаки (наличие или отсутствие хвоста/гривы, изменение внешнего вида морды лошади (крупная круглая / маленькая вытянутая), с раздвоенной пастью, наличие/отсутствие ушей).

Создание классификации изображений древних лошадей является необходимым направлением в области изучения петроглифов на «оленных» камнях. Данная разработка позволит проследить образно-сюжетную линию и, возможно, представить хронологию изображений в контексте с другими реалиями. Классификация является важным шагом на пути к выделению конкретных типов (и, возможно, подтипов) изображений древних лошадей. Также она станет полезной для использования в работе музеев (в том числе под открытым небом), где демонстрируются «оленные» камни и петроглифы.

Работа выполнена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

Список литературы

- Волков В. В. 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР.
- Диков Н. Н. 1958. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: АН СССР.
- Канторович А. Р. 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кызласов Л. Р. 1958. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник Моск. ун-та 4, 71–99.
- Кызласов И. Л. 1983. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. // Археология СССР. САИ Е 3–18, 9–21.
- Кубарев В. Д. 1979. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. Новосибирск: Наука.
- Окладников А. П. 1954. Оленный камень с р. Иволги // Советская археология XIX, 207–220.
- Членова Н. Л. 1962. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М.: АН СССР, 27–35.
- Савинов Д. Г. 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I–II. 2021 / отв. ред. Ц Төрбат. Улаанбаатар: Адмон Принтинг ХХК. 496 н. (на монг. яз).

**Комплексы с костями диких животных в погребениях
кочевников раннего железного века Южного Приуралья**

Григорьева И. М.

Самарский государственный

социально-педагогический университет,

Оренбургский государственный педагогический университет

Ключевые слова: *ранний железный век, погребальный обряд, Южное Приуралье, комплексы с костями животных, погребальный инвентарь*

Одним из вариантов использования животных в погребальном обряде кочевого населения раннего железного века Южного Приуралья было помещение костей в качестве погребального инвентаря в могильную яму.

На данный момент на рассматриваемой территории известно не менее 11 комплексов с длинными трубчатыми костями диких животных.

Комплексы состоят из костей лисицы *Vulpes vulpes*, корсака *Vulpes corsac*, зайца *Lepus* и птиц, из которых до таксона определены кости отрядов гусеобразные *Anseriformes* и ястребинообразные, подсемейства орлиные *Aquilinae*. Млекопитающие представлены в основном большеберцовыми костями, реже встречаются бедренные и плечевые, птицы — скелетом плечевого пояса. На рассматриваемых костях фиксируются такие следы искусственного воздействия, как лощение на диафизе и подрезы у эпифизов. Упомянутые наборы зачастую сопровождают погребения женщин 25–35-летнего возраста, реже — погребения пожилых женщин и мужчин. В данных погребениях также находят бронзовые зеркала, раковины *Gryphaea*, различные предметы из камня и минералов, альчики мелкого рогатого скота и панцири черепашек.

Существуют различные варианты интерпретации таких скопленений: остеомания, наборы для ритуальных практик, игровые комплекты, атрибуты гадания, возможны и иные сакральные смыслы. По мнению В. К. Федорова, наборы залощенных длинных костей, принадлежащих диким зверям и птицам, уверенно связываются с гаданиями в сфере специфических женских интересов — суженый, приворот, замужество, беременность и роды, а также сбережение детей и младенцев (Федоров 2022: 301).

Многочисленные следы лощения могут свидетельствовать не только о разнообразных манипуляциях, проводимых в руках человека, но и о том, что кости могли «полировать» об жилы, шерсть и кожу. Несмотря на то, что комплексы с длинными трубчатыми костями встречаются вместе с ракушками, гальками, зеркалами, их семантические значения в жизни и/или в погребальном ритуале могли быть различными, в том числе рассматриваемые кости могли использоваться в хозяйственной деятельности. Пролить свет на данную проблему может изучение микро- и макротопографии следов на поверхности костей. Такой анализ позволит выявить на конкретных категориях предметов наиболее перспективные зоны для выявления тех или иных блоков следов, а также будет иметь решающее значение при интерпретации наблюдаемых следов обработки и утилизации (Вальков 2019: 578–579).

Видовой состав данных комплексов наталкивает на размышления о роли охоты в системе жизнеобеспечения кочевников раннего железного века. Остатки диких животных, в том числе птиц, не фигурируют в памятниках Южного Приуралья ни как напутственная пища, ни как жертва, ни как следы поминальных тризн на протяжении всего периода существования савроматской и раннесарматской культур с VI в. до н. э. по I в. до н. э. Безусловно, результаты, полученные при изучении погребального обряда, нельзя прямо экстраполировать на хозяйственную деятельность. Вполне вероятно, что охота играла прикладную роль в жизни кочевников. Данные этнографического изучения кочевых обществ Центральной Евразии XVIII — начала XX в., проведенного А. Д. Таировым и Н. А. Берсенева (Таиров, Берсенева 2021: 1273–1272), говорят о том, что охота была чисто мужским занятием. Распределение хозяйственных обязанностей было жестко закреплено традицией, и выполнение не свойственных полу работ вызывало негативное отношение окружающих.

Таким образом, по результатам археозоологического анализа остеологических коллекций из памятников раннего железного века Южного Приуралья выделяются комплексы с костями диких животных, имеющие устойчивые биологические и археологические характеристики. Традиция помещения такого комплекса в могилу зародилась в конце V в. до н. э., наибольшее распространение получила в IV в. до н. э. и угасла в начале III в. до н. э.

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-000782 «Система жизнеобеспечения населения

лесостепного и степного Волго-Уралья в эпоху неолита-средневековья (по археозоологическим данным)».

Список литературы

- Вальков И. А. 2019. Особенности трасологического анализа артефактов из кости в археологии // Вестник Кемеровского государственного университета 79, 574–584.
- Таиров А. Д., Берсенева Н. А. 2021. Хозяйственные обязанности мужчин и женщин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII – начала XX вв. // Oriental Studies 6, 1267–1280.
- Федоров В. К. 2022. Черные камни, белые кости: о некоторых ритуальных предметах из погребений ранних кочевников Южного Приуралья // Stratum Plus 3, 281–304.

**О культурной принадлежности памятников раннего
железного века Приильменской низменности и севера
Валдайской возвышенности**

Егоров Е. Д.

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого*

Ключевые слова: *ранний железный век, Валдайская возвышенность, Приильменье*

Памятники раннего железного века в Приильменской низменности и на севере Валдайской возвышенности представлены исключительно поселенческими памятниками — городищами и селищами. С. Н. Орловым поселения раннего железа на территории Новгородской области были разделены на две группы — западную и восточную. Первую он связывал с позднедьяковской культурой и финно-угорским населением, вторую — с балтским населением (Орлов 1984: 83–84).

В Приильменской низменности поселения располагаются к северу (Поволховье и Ильменское Поозерье), западу (бассейн р. Луга и р. Шелонь) и югу (бассейн р. Ловать) от оз. Ильмень. К востоку от указанной территории памятники локализуются на северных склонах Валдайской возвышенности (в том числе во Мстинской впадине), а также в бассейне р. Молога, где обнаружены своеобразные памятники этого периода.

Вопрос о культурной принадлежности памятников РЖВ региона вызывает затруднения из-за их недостаточной изученности. Археологические исследования проводились на малом количестве памятников, причем их масштабы в основном были очень скромными, как и полученные результаты.

Наиболее вероятно, что восточная группа памятников испытывала на себе влияние дьяковского круга древностей — городища и селища раннедьяковского и позднедьяковского времени известны к югу и юго-востоку от Валдая, в Верхнем Помостье и Удомельском Поозерье (Валдайская группа памятников по И. В. Ислановой) (Исланова 2002: 453). Кроме географической близости, памятники схожи по керамическому материалу — посуда с грубой шероховатой поверхностью, реже текстильная или штрихованная, с примесью дресвы и песка

(Исланова 1997: 20; 2006: 20–22). Говорить о схожести вещевых комплексов не представляется возможным ввиду слабой изученности памятников восточной группы.

Также к дьяковскому кругу древностей (как вариант локальной группы) относят памятники в верховьях рек Чагода и Кобожа. Их особенностью является наличие погребальных памятников, представленных грунтовыми погребениями, курганами и «домиками мертвых». Это пестрая этнокультурная картина, сформировавшаяся на основе дьяковской культуры, импульсов с Прикамья и, вероятно, степной зоны Восточной Европы (Исланова 2002: 452–453; Башенькин 1995: 14).

Западная группа памятников, находящаяся в Приильменье и Поволховье, может быть разделена на две подгруппы — северную и южную. Первая представлена памятниками к северу от оз. Ильмень, которые, по мнению М. А. Раззак (Юшковой), в конце 2 — начале 1 тыс. до н. э. относились к памятникам волховского типа, которые прекратили свое существование не позднее III в. до н. э. Их керамика представлена плоскодонными сосудами с S-образным профилем и примесью дресвы или шамота. Орнамент — зигзаги из штампа «веревочка на палочке», глубокие ямки и бесформенные вдавления (Юшкова 2011: 11–13). Вместе с керамикой волховского типа иногда встречается керамика типа лууконсаари (первая половина 1 тыс. до н. э. — вторая треть 1 тыс. н. э.), основной ареал распространения которой — Фенноскандия. Это сосуды с примесью асбеста или органики, орнаментированные каннелюрами или гребенчатым штампом (Юшкова 2011: 13).

О культурной принадлежности южной подгруппы памятников (к западу, югу и юго-востоку от оз. Ильмень) периода до рубежа эр говорить не представляется возможным из-за слабой изученности и малого количества материала. В первых веках нашей эры на территории к югу от оз. Ильмень прослеживается влияние днепродвинской культуры (далее — ДДК) (приильменский вариант ДДК по Б. С. Короткевичу и А. Н. Мазуркевичу), позднее — тушемлинской культуры. Для памятников южной подгруппы этого периода характерны гладкостенные, реже текстильные или штрихованные сосуды баночных форм с орнаментацией ямками или насечками на верхней части сосуда (Короткевич, Мазуркевич 1993: 71–72; Еремеев 2023: 226). Вероятно, население, оставившее памятники южной подгруппы, постепенно проникло и на территорию к северу от оз. Ильмень — там керамический материал первой половины 1 тыс. н. э. схож с днепродвинским (Юшкова 2011: 14–15).

Таким образом, можно сказать, что восточная группа памятников, расположенная на севере Валдайской возвышенности и в среднем течении р. Молога, находилась в соседстве и, вероятно, испытала влияние дьяковской культуры в ранний и поздний периоды существования последней, а также локального варианта (Молого-Шекснинская группа) дьяковских древностей в бассейне р. Молога, сформировавшегося под влиянием нескольких этнокультурных групп. Западная группа памятников, расположенная к северу, западу и югу от оз. Ильмень, в начале РЖВ была представлена памятниками волховского типа. Среди населения, их оставившего, вероятно, присутствовали носители культуры лууконсаари. В начале 1 тыс. н. э. в Южное Приильменье проникают носители ДДК, а затем тушемлинской культуры, которые постепенно двигаются на север.

Разумеется, представленная нами картина не является окончательной. На настоящий момент слабая изученность памятников не позволяет сделать полноценные выводы об их культурной и хронологической принадлежности.

Список литературы

- Башенькин А. Н. 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Дубов И. В., Фроянов И. Я. (ред.). Славяно-русские древности. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 3–29.
- Еремеев И. И. 2023. Славяне и норманы к северу от Днепра до начала X века. Том 1. СПб.: ИИМК РАН.
- Исланова И. В. 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС.
- Исланова И. В. 2002. О локальных группах дьяковских памятников // ТАС 5, 451–460.
- Исланова И. В. 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.
- Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н. 1993. Пять вариантов днепро-двинской культуры // Петербургский археологический вестник 2, 63–82.
- Орлов С. Н. 1984. Памятники раннего железного века на территории Новгородской области // Лебедев Г. С. (ред.). Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во Лен. ин-та, 70–84.
- Юшкова М. А. 2011. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Культурно-хронологические индикаторы хунно-сяньбийского времени в Восточном Казахстане по материалам могильника Берел

Каримбаева З.Р.

Северо-Восточный федеральный университет

им. М. К. Аммосова,

Институт археологии им. А. Х. Маргулана

Ключевые слова: *хунну, сяньби, Берел*

Актуальной проблемой археологии Казахстана является выделение и изучение памятников сяньби как отдельного хронологического периода. Научные исследования последних лет показывают, что после распада империи хунну (примерно в III–IV вв. н. э.) на политическую арену выходят сяньби (Самашев, Айткали 2022: 296).

Полиэтническая общность сяньби возникла на территории Забайкалья, Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии. В начале I тыс. н. э. они совершили длительную военную экспансию на запад с целью контроля торговых путей и подчинили многие племена Южной Сибири (Самашев, Айткали 2022: 297).

Хунно-сяньбийские памятники хорошо изучены в Южной Сибири, Монголии и на территории Российского Алтая. Благодаря последним археологическим исследованиям, удалось зафиксировать памятники сяньби на территории Восточного Казахстана и расширить границы распространения их культуры.

В 2015 г. в процессе изучения курганов могильника Берел в Казахском Алтае впервые были обнаружены памятники хунно-сяньбийского времени, связанные с погребениями и поминанием усопших. Интересно отметить, что материалы подобных памятников, обнаруженные еще В. В. Радловым в 1865 г., в середине прошлого века были ассоциированы с начальной фазой развития древнетюркской культуры и получили название «берельский этап». До сих пор эти материалы широко используются в научных реконструкциях и исследованиях.

В 2022 г. Институтом археологии имени А. Х. Маргулана под руководством З. Самашева на могильнике Берел были проведены археологические раскопки погребений хунно-сяньбийского времени. Было обнаружено и исследовано 55 сооружений, среди них — 35 погребений и 20 ритуальных каменных оград (рис. 1). Также было установлено, что

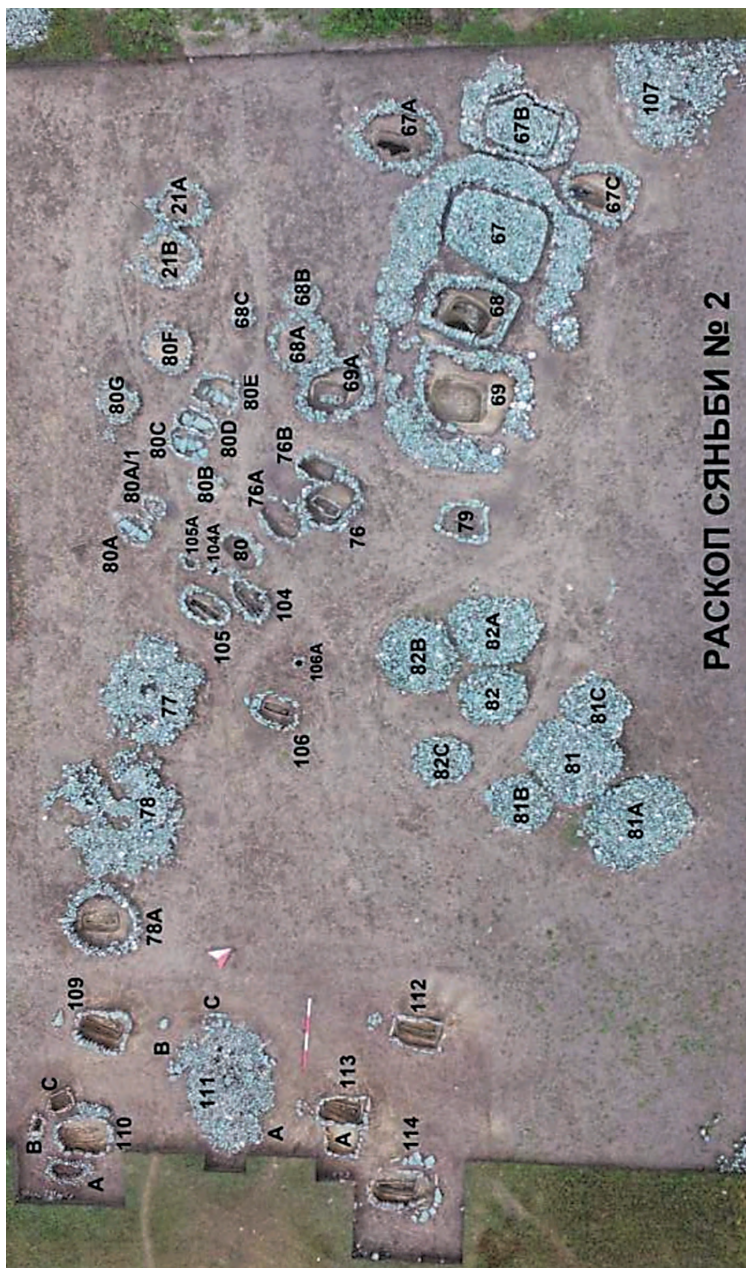

Рис. 1. Могильник Берел. Вид после снятия дерна (Самашев, Айткали 2022: 297)

основная часть погребально-поминальных памятников находится вокруг «царских» курганов пазырыкского времени, на самом острие третьей надпойменной террасы реки Бухтурма (Самашев, Айткали 2022: 297).

По результатам полевых исследований чаще всего встречаются погребения в неглубоких могильных ямах, каменные ящики с перекрытием или без него, ящики с имитацией каменных плит со следами деревянной облицовки стен (курган 108А). В основном это одиночные захоронения, но в одном случае (курган № 68) было зафиксировано парное погребение. Погребенные чаще всего были уложены в вытянутом положении, иногда со слегка согнутыми коленями, ориентированы головой на восток с небольшим отклонением на север. Однако в трех курганах погребенные были ориентированы головой на восток (кург. 2D, 90А) и на северо-запад (кург. 90).

В шести погребениях некрополя Берел (курганы 69, 69А, 81Б, 108, 108а, 113) обнаружены останки лошади, которые располагались рядом или над погребенным, в полном анатомическом порядке. В пяти случаях зафиксированы отдельные ритуальные сооружения с захоронением лошади (кург. 21, 82В, 79, 76А, 67С).

Отличительной чертой сянби от хунну являются более совершенные образцы оружия дальнего боя. Среди найденных в погребениях стоит отметить два трехлопастных черешковых наконечника стрел из ограда 40А. Накладки на лук были найдены в большинстве захоронений сянби, но наиболее выразительными являются находки из ограда 69А и 81В. Это два набора длинных и узких дугообразных костяных пластин с дугообразными насечками, которые относятся к гунскому типу. Помимо оружия дистанционного боя, был найден железный кинжал на поясе погребенного. Он сопровождал захоронение в ограде 82А внутри каменного ящика. Погребенный был похоронен в вытянутом положении, головой ориентирован на восток. Длина кинжала — 30 см, длина рукояти — 6–7 см, ширина — 2–3 см. Рядом со скелетом мужчины также зафиксирован небольшой железный нож (Айткали, Құрманғалиев 2022:141–143)

В состав погребального инвентаря входят различные предметы конского снаряжения, включая массивную костяную пряжку от подпруги, железные удила с двусоставными грызлами, с кольцеобразными концами звеньев. Эти находки свидетельствуют о развитии военного дела и культуры кочевых народов.

Десять исследованных погребений (курганы 76, 76Б, 76В, 80, 80Е, 81, 90А, 105, 108А, 109) в некрополе Берел содержат интересные дан-

ные о женских захоронениях хунно-сяньбийской эпохи. Им также свойственны различные погребальные обряды, сопроводительные погребения коня и использование дерева внутри могил. Это может указывать на разнообразие этнического состава женщин в местных группах сяньби. Однако ориентация и положение умерших демонстрируют высокую степень унификации погребального обряда (Samashev, Aitkali 2022: 180–182).

В настоящее время на территории Восточно-Казахстанской области известно более 150 памятников хунно-сяньбийской эпохи. Также в 2023 г. филиалом Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана под руководством А. Айткали проведена археологическая экспедиция неподалеку от могильника Берел. В ходе экспедиции было исследовано 18 погребений сяньбийского периода.

Изучение культурных и хронологических индикаторов хунно-сяньбийского времени в Восточном Казахстане с использованием материалов могильника Берел позволяет получить важные сведения об историческом развитии этого региона. Анализ этих материалов расширяет наши знания об обществе хунно-сяньбийцев, а также предоставляет новые данные для уточнения хронологии и датирования исторических событий.

ИРН АР19678440: «Археологический комплекс Кокентау: комплексное исследование памятников историко-культурного наследия».

Список литературы

- Айтқали А. Қ., Құрманғалиев А. Қ. 2022. Сяньбэй мәселесі: Қазақ Алтайындағы археологиялық зерттеулердің кейбір нәтижелерінен // Евразийская степная цивилизация: человек и историко — культурная среда. М-лы V международного конгресса археологии евразийских степей Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 140–145 (на каз. яз.).
- Самашев З., Айтқали А. Қ. 2022. Женские погребения хунно-сяньбийского времени некрополя Берел // Онгар А. (ред.). Маргулановские чтения — 2022: м-лы Междунар науч.-прак. конф. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 296–305
- Самашев З., Кариев Е. М., Ерболатов С. Е. 2019. Хунно-сяньбэйский культурно-хронологический горизонт Береля // Онгар А. (ред.). Маргулановские чтения — 2019: м-лы Междунар. археол. науч.-прак. конф. Нур-Султан: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 81–92.
- Samashev Z., Aitkali A. K. 2022 Preliminary results of the reserch into the sites of the Xianbei period in the Kazah Altai / Теория и практика археологических исследований 3 (34), 177–194.

Поселение Трактир в Северо-Западном Крыму

Коршун К. С.

Институт археологии Крыма РАН,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ключевые слова: *Античность, Херсонесское государство, Северо-Западный Крым, греки*

Поселение Трактир располагается в Черноморском районе Республики Крым, на территории Окуневского сельсовета у начала северной косы озера Донузлав, в 600 м к востоку от античного городища Беляус. Памятник читается в рельефе как небольшой холм.

Поселение было открыто еще в 70-е гг. XIX в. известным нумизматом П. О. Бурачковым, который упомянул его под названием «городище у Беляузского трактира». Название связано с тем, что на месте археологического памятника тогда находился постоянный двор с трактиром (Бурачков 1875: 124). В XX в. взамен трактира был создан дорожно-эксплуатационный участок для обслуживания автодороги Евпатория — Акмечеть (совр. Черноморское). После отмены переправы через устье озера-залива Донузлав и отвода названной дороги к верховью Донузлава, дорожный участок на месте бывшего трактира перестал функционировать и был покинут жителями. В 1979 г. руководство колхоза «Путь Ленина» решило превратить это место в пахотное поле, и в связи с угрозой уничтожения памятника в 1980 г. Донузлавской археологической экспедицией ИА АН СССР на поселении были заложены два квадрата 5×5 м (Дашевская 1981: 44–45).

Квадрат № 1 был исследован до материка, залегавшего на глубине 1,2 м от дневной поверхности. В верхних слоях вместе с фрагментами античной керамики встречался современный строительный мусор. На глубине 0,6–0,8 м вдоль западного борта был выявлен слой горелой саманной глины красноватого цвета с зольными включениями. Участки саманной глины были также обнаружены у северного борта и в юго-западной части квадрата; очевидно, они являлись остатками каких-то сооружений. Вдоль южного борта фиксировался значительный участок плотной желтой глины, а вся центральная часть квадрата (основная его площадь) была занята слоем золы и золистого супеси. После снятия четвертого слоя в юго-восточном углу квадрата было обнаружено сооружение в виде двух концентрических дуг и зигзагов диаметром 1,7 м и высотой 0,1–0,15 м, сделанных из сырца. Между ними

находился слой золы. Эта конструкция уходила в угол раскопа, и ее назначение осталось неизвестным (Дашевская 1981: 44–45).

Несмотря на невыразительность строительных остатков, в квадрате был обнаружен обильный керамический материал: фрагменты херсонесских, книдских и синопских амфор конца IV — начала III в. до н. э. Среди амфорного материала самым точным хроноиндикатором является херсонесская ручка с клеймом астинома Ксенона. Данный магистрат относится к I хронологической группе, подгруппа Г (по классификации В. И. Каца) и датируется первой третью III в. до н. э. (Кац 2007: 441). Также обнаружено несколько фрагментов чернолаковых сосудов: археологически целая солонка, фрагмент края миски и фрагмент тарелки. Эти находки датируются в диапазоне от середины до последней трети IV в. до н. э. Среди простой гончарной керамики выделяется верхняя часть херсонесского кувшина с узким горлом и яйцевидным туловом, на которое нанесены красные полосы, фрагменты лутерия (ручка и венчик), край красноглиняной миски.

Не считая амфорной тары, более 20% обнаруженной посуды составляла скифская лепная керамика. Подобное соотношение прослеживается на целом ряде античных памятников Северо-Западного Крыма IV–III вв. до н. э. Так, например, лепная керамика в культурном слое поселения Маслины составляет 25–30% от общего количества обнаруженного керамического материала, уступая лишь амфорам (Латышева 1997: 57). Большой процент лепной посуды фиксируется и на других античных поселениях и городищах: Панское I (Stolba 2002: 180–189), Чайка (Беловинцева, Попова 2007: 131–154), Керкитида (Кутайсов 1987: 37). Ее наличие объясняется неоднородным составом населения античных поселений данного региона (Попова 2010: 24–25).

Квадрат № 2 был заложен в пяти метрах к северо-востоку от первого. Культурный слой на его площади был снят всего на глубину 0,6 м. Здесь был зафиксирован современный перекоп.

Исходя из предварительного анализа находок в квадрате № 1, поселение следует датировать последней четвертью IV — первой четвертью III в. до н. э. В это время Херсонесское государство подчинило себе плодородные территории Северо-Западного Крыма и создало там целый ряд сельскохозяйственных укреплений и поселений (Щеглов 1978: 118–131; Ланцов 1991: 13–15). Поселение Трактир, судя по характеру находок, можно считать одним из объектов, который, по всей видимости, появился одновременно с городищем Беляус и был неразрывно с ним связан.

Список литературы

- Беловинцева Н. И., Попова Е. А. 2007. Находки кизил-кобинской керамики с городища «Чайка» // Шапова Ю. Л., Янин В. Л. (ред.). Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 131–154.
- Бурачков П. О. 1875. О местоположении древнего г. Каркинитеса и монетах ему принадлежащих // ЗООИД 9, 124.
- Дашевская О. Д. 1981. Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ за 1980 год // Архив ИА РАН. Р1 Ф1 № 7734
- Кац В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ XVIII.
- Кутайсов В. А. 1987. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Высоткая Т. Н. (отв. ред.). Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. — VII в. н. э. Киев: Наукова думка, 27–40.
- Ланцов С. Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1991.
- Латышева В. А. 1997. О населении херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (по материалам поселения Маслины) // Древности-1996. Харьков, 56–61.
- Попова Е. А. 2010. О составе населения Северо-Западного Крыма в IV в. до н. э. — I в. н.э. по материалам городища Чайка // Проблемы истории, филологии, культуры 1, 23–31.
- Щеглов А. Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука.
- Stolba V. F. 2002. Hand-Made pottery // Hannestad I., Stolba V. F., Scegllov A. N. (ed.). Panskoye I. Vol. 1: The Monumental Building U6. Aarhus, 180–200.

Сосуды в погребальном обряде восточного варианта саргатской культуры

Некраш А. А., Титова А. В.

Институт археологии и этнографии СО РАН

Ключевые слова: погребальный обряд, сосуды, саргатская культура, ранний железный век, Барабинская лесостепь

Данное исследование посвящено рассмотрению роли сосудов в погребальной практике населения саргатской культуры на территории Барабинской лесостепи (по опубликованным данным).

В погребальном обряде изучаемой культуры Н. В. Полосьмак выделяет ряд локальных особенностей. В частности, отмечено преобладание малых курганов с одним погребением вплоть до I в. до н. э. Наравне с круговым расположением могил под насыпью, отмечено расположение погребений в ряд и дальнейшее вертикальное подхоранивание. На последнем этапе существования культуры исчезают ровики. Культ огня был больше характерен для II–I вв. до н. э. Размер могильных ям сужается к завершающему этапу культуры, к I в. н. э. изменяется ориентация погребенных (Полосьмак 1987: 96).

Для исследования и решения поставленной задачи на территории Барабинской лесостепи были изучены следующие памятники:

Абрамово 4 (V–IV вв. до н. э.). Рассматриваемый могильник представлен 16 курганами, в которых исследованы 34 погребения (Полосьмак 1987).

Яшкино 1 (V–III вв. до н. э.). На данном памятнике исследован курган № 5 и одно захоронение (Кобелева и др. 2013: 218–219).

Одиночный курган Государево озеро (V–III вв. до н. э.). Исследовано четыре погребения (Молодин 2018).

Усть-Таргас (II–I вв. до н. э.). На данном памятнике рассмотрено 12 курганов, 21 погребение (Полосьмак 1987). В кургане № 51 (III–I вв. до н. э.) исследовано 23 погребения (Молодин 2023).

Сопка 2 (II–I вв. до н. э.). Исследовано три погребения из кургана № 25 (Полосьмак 1987).

Марково 1 (кон. II в. до н. э. – I в. н. э.). На данном памятнике исследовано 28 курганов, 45 погребений (Полосьмак 1987).

Марково 6 (кон. II в. до н. э. – I в. н. э.). Исследован один курган, в нем четыре погребения (Полосьмак 1987).

Венгерово 6 (II в. до н. э. — I в. н. э.). Исследован один курган, три погребения (Молодин 2012).

Преображенка 6 (I в. до н. э. — I в. н. э.). Исследовано пять погребений (Молодин 2007).

Венгерово 1 (первые века н. э.). Рассмотрен один курган, четыре погребения (Полосьмак 1987).

Венгерово 7 (первые века н. э.). Изучено три кургана, всего 17 погребений (Полосьмак 1987).

Старый Сад 1 (первые века н. э.). На данном памятнике исследовано три кургана и всего восемь погребений (Полосьмак 1987).

Погорелка 2 (первые века н. э.) На данном памятнике изучен курган № 8, в нем шесть погребений (Молодин и др., 2009: 346–347).

Таким образом, мы рассмотрели 13 памятников и 178 саргатских погребений. Не для всех погребений сделаны определения половой принадлежности погребенных, следовательно, в статистику вошло 135 погребений.

В одиночных мужских погребениях (44 ед.) сосуды встречаются в 38,6% могил, располагались в основном у головы и в районе ног. Всего 22 сосуда.

В одиночных женских погребениях (42 ед.) сосуды располагались над головой, между ног и в ногах, встречаются в 40,5% могил. Всего 26 сосудов.

Для одиночных детских захоронений (29 ед.) характерно расположение сосудов над головой, в районе рук и у таза, встречаются в 45% погребений. Всего 15 сосудов.

В парных и коллективных погребениях (20 ед.) сосуды встречаются в 75% захоронений, располагались в основном над головой. Всего 15 сосудов (табл. 1).

Таблица 1. Количество сосудов и их расположение в погребениях

Расположение	Одиночные			Парные	Коллективные
	Мужские (44 погр.)	Женские (42 погр.)	Детские (29 погр.)		
В р-не головы	7	10	4	1	2
В р-не левой руки			1		
В р-не таза			1		
В р-не стоп	2	2			
В р-не ног	4	2	1		

Расположение	Одиночные			Парные	Коллективные (20 погр.)
	Мужские (44 погр.)	Женские (42 погр.)	Детские (29 погр.)		
В центре	1	1			
Среди костей	3	2			
В заполнении	1		1		
Неизвестно	4	9	7	5	7
Всего сосудов	22	26	15		15

Из статистики видно, что в детских погребениях сосуды встречаются чаще, чем в женских и мужских могилах. Для детских погребений характерно расположение сосудов у рук и таза, что отличается от других погребений. Для женских и мужских захоронений прослеживается закономерность в расположении сосуда, однако чаще сосуды встречаются в женских могилах. Сосуды для саргатской культуры — характерный погребальный инвентарь, так как они встречаются почти во всех погребениях, независимо от пола и количества погребенных.

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)».

Список литературы

- Кобелева Л. С., Наглер А., Дураков И. А., Демахина М. С., Хансен С., Молодин В. И. 2013. Саргатский могильник Яшкино-1 (продолжение исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий 19, 216–220.
- Молодин В. И. 2007. Отчет об археологических исследованиях в Венгеровском и Чановском районах Новосибирской области 2006 г. Т. 1. Новосибирск // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. № 322.
- Молодин В. И. 2012. Отчет об археологических раскопках в Венгеровском и Чановском районах Новосибирской области в 2011 г. Новосибирск // Архив ИАЭТ СО РАН.
- Молодин В. И. 2018. Отчет об археологических раскопках памятников Одиночный курган Государево Озеро-1, Венгерovo-2, Тартас-1, Усть-Тартас-1, 2 в Венгеровском районе Новосибирской области в 2017 г. Новосибирск // Архив ИАЭТ СО РАН.
- Молодин В. И. 2023. Отчет об археологических раскопках памятников «Грунтовый могильник Тартас-1», «Усть-Тартасские курганы», «Поселение Карьер Таи-1» в Венгеровском р-не Новосибирской обл. в 2022 г., Новосибирск // Архив ИАЭТ СО РАН.

- Молодин В. И., Наглер А. О., Соловьев А. И., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Чемякина М. А., Дядьков П. Г. 2009. Новый этап сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института. Раскопки могильника саргатской культуры Погорелка-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск, 15, 343–349.
- Полосьмак Н. В. 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука.

К вопросу датировки колчанного набора из кургана 53 могильника Южный Тагискен

Петрищева Д. П.

Государственный исторический музей

Ключевые слова: Южный Тагискен, Уйгарак, Восточное Приаралье, раннесакская культура, колчаный набор

В 1962 г. в Восточном Приаралье, в кургане 53 могильника Южный Тагискен (далее — ЮТ-53) в богатом мужском погребении был найден представительный колчаный набор, первоначально отнесенный к середине VI — началу V в. до н. э. (Итина, Яблонский 1997: 53). Позже К. В. Чугунов предложил ограничить его дату VI в. до н. э., а отдельные типы удревнить до конца VII в. до н. э. (Чугунов 2011: 319). С момента публикации материалов Южного Тагискена комплекс не исследовался специально, а коллекция не изучалась *de visu*. В связи с этим целью данной работы стало уточнение даты набора наконечников стрел из кургана ЮТ-53. В наши задачи входит, во-первых, создание классификации материала, а во-вторых, поиск аналогий ему в Приаралье и за его пределами.

Предметы, найденные в ЮТ-53, хранятся в Государственном историческом музее. В колчанном наборе имеется 63 наконечника, из которых мы используем только 53, так как остальные в силу плохой сохранности неинформативны. Классификация материала проводилась в соответствии с базовыми принципами: группы выделены по способу насада, отделы — по горизонтальному сечению головки, типы — по ее вертикальному сечению. Результаты классификации представлены в табл. 1. Все наконечники из ЮТ-53 — бронзовые, втульчатые. Большая их часть обладает трехгранным, трехлопастным или трехгранно-трехлопастным горизонтальным сечением. Именно эта черта, характерная для колчаных наборов VI–V вв. до н. э., стала основным репером для поздней датировки.

*Таблица 1. Классификация наконечников стрел из кургана 53
могильника Южный Тагискен*

Группа I. Втульчатые	
Отдел А. Втульчатые четырехгранные	
Тун IA1	Со сводчатой головкой и боковыми и центральными гранями, продолженными в виде шипов

Вариант 1	С двумя укороченными боковыми шипами и еще более коротким, продолжающим одну из центральных граней (рис. 1: 1)	1
Вариант 2	С двумя удлиненными боковыми и двумя укороченными центральными (рис. 1: 2)	2
Tun IA2	С башневидной головкой и гранями, продолженными в виде четырех шипов одинаковой длины (рис. 1: 3–4)	2
Отдел Б. Втульчатые трехлопастные		
Tun IB1	Со сводчатой головкой и валиком, доходящим до ее середины, с удлиненной втулкой и концами лопастей, срезанными под острым углом (рис. 1: 5–6)	4
Tun IB2	Со сводчатой головкой, валиком, продолжающимся по всей ее длине, с укороченной втулкой	
Вариант 1	С концами лопастей, срезанными под острым углом (рис. 1: 7)	5
Вариант 2	С концами лопастей, срезанными под прямым углом (рис. 1: 8–9)	6
Отдел В. Втульчатые трехгранные с ложками		
Tun IB1	Со сводчатой головкой, базисные, с опущенными концами лопастей (рис. 1: 10–11).	2
Отдел Г. Втульчатые трехгранные гладкие		
Tun IG1	С треугольной головкой и концами лопастей, срезанными под прямым углом, вероятно, с выступающей втулкой (рис. 1: 12)	1
Отдел Д. Втульчатые трехгранно-трехлопастные		
Tun ID1	С треугольной головкой, базисные, с валиком, доходящим до основания бойка, и опущенными концами лопастей	
Вариант 1	С М-образным основанием бойка (рис. 1: 13)	2
Вариант 2	С основанием бойка, образованным двумя ложками (рис. 1: 14)	1
Tun ID2	Со сводчатой формой головки, базисные, с валиком, доходящим до основания бойка, и опущенными концами лопастей	
Вариант 1	С прямым основанием бойка (рис. 1: 15)	5
Вариант 2	С М-образным основанием бойка (рис. 1: 16)	2
Вариант 3	С основанием бойка, образованным двумя ложками (рис. 1: 17–19)	3
Tun ID3	Со сводчатой формой головки, выступающей втулкой, валиком, доходящим до основания бойка, и концами лопастей, срезанными под острым углом	
Вариант 1	С прямым основанием бойка (рис. 1: 20–21)	5
Вариант 2	С М-образным основанием бойка (рис. 1: 22–24)	9
Вариант 3	С основанием бойка, образованным двумя ложками Со сводчатой формой головки, выступающей втулкой, валиком, доходящим до основания бойка, и концами лопастей, срезанными под острым углом (рис. 1: 25–27)	3

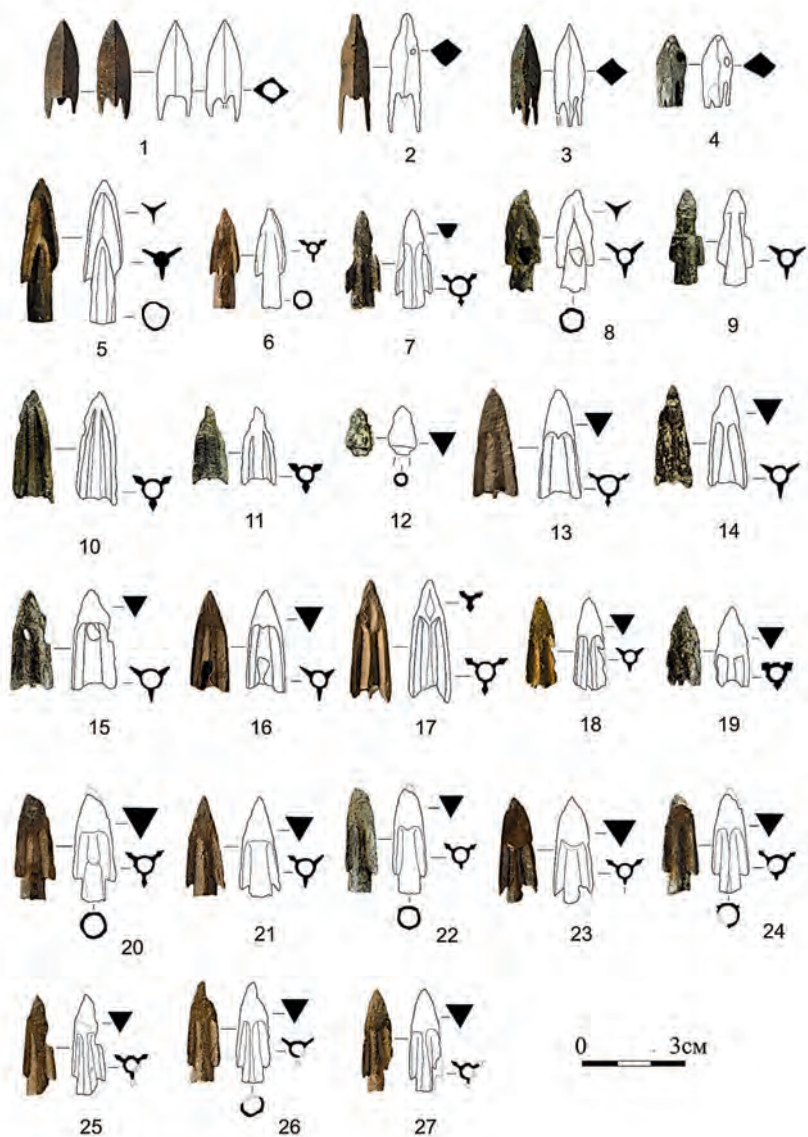

Рис. 1. Типы и варианты наконечников стрел из кургана 53 могильника Южный Тагискен

По отдельности почти все типы наконечников из ЮТ-53 были известны еще в VII в. до н. э. Втульчатые ромбические наконечники как с удлиненными, так и с укороченными шипами присутствуют в погребениях кургана 5 могильника Кичигино-1 в Южном Зауралье, в Аржане-2 и погребении 1 кургана 2 могильника Сарыг-Булуи в Туве (Чугунов 2011: 313; Таиров 2017: рис. 49: 4). Трехлопастные наконечники с выступающей втулкой и валиком, доходящим до середины головки, зафиксированы в погребении 3 большого Гумаровского кургана, дата которого колеблется от начала VIII до рубежа VII–VI вв. до н. э. (Таиров 2017: 108). Трехгранно-трехлопастные наконечники типа ИДЗ нашей классификации (рис. 1: 22–27) сопоставимы с вариантами А, Б и Г типа V трехгранных наконечников классификации К. Ф. Смирнова, появление которых отнесено к VII в. до н. э. (Смирнов 1961: 53).

На Южном Урале известно два схожих с ЮТ-53 колчаных набора, верхняя дата которых ограничена первой половиной VI в. до н. э. Они происходят из кургана 59 могильника Целинный-1 и из погребения 1 кургана 17 могильника Покровка-2 (Таиров 2017: 108). В обоих комплексах, как и в ЮТ-53, присутствуют экземпляры всех типов отдела Б (рис. 1: 5–9) и отдельные варианты типа ИДЗ (рис. 1: 15–17, 20, 21) нашей классификации, кроме того, в Целинном имеются втульчатые ромбические наконечники типа IA1 (Махортых 2016: рис. 9: 37–39, рис. 10: 11–35; Яблонский и др. 1994: рис. 83: 10, 11, 22, 24, 27, 31).

Отличает приуральские наборы присутствие массивных базисных трехлопастных экземпляров с треугольной или сводчатой формой головки (Махортых 2016: рис. 9: 1–5, 7, Яблонский и др. 1994: рис. 83: 12–16). При отсутствии прямых аналогий таким наконечникам в Южном Тагискене обратим внимание на два важных момента. Во-первых, в Приаралье эти изделия все-таки были встречены, но в курганах 70 и 84 Уйгарака, верхняя дата которых не выходит за пределы начала VII в. до н. э. (Вишневская 1973: табл. XXV: 20). Во-вторых, наконечники стрел типов IB1 и ID1 и 2 нашей классификации (рис. 1: 10, 11, 13–19) демонстрируют морфологическое сходство с ними. Допускается раннее попадание базисных трехлопастных наконечников стрел в Приаралье, можно предположить местную линию их развития, направленную на общее утяжеление бойка и уменьшение размаха лопастей. Модификация могла быть вызвана тем, что в своем изначальном виде базисные трехлопастные наконечники оказались невостребованными. На Южный Урал эта же форма попала уже в VII–VI вв. до н. э. и здесь, в отличие от Приаралья, на протяжении долгого времени ме-

нялась мало. С учетом тесных культурных связей кочевников обоих регионов можно предположить, что массивные базисные трехлопастные наконечники в Южном Тагискене, при схожести остальных типов, отсутствуют только потому, что в этот момент еще не были известны и в Приуралье.

Таким образом, мы считаем возможным отнести колчанный набор кургана ЮТ-53 к VII–VI вв. до н. э. Этот вывод не распространяется на дату всего комплекса, поскольку остальные категории его инвентаря также нуждаются в анализе. В то же время предлагаемая нами дата позволяет предполагать, что верхняя граница других относительно поздних колчанных наборов в Приуралье не выходит за рамки первой половины VI в. до н. э.

Список литературы

- Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака (Труды ХАЭЭ VIII). М.: Наука.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т. 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Российская политическая энциклопедия.
- Махортых С. В. 2016. К вопросу о контактах населения Предкавказья с Поволжьем и Южным Уралом в VI в. до н. э. // Онгарулы А. (ред.). Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. Алматы: Институт археологии А. Х. Маргулана, 128–141.
- Смирнов К. Ф. 1961. Вооружение савроматов (МИА 101). М.: Изд-во АН СССР.
- Таиров А. 2017. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры.
- Чугунов К. В. 2011 Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Вишняцкий Л. Б. (ред.). РАЕ 1. СПб.: Издательство Санкт-Петербург. гос. ун-та, 262–334.
- Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В. Л. 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Яблонский Л. Т. (ред.). Курганы левобережного Илека 1. М.: ИА РАН, 4–59.

**Украшение с выемчатыми эмальями с объекта
археологического наследия «Котеневка селище-4»
Старооскольского городского округа Белгородской области**

*Пивнева Д. В., Кобзева Е. В.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Ключевые слова: *выемчатая эмаль, позднезарубенецкая культура, украшения, селища, Белгородская область*

Украшения с выемчатыми эмальями представляют собой яркие памятники декоративно-прикладного и ювелирного искусства, которые получили широкое распространение в Восточной Европе. Находки подобного рода предметов в культурных слоях памятников достаточно редки. Одно такое украшение было обнаружено в процессе раскопок в Старооскольском районе Белгородской области.

Раскопки под руководством Т. Е. Сидоренко проводились летом 2019 г. силами ООО «Белгородская археологическая экспертиза» в Старооскольском городском округе, который находится на северо-востоке Белгородской области на юго-западных склонах Среднерусской возвышенности.

Расположен объект археологического наследия на правом берегу р. Чуфичка (правый приток р. Оскол), в устье левого берега безымянной балки. Памятник находится в 0,3 км к северо-западу от кладбища с. Верхне-Чуфичево и в 0,31 км к северо-востоку от северо-восточной окраины с. Котеневка. «Котеневка селище-4» представляет собой неукрепленное поселение. Раскоп имеет форму параллелепипеда площадью 5316 м² (Сидоренко 2019). Памятник многослойный, имеет два основных горизонта — нижний относится к эпохе бронзы (1-я половина II тыс. до н. э., абашевская культура). Материалы этого времени представлены только фрагментами лепных сосудов. Верхний горизонт — раннего железного века (1-я половина I тыс. н. э., киевская культура). Находки представлены не только керамикой, но и изделиями из бронзы. Всего исследовано 8 слоев на данном участке. В третьем слое была обнаружена подвеска-лунница, относящиеся ко второму хронологическому горизонту.

Предмет изготовлен из бронзы и имеет 5 углублений для эмали: 2 имеют трапециевидную форму, 3 — круглую. В трех выемках сохра-

нилась эмаль красного цвета. Все три рога заканчиваются широкими секировидными лопастями, соединены друг с другом и по низу выровнены в одну прямую линию. Сохранился держатель для цепочки. По бокам имеются бусины из бронзы (рис. 1: а). Сохранность изделия — металл патинирован, имеются мелкие вмятины и сколы патины на поверхности.

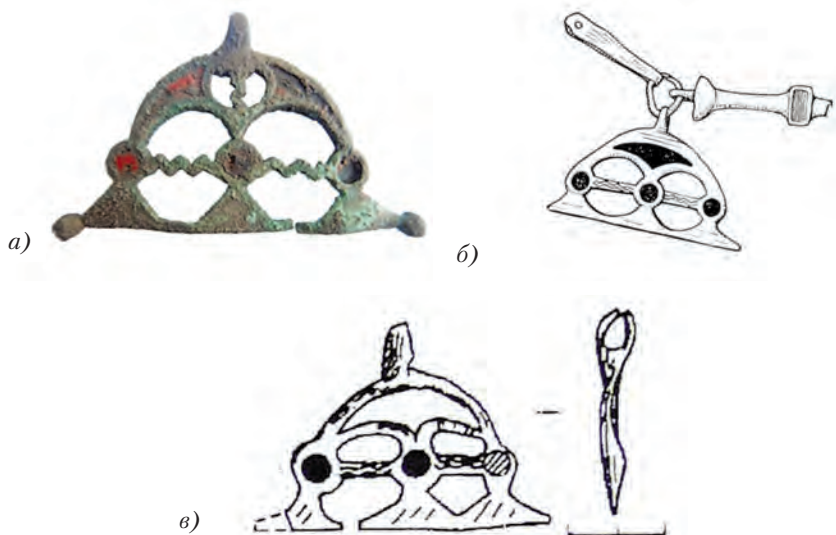

Рис. 1. а — Бронзовое украшение с частично сохранившимся эмалевым узором; б — подвеска-лунница с элементами выемчатой эмали из Борзненского клада (Черниговская область); в-лунница с эмалью из хутора Александровский

В настоящее время самое полноценное представление об изделиях с выемчатыми эмалью восточноевропейского стиля можно получить по материалам Брянского клада. Выделяют нагрудные украшения с ажурными лунницевидными подвесками разных типов: двурогие, трехрогие, сложные подвески с привесками-лунницами, литые подвески, в виде пластинчатых кованых подвесок. Украшение, найденное при раскопках близ с. Котеневка, относится к лунницам трехрогим. Трехрогие лунницы носили исключительно декоративный характер. Они служили подвесками, наличие же бронзовых бусин по бокам имеет аналоги с лунницами типа Борзны 2 (Брянский клад... 2018; Корзухина 1978).

Подобные предметы декоративно-прикладного искусства были найдены в Борзненском кладе, о котором сообщает Г. Ф. Корзухина (Корзухина 1978: 36; рис. 1: б). Среди находок «варварских эмалей» подобного вида изделия есть в Курской области в хуторе Александровский (Чубур 2000: 196; рис. 1: в). К ним также относится Брянский клад, найденный в Суземском районе Брянской области, Мощинский клад Калужской области, Шишинский клад Белгородской области, находки с Дьякова городища и Шепилова городища.

Отметим, что украшения круга выемчатых эмалей воспринимаются исследователями по-разному. Одними исследователями они рассматриваются как продукт деятельности непосредственно готских ремесленников. Сторонники этой гипотезы: А. А. Спицын, Х. А. Моора, Г. Ф. Корзухина, И. К. Фролов. Аргументом в пользу прибалтийской версии является более раннее появление эмалей в Прибалтике (II–III вв.), чем на других территориях Восточной Европы, где они известны в IV–V вв. Еще одна распространенная точка зрения на происхождение украшений круга выемчатых эмалей связывает их с территорией Поднепровья и славянским этносом. Сторонники этой версии — В. Н. Даниленко, Б. А. Рыбаков. Одним из основных аргументов в пользу приднепровской версии стала переоценка датировок украшений с выемчатыми эмальями в Поднепровье в сторону их удревления по сравнению со временем появления в Прибалтике.

Говоря о носителях украшений с выемчатыми эмальями, отметим, что на Верхнем и Среднем Дону в начале нашей эры обитали сарматские племена, которые смешались с потомками скифоидных племен. В материальной культуре и тех, и других отсутствуют находки украшений типа выемчатых эмалей, хотя отмечены тесные контакты между поздними зарубинцами Поосколья и позднескифским-сарматским населением Верхнего Подонья. И. В. Зиньковская полагала, что появление украшений типа выемчатых эмалей в Подонье связано с миграцией с запада на восток на рубеже II–III вв. поздnezарубинецкого населения с территории Среднего Поднепровья на р. Оскол и далее на восток — на р. Хопер (Зиньковская 2011: 79).

А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский сделали вывод, что основной период распространения украшений круга выемчатых эмалей на территории Днепро-Донской лесостепи приходится на поздnezарубинецкий культурно-хронологический горизонт и ранний этап киевской культуры. В конце раннего этапа киевской культуры (около се-

редины III в.) появляются ажурные предметы без эмали (Обломский, Терпиловский 2007).

Таким образом, предмет, найденный при раскопках многослойного памятника Котеневка селище-4, является нагрудным украшением типа трехрогие лунницы. Согласно современным представлениям, на территории восточноевропейской лесостепи время существования этих украшений относится к постзарубинецкому культурно-хронологическому горизонту и начальному этапу киевской культуры (вторая половина II — начало III в.). Рассматриваемое в данной работе изделие принадлежит к верхнему горизонту памятника и датируется ранним железным веком (1-я половина I тыс. н. э.). Это время существования киевской культуры. Миграционные волны с запада на восток, вероятно, привели к появлению отдельных украшений круга выемчатых эмалей на Среднем Дону. Введение в научный оборот подвески с выемчатой эмалью дает возможность заполнить пробелы в изучении процессов освоения территории Подонья.

Список литературы

- Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). 2018 // Обломский А. М. (ред.). Раннеславянский мир. Вып. 18. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера.
- Зиньковская И. В. 2011. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // РА 2, 72–80.
- Корзухина Г. Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука, ЛО.
- Обломский А. М. Терпиловский Р. В. 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы // Обломский А. М. (ред.). Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.). М.: ИА РАН, 113–141.
- Сидоренко Т. Е. 2019. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ на объектах археологического наследия, попадающих в зону строительства объекта: «ОАО «Стойленский ГОК». Карьер. (археологические раскопки на ОАН Котеневка селище 4, S = 5316 м²) // Архив ООО «Белгородская археологическая экспертиза».
- Чубур А. А. 2000. Курский край в 20 т. Т. 2: Эпоха раннего металла. Курск: Курск, гос. пед. ун-т.

Об одном типе стеклянных бус раннесредневекового клада из Суджи-Замостья в бассейне р. Псел

Письмарова А.В.

Институт археологии РАН

Ключевые слова: *стеклянные бусы, раннесредневековые клады, «древности антов», готы, аламанны, Меровинги*

В статье рассмотрен один тип бус из клада, который был обнаружен в 2009 г. на территории слободы Замостье у г. Суджа Курской области (в пойме левого берега в излучине р. Суджа, правого притока р. Псел) и хранится в фондах Суджанского краеведческого музея¹. В составе клада присутствуют вещи, относящиеся к разным периодам: от II–III до VII в. н. э. (Родинкова и др. 2018: 142). Этот клад соотносится исследователями с комплексами типа Мартыновского клада, так как в его составе преобладают вещи круга «древностей антов» I группы (Родинкова и др. 2018: 130). Клад включает большую коллекцию бус из стекла, янтаря, коралла и камня, общее количество которых превышает 1000 экземпляров (рис. 1: А).

Рассматриваемый тип бус представляет собой округлые зеленые бусины с желтоватыми полосами по краям изделия (рис. 1: Б, 1) и присутствует в кладе в количестве не менее 5 экземпляров. Бусы изготовлены путем сгибания стеклянной заготовки вокруг инструмента. Края заготовки, вероятно, уже были декорированы накладными желтоватыми полосами. Признаком данной технологической операции является шов, располагающийся вдоль изделия. Канал изделия цилиндрический, что подтверждает изготовление изделия путем обертывания вокруг инструмента.

Аналогичная бусина известна только в материалах некрополя Дюрсо, принадлежавшего готам-тетракситам, расположенного под Новороссийском (Дмитриев 1979: 57; Ковалевская 2015: цв. вклейка, рис. III, тип 196д). По мнению В.Б. Ковалевской, данный тип принадлежит к группе бус с накладной стеклянной полосой, которые присутствовали в Дюрсо с середины V по VII в. с пиком распространения на рубеже V–VI вв. (Ковалевская 2015: 97). Однако бусы из клада

¹ Выражаю глубокую благодарность за предоставление материала автору раскопок В.Е. Родинковой (ИА РАН, г. Москва) и директору Суджанского краеведческого музея Л.М. Придубковой.

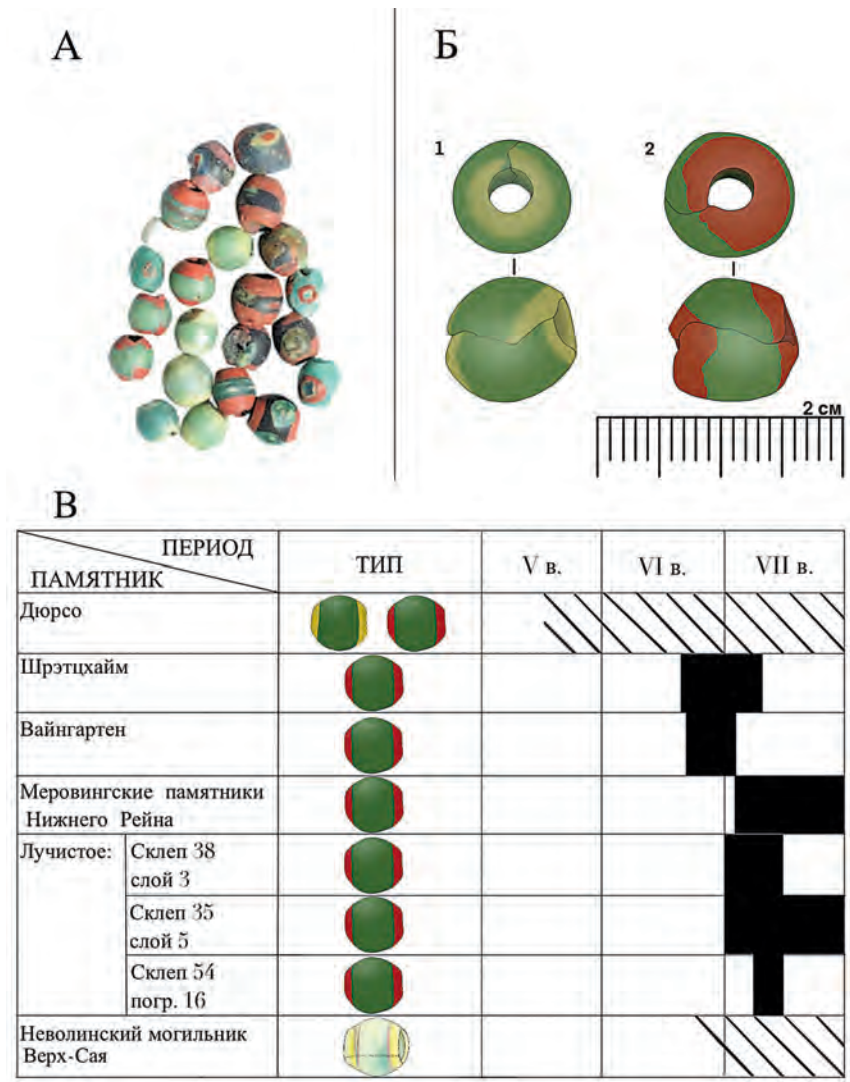

Рис. 1. А — полихромные бусы из клада Суджи-Замостья; Б — типы бус из клада Суджи-Замостья; В — периоды распространения аналогий бусам из Суджи-Замостья

в Судже-Замостье, по всей видимости, были изготовлены из декорированной заготовки, а не орнаментированы накладными полосами. В связи с этим не очевидно, имеют ли желто-зеленые бусы из Дюрсо и Суджи-Замостья одинаковый способ изготовления или только морфологические сходства, что ставит под сомнение возможность объединения их в одну типологическую группу и точность датирования.

Более широко известен вариант этого типа бус с красно-оранжевыми полосами. Он (рис. 1: Б, 2) также имеется в кладе из Суджи-Замостья и в коллекции Дюрсо. Единичные находки таких бус присутствуют в ряде погребений могильника крымских готов — Лучистое (Юго-Западный Крым): склеп 38, слой 3 (600–650 гг.) (Айбабин, Хайрединова 2008: 112); склеп 35, слой 5 (600–700 гг.) (Айбабин, Хайрединова 2008: 101); склеп 54, погр. 16 (625–650 гг.) (Айбабин, Хайрединова 2014: 66) (рис. 1: В).

Кроме того, данный вариант бус имеется на территории Германии в материалах аламанных могильников Шрэтцхайм (Schretzheim) (Koch 1977: тип M55) и Вайнгартен (Weingarten) (Theune-Vogt 1990: тип 71.1), датирующихся 565–630 гг. и 570–610 гг. соответственно; а также в меровингских памятниках Нижнего Рейна (Dusseldorf, Heinsberg, Junkersdorf, Mungersdorf), которые отнесены к кластеру периода 610–705 гг. (Siegmond 1995: тип 36.5) (рис. 1: В).

Близкая по технологии, но имеющая явные морфологические отличия бусина происходит из неволинского могильника Верх-Сая (Верхнее Прикамье) (Голдина 2010: 136, рис. 26, тип VIБ8А). Эта округлая бусина изготовлена путем сгибания стеклянной заготовки зеленого цвета и имеет по краям желтые полосы и тонкую красную линию. Е. В. Голдина называет данный экземпляр уникальным и относит к хронологической группе конца VI — VII в. (Голдина 2010: 54). Определенный интерес представляет наличие в этой хронологической группе древностей неволинской культуры двух других типов стеклянных бус, которые известны и в коллекции из Суджи-Замостья: синяя полиэдрическая бусина с глазком (тип IVБ43а) (Голдина 2010: 141, рис. 31) и желтая граненая бусина из полупрозрачного стекла (тип IVA42) (Голдина 2010: 141, рис. 31).

Представленные аналогии (рис. 1: В) позволяют определить хронологические рамки стеклянных бус с полосками по краям изделия второй половиной VI — VII в. (хронология таких бус из Дюрсо не учитывается). При этом все приведенные аналогии относятся к первой половине VII в., что, вероятно, может указывать на их пик распро-

странения в этот период. Также необходимо отметить широкое распространение данного типа бус, который представлен не только в «антском» кладе из Суджи-Замостья, но и в древностях крымских готов, готов-тетракситов, аламаннов, в меровингском королевстве, в Прикамье, что может быть отражением некой раннесредневековой моды.

Список литературы

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2008. Могильник у села Лучистое. Раскопки 1977, 1982–1984 годов, том 1. Симферополь; Керчь: АДФ-Україна.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2014. Могильник у села Лучистое. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов, том 2. Керчь: Мастер Книг.
- Голдина Е. В. 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск: Удмуртский гос. университет.
- Дмитриев А. В. 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА 158, 52–57.
- Ковалевская В. Б. 2015. Бусы и даты – статистический и пространственный анализ бус могильника Дюрсо V–VIII веков на Северо-Западном Кавказе // Гайдуков П. Г. (ред.) Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История, 90–101.
- Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычева С. А. 2018 Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации // РА 2, 130–147.
- Koch U. 1977. Das Reihengraberfeld bei Schretzheim. Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit Ser. A. Vol. 13. Gehr. Mann: Berlin.
- Siegmund F. 1995. Merovingian Beads on the Lower Rhine // BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers 7, 37–53.
- Theune-Vogt C. 1990. Chronologische Ergebnisse zu den Perlen aus dem alamanischen Graberfeld von Weingarten, Kr. Ravensburg (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg 33). Universität Marburg: Marburg.

Импорты из Северной Бактрии в памятниках саргатской культуры (по данным РФА)

Проконова М. М.

Тюменский государственный университет

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Северная Бактрия, ранний железный век, саргатская культура, кушаны, импорты*

В результате многолетнего изучения древностей саргатской культуры были достигнуты феноменальные успехи в выявлении направлений связей ее носителей, а доказательство наличия у местного населения торговли на дальние расстояния (Матвеева 1997) побудило исследователей к поиску возможных торговых путей (Довгалюк 1997: 54; Матвеева 1997: 73–75) и применению естественнонаучных методов в целях уточнения исходных территорий импортов (Довгалюк 1997; Галибин, Матвеева 1989; Кузьминых 1993 и др.). С повышением интереса к данной тематике появляется необходимость в расширении базы данных по химическому составу изделий для уточнения производственных центров и ассортимента импортных предметов из конкретных регионов.

В работе учтены материалы более 30 погребений могильников саргатской культуры: Чепкуль-9 (III в. до н. э. — I в. н. э.), Богданово-I и -II (II в. до н. э. — I в. н. э.), Старо-Лыбаевский-4 (I в. н. э.), Исаковский-I (I в. до н. э. — I в. н. э.), Бещаул-II, Мурзинский-4, Улановка (II в. до н. э. — II в. н. э.), Савиновский, Абатский-1 и -3 (I–III вв. н. э.), Нижнеингальский-1 (II–III вв. н. э.). К вещам бактрийского круга отнесены следующие типы вещей: пряжки кольцевидные с коротким вертикальным неподвижным крючком (28 экз.), петлевидные без язычка (6 экз.) и лировидная с язычком (1 экз.), сплошные прорезные наконечники ремней (7 экз.), кольца с овальным щитком и гнездом для инкрустации (2 экз.) и простые с несомкнутыми концами (2 экз.), перстни с плоским овальным щитком (9 экз.), браслеты с утолщенными концами без орнамента или в виде зооморфных головок (3 экз.) и спиральный с декоративными утолщенными концами (1 экз.), фигурная подвеска (1 экз.), а также фрагменты украшений и мелкие детали костюма: гвоздики, пронизки, пуговицы. Все рассматриваемые изделия находят полные аналогии в памятниках кушанского времени Северной Бактрии II в. до н. э. — II в. н. э. (Мандельштам 1966: табл. XLIV — 3–6, 14–22; XLV — 1–6, 12, 13, 14, 15; LIII — 2; LIV — 1–15; LV — 1–7; LVI — 6–8; 10–23; LVII — 3–5; 7–14; 16; 20–25; LVIII — 42–44).

Некоторые типы вещей имели широкое распространение на рубеже эр в степях Евразии. В целях уточнения территории изготовления изделий часть выборки (26 экз.) была изучена методом рентгенофлуоресцентной спектрометрии для определения химического состава предметов. Анализ показал, что все изделия выполнены из трех видов латуни: двойная: Cu — осн.; Zn — 5–19%; рудные примеси — Fe, As, Sn, Ni, Co, Ti и Ag; свинцово-оловянная: Cu — осн.; Zn — 22,5%; Pb — 1,8%; Sn — 1,5%; рудные примеси — Fe, As и Co; и свинцовая, в которой выделяются три подгруппы по близости концентраций основных элементов: 1) Cu — осн.; Zn — 16,25–22,25%; Pb — 1,5–5,96%; рудные примеси — Fe, Sn, Ni, As, Bi, Nb и Co; 2) Cu — осн.; Zn — 2,7–11,6%; Pb — 2,6–11,7%; рудные примеси — Fe, Sn, As, Bi, In, Ag и Cd; 3) Cu — осн.; Zn — 3,2–11,6%; Pb — 18,1–47,6%; примеси Fe, As, Sn, Bi, Zr, Cd, Ti, Ni и Co (концентрации Pb, Fe и As критически завышены по причине отсутствия пробоподготовки предметов этой подгруппы).

Латунь является материалом, специфичным для ремесленных центров оседлого эллинистического населения Северной Бактрии (Мандельштам 1975: 132). При этом в изученной выборке фиксируются наборы изделий, характерные в основном для кушанских памятников. А. М. Мандельштам не исключал вероятности воспроизведения бактрийскими мастерами кочевнических форм изделий и изготовления украшений для торгового обмена с кочевниками (Мандельштам 1975: 142). Так, распространение в Тоболо-Иртыше латунных вещей, вероятнее всего, происходило из кочевой среды Северной Бактрии. Наличие целых комплектов украшений с идентичным составом, изготовленных предположительно в одних мастерских, свидетельствует в пользу их одновременного поступления в саргатские земли, а серийность изделий в погребениях подразумевает наличие постоянного притока вещей в результате налаженной торговли.

Бытование латунных изделий в саргатской среде, исходя из датировок закрытых комплексов, укладывается в рамки I–III вв. н. э., что согласуется с историческими данными. Единое Кушанское государство образовалось только на рубеже эр, а на протяжении I в. н. э. проводилась политика расширения территории в южном и восточном направлениях, вследствие чего активное участие в экономических процессах с северными соседями могло быть связано уже с более поздним временем (Боровкова 1989: 24, 57–58, 82, 93; Берлизов 2014: 37; Ширин 2016: 45).

Список литературы

- Берлизов Н. Е. 2014. Сарматы и Средняя Азия // УАВ 14, 30–39.
- Боровкова Л. А. 1989. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.: Наука.
- Галибин В. А., Матвеева Н. П. 1989. Спектральный анализ цветного металла из Среднего Притоболья // Деревянко А. П. (ред.). Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск: НГПУ, 106–109.
- Довгалоук Н. П. 1997. Происхождение стеклянных бус из могильников Саргатской культуры // Вестник Омского университета 1, 51–55.
- Кузьминых С. В. 1993. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: Проблема соотношения // Васильев И. Б. (ред.). Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрГУ, 119–122.
- Мандельштам А. М. 1966. Кочевники на пути в Индию. М.; Л.: Наука.
- Мандельштам А. М. 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука.
- Матвеева Н. П. 1997. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА 2, 63–77.
- Ширин Ю. В. 2016. Импорт рубежа эр в комплексах Западной Сибири и его значение для хронологии // Stratum plus 4, 35–54.

Древковое оружие из материалов могильника скифского времени Девица V на Среднем Дону

Резникова В. А.

*Государственный академический университет
гуманитарных наук*

Ключевые слова: *скифы, древковое оружие, сравнительный анализ, типология, Средний Дон*

Исследование курганного могильника скифского времени Девица V было завершено в 2021 г. Донской экспедицией под руководством В. И. Гуляева. Памятник расположен неподалеку от с. Девица Острогожского района Воронежской области. Время бытования могильника относится ко второй половине IV в. до н. э. (Володин, Шевченко 2023: 25). Среди прочих материалов раскопок были обнаружены предметы наступательного вооружения, представленные не только наконечниками стрел, но и элементами древкового оружия — наконечниками копий и дротиков, а также втоками к ним.

Основной обобщающей работой в отечественной науке в области скифского вооружения во многом остается монография А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964). И если для некоторых образцов скифского вооружения ее выводы были в отдельных аспектах пересмотрены, то для элементов древкового оружия основные положения остаются неизменными. Именно поэтому в данной работе будут использоваться предложенные ею варианты типологии.

В ходе исследования были изучены пять железных наконечников копий, четыре наконечника дротиков, восемь втоков, происходящих из шести погребений некрополя. Эти материалы позволяют отметить следующее:

1. Наконечники копий обычны для скифской культуры. В соответствии с типологией А. И. Мелюковой, 2-й тип II отдела, характеризующийся отсутствием ребра на перо, является наиболее распространенным на данном памятнике. Это наконечники из курганов 12 (рис. 1: 1) и 9 (рис. 1: 3–4). Один из наконечников из 9-го кургана (рис. 1: 3) относится к 1-му варианту, так как имеет сравнительно короткое перо. Подобные экземпляры встречаются в погребальных памятниках днепровского лесостепного Правобережья, например, в курганах у с. Капитановка

и с. Журовка (Савченко 2004: 167). Другой наконечник из кургана 9 относится ко 2-му варианту, он имеет узкое перо, которое равно по длине втулке. Данный тип имеет относительно широкое распространение на Среднем Дону (Пузикова 2001: 169: рис. 28: 2; 215: рис. 49: 3). Определить вариант наконечника из кургана 12 невозможно, поскольку его втулка не сохранилась. Тем не менее этот экземпляр стоит выделить особо, так как он имеет необычайно длинное перо (34,1 см), отличаясь от всех находок подобного рода, известных на Среднем Дону (см.: Савченко 2004: 268–269). Подобные наконечники использовались в основном населением степи.

Один из наконечников из кургана 12 (рис. 1: 2) относится к 1-му варианту 1-го типа II отдела, для которого характерно наличие узкого ребра посередине пера. Аналогии представлены в памятниках как лесостепной, так и степной Скифии — это наконечники из курганов у с. Аксютинцы, у п. Шолоховский, № 11 могильника Частые курганы (Савченко 2004: 167). Отдельно стоит выделить наконечник из кургана 7 (рис. 1: 5). Он относится к 3-му варианту 3-го типа I отдела и имеет вытянутое без ребра перо со слабодуговидными гранями, переходящими во втулку. Предметы аналогичной формы встречаются, например, в кургане № 28 у с. Староживотинное (Медведев 1999: 6: рис. 5: 1) и в кургане № 493 у с. Ильинцы (Савченко, 2004: 166).

2. Наконечники дротиков имеют форму, характерную для всех подобных предметов вооружения скифской культуры. Однако экземпляр из кургана 10 (рис. 1: 9) выделяется большими размерами (длина — 43,5 см) по сравнению с аналогичными находками из кургана 7. Последние, обнаруженные в одной связке, отличаются высокой степенью стандартизации по размерам (рис. 1: 7–9).
3. Втоки имеют рюмковидную форму. Е.И. Савченко отмечал, что преобладание этой формы является локальной особенностью среднедонских памятников (Савченко 2004: 250). Материалы могильника Девица V подтверждают это, причем нужно заметить, что как для копья, так и для дротиков могли использоваться одинаковые втоки (рис. 1: 14–16). Находки из кургана 6 отличаются более вытянутыми пропорциями (рис. 1: 10–12), в одном случае обнаружен лишь фрагмент втока (рис. 1: 13).
4. Длина древкового оружия в скифских памятниках фиксируется достаточно редко, однако в кургане 7 удалось зафиксировать

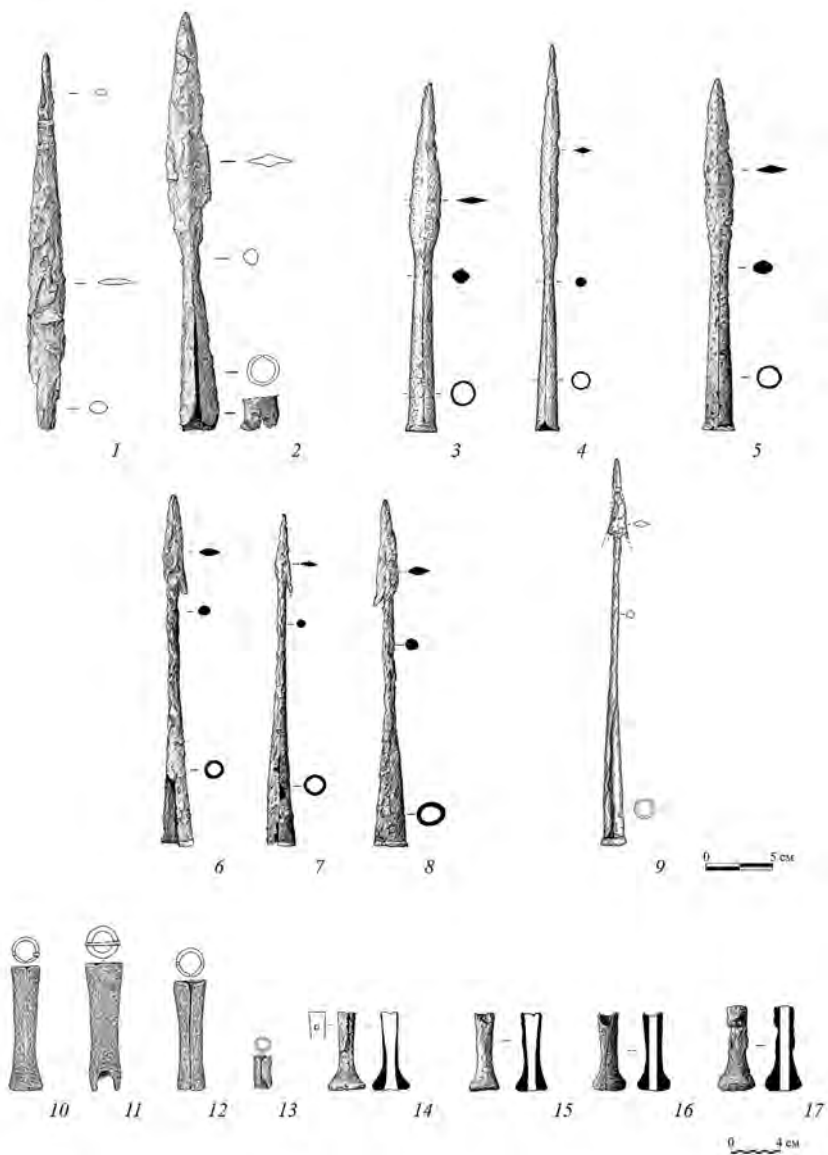

Рис. 1. Предметы древкового вооружения из могильника Девица V:
 1, 2 — наконечники копий из кургана 12; 3, 4 — наконечники копий из кургана 9; 5–8 — наконечники копья и дротиков из кургана 7; 9 — наконечник дротика из кургана 10; 10–12 — втоки из кургана 6; 13 — фрагмент втока из кургана 16; 14–16 — втоки из кургана 7

размеры. Длина копья составляла 3,24 м, а дротиков — около 2,2 м. Эти параметры соответствуют уже известным как для территории Среднего Дона, так и для степных регионов, в очередной раз маркируя применение скифами длинных копий (Савченко 2004: 170–171; Черненко 1984: 234).

В результате проделанной работы можно сделать вывод, что древковое оружие из могильника Девица V в большинстве случаев соответствует классическому облику наступательного вооружения IV в. до н. э. как среднедонского населения, так и кочевников степных регионов Северного Причерноморья. Это позволяет говорить о тесной связи населения, оставившего данный некрополь, с жителями всей «скифской ойкумены».

Список литературы

- Володин С. А., Шевченко А. А. 2023. Курганный могильник скифского времени Девица V на Среднем Дону (предварительные итоги исследования) // Меркулов А. Н. (ред.). Полвека в поисках древностей. Воронеж: ВГПУ, 22–34.
- Медведев А. П. 1999. Ранний железный век Лесостепного Подонья: археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука.
- Мелюкова А. И. 1964. Вооружение скифов. М.: Наука.
- Пузикова А. И. 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.: Индрик.
- Савченко Е. И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Гуляев В. И. (ред.). Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН 2001–2003 гг. М.: ИА РАН, 2004, 151–277.
- Черненко Е. В. 1984. Длинные копья скифов // Мелюкова А. И., Мошкова М. Г., Петренко В. Г. (ред.) Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 231–234.

Находки щитов в курганах пазырыкской культуры Алтая: краткий историографический обзор

Тишкин А. А.

Алтайский государственный университет

Ключевые слова: *пазырыкская культура, находки щитов, М. П. Грязнов, С. И. Руденко, В. Д. Кубарев, Н. В. Полосьмак, З. Самашев*

Первые находки щитов в курганах пазырыкской культуры Алтая были сделаны в 1929 г. при раскопках Первого Пазырыкского кургана. Благодаря мерзлоте, образовавшейся в могильной яме, сохранились изделия из органических материалов. При седлах двух лошадей обнаружены щиты одинакового размера (69×53 см). М. П. Грязнов представил о них такую информацию: «Каждый щит состоит из 35 деревянных палочек, скрепленных куском тонкой кожи, в которую они продеты через прорезанные отверстия... Так как пазырыкские щиты были привязаны к седлу... можно думать, что они употреблялись сравнительно редко и держались в резерве лишь на случай рукопашного боя» (Грязнов 1950: 63). По мнению исследователя, эти щиты были выполнены специально для погребения, но передают основные особенности настоящих изделий (Грязнов 1950: 32).

Подробное описание щита имеется в монографии С. И. Руденко: «Щит малых размеров прямоугольной формы (в среднем 28×36 см) состоит из лоскута тонкой кожи и вплетенных в него 34–35 тщательно выструганных палочек, круглых в сечении. В прорезы, сделанные в коже, вставлены указанные палочки так, что с обеих сторон получается орнамент, основной мотив которого — ромбы. По краям лоскуты кожи загнуты на обратную сторону щита и там закреплены. На обратной же стороне, посередине щита, из ремня, пропущенного с лицевой его стороны, сделана широкая петля» (Руденко 1953: 262). Такие изделия (по 2 экз.) были найдены в конских захоронениях Первого, Второго и Четвертого Пазырыкских курганов, но в кургане № 3 оказались щиты другого типа. Они отличались размерами (69×53 см) и дугообразным верхним краем, состояли из выструганных деревянных палочек (диаметром 1 см) и, помимо кожи, были скреплены еще двумя поперечными палочками. По мнению С. И. Руденко, три щита данного типа являлись типичным скифским оборонительным оружием (Руденко 1953: 263).

В кургане № 1 на могильнике Туэкта обнаружено не менее шести щитов. Хорошо сохранились только два, от двух других уцелели

палочки и часть кожи, от остальных — только палочки (Руденко 1960: 122). Найден цельнодеревянный щит размерами 50×42 см (Руденко 1960: 123).

В монографии Н. В. Полосьмак (Полосьмак 1994) рассматриваются результаты исследования кургана № 1 могильника Ак-Алаха-I на плато Укок, где обнаружена мерзлота. Один из трех щитов, найденных среди конских захоронений, являлся деревянной копией изделий из палочек и кожи и был аналогичен обнаруженным на могильниках у Ташанты (Кубарев 1987). Его размеры составили 38×27,5 см, внутренняя сторона оказалась гладкой, а внешняя являлась имитацией ряда из 28 палочек, окаймленных по периметру гладким бортиком (Полосьмак 1994: 34). Два других щита были оригинальными изделиями из кожи и специально обработанных палочек. Н. В. Полосьмак (Полосьмак 1994: 34) отметила, что большой щит (82×36 см), фрагменты которого были обнаружены на могильнике Уландрык-I, являлся предметом защитного вооружения пешего воина. В монографии В. Д. Кубарева «Курганы Уландрыка» (Кубарев 1987) дается его описание, а также описания других образцов защитного вооружения, найденных еще в трех объектах.

В монографии о результатах раскопок на памятнике Олон-Курин-Гол-10 в Монголии приведено описание найденного цельнодеревянного щита прямоугольной формы: «...Размеры изделия 32×18,5×0,6 см. Внешняя сторона... полностью покрыта резным орнаментом: по диагонали щит разделен на две орнаментальные зоны. В каждой зоне на расстоянии около 0,5 см друг от друга прорезаны линии шириной 1–2 мм и глубиной около 1 мм, расположенные параллельно друг другу и диагонально по отношению к площади щита. ...Обратная сторона щита гладкая. В центре... прорезано сквозное отверстие прямоугольной формы размером 0,8×0,6–0,7 см, служившее, вероятно, для крепления петли для удержания щита» (Молодин и др. 2012: 197).

В монографии З. С. Самашева «Берел» защитное вооружение представлено образцами, которые были приторочены к седлам лошадей. Изделия оказались неширокими, но, по свидетельству специалистов, лучше защищали от стрел по сравнению с цельнодеревянными щитами (Самашев 2011: 142–143). Щит в кургане № 11 представлял собой два скопления круглых, обломанных под углом древков (Самашев 2011: 143). «На боковых гранях древков... четко прослеживался геометрический орнамент — следы раскроенного листа кожи, плотно стягивавший деревянную основу щита. Свободные от кожи участки древков были окрашены охрой» (Самашев, Мыльников 2004: 209–210).

Таким образом, как отмечают исследователи, щиты составляли часть вооружения «пазырыкцев»; отдельное внимание уделено особенностям их размещения прикрепленными к седлу. Схожесть изделий из разных погребений указывает на определенную технологию и стандартизацию, однако существовали отличия в размерах, в форме и материалах.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Список литературы

- Грязнов М. П. 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Кубарев В. Д. 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука.
- Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. 2012. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: Триумф принт.
- Полосьмак Н. В. 1994. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука.
- Руденко С. И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР.
- Руденко С. И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР.
- Самашев З. 2011. БЕРЕЛ. Алматы: Таймас.
- Самашев З., Мыльников В. П. 2004. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы: ОФ «Берел».

**Жилая и хозяйственная застройка городища Лбище
римского времени на Самарской Луке:
опыт обработки архивных данных в ГИС**

Халимуллина Л. Р.

Институт археологии РАН

Ключевые слова: *городище Лбище, Самарская Лука, планиграфия, поселенческая структура, эпоха римских влияний, ГИС поселения*

Городище Лбище — один из наиболее значимых памятников эпохи римского времени и эпохи Великого переселения народов в Среднем Поволжье. Исследования городища проводились непрерывно на протяжении 1981–1985 гг. (под руководством А. В. Расторопова в 1981 г. (Расторопов 1982) и далее под руководством Г. И. Матвеевой (Матвеева 1984а; 1984б; 1985)). Первые результаты работ позволили выделить особый «лбищенский» тип древностей IV–V вв., отличный от синхронных в этом регионе (Матвеева 1998). В 2002–2003 гг. работы были возобновлены (Матвеева 2003), результаты опубликованы в статье Г. И. Матвеевой, Л. А. Вязова и др. (2012). В общей сложности было вскрыто около 4 тыс. м². Большая часть материалов раскопок, проводившихся в 1980-е гг., остается неопубликованной. Неотъемлемой частью изучения памятника является анализ поселенческой структуры.

Памятник расположен на юге Самарской Луки в 5 км к юго-востоку от с. Севрюкаево Ставропольского района Самарской области, на высоком обрывистом коренном берегу р. Волги, общая площадь — 70 000 м². С западной и восточной сторон площадка городища ограничена оврагами с крутыми труднодоступными склонами, с юга — круто обрывается к Волге, а с севера защищена системой оборонительных сооружений. Площадка наклонена с севера на юг к Волге. Перепад высот между наивысшей точкой площадки и южной оконечностью городища — 35 м.

Планиграфические материалы отчетов за все годы исследований были сведены и векторизованы в программе Esri ArcGIS, таким образом были отображены данные об объектах, индивидуальных находках, приведенных на планах скопления керамики и остеологического материала.

За все время полевых исследований, согласно материалам отчетов, было выявлено 173 объекта. Для удобства они были разделены на сле-

дующие категории: очаг (отопительное сооружение, расположенное в постройке или на открытом пространстве), очажный котлован наземного жилища (углубленная в подпочвенный слой часть постройки, внутри которой зафиксировано отопительное сооружение), постройка (архитектурное сооружение, маркированное углубленным в подпочвенный слой котлованом, размеры которого достаточны для нахождения человека внутри), столбовая яма, хозяйственная яма, объект (пятна, мелкие ямы, следы от построек неясного назначения и пр.). Всего на планах было отмечено 2805 фрагментов керамики и 1952 кости животных. Эта информация также была векторизована для последующей обработки, поскольку, к сожалению, в отчетах (за исключением 2002–2003 гг.) не приводятся статистические данные полного описания и определения костей животных.

Из всего объема объектов 44 представляют собой очаги, 29 — очажные котлованы наземных жилищ, 47 — постройки, 14 — столбовые ямы, 28 — хозяйственные ямы, 11 — объекты. Стоит оговориться, что в число очажных котлованов также включены три сооружения, которые не могут подходить под это определение по причине своих размеров, однако в них отмечены очаги. А. Н. Лифанов предлагал рассматривать их в качестве остатков углубленных частей оснований наземных построек весьма архаичного вида (Лифанов 1997: 82–83). В этой связи они не были исключены из категории очажных котлованов. Помимо этого, в ходе исследований были найдены захоронения 17 индивидов и один клад кузнеца. Согласно типологии Н. А. Лифанова, постройки городища Лбище относятся ко второму типу — наземные срубные постройки, иногда с частично заглубленным в древнюю поверхность основанием (очажным котлованом) (Лифанов 2000).

Для всех объектов при помощи функции вычисления геометрии в таблице атрибутов были рассчитаны площади. Площадь очажных котлованов наземных жилищ варьирует от 2,6 до 31,4 м², площадь построек без отопительных сооружений от 2,4 до 22 м², самая большая постройка (49,8 м²) представляет собой фактически комплекс из трех сооружений. Большая часть построек с очагом имеет площадь до 10 м². Такую же площадь имеет большинство неотапливаемых построек.

Для отдельных категорий объектов был проведен ядерный анализ плотности распределения (рис. 1). Результаты анализа плотности очажных котлованов и построек наглядно показали шесть групп концентрации. Анализ плотности распределения очагов показал, соответственно, те же 6 групп концентрации. Они представляют

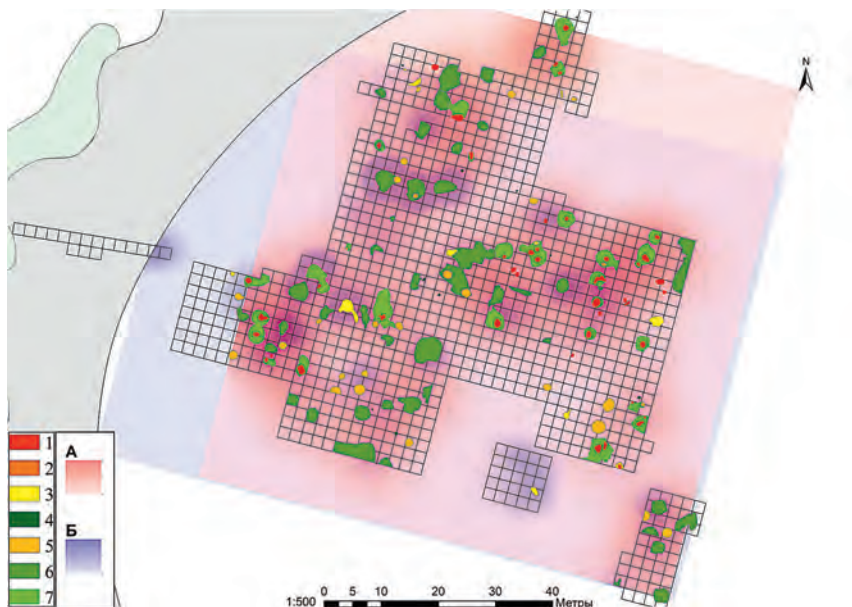

Рис. 1. Анализ плотности распределения построек и керамического материала на городище Лбище: 1 — очаг; 2 — вал; 3 — объект; 4 — столбовая яма; 5 — хозяйственная яма; 6 — постройка; 7 — очажный котлован. А — плотность распределения сооружений; Б — плотность распределения керамики

собой усадьбы, три из них можно назвать полностью исследованными, остальные вскрыты лишь частично. На одну усадьбу приходится от пяти очагов и от 1 до 10 хозяйственных ям. Две наиболее полно исследованные усадьбы, судя по всему, вплотную прилегают к фортификационным сооружениям. Какой-либо структуры в распространении столбовых ям не прослеживается. Сопоставление плотности распределения керамического и остеологического материала демонстрирует их концентрацию в пределах усадеб, преимущественно в сооружениях.

Список литературы

- Лифанов Н. А. 1997. Домостроительство лесостепного Поволжья второй — третьей четверти I тысячелетия н. э.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Лифанов Н. А. 2000. Раннесредневековые жилые постройки лесостепного Поволжья как источник культурогенетических реконструкций // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии

- Волго-Камья. Материалы научной конференции (Труды ГИМ 122). М.: ГИМ, 128–134.
- Матвеева Г. И. 1984а. Отчет о раскопках городища Лбище в 1982 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10118, 10118а.
- Матвеева Г. И. 1984б. Отчет о раскопках городища Лбище в 1983 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10119, 10119а.
- Матвеева Г. И. 2003. Отчет о раскопках городища Лбище в 2002 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 27615.
- Матвеева Г. И. 1998. Памятники лбищенского типа — ранний этап именьковской культуры // Сташенков Д. А. (ред.). Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции (Самара, 17–20 ноября 1997 г.). Самара: ПО «СамВен», 87–96.
- Матвеева Г. И., Вязов Л. А., Гасилин В. А., Ломейко П. В., Серых Д. В., Скарбовенко В. А., Хохлов А. А. 2012. Исследования городища Лбище в 2003 г. // Вояджер: мир и человек 3, 181–210.
- Расторопов А. В. 1982. Отчет об археологическом исследовании Лбищенского городища за 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8562.

Картографический анализ погребальных памятников кобанской культуры Северного Кавказа

Чанаев А. Б.

Государственный академический университет
гуманитарных наук

Ключевые слова: *поздний бронзовый век, ранний железный век, кобанская культура, погребальные памятники, картографический анализ, Северный Кавказ*

Огромный пласт информации при изучении кобанской археологической культуры был получен из погребальных памятников. На данный момент количество исследованных могильников этой культуры — 240. Попытки провести картографирование погребальных памятников предпринимались несколькими исследователями (Козенкова 1996; Райнхольд 2015).

Целью данной работы является обобщение накопленных данных по теме и создание карт: как общего вида, так и серии карт по хронологическим периодам.

Хронологические и географические границы исследования — поздний бронзовый и ранний железный века: от ранней стадии формирования культуры (XIV — середина IX в. до н. э.) до позднего кобанского периода, характеризуемого существенным влиянием скифских племен и ассимиляцией культурами скифо-сарматского круга (вторая половина VII — начало IV в. до н. э.). Важно отметить, что данное исследование основывается на хронологии В. И. Козенковой как самой широко применяемой в научной среде (Козенкова 1989). В данной работе рассматривается развитие погребального обряда и его локализация на протяжении всех хронологических этапов кобанской культуры. Территориальные границы исследования включают северную и центральную области Большого Кавказского хребта, по обе его стороны, от верховьев Кубани до Дагестана. В рамках проделанного анализа помимо общей карты могильников были составлены карты, разделенные по хронологическим периодам, на которых представлены так называемые диагностирующие памятники. Исследователи, к сожалению, не обладают максимально точными географическими координатами всех погребальных памятников, но благодаря материалам предшественников (Козенкова 1996; Ковалевская 2005) существу-

ет возможность точного картографирования небольшого количества «диагностирующих памятников», на основе которых и были сделаны выводы данного исследования.

В результате проведенного картографирования был выявлен ряд интересных особенностей, касающихся генезиса погребальной традиции кобанцев, а также некоторые географические аспекты процесса расселения представителей этой самобытной культуры:

1. Процесс расселения.

Основная масса погребальных памятников протокобанского периода (XIV — середина XII в. до н. э.) сконцентрирована на территории Центрального Кавказа в Северной Осетии. Здесь уже в данный период появляются так называемые классические памятники кобанской культуры, такие как Кобанский могильник, в материалах которого прослеживается развитие погребальной традиции на протяжении всех четырех хронологических этапов развития культуры. Уже в протокобанский период заселяются территории Кисловодской котловины и южной стороны Главного Кавказского хребта (Южная Осетия и Грузия). В «классический» период (середина X — 2-я половина VII в. до н. э.) мы по-прежнему наблюдаем присутствие кобанского населения в основной массе на территории предгорных зон Центрального Кавказа. Очень активно процесс расселения проходит в районе Кисловодской котловины. Важно отметить, что на этом этапе восточный вариант культуры (зона предгорий Чечни и Дагестана) представлен уже не так многообразно, как западный и центральный, где продолжают существовать «классические» памятники культуры. На финальном этапе развития (середина VII — IV в. до н. э.) кобанской культуры мы видим следующую картину: в самых труднодоступных горных районах центрального варианта продолжают существовать наиболее древние «классические» погребальные памятники (Кобанский, Тлийский), в то время как в районе Кисловодской котловины активность угасает. О погребальной традиции этого хронологического периода возможно говорить, основываясь на материалах памятников центрального варианта.

2. Типы погребальных конструкций.

Основываясь на проведенном картографировании, можно сделать вывод, что наиболее ярко представлен и, следовательно, наиболее обширно изучен западный вариант кобанской культуры. В рамках исследования рассматривались семь могильников западного варианта, о географической привязке которых мы имеем достаточно точные

данные. Основные типы могильников здесь — грунтовые могильники, могильники под курганами. Основные типы погребальных сооружений — каменные ящики и каменные склепы.

Центральный вариант культуры в данном исследовании рассматривался на основе пяти «диагностирующих памятников». Погребальные памятники центрального, или «североосетинского», варианта представлены в основном на территории Республики Северная Осетия. Именно в зоне центрального варианта представлены «классические» памятники кобанской культуры. Комплексы находок из этих могильников определяют его характерные особенности, прослеживающиеся в керамическом комплексе и в продуктах металлургии. На могильниках доминирующим типом погребальной конструкции являются каменные ящики. На памятниках «североосетинского» варианта появляется редкий вид конструкций для памятников этого типа — кромлехи.

Некоторые отличия в типах погребальных конструкций присутствуют на памятниках восточного варианта культуры. Каменные ящики и каменные склепы здесь практически не встречаются. Основные типы могильников — грунтовые могильники, редко подкурганые, еще реже — кромлехи.

3. Памятники Кисловодской котловины.

Погребальные памятники в районе Кисловодской котловины в данном исследовании обособлены и нанесены на отдельную карту. Памятники этой зоны всегда вызывали особый интерес исследователей. Первые кобанские памятники здесь датируются XII–XI вв. до н. э. Позднее, в раннем железном веке Кисловодская котловина представляла собой крайне густонаселенный район. К IX–VI вв. до н. э. на территории котловины к кобанской культуре относятся 67 могильников (Козенкова 1989). Такой объемный массив памятников послужил основным критерием для выделения западного локального варианта кобанской культуры.

Итак, в ходе этого исследования был собран и обобщен обширный пласт историографии по теме, а также проведен начальный этап картографирования кобанских могильников. Основываясь на результатах данной работы, можно сказать, что картографический анализ является одним из наиболее важных и полезных этапов исследования кобанской культуры, позволяющим максимально точно осуществить географическую привязку памятников и проследить процесс их распространения. Отсюда же следует и второй аспект исследования —

многообразие типов погребальных конструкций, изучение, типология и каталогизация которых кажется весьма перспективной темой дальнейших исследований.

Список литературы

- Козенкова В. И. 1989. Кобанская культура. Западный вариант (САИ. Вып. В2–5. Т. 3). М.: ИА РАН.
- Козенкова В. И. 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН.
- Ковалевская В. Б. 2005. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН.
- Райнхольд С., Белинский А. Б., Атабиев Б. Х. 2015. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Кашуба М. Т., Райнхольд С., Пиотровский Ю. Ю. (ред.). Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога. Международная научная конференция по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий. Берлин: Dietrich Reimer Verlag, 405–455 (на нем. и рус. яз.).

Хронологическая атрибуция изображений на курганных камнях Тепсейского могильника

Шишкина О. О.

Кемеровский государственный университет

Ключевые слова: петроглифы, наскальное искусство, Тепсей, курганные камни, тагарские курганы, хронология, стилистический анализ

У подножия горы Тепсей (Краснотуранский район Красноярского края) на протяжении 1 км располагается разновременный могильник, частично исследованный в 1960–1970-е гг. Красноярской АЭ ЛОИА СССР под руководством М. П. Грязнова (Грязнов и др. 1979). В настоящее время там сохранились остатки конструкций раскопанных некогда курганов, кроме этого, на поверхности читаются ограды десятков тагарских курганов, не подвергавшихся раскопкам. С 2012 г. Тепсейский отряд КемГУ под руководством О. С. Советовой занимается документированием петроглифов всего Тепсейского археологического микрорайона (Советова и др. 2021). В сферу научных интересов отряда входит и изучение рисунков на курганных камнях. В результате обследований могильника в последние годы кемеровскими специалистами выявлены изображения более чем на 60 камнях и плитах, входящих в конструкции оград либо лежащих на поверхности (не всегда удается проследить конструкции оград). Петроглифы нередко встречаются на нескольких гранях одного камня. Всего было зафиксировано 84 грани с изображениями.

Выявление довольно внушительного корпуса изобразительных источников требует определения их хронологической и культурной принадлежности. Методика определения возраста петроглифов в настоящее время уже четко выработана (Шер 1980: 170–176; Советова, Миклашевич 1999) и может быть применена для рисунков на курганных камнях с учетом того, что они находятся среди погребальных конструкций. К наиболее раннему пласту относятся изображения, которые традиционно соотносятся с наиболее ранними этапами существования тагарской культуры и могут быть синхронны сооружению курганов. Это фигуры животных (оленей, лошадей), выполненные в так называемом скифо-сибирском зверином стиле в позе «внезапной остановки». Стоит отметить, что петроглифы этого времени немногочисленны, рисунки встречаются лишь на двух камнях могильника. Условно к тагарскому пласту могут быть отнесены и многочисленные

изображения людей — так называемые тагарские человечки, которые очень часто встречаются на камнях Тепсея (более 50% всех выявленных изображений). Как правило, это одиночные антропоморфные фигуры без каких-либо датирующих элементов. Порой они изображены в различных головных уборах: султан, колпак, развесистый убор и проч. Некоторые человечки включены в многофигурные сцены, в которых они представлены воинами (батальи с применением разного вида оружия), всадниками, охотниками, «танцующими», в своеобразных позах — фертообразной, с присогнутыми ногами, выраженными пальцами на руках и т. д. Часть из них наверняка была создана в тагарскую эпоху, но однозначно «тагарцами» можно считать, пожалуй, лишь воинов с чеканами в руках.

Наибольшее же количество изображений, скорее всего, создано уже после сооружения курганов и, возможно, не связано с погребальными обрядами. Среди камней Тепсейского могильника четко выделяется серия изображений одного хронологического пласта, выполненного в особой технике: мелкой поверхностной выбивкой, и затем шлифованных иногда с выгравированными элементами. Нами зафиксировано около десятка изображений в такой технике. К ним относятся фигуры всадников в своеобразных головных уборах, сражающихся воинов, перевернутых антропоморфных персонажей, косули с детенышем под животом и др. Сама техника исполнения, набор образов и стилистические особенности позволяют предположить, что рисунки были созданы в тесинское время. Уверено же к тесинскому времени относятся изображения так называемых путаниц и лабиринтов (5 граней), выделенных Д. Г. Савиновым по изображениям на могильных плитах Есино (Савинов 1995: 6–10). На курганных камнях под горой Тепсей открыты и более поздние изображения. Это и многофигурные таштыкские сцены, выполненные тонкими резными линиями в стиле тепсейских плакеток (Грязнов и др. 1979: рис. 59–61): зубастые хищники, преследующие добычу, грузные быки, парящие птицы, лоси; и многочисленные тамги и знаки, относящиеся, видимо, к Средневековью и Новому времени.

Таким образом, многолетние исследования Тепсейского отряда КемГУ показали, что имеющиеся изображения на плитах оград тагарских курганов стилистически и хронологически разнообразны и могут быть датированы от тагарской эпохи до Нового времени. Многие из них сопоставимы с петроглифами на скалах Тепсея, а также с образительными материалами из погребений, к примеру, с таштыкскими плакетками из склепа Тепсей III.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01099 «Рисунки на камнях тагарских курганов как особый петроглифический источник по древней истории Южной Сибири (по материалам Тепсейского археологического микрорайона)» <https://rscf.ru/project/23-78-01099/>.

Список литературы

- Грязнов М. П., Комарова М. Н., Завитухина М. П., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С. 1979. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука.
- Савинов Д. Г. 1995. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) // Мартынова Г. С. (ред.). Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 6–10.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А. 1999. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Бобров В. В. (отв. ред.). Археология, этнография и музейное дело. Сборник науч. трудов каф. Археологии Кемеровского государственного ун-та. Кемерово, Кузбассвуиздат, 47–74.
- Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. 2021. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт.
- Шер Я. А. 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука.

**Традиции использования «оленных» камней
в ритуальной практике древних кочевников
(по материалам изучения памятников
Центральной Монголии)**

Эрдэнэтурэв П.

Алтайский государственный университет

Ключевые слова: *Центральная Монголия, «оленный» камень, традиция, плиточная могила, тюркские ограды*

Основная цель данной работы — выяснить, какую роль играли «оленные» камни в ритуальной практике и как они использовались в культуре древних кочевников. В данном контексте рассматриваются археологические памятники, расположенные в Центральной Монголии, основную часть которой составляют Хангайские горы. Основной проблемой является то, что данные древние изваяния часто перемещались с исходных мест и использовались позднее при сооружении разных погребально-поминальных и других объектов вплоть до современности, а существенная часть из них оказалась в музеях и парках. Данные обстоятельства неоднократно отмечались исследователями в отчетах, статьях и монографиях (Новгородова 1989: 228; Волков 2002: 28, 35; Тишкин, Шелепова 2014; Килуновская 2020 и др.). За длительный период истории многие «оленные» камни утратили свое оригинальное предназначение или были уничтожены. Некоторые оказались разбитыми или переоформлены в тюркские изваяния (например: Тишкин, Бондаренко 2023).

В Монголии зарегистрировано более 1300 «оленных» камней (Турбат и др. 2021: 3), из которых 596 обнаружены в Центральной Монголии (Эрдэнэтурэв 2023: 287). Рассмотрим обстоятельства их расположения.

С херексурами были связаны 38 древних изваяний, что отражает использование их в погребальной практике в качестве памятников умершим людям, большинство из которых были воины. К сожалению, именно каменные курганы очень сильно пострадали в ходе ограблений, из-за чего сложно определить первоначальное место расположения рассматриваемых статуй.

Наибольшее число «оленных» камней (273) обнаружено на древних мемориальных комплексах, где также располагаются

многочисленные жертвенники и другие ритуальные сооружения. При этом часть изваяний осталась на своих местах или в непосредственной близости к ним.

При исследованиях в Центральной Монголии плиточных могил обнаружено 146 «оленных» камней, которые были переиспользованы в качестве строительного материала: стояли по углам, лежали внутри или в качестве стенок оград, найдены в заполнении ям (Новгородова 1989: 228; Волков 2002: 152 и др.). Эти факты свидетельствуют о негативном отношении к культурным традициям другого народа.

С тюркскими памятниками оказались связаны 37 «оленных» камней. В раннем Средневековье такие древние изваяния также использовались в качестве строительного материала: в виде стенок оградок, как балбалы, для оформления тюркских изваяний.

Выделяется категория перенесенных древних статуй (97), которые не связаны с какими-либо археологическими объектами, так как были вывезены в центры аймаков и сомонов, а также использовались в строительстве разных сооружений.

Кроме всего указанного, отметим, что пять «оленных» камней использованы при оформлении современных захоронений (не ранее XX в.).

Из вышеприведенной информации становятся понятными обстоятельства назначения «оленных» камней в качестве объектов погребальных и мемориальных памятников, что подтверждает ранее выявленные традиции (Ковалев, Эрдэнэбаатр 2007). Важно отметить, что в ряде древних и средневековых кочевых культур Внутренней Азии был распространен вандализм.

Обнаружение «оленных» камней на более поздних памятниках до сих пор трактуется исследователями по-разному. А. А. Тишкин и Е. В. Шелепова (Тишкин, Шелепова 2014: 222–223), рассмотрев массив таких данных, придерживаются позиции о доминировании утилитарной значимости «оленных» камней для тюркских мастеров, об использовании их главным образом в качестве строительного материала. При этом они признают некоторые универсальные показатели, характерные для мировоззрения кочевых обществ.

Выявленные особенности позволяют сосредоточить внимание на первых двух указанных группах «оленных» камней. Остальные могут дополнить их информационный потенциал.

Список литературы

- Волков В. В. 2002. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир.
- Ковалев А. А., Д. Эрдэнэбаатар. 2007. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Тишкин А. А. (ред.). Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 99–105.
- Килуновская М. Е. 2020. Переиспользование оленных камней в погребальных обрядах кочевников древней Тувы // Деревянко А. П., Макаров Н. А., Мочалов О. Д. (ред.). Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II. Самара: СГСПУ, 67–68.
- Новгородова Э. А. 1989. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука.
- Тишкин А. А., Бондаренко С. Ю. 2023. «Оленные» камни, использованные тюрками: новый взгляд на сохранившиеся изображения (по материалам Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края XXIX, 239–247.
- Тишкин А. А., Шелепова Е. В. 2014. Об использовании «оленных» камней при сооружении тюркских оградок Монгольского Алтая // Известия Алтайского государственного университета 4–1, 221–229.
- Турбат Ц., Гантулга Ж., Баярхуу Н., Батсух Д., Турбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. 2021. Монгол ба бус нутгийн буган хушууний соёл. Т. III. Улаанбаатар: Мунхийн усэг. (на монг. яз).
- Эрдэнэпурэв П. 2023. «Оленные» камни в Центральной Монголии: информационный потенциал (по материалам изданного каталога) // Тишкин А. А. (ред.). Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 286–290.

СРЕДНИЕ ВЕКА

Керамика XII–XVI вв. как маркер культурных связей (по материалам Западной Сибири)

Арефьев И. А.

Уральский федеральный университет

Ключевые слова: керамика, Западная Сибирь, эпоха Средневековья, культурные процессы, Притоболье, Сургутское Приобье

Между группами населения степной и лесостепной зоны Западной Сибири в XII–XVI вв. существовали достаточно устойчивые культурные связи, что отражено в керамическом материале, обнаруженном в археологических памятниках.

Еще с X в. в Западной Сибири начал активно функционировать так называемый Северный широтный ход — система торговых коммуникаций, пересекавших север Западной Сибири, Предуралья и север Европы (Федорова 2020: 29–30). В ходе археологических раскопок на территории Ненецкого автономного округа (городища на р. Гнилка и Ортинское, Хэйбидя-Пэдарское святилище) была обнаружена керамика западносибирского облика, характерная для Нижней Оби (Федорова 2015: 76).

Было высказано предположение, что это связано с «расширением ареала средневековых нижеобских культур далеко на запад, в запечорские тундры» или с влиянием «населения Нижнего Приобья на обитателей Печорской субарктики» (Мурыгин 1992: 40–41).

На территории Западной Сибири имеется множество подтверждений культурных контактов местного населения с народами коми-зырян и коми-пермяков. По одной из рабочих гипотез, с XII в. предки коми могли быть проводниками для новгородцев на Урал (Морозов, Пархимович 1997: 33).

На городищах Перегребное 1, Шеркалы 1/1 и Шеркалы 1/2 в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ХМАО — Югра) были обнаружены керамические сосуды, для которых характерны следующие признаки: темно-серый или черный цвет внешней поверхности, уплощенное и плоское дно, резко отогнутый венчик, орнаментация крупной короткой гребенкой, «елочные» узоры.

Кроме того, на керамике из Шеркалов встречаются оттиски розеточных штампов, налепные валики и «пуговики». Примечателен и состав глиняного теста некоторых обнаруженных сосудов: кроме примеси песка, шамота и дресвы, для трех горшков было характерно еще и наличие толченой раковины. Схожая по облику посуда была обнаружена к западу от Урала, на памятниках Верхнего Прикамья XII–XIV вв., которые связываются археологами с предками коми-пермяков (Морозов, Пархимович 1997: 25–27).

Другое направление контактов отражают обнаруженные на городище Шеркалы 1/2 фрагменты керамики, характерные для культуры волжских булгар X — начала XIII в. Они представлены ручками от небольших сосудов, украшенных гребенчатым елочным узором, с рельефными выступами вверх. Кроме того, был обнаружен развал большого горшка ярко-красного цвета, на венчике которого имеются два выступающих вверх ушка с отверстиями, а горловина опоясана глубокой канавкой (Морозов, Пархимович 1997: 27).

Для Западной Сибири эпохи Средневековья ключевым вопросом является культурогенез сибирских татар. С XIII в. на угорское население Прииртышья возрастает влияние тюркских популяций, а с XIV–XV вв. формируются первые государственные образования — Тюменское и Сибирское ханства.

Доминирующим типом керамики данного времени, обнаруженным в ходе работ на городищах Старый Погост, Еляк-Алып, Чинги-Тура, Кучум-гора, Искер, Малое Бакальское и т. д., являются крупные котловидные сосуды, с прямыми, чуть наклоненными внутрь или наружу толстыми стенками, с уплощенным дном. Для них характерна небрежная лепка из комковатого, плохо промешанного теста. Поверхность волнистая, со вмятинами, небрежно заглаженная. Они чаще всего украшены только рядом ямок по верхней части, иногда дополнительно оставлены пальцевые вдавления (Рафикова, Аношко 2021: 105–106).

Существуют предложения, что керамика данного типа могла быть оставлена югорским населением XIII–XIV вв., в период формирования культуры сибирских татар. Данную точку зрения подтверждают материалы Малого Бакальского городища XIII–XIV вв., где сосуды описанного типа доминируют. Это предположение подкрепляется присутствием подобных находок в поздних слоях Чинги-Туры, Кучум-горы, Искера (Рафикова, Аношко 2021: 108).

С XIII в. на территории Западной Сибири начинает проследиваться своеобразная «деградация» керамического производства, выразившаяся

в сокращении количества посуды и упрощении ее декора или его полном исчезновении. Например, на керамике Сургутского Приобья ведущими мотивами орнамента становятся горизонтальные ряды оттисков крупнозубого гребенчатого штампа или наколов, а большинство сосудов вообще не орнаментируется. На городище Барсов городок IV/1 и одновременное ему селище Барсова гора IV/1, датируемые XIII–XIV вв., приходится один фрагмент керамики (Федорова и др. 1991: 141). Считается, что поток металлической посуды среднеазиатского и китайского производства вытеснил из употребления местную керамическую.

Таким образом, для памятников Западной Сибири XII–XVI вв. керамика является одним из ярко выраженных маркеров, отражавших культурные связи таежных популяций.

Список литературы

- Морозов В. М., Пархимович С. Г. 1997. Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия УрГУ 7, 17–34.
- Мурыгин А. М. 1992. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука.
- Рафикова Т. Н., Аношко О. М. 2021. Позднесредневековые комплексы лесостепного и подтаежного Зауралья (по материалам городища Старый Погост (Кысым-Туры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии 55 (4), 101–112.
- Федорова Н. В. 2015. Северный широтный ход в XI–XV вв.: постановка проблемы // Уральский исторический вестник 47 (2), 73–82.
- Федорова Н. В. 2020. Археология Сибири: очерки: Материалы к учебнику. СПб.: Арт-Экспресс.
- Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала 20, 126–145.

ГИС раскопа VIII (г. Старая Русса): стеклянные браслеты

Болонин И. А.

Новгородский государственный университет

им. Ярослава Мудрого

Ключевые слова: *ГИС, стеклянные браслеты, усадьба, планиграфия*

Исследования на раскопе VIII в Старой Руссе были проведены в 1968 г. экспедицией под руководством А. Ф. Медведева. Культурный слой на этом участке средневекового города общей мощностью около 3 м значительно поврежден застройкой XIX–XX вв., поэтому главным хронологическим маркером древнейших культурных напластований (первая половина XII в.) стали стеклянные браслеты. Фрагменты стеклянных браслетов были самой многочисленной категорией индивидуальных находок — 196 экз. (общее число находок в коллекции — 451 ед.) (Медведев, Равдина 1968: 1–23). Следует отметить, что отчетная документация по этому раскопу крайне лаконична. В этой связи целью исследования является определение возможностей применения и анализа пространственного распределения в ГИС отдельных категорий индивидуальных находок (на примере стеклянных браслетов) для выявления, датирования и характеристики сооружений, в случае отсутствия однозначно интерпретируемых конструкций.

Исследование делится на два этапа: статистическая обработка коллекции стеклянных браслетов для каждого пласта, анализ пространственного распределения коллекции.

Результаты статистического анализа совпали с данными, представленными в отчете, — пик фиксируется в пласте 9 (табл. 1). А. Ф. Медведев на основании анализа стеклянных браслетов из раскопок в Новгороде (Полубояринова 1966: 164–181) датировал пласт 9 первой половиной XIII в. (Медведев, Равдина 1968: 23) Анализ коллекций стеклянных браслетов из двух усадеб, изученных на Пятницком раскопе в Старой Руссе (далее — ПТР), где применялся дендрохронологический метод, предоставляет нам более узкие даты, по которым мы можем определить время бытования браслетов в средневековой Руссе. Привлекая данные по усадьбе «Б» ПТР, где такой же мощный «всплеск» выявляется в напластованиях конца 1240-х — конца 1250-х гг. (?), мы можем датировать пласт 9 раскопа VIII тем же временем. Правильность такого сопоставления подтверждается данными по новгородским материалам (Колчин 1982: 158–159).

Для визуализации пространственного распределения браслетов раскоп VIII был воссоздан в трехмерном пространстве в среде ArcScene. В модель были включены данные о местоположении стеклянных браслетов, высотных отметках бревен и стратиграфии пластов 9–10 (НА ЦАИ НовГУ. Ф. 6. Д. 484). Используя инструмент «оптимизированный анализ выбросов» в программе ArcMap, удалось локализовать место наибольшего скопления браслетов в пласте 9 (High-high cluster) в кв. 13, 18, 19 и 20, откуда происходит 104 находки (рис. 1). Также удалось высчитать место предполагаемого, но отсутствовавшего большого скопления браслетов (Low-high outlier) в кв. 17.

Рис. 1. План пласта 9 раскопа VIII с нанесенными точками находок стеклянных браслетов и местами их наибольшей концентрации. Скриншот выполнен в среде ArcMap: А – Not Significant; Б – High-High Cluster; В – High-Low Outlier; Г – Low-High Outlier; Д – Low-Low Cluster; Е – находки стеклянных браслетов; Ж – фрагменты бревен

К СВ и ЮВ от прослеженного выше скопления браслетов зафиксированы обрубки бревен, ориентированных по линиям ЮЗ — СВ и ЮВ — СЗ, которые могли быть остатками разобранных еще в древности деревянных конструкций. По материалам ПТР и других раскопов в Старой Руссе мы знаем, что большое скопление стеклянных браслетов всегда обнаруживается вокруг главного владельческого дома усадьбы. На основании этого большое скопление стеклянных браслетов в раскопе VIII может маркировать жилой сруб, в частности владельческий дом усадьбы. В СЗ углу раскопа, рядом с границами предполагаемого сруба (кв. 8, 12), в пластах 12–13 фиксируются две частокольные линии, которые по своей ориентации могут быть границей усадьбы. К СЗ от предполагаемой границы сруба, за линиями частоколов находится пространство, в котором почти нет находок, а ниже, на уровне материка фиксируется материковая яма в форме траншеи. С высокой долей вероятности этот участок может быть улицей, от мощения которой осталась только западина шириной примерно 2,4 м. Между предполагаемыми границами усадьбы и сруба в пласте 11 зафиксировано скопление костей домашних животных: части скелетов и черепа лошадей и коров, три черепа и позвоночный столб собаки. На основании приведенных данных можно осторожно предполагать, что владельческий дом усадьбы располагался у границы дворовладения.

Таким образом, благодаря возможностям применения и анализа пространственного распределения в ГИС и морфологии отдельных категорий индивидуальных находок (на примере стеклянных браслетов) нам удалось локализовать наличие деревянной постройки на уровне пласта 9. Сравнивая полигоны выпадения стеклянных браслетов из раскопа VIII и из усадьбы «Б» ПТР, мы можем предположить, что сооружение существовало в период с середины до третьей четверти XIII в. С высокой долей вероятности мы можем утверждать, что эта постройка была главным владельческим домом усадьбы, о чем нам говорит высокая концентрация стеклянных браслетов. Перспективным представляется дальнейшее изучение связи пространственного распределения браслетов из стекла и планировки дворовладений, на территории которых они были обнаружены.

Таблица 1. Распределение стеклянных браслетов на усадьбах «А» и «Б» ПТР и на реконструируемой усадьбе раскопа VIII

Усадьбы ПТР				
Хронологические периоды	Усадьба «А» ПТР		Усадьба «Б» ПТР	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Нач. XIII в. — 1230-е гг.	—		2	0,6
1230-е — кон. 1240-х гг.	11	14,5	4	1,2
Ранее конца 1250-х (?) гг.	—		35	10,5
Кон. 1240-х — кон. 1250-х (?) гг.	59	77,6	140	41,9
1240-е — нач. 1270-х гг.	—		6	1,8
1260-е (?) — нач. 1270-х гг.	—		73	21,9
Кон. 1240-х — сер. 1290-х гг.	1	1,3	11	3,3
1260-е (?) — сер. 1290-х гг.	—		2	0,6
I пол. 1270-х — сер. 1290-х гг.	4	5,3	58	17,4
II пол. 1290-х — сер. 1320-х гг.	1	1,3	3	0,9
Общее количество	76		334	
Раскоп VIII				
Пласты	Раскоп VIII			
	Кол-во	%		
Пласт 13	5	2,6		
Пласт 12	5	2,6		
Пласт 11	9	4,6		
Пласт 10	42	21,4		
Пласт 9	124	63,3		
Пласт 8	11	5,6		
Общее количество	196			

Список литературы

- Медведев А. Ф., Равдина Т. В. 1968. Отчет о раскопках в Старой Руссе в 1968 г. Раскоп VIII // НА ЦАИ НовГУ. Ф. 3. Д. 66. Л. 1–23.
- Старая Русса. Раскоп VIII, 1968 г. // НА ЦАИ НовГУ. Ф. 6. Д. 484.
- Колчин Б. А. 1982. Хронология новгородских древностей // Колчин Б. А., Янин В. Л. (ред.). Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 156–177.
- Полубояринова М. Д. 1963. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Том III. (МИА 117). М.: АН СССР, 164–181.

История локализации средневекового города Бережца

Борисов Е. А.

Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Ключевые слова: *Средневековье, малые города, Бережец, Нижнее Поочье, археологическая картография*

В «Списке городов русских дальних и ближних» — письменном источнике географического характера первой половины XV в. — содержится упоминание города Бережец, культурный слой и остатки фортификаций которого до сих пор не обнаружены (Тихомиров 1979: 127). Однако усилиями гороховецких краеведов город был локализован по косвенным признакам микрорельефа без учета археологической, ландшафтной и ресурсной специфики микрорегиона. Бережец попал на несколько исторических тематических карт, вводя ряд логических и исторических несоответствий в систему расселения и формирования структуры княжеских крепостей середины XII — первой трети XIII в. На сегодняшний день не существует ни убедительных доказательств какой-либо локализации этого города, ни теоретических обоснований времени его существования и расположения. Построение модели местности, на которой будут учтены известные косвенные признаки города, поможет сузить предполагаемую территорию для археологических разведок на основании теоретических закономерностей локализации городов. Таким образом, целью исследования становится определение границ территорий, наиболее вероятных для обнаружения города Бережца, на основании материалов ландшафтной археологии, массового материала и письменных источников XIV–XV вв.

Впервые Бережец был локализован А. В. Экземплярским по селу Березцы в устье Клязьмы (Экземплярский 1891: 402, 410). Городище пытались обнаружить В. П. Глазов и М. В. Седова, разведки которых оказались безуспешными (Седова 1972: 235–237). Поисками Бережца также занимался краевед Н. И. Андреев, практически бездоказательно локализовавший город в пойме Клязьмы (Андреев 1991: 8–22). Уже в XXI в. Н. А. Макаров с сожалением констатировал, что Бережец до сих пор не обнаружен (Макаров 2017: 14).

Изучение актового материала позволяет получить некоторые косвенные подсказки для локализации города. Самое раннее письменное свидетельство о Бережце датируется 1364 г., когда нижегородский

и суздальский князь встретились в Бережце и договорились о мире (ПСРЛ т. VIII 1859: 13). В более поздних источниках называется только селище Бережец и «пошлая» Бережецкая дорога, которые также не дают точных оснований для локализации городища (АСЭИ т. 1 1952: № 313; АСЭИ т. 2 1958: № 439; АСЭИ т. 3 1964: № 487–489). Эти материалы легли в основу карты, предлагаемой в этой статье, для определения наиболее вероятной территории для локализации Бережца (рис. 1).

Рис. 1. Локализация средневекового города Бережца: 1 – города; 2 – локализация Бережца А.В. Экземплярским; 3 – «пошлая» Бережецкая дорога (по материалам XVIII в.); 4 – границы волостей нижегородской округи XIV–XV вв. (по Н.Н. Грибову); 5 – Березопольский стан XVI–XVII вв.

Данные археологии свидетельствуют о позднем освоении устья Клязьмы и низовий Оки в домонгольское время. В конце XII – первой трети XIII в. заселение этих территорий происходило с запада (Седова 1978: 10–11). Получается, Бережец должен был быть основан, как и все остальные города нижнего течения Клязьмы и Оки, на возвышенном коренном берегу реки хронологически между основанием Гороховца в 1164 г. и основанием Нижнего Новгорода в 1221 г. (Кучкин 2017: 10). Однако крайняя малочисленность массового керамического материала этого времени не позволяет прийти к таким выводам. Более поздняя керамика середины XIII в. демонстрирует большее сходство с городецкой керамикой. С 1378 г. появляется название Березополье (более позднее Березопольский стан) на нижней Оке, фиксируемое Н.Н. Грибовым по группам селищ XIII–XV вв. (Грибов 2000: 78). Через эту группу селищ проходит и реконструированная «пошлая Бережецкая дорога» по материалам планов генерального межевания Гороховецкого, Горбатовского и Богородского уездов конца XVIII в.

Таким образом, источники позволяют локализовать территории для поиска городища Бережца в границах Березопольского стана либо в Нижнем Поочье. Корпус письменных источников не позволяет датировать основание города ранее середины XIV в. Появление города в домонгольский период менее вероятно ввиду крайней малочисленности керамического материала этого периода и селищ, где этот материал перекрыт слоем пожара. Однако если город все-таки был основан в домонгольский период, то это могло произойти только между 1164 и 1221 гг., тогда город должен был располагаться на высокой надпойменной террасе правого коренного берега Оки. Появление же села (позже погоста) Бересцы могло стать следствием существования торгового тракта и перевоза через Оку на нем — «пошлой» Бережецкой дороги.

Список литературы

- Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. 1952–1964. В трех томах. М.: Наука.
- Андреев Н. И. 1991. Гороховецкая историческая хроника. Владимир: Гороховецкая типография.
- Грибов Н. Н. 2000. История славяно-русского расселения в Нижегородском Поволжье в период XII–XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород.
- Кучкин В. А. 2017. Ранняя история Гороховца // Макаров Н. А. (отв. ред). Гороховец и земли Волго-Окского междуречья в XII–XVII вв. М.: ИА РАН, 7–10.
- Макаров Н. А. 2017. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI–XIII вв. // Макаров Н. А. (ред). Гороховец и земли Волго-Окского междуречья в XII–XVII вв. М.: ИА РАН, 1–25.
- Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. 1859. СПб.: Типография Эдуарда Праца.
- Седова М. В. 1972. Древнерусские города низовьев Клязьмы: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Тихомиров М. Н. 1979. Русское летописание. М.: Наука.
- Экземпляровский А. В. 1891. Великие и удельные князья Северной Руси в Татарский период. Т. 2. СПб.: Типография императорской Академии наук.

Украшения из раннесредневековых памятников Алтая в коллекциях Государственного Эрмитажа

Бояринцева К. Е.

Алтайский государственный университет

Ключевые слова: *Алтай, Верхнее Приобье, раннее Средневековье, Ближние Елбаны, Кудыргэ, Сростки-I, украшения*

Раннесредневековые украшения из археологических находок на территории Алтая представляют собой уникальный археологический материал, раскрывающий перед нами богатство и культурное наследие древних обществ. Крупное собрание сосредоточено в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург). В данной публикации будут рассмотрены коллекции из памятников Ближние Елбаны, Кудыргэ и Сростки-I с целью выявления раннесредневековых украшений. Их современная культурно-хронологическая принадлежность соотносится с одинцовской (вторая половина IV в. — первая половина VIII в.) и сросткинской (вторая половина VIII — XII в.) культурами.

Комплекс древних и средневековых памятников Ближние Елбаны (далее — БЕ) расположен у с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края. Он был открыт краеведом и археологом-любителем Н. С. Гуляевым. Масштабные работы проводились Северо-Алтайской археологической экспедицией (1946–1947, 1949 гг.) под руководством М. П. Грязнова. Результаты опубликованы в обобщающей монографии (Грязнов 1956). В рамках обозначенной темы рассмотрены следующие музейные коллекции: ГЭ-1619, 1622, 1623, 1624, 1628, 1630. Они соответствуют памятникам БЕ-III, БЕ-VI, БЕ-VII, БЕ-VIII, БЕ-XII, БЕ-XIV.

При раскопках могильника БЕ-III было обнаружено 12 погребений. Находки украшений отмечены в могилах 1, 6, 10 и 15. Из них по две могилы с мужскими (6, 10) и женскими (1, 15) погребениями. К украшениям относятся серьги — 4 шт., бусы — 56 шт., гривны — 2 шт., подвески — 8 шт. и два обломка, браслеты — 2 шт., бляхи — 42 шт. (из них 2 в обломках). По сведениям М. П. Грязнова (Грязнов 1956: 117–120), бляхи из могилы 15 (40 шт. и две в обломках) располагались на черепе умершей женщины и являлись нашивками для головного убора.

На БЕ-VI наличие украшений отмечается только в кургане № 1, где исследовано мужское (могила 1) и два женских (могилы 4, 5) по-

гребения. Найдены следующие предметы: серьга — 1 шт., бусины — 3 шт., пуговицы — 4 шт., бляхи — 1 шт. (Грязнов 1956: 147–148).

На памятнике БЕ-VII обнаружены одна серьга и две бусины в могиле 41 с захоронением ребенка, а также один наконечник ремня в мужском погребении (могила 78) (Грязнов 1956: 148–150).

В пункте БЕ-VIII исследовалась могила 3 в кургане № 2, где оказалось погребение ребенка с такими украшениями: подвеска — 1 шт., бляхи-подвески — 5 шт., бубенчики-подвески — 5 шт, раковины каури — 2 шт. (Грязнов 1956: 145–146).

При изучении могильника в пункте БЕ-XII украшения были обнаружены в могилах 1, 11 и 34. Все захоронения мужские. По одной гривне относятся к могилам 1 и 11, две бусины и бляха — к могиле 34 (Грязнов 1956: 101, 119–120).

Наибольшее количество украшений оказалось на памятнике БЕ-XIV. К мужским относятся могилы 31, 42, 45, а к женским — 17 и 49. Захоронения детей зафиксированы в могилах 7 и 34. Останки костей не были обнаружены в могилах 30 и 40. Среди находок имеются серьги (2 шт.), бусины (47 шт.), пронизка (1 шт.), подвески (2 шт.), застёжки (2 шт.), «обломок кольца или браслета» (1 шт.), бляхи (23 шт.) (из них 3 в обломках) (Грязнов 1956: 102–105).

Могильник Кудыргэ расположен в южной части одноименного урочища на правом берегу р. Чулышман. Памятник открыт А. Н. Глуховым в 1924 г. В том же году экспедицией Этнографического отдела Русского музея под руководством С. И. Руденко и при участии А. Н. Глухова проведены первые раскопки. В 1948 г. А. А. Гавриловой исследовался ряд погребальных и поминальных сооружений. Коллекции под номерами 2280, 4150 и 4389 поступили в Государственный Эрмитаж. Материалы опубликованы в монографии А. А. Гавриловой (Гаврилова 1965). Украшения были обнаружены в девяти могилах: шести мужских (2, 5, 9, 11, 12, 15) и двух женских (4, 13), пол погребенного из могилы 10 не определен. Общее количество сережек — 7 шт. В могиле 4 обнаружены колты (2 шт.) и бусины (14 шт.). Из могилы 15 происходит амулет из молочного зуба марала. По одному кольцу находилось у погребенных из могил 2 и 10, и пять колец — из могилы 12. Среди находок отмечены бляхи (15 шт.) и один наконечник ремня (Гаврилова 1965: 22–27).

Курганный могильник Сростки-I находится в Бийском районе Алтайского края. Впервые памятник был исследован в 1925 г. М. Д. Копытовым. Коллекции в Государственном Эрмитаже представлены

материалами раскопок М. Н. Комаровой (кол. № 4381) и С. М. Сергеева (кол. № 1285). Полевые дневники и большая часть находок опубликованы Д. Г. Савиновым (1998). Результаты исследования С. М. Сергеевым кургана № 2 представлены в монографии А. А. Гавриловой (Гаврилова 1965).

При подготовке данной статьи были рассмотрены материалы, полученные только в ходе работ С. М. Сергеева. Украшения обнаружены в курганах № 2 и 4. Половозрастная принадлежность человека, погребенного в кургане № 2, неизвестна. В кургане № 4 был найден скелет ребенка. Общее число предметов такое: бусины — 10 экз., бляхи — 128 экз., наконечники ремней — 17 экз. (Савинов 1998: 178; Гаврилова 1965: 69–70). Наиболее «богатым» на находки следует считать курган № 2, на который приходится 152 предмета украшений. К кургану № 4 относятся три стеклянные бусины.

Всего в Государственном Эрмитаже нами было рассмотрено 428 экз. раннесредневековых украшений. Среди наиболее часто встречающихся видов изделий отметим серьги, бусины и бляхи. Материалом для изготовления украшений чаще всего служили цветные металлы. Встречаются изделия из кости или рога. Для изготовления бус применялись стекло, мастика, камень.

Список литературы

- Гаврилова А. А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука.
- Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР.
- Савинов Д. Г. 1998. Сросткинский могильник (раскопки Н. М. Комаровой в 1925 г. и С. М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии 3, 175–190.

Погребение туюйхуньской принцессы и жужаньского генерала в г. Сиань: комплексный источник о межкультурных контактах эпохи раннего Средневековья

Гречишникова Д. К.

*Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Ключевые слова: *Сиань, Западная Вэй, принцесса Хуэйхуа, Тогон, жужани*

С ноября 2014 г. по июль 2015 г. проводились раскопки захоронения Западной Вэй (西魏) в 100 м к югу от деревни Гочжуанцунь в подрайоне Дачжао района Чаньянь, г. Сиань. Согласно найденной в погребении эпитафии, здесь были захоронены принцесса царства Тогон (Туюйхунь) (吐谷暉) Хуэйхуа (暉华公主) и жужаньский генерал Цифу Сяода (乞伏孝达). Принцесса Хуэйхуа принадлежала к государству Тогон (Туюйхунь), которое преимущественно населяли туюйхуни (吐谷暉) — одно из монголоязычных племен группы дунху, изучению истории и археологии которых уделяется большое внимание (краткий обзор см.: Ли Гохуа 2011; Илюшин 2023). Это важное археологическое открытие — ценный источник для изучения культуры Западной Вэй, туюйхуней и жужаней, который позволяет получить новые данные о контактах между различными этническими группами на территории Северного Китая в период раннего Средневековья. Цель работы — охарактеризовать информационный потенциал этого памятника как комплексного источника для исследования межкультурных контактов. Для этого предполагается решить следующие задачи: сделать подробное описание конструктивных особенностей погребения, настенных росписей и сопроводительного инвентаря, уделив особое внимание описанию глиняных фигурок; охарактеризовать эпиграфические материалы (плиты с эпитафиями). Описание погребения дается по опубликованному отчету о раскопках (Лю Дайюнь и др. 2019).

Гробница представляет собой двухкамерный склеп, вырезанный в грунте, с длинным наклонным дромосом и четырьмя воздухоходными шахтами («небесными колодцами»). Передняя погребальная камера почти квадратная, с нишей в восточной стене, задняя погребальная камера узкая и длинная. Погребальный инвентарь размещен в передней камере, а два гроба — в задней. Такая конструкция гробницы была

распространена во времена династии Северная Чжоу и относительно редко встречается при династии Западная Вэй. На верхней части передней камеры изображены Солнце, Луна и созвездие Большая Медведица, на восточной и западной боковых стенах нарисованы птицы и деревья.

Сопроводительный инвентарь в основном размещен под восточной стеной передней камеры и включает фигурки воинов, зверей-хранителей гробницы, лошадей в тяжелых доспехах, воинов со щитами, всадников, а также керамические и бронзовые изделия. Найдена 141 фигурка из глины и серой керамики, из числа которых наибольшего внимания заслуживают 4 фигурки зверей-хранителей. По форме выделяют два типа. К типу А относятся 2 фигурки. Одна — с человеческим лицом (рис. 1: 1), другая — с мордой животного (рис. 1: 2). Изначально они размещались у входа в нишу. Конечности фигурок согнуты, колени и локти касаются поверхности. К типу Б принадлежат еще 2 фигурки, найденные под восточной стеной передней камеры. У одной фигурки — морда животного с вытянутой шеей и поднятой головой, впалыми щеками и выступающей пастью (рис. 1: 4), у другой — человеческое лицо (рис. 1: 3). По форме близки к типу А.

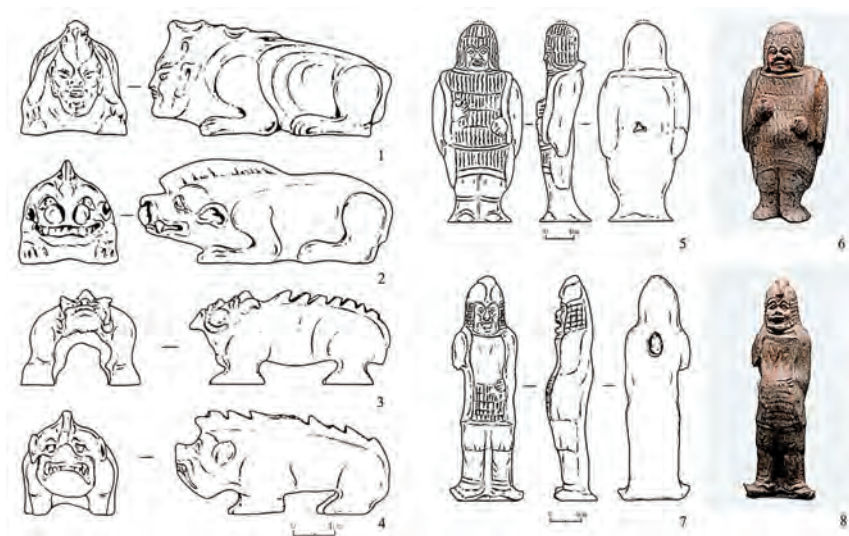

Рис. 1. 1–4 — фигурки зверей-хранителей: 1–2 — тип А; 3–4 — тип Б (по: Лю Дайюнь 2019: рис. 6); 5–8 — фигурки воинов: 5–6 — тип А; 7–8 — тип Б (по: Лю Дайюнь 2019: рис. 7, 8)

Также заслуживают особого внимания фигурки воинов. У них круглая плоская спина с отверстием посередине, туловище полое. В зависимости от одежды можно выделить два типа. Тип А — 2 фигурки (рис. 1: 5–6), которые вертикально стояли у входа в нишу, ноги вместе, ступни расставлены, шлем закрывает уши и шею; лицо квадратное, с выпуклыми скулами, впалыми щеками, широкими и изогнутыми бровями, глаза открыты. Все тело изначально выкрашено в белый цвет, а лицо, руки и предметы одежды были выкрашены красным. Общая высота 26,5 см. Тип Б — 1 фигурка (рис. 1: 7–8) в северо-восточном углу передней камеры. Фигурка стоит вертикально, ноги расставлены, шлем закрывает уши и шею. Правая рука статуэтки утрачена, левая опущена вниз, локоть спрятан под халатом, пять пальцев левой руки сложены на животе. Все тело расписано белой краской, высота 28 см.

В гробнице были обнаружены две каменные плиты с текстами эпитафий: одна у входа в переднюю камеру, другая — у входа в небольшую нишу. Надпись сохранилась лишь на одной из них — это эпитафия, выгравированная стилем кайшу (楷书), посвященная принцессе Хуэйхуа, четвертой дочери правителя Тогона Мужун Фуляньчоу (Минъюань-вана). Ее муж, Цифу Сяода, сначала служил чиновником в Тогоне, был высоко оценен правителем, и ему разрешили жениться на принцессе. На седьмом году правления под девизом Датун (大統) династии Западная Вэй (541 г.) принцесса умерла в Чанъане и была похоронена в Сяолинъюань уезда Шаньбэй (葬于山北县小陵原). Судя по содержанию эпитафии принцессы Хуэйхуа, можно сделать вывод, что Цифу Сяода был похоронен позже. Поскольку текст эпитафии Цифу Сяода не сохранился, точная дата его погребения не известна, однако на основании характеристик сопроводительного инвентаря авторы раскопок предполагают, что это могло произойти не ранее начала правления династии Северная Чжоу.

Это погребение является первой гробницей, связанной с представителями элиты государства Тогон, обнаруженной в г. Сиань. Содержание найденной эпитафии отражает отношения между Тогоном, жужанями и династией Западная Вэй. Лю Дайюнь, руководитель отдела изучения династий Суи и Тан Провинциального института археологии Шэньси, на основании информации о захоронениях пришла к выводу, что принцесса Хуэйхуа — тетья жены императора Западного Вэй Юань Баоцзюй, а ее сестра — жена кагана Жужаньского каганата. Это наблюдение показывает тесные связи между туюйхунами и жужанями.

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 22-78-10121).

Список литературы

- Илюшин Б. А. 2023. История Тогона (кукунорских сяньбийцев Тууюхунь). Новосибирск: ИПЦ НГУ.
- Ли Гоуа 2011. Тууюхунь ицуньдэ каогусюэ таньсо [李国华. 吐谷浑遗存的考古学探索: 硕士论文 / 人民大学]. Археологическое исследование памятников тууюхуней: магистерская диссертация. Пекин (на кит. яз.).
- Лю Дайюнь, Чжао Чжаньжуй, Чэн Сюй, Ши Сяоцунь, Ху Сяо, Чжао Ханьцин. 2019. Шаньси сиань сивэй тууюхунь гунчжу юй жужжу дацзянцзюнь хэцзан фацзюэ цзяньбао [刘呆运、赵占锐、程旭、师小群、呼啸、赵汗青. 陕西西安西魏吐谷浑公主与茹茹大将军合葬墓发掘简报 // 考古与文物]. Краткий отчет о раскопках гробницы принцессы Тогона и жу-жаньского генерала династии Западная Вэй в Сиане, пров. Шэньси // Каогу юй вэньу (Археология и памятники материальной культуры 4), 36–60. (на кит. яз.).

Производство железа на террасе северо-восточной части Центрального селища Гнездовского археологического комплекса: предварительная реконструкция

Зленко Е. Ю.

Институт археологии РАН

Ключевые слова: *Гнездовский археологический комплекс, археологические шлаки, черная металлургия*

Гнездовский археологический комплекс расположен примерно в 12–13 км западнее г. Смоленска при впадении рек Ольшанка и Свинец по обоим берегам Днепра и датируется эпохой викингов и периодом становления Древнерусского государства (VIII–IX – началом XI в.) (Новиков 2021: 22). Комплекс включает в себя несколько памятников, одним из которых является Центральное селище, расположенное в пойменной и на террасной частях правого берега реки Днепр.

Металлургическому производству Гнездова посвящено множество работ и исследований. Благодаря систематическому изучению памятника накоплена обширная коллекция украшений и других находок, подтверждающих наличие ювелирного производства в пойменной части поселения. Однако вопросы, связанные с производством железа на памятнике, остаются актуальными.

Несмотря на то, что исследователи предпринимали попытки рассмотреть отдельные предметы, комплексного исследования железнорудного производства на территории Центрального селища не проводилось (Пушкина, Розанова 1992: 204). В связи с этим возникает необходимость в обобщении результатов для предварительной реконструкции металлургических процессов.

За период полевых работ 2018–2022 гг. в северо-восточной части Центрального селища было вскрыто около 419 м². За все время исследований было найдено 17 шлаков, 1 крица, 2 кузнечные заготовки и 1 металлическая оплавка. Обнаруженный кузнечный инструментарий был представлен различными находками в составе кузнечно-ювелирной мастерской пойменной части, но в северо-восточной части селища инструментарий обнаружен не был (Ениосова 2021: 101, 106). В рамках изучения мастерской (128 м²) были найдены шлаки и фрагменты ошлакованных горнов (Мурашева и др. 2007: 33–35). Однако в сравнении с производственными комплексами на других территориях, где

были обнаружены многочисленные производственные отходы, полуфабрикаты и готовые кузнечные изделия, количество материала даже в рамках мастерской в разы меньше (Курбатов 2018: 239–241). За пять лет исследований на территории северо-восточной части Центрального селища не было найдено зон скопления металлургического материала, которые позволяли бы говорить о масштабе производства черного металла.

Интересен и характер самих шлаков, найденных в Гнездове. Существует два типа шлаков: плавильные и кузнечные (McDonnell 1983: 81–83). Первые являются индикатором железоделательного производства, вторые связаны с металлообрабатывающими операциями. Все 17 шлаков, взятые из раскопов Центрального селища, относятся к кузнечным, равно как и шлаки из производственного комплекса пойменной части (Рузанова, Кодиров 2021: 339). Это дает основания предполагать, что преобладающим направлением в Гнездове была именно металлообработка. При этом по-прежнему возникает вопрос об объемах металлургии, так как существование местного производства у исследователей не вызывает сомнений (Рузанова, Кодиров 2021: 341).

Необходимо отметить, что проведенный химический анализ руды с Ольшанского селища показал невысокий процент содержания железа (19–22%). Также сотрудниками СОГБУКа «Историко-археологический и природный музей-заповедник “Гнездово”» и Клуба исторической реконструкции «Истоки» под руководством П. О. Сивикова в 2021 г. были проведены эксперименты по моделированию сыродутного процесса на местной руде, с целью получения крицы. Эксперименты проводились неоднократно, однако полученное количество железа было незначительным (общий вес не более 5 г), что не позволило использовать данный металл для дальнейшей обработки. Такое небольшое содержание оксидов железа в руде с Ольшанского селища является показателем ее непригодности для выплавки. В связи с этим возникает необходимость в поиске сырьевых источников в ближайшей округе.

На основании всего вышесказанного складывается впечатление, что черная металлургия на территории памятника носила спорадический характер. Объем находок, их концентрация и отсутствие зон плавильных шлаков и других отходов производства на данный момент времени не позволяют говорить о больших масштабах металлургического производства. Для дальнейших исследований необходимо изучить ближайшие источники руды, что в сочетании с химико-физическими

исследованиями шлаков и экспериментальным моделированием процессов позволит приблизиться к максимально полной реконструкции черной металлургии на территории Гнездова.

Список литературы

- Ениосова Н. В. 2021. Кузнечные Инструменты Гнездовских Ювелиров // Ениосова Н. В. (ред.). Гнездовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2 (Труды ГИМ 215). М.: Изд-во ГИМ, 100–115.
- Курбатов А. В. 2018. Ремесло в раннесредневековой Ладоге // Платонова Н. И., Лапшин В. А. (ред.). Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: Невская Книжная Типография, 235–283.
- Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А. 2007. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Мурашева В. В. (ред.). Гнездово. Результаты комплексного исследования памятника. М.: Альфарет, 31–77.
- Новиков В. В. 2021. Природно-ландшафтная характеристика территории археологического комплекса и особенности ее изучения современными неинвазивными методами // Новиков В. В. (ред.). Гнездовский археологический комплекс. Исторический ландшафт, картография, современные методы исследования. М.: Фонд «Таволга», 9–22.
- Пушкина Т. А., Розанова Л. С. 1992. Кузнечные изделия из Гнездова // РА 2, 201–220.
- Рузанова С. А., Кодиров У. Ш. 2021. Археометрическое исследование шлаков, фрагментов горнов и сырья, найденных на территории производственного комплекса в пойменной части поселения Гнездова // Ениосова Н. В. (ред.). Гнездовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2 (Труды ГИМ 215). М.: Изд-во ГИМ, 315–381.
- McDonnell J. G. 1983. Tap slags and hearth bottoms or how to identify slags // Current archaeology 86, 81–83.

Торгово-весовой инструментарий Роданова городища

Кузнецов В.Е.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Ключевые слова: *Пермское Предуралье, родановская культура, Роданово городище, торгово-весовой инструментарий, Средневековье*

Роданово городище расположено в Юсьвинском районе Пермского края. Несмотря на то, что сведения о городище появляются уже в XVIII в., раскопки на памятнике начали проводиться только в 30-х гг. XX в. под руководством Ф. В. Шмидта, А. В. Прокошева и М. В. Талицкого. Именно тогда по имени памятника была названа родановская археологическая культура (конец XI – XIV в.), а по материалам памятника дана ее характеристика (Талицкий 1951). Систематические полевые исследования на памятнике возобновились только в 2016 г. под руководством А. Н. Сарапулова и в 2023 г. были полностью завершены. В связи с этим анализ и систематизация материала, обнаруженного на памятнике, представляет собой актуальную задачу. Одной из выразительных категорий находок памятника являются изделия, относящиеся к торгово-весовому инструментарию. Наиболее массовые среди них – гирьки, представленные разными формами.

Шайбовидные гирьки (19 шт.) (рис. 1: 2–19) изготовлены из железа и представляют собой цилиндр высотой 3–6 мм. Большинство изделий имеют отверстия в центре (рис. 1: 6–14), в меньшем количестве представлены спиралевидные гирьки (изделия изготовлены из скрученного в спираль прута) (рис. 1: 15–19). Предположение, что спиралевидные гирьки являются заготовками к шайбовидным, не имеет никаких оснований. Скорее всего, это отдельный тип, либо все шайбовидные гирьки являются спиралевидными, но из-за высокой степени коррозии сказать точно не представляется возможным. Диаметр изделий – 21–25 мм и 12–15 мм. Вес – до 21 г, но наиболее часто встречаются гирьки в диапазоне 8–12 г (табл. 1).

Аналогичные изделия были обнаружены в материалах поселенческих памятников Пермского Предуралья X–XIV вв. (Крыласова 2019: 78). Подобные предметы известны и в материалах X–XIII вв. соседних территорий (например, Удмуртского Предуралья, Волжской Булгарии и т. д.) (Валеев 2011: 396).

Кубические гирьки (12 шт.) (рис. 1: 20–31) изготовлены из железа. Большинство изделий имеют стороны от 13 до 16 мм и вес от 3 до 25 г, за исключением одной находки, имеющей длину стороны 27 мм и вес 137 г.

Рис. 1. Железные гирьки Роданова городища

Аналогичные предметы также были обнаружены в материалах X–XIV вв. поселенческих памятников Пермского Предуралья (Крыласова 2021: 178–179). На соседних территориях они в массовом количестве встречены в материалах X–XIII вв. памятников Волжской Булгарии (Валеев 2011: 392).

В одном экземпляре обнаружена гирька сферической или бочонковидной формы (рис. 1: 1), состоящая из железного ядра, заключенного в оболочку из медного сплава. На плоских сторонах гирьки нанесено по пять глазков, а ее вес составляет 97,4 г. Данный тип гирек был распространен на территории Древней Руси в третьей четверти IX – XIII в., где глазки символизировали кратность веса (Жуковский 2019: 86).

Изделием, связанным с торгово-весовым инструментарием, является **чаша от весов**, представляющая собой полусферическую чашу с четырьмя (?) отверстиями (Талицкий 1951: 50–53). Аналогичные

фрагменты, сделанные из меди, были обнаруженные на Рождественском городище. Большое количество подобных предметов было найдено в Волжской Булгарии (Белавин, Крыласова 2008: 491).

Таким образом, большинство изделий представлено разного рода разновесами, в меньшем количестве — элементами весов. Важно отметить, что практически все описанные изделия были обнаружены в пределах литейных и ювелирных мастерских. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что они играли важную роль преимущественно в производственном процессе (например, при взвешивании порций металла), в меньшей степени в обменно-торговых операциях. Об этом также может косвенно свидетельствовать отсутствие тяжеловесных гирек, нахождение слитков из драгоценных и легкоплавких сплавов. С другой стороны, соотношение гирек по кратности с болгарскими стандартами веса может говорить о включенности прикамского населения в единую торговую систему с булгарами.

Таблица 1. Слитки и разновесы Роданова городища

№ на рисунке	Год раскопок	Состав	Тип	Состояние	Вес (г)	Возможные соотношения с различными весовыми единицами												
						Мискаль 4,26	25 мискалей в 4,26–106 г	Мискаль 4,68 г	Мискаль 4,095 г	Иракский рагль 409,512 г	Дирхем ~ 3,38 г	Дирхем ~ 2,96 г	Дирхем ~ 2,82 г	Даник 0,71 г	Кираг 0,176 г			
1	2018	ЖЛ	СФ	Отл.	97,4		1:1											
2	2018	Ж	Ш	Хор.	12,37	3:1				1:33		4:1						
3	2020	Ж	Ш	Плох.	11,34	2,5:1	1:9						4:1					
4	2020	Ж	Ш	Плох.	8,47	2:1			2:1				3:1					
5	2023	Ж	Ш	Плох.	21,82	5:1	1:5								30:1	124:1		
6	2016	Ж	ШО	Плох.	6,98		1:15					2:1			10:1			
7	2017	Ж	ШО	Плох.	10,48		~ 1:10		2,5:1	1:39	3:1				15:1			
8	2017	Ж	ШО	Хор.	12,04		1:11		3:1		3,5:1	4:1			17:1			
9	2018	Ж	ШО	Плох.	7,77										11:1	44:1		
10	2018	Ж	ШО	Плох.	5,48		1:19						2:1					
11	2018	Ж	ШО	Плох.	11,00		1:10	2:1					4:1					
12	2020	Ж	ШО	Плох.	14,32			3:1					5:1	20:1				
13	2020	Ж	ШО	Плох.	7,15		1:15							10:1				
14	2023	Ж	ШО	Плох.	8,36	2:1			2:1				3:1					
15	2019	Ж	ШС	Плох.	10,48	2,5:1	~ 1:10		2,5:1	1:39	3:1			15:1				

16	2020	Ж	ШС	Плох	9,71		1:11	2:1									
17	2021 (ПМ)	Ж	ШС	Плох	6,89		1:15										
18	2021	Ж	ШС	Плох	8,44	2:1			2:1					3:1			
19	2023	Ж	ШС	Хор.	14,84		1:7	3:1					5:1	21:1			
20	2019	Ж	К	Хор	26,93	~ 6:1	1:7			1:15		9:1					
21	2019	Ж	К	Плох.	13,54	3:1				1:30	4:1						77:1
22	2019	Ж	К	Плох.	13,68	3:1				1:30	4:1						77:1
23	2019	Ж	К	Плох.	14,40			3:1					5:1	20:1			
24	2020	Ж	К	Плох.	8,15	2:1				1:50			3:1				
25	2020	Ж	К	Плох.	5,71	1:1									8:1		
26	2020	Ж	К	Плох.	3,45		1:30				1:1						
27	2021	Ж	К	Хор	137,72	32:1				1:3	40:1						
28	2021	Ж	К	Плох	5,67										2:1		
29	2023	Ж	К	Плох.	4,91	1:1		1:1							7:1		
30	2023	Ж	К	Хор.	24,72			5:1	6:1								
31	2023	Ж	К	Плох.	2,98							1:1	1:1				4:1

Примечание. Ж – железо; ЖЛ – железное ядро и латунная оболочка; Ш – шайбовидный; ШО – шайбовидный с отверстием; ШС – шайбовидная в виде спирали; К – кубический; ПМ – подъемный материал

Список литературы

- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. 2008. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ.
- Валеев Р. М. 2011. Торговля в Поволжье и Приуралье в IX – начале XV веков: дис. ... д-ра ист. наук. Казань.
- Жуковский М. О. 2019. Инструмента для малых взвешиваний Древней Руси (IX–XIII вв.): дис. ... канд. ист. наук. М.
- Крыласова Н. Б. 2019. Слитки и разновесы Пермского Предуралья как источник для изучения средневековых мер веса // Поволжская археология 4, 68–80.
- Крыласова Н. Б. 2021. Мастерская болгарского ремесленника–медника на Рождественском городище в Пермском крае // Археология евразийских степей 3, 169–186.
- Розенфельдт Р. Л. 1964. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА 4, 220–224.
- Талицкий М. В. 1951. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА 22, 33–96.

Археологические памятники долины реки Холок

Ляпунова Т.П.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Ключевые слова: река Холок, река Плотва, селище, археологическая культура, 2007 год

Осенью 2007 г. археологическим отрядом раннесредневековой экспедиции исторического факультета Белгородского государственного университета осуществлялись исследования в Новооскольском районе Белгородской области в пределах р. Холок (приток реки Северский Донец) и его правого притока — р. Плотва.

На момент проведения раскопок было известно о существовании 23 памятников на территории д. Елецкая, х. Холки, г. Новый Оскол. Археологическое обследование данных рек проводилось впервые и дало свои результаты. Работы в этом районе в основном были связаны с изучением долины Оскола С. А. Плетневой и А. Г. Николаенко (Николаенко 1980, 1983; Плетнева 1958).

В результате проведенных исследований, помимо 23 уже зафиксированных памятников, было выявлено еще 14: 12 селищ, 1 курганный группа и местонахождение археологических предметов, относящихся к различным археологическим культурам (табл. 1).

В трех селищах обнаружены находки, относящиеся сразу к нескольким археологическим культурам. На Селище-1 у с. Татьяновка найдено 47 фрагментов керамики, а также один морфологически не выраженный обломок черного мелового кремня, имеющиеся данные не позволяют провести его культурно-хронологическую атрибуцию. Вероятно, селище является многослойным, обнаруженные фрагменты керамики можно отнести к эпохам неолита, бронзового века (срубная культура), раннего железного века (киевская культура) и позднерусскому времени (Шляхтин 2007).

Селище-1 у с. Киселевка, судя по распространению подъемного материала, имеет размеры 100×70 м. Памятник относится к бронзовому веку (катакомбная культура), раннему железному веку (киевская культура) и древнерусскому времени X–XIV вв.

Селище-2 у с. Киселевка имеет размер 150×100 м и высоту 9–10 м над уровнем реки. На нем представлен раннеславянский и древнерусский материал: И. В. Шляхтин выявил 67 фрагментов керамики

и 1 кремень со следами антропогенного воздействия, культурно-хронологическая атрибуция которого затруднена (Шляхтин 2007: 26).

Несколько поселений относятся только к киевской культуре (ранний железный век): селище-1 у с. Покрово-Михайловка, селища-3 и 4 у с. Великомихайловка, местонахождение у с. Великомихайловка, селища-1, 2, 3 у с. Красная Каменка. Селище-1 у с. Покрово-Михайловка расположено на склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Холок. Высота над уровнем реки — 2–3 м. Исходя из распространения подъемного материала, размеры селища составляют 210×120 м.

Селище-3 у с. Великомихайловка имеет высоту над уровнем реки 4–5 м и расположено недалеко от селища-1 у с. Покрово-Михайловка. Оно имеет размеры 220×80 м.

Селище-4 у с. Великомихайловка имеет высоту 3–4 м над уровнем реки и расположено на одной надпойменной террасе с селищем-3. Его размеры — 150×100 м, исходя из распространения подъемного материала.

Селища-1, 2, 3 у с. Красная Каменка расположены на склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Холок. Высота над уровнем реки 2–3 м. Все три селища имеют размеры 100×80 м.

Селища-1 и 2 у с. Великомихайловка относятся к срубной культуре (эпоха поздней бронзы). Оба селища расположены на первой надпойменной террасе левого берега р. Холок. Селище-1 имеет размеры 320×120 м, у второго размеры меньше — всего 120×100 м.

Селище-1 у с. Подвислое, расположенное в пойме правого берега р. Холок, отличается от остальных памятников и датируется ранним железным веком (поздnezарубинецкая культура). Само селище имеет размеры 120×60 м.

Особняком от всех стоит курганная группа-1 у с. Богородское. Раскопки курганной группы не проводились, поэтому выяснить культурную принадлежность оказалось невозможно. Группа состоит из двух курганов: курган 1 имеет сферическую насыпь, округлую в плане, диаметром 44 м и высотой 1,2 м, курган 2 тоже имеет сферическую насыпь и округлую форму, длина кургана — 41 м, ширина — 47 м, высота — 0,7 м. Курган № 2 частично уничтожен поздним перекопом и завален бытовыми отходами (Шляхтин 2007: 14).

В результате сплошного обследования поймы и первой надпойменной террасы р. Холок и Плотва были выявлены и нанесены на географические карты новые археологические объекты. В ходе работ выявлено 14 археологических памятников: 12 селищ, 1 курганная группа

и местонахождение археологических предметов, которые относились к разным эпохам. Среди них представлены как однослойные (селище-1 у с. Покрово-Михайловка, селища-1, 2, 3, 4 у с. Великомихайловка, местонахождение археологических предметов-1 у с. Великомихайловка, селища-1, 2, 3 у с. Красная Каменка, селище-1 у с. Подвислое), так и многослойные памятники (селище-1 у с. Татьянавка, селища-1 и 2 у с. Киселевка).

Таблица 1. Культурная атрибуция керамического материала, выявленного в процессе разведки на р. Холок

Название памятника	Неолит	Бронзовый век			РЖВ	
	Стенка	Вежчик	Стенка	Донце	Вежчик	Стенка
Селище-1 у с. Татьянавка	1	–	15	1	1	9
Селище-1 у с. Покрово-Михайловка	–	–	–	–	3	26
Селище-1 у с. Великомихайловка	–	6	16	2	–	–
Селище-2 у с. Великомихайловка	–	4	25	4	–	–
Селище-3 у с. Великомихайловка	–	–	–	–	3	20
Селище-4 у с. Великомихайловка	–	–	–	–	4	14
Курганная группа-1 у с. Богородское	–	–	–	–	–	–
Местонахождение археологических предметов-1 у с. Великомихайловка	–	–	–	–	1	8
Селище-1 у с. Красная Каменка	–	–	–	–	5	42
Селище-2 у с. Красная Каменка	–	–	–	–	–	17
Селище-3 у с. Красная Каменка	–	–	–	–	–	14
Селище-1 у с. Подвислое	–	–	–	–	1	30
Селище-1 у с. Киселевка	–	1	25	1	2	16
Селище-2 у с. Киселевка	–	–	–	–	–	–

Из 13 поселенческих памятников 12 занимают первую надпойменную террасу, одно расположено в высокой пойме. Курганная группа находится на водоразделе, что типично для подобного рода памятников региона. Культурно-хронологическая атрибуция памятников позволяет говорить о наличии постоянного населения долины Холка в эпоху поздней бронзы, в I–V вв. н. э. и древнерусское время. Не были выявлены материалы скифского времени и раннего Средневековья

(салтово-маяцкая культура), памятники которых широко представлены на близлежащих территориях. Можно предположить, что данная ситуация обусловлена различиями в природно-климатической и ландшафтной ситуации в микрорегионе, делавшими его более или менее пригодным для постоянного проживания.

Список литературы

- Николаенко А. Г. 1980. Отчет о разведках в Волоконовском районе Белгородской области в 1980 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7907.
- Николаенко А. Г. 1983. Отчет к Открытому листу № 51 за 1983 год // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10016.
- Плетнева С. А. 1958. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции в 1958 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1742.
- Шляхтин И. В. 2007. Отчет о разведочных работах на территории Новооскольского района Белгородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8303.

Вариативность процессов разрушения жилищ Краскинского городища

Мальшев А. С.

*Дальневосточный федеральный университет,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Ключевые слова: *Средневековье, государство Бохай (698–926 гг.), домохозяйства, разрушение жилищ, полуземлянки, наземные дома*

Краскинское городище расположено в юго-западной части Приморского края, в приустьевой правобережной части р. Цукановки, в 400 м от берега бухты Экспедиции. Памятник датируется эпохой государства Бохай (698–926 гг.) и являлся центром округа Яньчжоу. Отсюда начиналась морская дорога в Японию (Асташенкова и др. 2018: 82). Согласно археологическим и летописным данным, климат в бохайское время был несколько теплее, чем сейчас. И, вероятно, из-за более высокого уровня моря, городище находилось намного ближе к берегу. Городище имеет крепостной вал, который появился на позднем этапе существования города, а ранее представлял собой стену из каменных блоков. Изначально Краскинское городище являлось укрепленным поселением и стены не имело (Гельман 2023).

Исследования на памятнике ведутся систематически с 1980 г. (Гельман и др. 2018: 181). На памятнике изучались оборонительные сооружения, храм и жилые кварталы. На территории последних выделено на разных участках от пяти до шести строительных горизонтов. Строительный горизонт определяется как совокупность относительно синхронных объектов на памятнике. На городище обнаружены остатки 30 жилищ. Они подразделяются на полуземлянки и наземные дома. Полуземлянки распространены в нижних горизонтах и относятся к раннему периоду существования памятника. Они представляли собой жилые постройки каркасно-столбовой конструкции с котлованом около 40 см глубиной. Наземные дома имели котлован около 20 см и отапливались с помощью кана. Кан — отопительная система, имевшая распространение на территории Северо-Восточного Китая, Кореи и Приморья начиная с раннего железного века. Это каменная конструкция I-, Г- или П-образной формы. Горячий воздух от очага, расположенного в жилище рядом с каном, проходил через дымоход-

ные каналы, уложенные камнем снаружи и расположенные вдоль стен жилища.

В процессе функционирования жилищ в литературе выделяют два сценария, при котором оно может перестать быть обитаемым. Строеение может быть покинуто намеренно или внезапно (planned and unplanned abandonment) (Brooks et al. 1993). Первое предполагает, что жители оставили дом из-за его износа, переезда в другие места и по иным причинам. Второй сценарий может быть вызван стихийным бедствием, нападением и другими чрезвычайными обстоятельствами. От того, при каких обстоятельствах жилище было покинуто, зависит сохранность артефактов и экофактов внутри.

После того, как жители перестали использовать дом, он начинает разрушаться. Если его покинули быстро, то внутри сохраняется больше целых артефактов, и их расположение с большей вероятностью будет соответствовать местам хранения и использования. Когда жилище оставили намеренно, все ценные вещи оттуда забирают. Также строение может сгореть или быть затопленным. На пожар указывают насыщенность заполнения жилища углями и сгоревшие остатки деревянных конструкций, завалившихся при пожаре внутрь строения. Также на это может указывать малое количество или полное отсутствие глиняной обмазки. При сгорании жилища сохраняется всего 1% от ее общего количества (Bankoff, Winter 1979). Наличие в заполнении прослоек песка и ила свидетельствует о воздействии воды на конструкцию.

Таблица 1. Разрушение жилищ на Краскинском городище

Характер разрушения жилища	Доля от общего количества жилищ, %
Заброшено	69,23
Заброшено и сгорело	23,07
Заброшено и пострадало от подтопления	7,69

Для 26 из 30 жилищ Краскинского городища удалось определить сценарий покидания, данные отражены в табл. 1 и 2. Все жилища были оставлены обитателями намеренно и постепенно разрушались. Это означает, что изученная часть памятника не подвергалась нападениям и стихийным бедствиям. Жители оставляли ветшающие жилища и переселялись в новые, забирая с собой большую часть имущества. Возможно, эти выводы можно перенести и на все Краскинское городище.

В процессе разрушения часть жилищ подверглась действию огня от пожаров и длительному действию воды, что может указывать на подтопления. Обращает на себя внимание то, что в верхнем строительном горизонте не найдено сгоревших жилищ. Кроме того, подтопленные постройки зафиксированы только в третьем строительном горизонте. Возможно, что на позднем этапе в городе масштабы пожаров были невелики. И в период, соответствующий третьему горизонту, памятник испытал воздействие сильного наводнения. Все эти сведения детализируют историю Краскинского городища.

Таблица 2. Разрушение жилищ по строительным горизонтам

Строительный горизонт / характер разрушения жилища	Верхний	Второй	Третий	Четвертый	Нижний
Заброшено	5	5	5	2	1
Заброшено и сгорело	нет	1	1	2	2
Заброшено и испытало воздействие наводнений	нет	нет	2	нет	нет

Список литературы

- Асташенкова Е. В., Бакшеева С. Е., Гельман Е. И., Гридасова И. В., Ивлиев А. Л., Ключев Н. А., Крадин Н. Н., Пискарева Я. Е., Прокопец С. Д., Сергушева Е. А. Города средневековых империй Дальнего Востока. 2018. М.: ИВЛ.
- Гельман Е. И. 2023. Стратиграфия, хронология и периодизация Краскинского // Археология Евразийских степей 1, 25–38.
- Гельман Е. И., Асташенкова Е. В., Пискарева Я. И., Ким Ын-Гук, Чжун Сук-Бэ 2018. Археологические исследования Российско-корейской археологической экспедиции на Краскинском городище в Российском Приморье в 2018 году. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, ИИАЭ ДВО РАН.
- Bankoff H. A., Winter F. A. 1979. House-Burning in Serbia // Archaeology 32, 8–14.
- Brooks R. L., Cameron C. M., Tomka S. A. 1993. Household Abandonment Among Sedentary Plains Societies: Behavioral Sequences and Consequences in the Interpretation of the Archaeological Record // Cameron C. M., Tomka S. A. (eds.). Abandonment of Settlements and Regions: Ethnoarchaeological and Archaeological Approaches. Cambridge: Cambridge University Press, 178–187.

Рыболовство средневекового населения Рождественского городища в Пермском крае

Мальцев В. С.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет*

Ключевые слова: *рыболовство, Средневековье, орудия рыболовства, Рождественское городище, Рождественский могильник*

Рождественское городище расположено на коренном левом берегу р. Обва, правого притока р. Кама, в 1300–1900 м к юго-западу от центральной части с. Рождественск Карагайского района Пермского края. В 1985, 1990–1993 гг. городище исследовалось А. М. Белавиным. В 1997, 2008–2012, 2014–2022 гг. — Н. Б. Крыласовой. Городище датируется концом IX — серединой XIV в. Вскрытая площадь памятника — 5326 м² (Крыласова 2023а: 10–11).

Восточнее от Рождественского городища расположен Рождественский языческий могильник, функционировавший одновременно с городищем. Памятник исследовался Н. Б. Крыласовой в 1990–1993, 1997, 2008–2012, 2014–2022 гг. Было вскрыто 2502 м² и изучено 426 погребений (Крыласова 2023б: 11–12).

Предметы рыболовства населения Рождественского городища представлены рыболовными крючками, острогами, гарпуном, багром, одношипными наконечниками стрел, также встречены лодочные заклепки.

Группа 1 — рыболовные крючки (39 экз.).

Все разнообразие данной группы рыболовных предметов представлено как крючками близкого к современным видам — с жалом и петель, так и крючками без жала и петли. Большинство крючков железные, только один бронзовый (рис. 1: 4). Крючки из бронзы редки для Пермского Предуралья.

Все крючки можно разделить на два типа, согласно классификации А. В. Кузы (Куза 2016: 56).

Тип 1 — крючки для лова на удочку (радиус изгиба до 1 см) (21 экз.) (рис. 1: 1–20).

Крючки данного типа, за исключением одного экземпляра с Рождественского могильника (рис. 1: 44), были найдены на городище. Их длина — 1,5–5 см.

Тип 2 — крючки для лова на прочие приспособления (радиус изгиба свыше 1 см) (18 экз.) (рис. 1: 21–31).

Длина крючков — 4–17,5 см. На могильнике были найдены большие массивные экземпляры (рис. 1: 42–43, 45–49), из них выделяются два крючка на железной цепочке, вероятно, являющихся частью самолова на крупную рыбу. Такой же крючок был обнаружен на Купроском городище (Сарапулов 2018: 321).

Значительные размеры крючков свидетельствуют о том, что они применялись для ловли крупной рыбы, что подтверждается анализом костей с городища, среди которых преобладает осетр (Белавин, Крыласова 2008: 259).

Группа 2 — остроги (3 экз.).

В Пермском Предуралье известны средневековые железные наконечники острог двух типов: двузубые и составные (Белавин 2016: 45).

Тип 1 — двузубая острога (рис. 1: 35).

Наконечник двузубой остроги с обломанными зубьями длиной 10 см.

Тип 2 — составные остроги (2 экз.) (рис. 1: 51–52).

Длина наибольшей остроги — 18 см. Одна острога имеет два шипа (рис. 1: 51), что является редкостью. Аналогичная составная острога с двумя шипами найдена на Саломатовском городище (Белавин, Крыласова 2017: рис. 51).

Группа 3 — гарпун (рис. 1: 50).

Железный одношипный наконечник гарпуна длиной 14 см.

Группа 4 — багор (рис. 1: 36).

Железный наконечник багра длиной 9 см представляет собой толстую пластину прямоугольного сечения, разделяющуюся на два острых шипа круглого сечения, один из которых дугообразно отогнут (Белавин, Крыласова 2008: 259).

Группа 5 — одношипные наконечники стрел (5 экз.).

Одношипные наконечники стрел могли служить для лова рыбы (Сарапулов 2018: 321).

Тип 1 — костяной одношипный наконечник стрелы (рис. 1: 37).

Черешковый костяной одношипный наконечник стрелы длиной 10 см.

Тип 2 — железные одношипные наконечники стрел (4 экз.) (рис. 1: 38–41).

Черешковые железные одношипные наконечники стрел длиной 5–9 см.

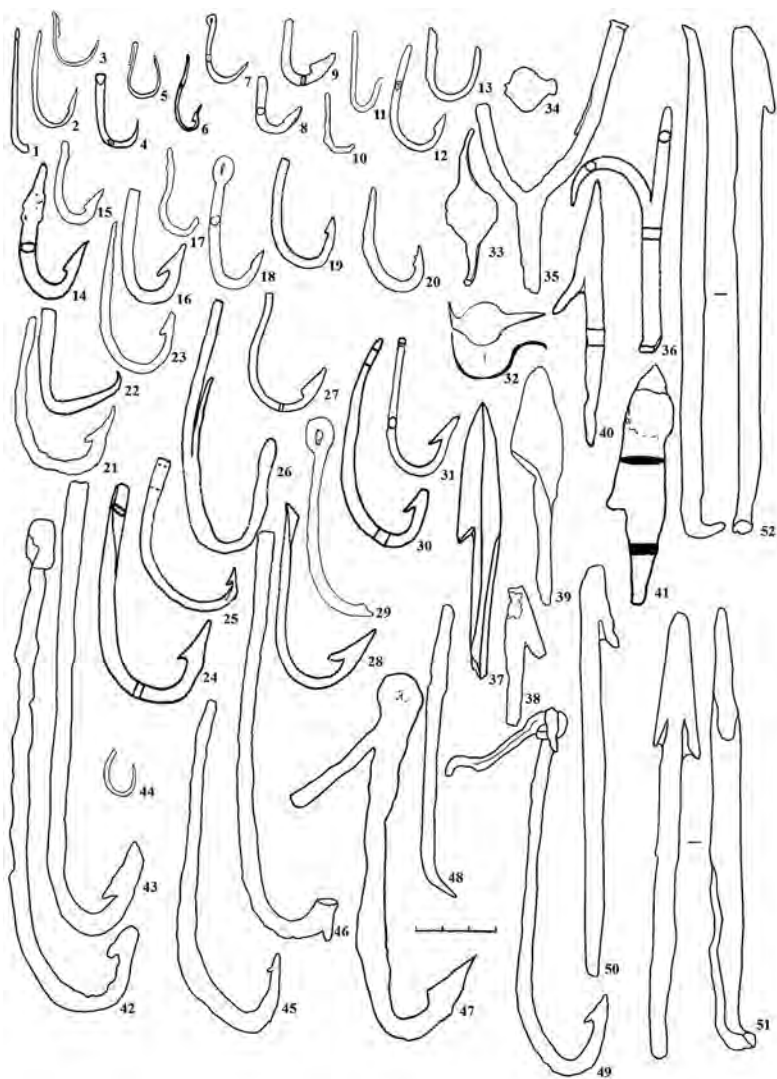

Рис. 1. Рыболовный инвентарь Рождественского городища: 1–20 – рыболовные крючки для удочек; 21–31 – рыболовные крючки для прочих приспособлений; 32–34 – лодочные заклепки; 35 – двузубая острога; 36 – багор; 37–41 – одношпильные наконечники стрел. Рыболовный инвентарь Рождественского могильника: 44 – рыболовный крючок для удочки; 42–43, 45–49 – рыболовные крючки для прочих приспособлений; 50 – гарпун; 51–52 – составные остроги.

4 – бронза; 37 – кость, остальное – железо. 2–9, 12, 14, 16, 18–22, 24–26, 28–32, 36–37, 40–41, 44 – прорисовки Н. Б. Крыласовой

Также на Рождественском городище были найдены лодочные заклепки (3 экз.) (рис. 1: 32–34), свидетельствующие об использовании населением долбленых лодок. Заклепки предназначались для зашивки трещин и швов. Они встречаются на многих средневековых поселениях Пермского Предуралья (Анюшкар, Роданово городище, Чашкинское II, Калинское селище и др.) (Сарапулов 2018: 321).

Лодки могли использовать не только как транспорт, но и как средство для рыболовства.

Таким образом, население Рождественского городища использовало для рыбной ловли крючковые снасти: удочки и самоловы; колющие орудия: остроги, гарпуны, багры и, вероятно, лук со стрелами из одношипных наконечников. Также можно предполагать, что рыбная ловля происходила при помощи лодок-долбленок.

Список литературы

- Белавин А. М. 2016. Рыбная ловля в Прикамье в древности и средние века // Вестник Пермского научного центра УрО РАН 3, 42–47.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. 2008. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. 2017. Рыболовство // Хозяйство, торговля и военное снаряжение средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 38–45.
- Крыласова Н. Б. 2023а. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2022 г. // Архив МАЭ ПГПУ.
- Крыласова Н. Б. 2023б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2022 г. // Архив МАЭ ПГПУ.
- Куза А. В. 2016. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб.: Нестор-История.
- Сарапулов А. Н. 2018. Способы рыбной ловли у средневекового населения Пермского Предуралья // Выборнов А. А. (ред.). XXI Уральское археологическое совещание. Самара: СГСПУ, 320–322.

Комплекс Пор-Бажын: хронология и назначение памятника

Моисеев М.Г.

Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: *уйгуры, Тува, историография, хронология, археологический комплекс, китайская архитектура, событие Мияке*

Пор-Бажын — архитектурный глинобитный комплекс, расположенный на острове посреди озера Тере-Холь в Республике Тыва. Являясь одним из наиболее ярких памятников Уйгурского каганата VIII–IX вв., Пор-Бажын демонстрирует пример «идеального города» внушительных размеров (215×162 м) (Arzhantseva et al. 2013: 13). Несмотря на проведенные археологические исследования, остается довольно много вопросов, касающихся датировки и назначения памятника. Масштабность Пор-Баждына сочетается с незначительностью его культурного слоя. В связи с этим целью данной статьи является обзор последних данных, имеющих отношение к датировке и назначению памятника.

Как известно, впервые подробно комплекс был описан Д. А. Клеменцем в ходе работы Орхонской экспедиции. Исследователь датировал памятник эпохой Уйгурского каганата (745–840 гг.) (Клеменц 1891: 71). Позднее, в 1952 г. состоялось второе открытие памятника С. И. Вайнштейном. Именно с этого времени наступил период пристального интереса к Пор-Баждыну. В научной литературе стали появляться разнообразные версии о назначении комплекса и его датировках. Согласно И. А. Аржанцевой, трактовки функции Пор-Баждына сводятся к следующему (Панин и др. 2014: 331–332):

- 1) фортификационное сооружение или дворцовый комплекс (С. И. Вайнштейн, С. Г. Кляшторный, В. Е. Войтов и др.);
- 2) поминальный комплекс Баян-Чора (И. А. Аржанцева);
- 3) монастырь буддийской или манихейской общины (С. И. Вайнштейн, И. А. Аржанцева).

Первые две гипотезы возникли на основе материалов, полученных в результате раскопок С. И. Вайнштейна в 1963 г. Сам исследователь отнес памятник к числу первых крепостных сооружений, построенных при уйгурском кагане Баян-Чоре (Моюн-чуре) в ходе завоевательных походов в Туву. С. И. Вайнштейн датировал Пор-Бажын 750 г. Впрочем, эта дата базировалась на косвенных данных — дешифровке рунической эпитафии из долины Могойн Шине-усу (С. Е. Малов)

и сходстве декоративных дисков черепицы из Пор-Бажына и столицы уйгуров — Орду-Балык (Вайнштейн 1964: 111–114). Версия о функциональной принадлежности и времени строительства была принята большинством историков и археологов и вплоть до начала XXI в. практически не подвергалась сомнению.

Археологические исследования, проведенные в 2007–2008 гг., позволили пересмотреть сложившуюся точку зрения. Полученные новые данные радиоуглеродного датирования и дендрохронологии опровергли предположение об основании Пор-Бажына в 750 г. Теперь даты сдвинулись почти на 20–30 лет вперед (770–790 гг.) — в период правления Бегю-кагана¹, принявшего в 763 г. манихейство (Arzhantseva et al. 2013: 13). В связи с этим была высказана гипотеза о Пор-Бажыне как манихейском храме². В качестве доказательства И. А. Аржанцева, помимо новых датировок, связанных с распространением манихейства в уйгурском обществе, указала на ряд архитектурных особенностей Пор-Бажына, имеющих, видимо, сакральное значение (Arzhantseva et al. 2012: 7). Это позволило объяснить слабую мощность культурного слоя памятника, поскольку в 780 г. Бегю-каган был убит в ходе антиманихейского восстания.

Дополнительные аргументы версии были получены в 2020 г. Международная группа ученых под руководством И. А. Аржанцевой, используя в дендрохронологических исследованиях событие Мияке³, смогла уточнить датировку Пор-Бажына. В результате было доказано, что строительство комплекса началось летом 770 г., а закончилось в 779 г., то есть как раз к началу антиманихейского восстания (Kuitems et al. 2020). С этим коррелируется факт, установленный еще С. И. Вайнштейном, — гибель Пор-Бажына в результате пожара. Взбунтовавшиеся уйгуры после убийства кагана вполне могли придать огню комплекс, связанный с ненавистой религией.

На сегодняшний день новый взгляд на памятник представляется наиболее убедительным. Однако ряд проблем все же остается нерешенным. Если Пор-Бажын не являлся ставкой Баян-Чора, то руни-

¹ Сын Баян-Чор кагана, правивший в 759–780 гг.

² Предположение о культовом назначении Пор-Бажына выдвинул еще С. И. Вайнштейн в ходе раскопок 1957 г. Однако подтверждения данная теория не нашла, и сам он от нее впоследствии отказался (Вайнштейн 1964: 110).

³ Событие Мияке (Miyake event) — увеличение концентрации изотопа углерода, вызванное интенсивными вспышками на Солнце. Пики были выявлены в 775 и 994 гг. (Kuitems et al. 2020).

ческие источники теряют свое материальное подтверждение. Встает вопрос, где же находилась эта ставка. В этом случае остается предположить, что археологи не выявили в Туве одну-две каганские крепости (Войтов 2002). Кроме того, ни в Туве, ни в Монголии до сих пор не найдено ни одного манихейского комплекса. Пор-Бажын оказывается совершенно уникальным объектом.

Окончательное решение проблемы Пор-Багына напрямую связано с комплексным изучением всех уйгурских городищ, как уже раскопанных, так и ожидающих своих исследователей.

Список литературы

- Вайнштейн С. И. 1964. Древний Пор-Бажин // СЭ 6, 103–114.
- Войтов В. Е. 2002. К вопросу о летних и зимних резиденциях первых уйгурских каганов в Монголии // Материальная культура Востока. М. Вып. 3. Электронный ресурс. URL: http://annales.info/step/uygur/uygur.htm#_ftnref18 (дата обращения: 09.01.2024).
- Панин А. В., Аржанцева И. А., Бронникова М. А., Успенская О. Н., Фузеина Ю. Н. 2014. Интерпретация раннесредневекового памятника Пор-Бажин (Тува) в свете естественно-научных данных // Ситдииков А. Г., Макаров Н. А., Деревянко А. П. (ред.). Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. IV. Казань: Отечество, 331–334.
- Клеменц Д. А. 1891. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук.
- Aržanceva I., Härke H., Schubert A. 2012. Por-Bažyn: Eine “Verbotene Stadt” des Uiguren-Reiches in Südsibirien // Antike Welt 3, 3–10.
- Arzhantseva I., Inevatkina O., Zav'yalov V., R. A. Vafeev R. A., Schubert H. A., Härke H. 2013. Three-dimensional reconstruction of the site of Por-Bajin (Tuva) // Integrating archaeological and ethnographic research 2, 12–17.
- Kuitems M., Panin A., Scifo A., Arzhantseva I., Kononov Y., Doeve P., Neocleous A., Dee M. 2020. Radiocarbon-based approach capable of subannual precision resolves the origins of the site of Por-Bajin // PNAS117 (25), 14038–14041.

**Комплекс вооружения раннеякутского воина
в свете новых археологических материалов**

Новгородов А. П.

Северо-Восточный федеральный университет

им. М. К. Аммосова,

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН*

Ключевые слова: *археология, якуты, Средневековье, воины, вооружение*

Якутская культура исследовалась с XVIII в. Основным вопросом, волновавшим исследователей тогда и сейчас, является вопрос происхождения народа саха. Масштабные исследования в области лингвистики, этнографии, археологии и даже генетики весьма подробно описали быт и традиции народа как в дописьменное, так и в письменное время. Исследования коснулись и вооружения якутов.

Военное дело якутов становилось объектом исследования этнографов и археологов с конца прошлого века. Самой полной работой на эту тему стала монография Ф. Ф. Васильева «Венное дело якутов», изданная в 1995 г. Эта работа на данный момент является наиболее полно описывающей комплекс вооружения якутов. В ней хорошо представлено вооружение ближнего и дальнего боя, а также защитное снаряжение и особенности военной тактики и фортификационных сооружений (Васильев 1995). Именно на эту работу следует опираться при поиске информации про военное дело якутов и, в частности, о предметах вооружения. С момента публикации работы прошло 28 лет, и за этот срок появилась масса новых материалов по комплексу вооружения якутов, прежде всего археологических.

Необходимо добавить, что в данной работе прежде всего будут использоваться исследования, касающиеся раннеякутского вооружения. Раннеякутскими условно называют материалы, относящиеся к якутам до присоединения Якутии к Российскому государству, то есть этот период кулун-атахской археологической культуры. На данный момент исследователи датируют эту культуру с X до XVII в.

Совершенно новые данные, касающиеся комплекса вооружения раннеякутских воинов, появились в 2013 г. с обнаружением Сергеляхского погребения. В этом памятнике были обнаружены концевые

и фронтальные костяные накладки лука центральноазиатского типа. находка была датирована XIV–XVI вв. и стала решающей в вопросе наличия у якутов луков такого типа (Бравина и др. 2016: 95–96). Ф. Ф. Васильев предполагал, что в древности у якутов имелись такие луки, однако в 1995 г. еще не было подтвержденных данных о наличии у якутов центральноазиатского типа (Васильев 1995: 62).

Вторым луком центральноазиатского типа является лук из фондов Тойбохойского историко-краеведческого комплекса им. Г. Е. Бессонова, обнаруженный в 2014 г. и датированный XVII в. Данный лук имеет наилучшую степень сохранности среди якутских луков центральноазиатского типа. Тойбохойский лук имеет как концевые вкладыши, так и фронтальные и боковые накладки, таким образом у этого лука наибольшее количество костяных и роговых накладок. Лук обмотан и обклеен берестой с орнаментом в виде продольных параллельных линий (Бравина, Дьяконов 2020: 101–103).

В 2021 г. в результате работ заречного отряда ИГиПМНС СО РАН среди сопроводительного инвентаря погребения Юрюнг-Мыран-3 были обнаружены фронтальные накладки и концевые вкладыши лука центральноазиатского типа. Этот лук во многом аналогичен луку из Сергеляхского погребения. Тем не менее он имеет лучшую сохранность и конструктивные отличия в виде двойного выреза под тетиву на одном из концевых вкладышей. Также в Юрюнг-Мыран-3 хорошо сохранилась берестяная обклейка с циркульным орнаментом (Новгородов 2023: 170–171). Лук датирован более поздним периодом, чем предыдущие, — второй половиной XVII — началом XVIII в.

В целом наиболее важными новыми материалами, относящимися к комплексу вооружения раннеякутского воина, являются находки луков центральноазиатского типа. Благодаря современным археологическим исследованиям достоверно известно о наличии у якутов луков такого типа как минимум с XIV в. Стоит отметить, что все луки конструктивно схожи с луками из Усть-Талькинского могильника (Новгородов 2023: 171).

Древковое оружие ближнего боя также регулярно обнаруживается среди археологических находок, но материалов, принципиально отличающихся от типов, выделенных Ф. Ф. Васильевым, нет. Практически отсутствуют новые материалы, относящиеся к защитному снаряжению якутов. Вероятно, это связано с отсутствием устойчивой традиции помещения защитного снаряжения среди погребального инвентаря.

Исследования вооружения якутов продолжают, новые данные активно поступают в результате полевых археологических исследований. Изучение комплекса вооружения раннего времени является актуальным направлением исследования материальной культуры якутского народа.

Список литературы

- Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Николаев Е. Н., Петров Д. М., Сыроватский В. В., Багашев А. Н., Пошехонова О. Е., Слепченко С. М., Ражев Д. И., Алексеева Е. А., Зубова А. В., Кузьмин Я. В. 2016. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в // Вестник археологии, антропологии и этнографии 4, 90–109.
- Бравина Р. И., Дьяконов В. М. 2020. Якутский сложносоставной лук из фондов Тойбохойского музея // Археология, этнография и антропология Евразии 48 (3), 99–106.
- Васильев Ф. Ф. 1995. Якутск. Военное дело Якутов. Якутск: «Бичик».
- Новгородов А. П. 2023. Якутские луки центральноазиатского типа // Алкин С. В., Октябрьская И. В. (отв. ред.). Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия». Новосибирск, 26–29 апреля 2023 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 170–172.

Результаты картографирования отдельных сюжетов пермского звериного стиля.

Человеколось — от Прикамья до полярного Севера

Павлюткин И.Д.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Ключевые слова: *Средневековье, Верхнее Прикамье, предметы из металла, культовое литье, пермский звериный стиль, человеколось*

Человеколось — пожалуй, один из самых узнаваемых образов пермского звериного стиля (далее — ПЗС). При формировании базы находок предметов ПЗС одной из задач является поэтапная систематизация отдельных сюжетов. В случае с сюжетами, связанными с образом человеколося, встает вопрос о выборе признаков, на основе которых будет производиться классификация. Ввиду разнообразия и многочисленности находок этой категории, подобных признаков можно выделить много: сюжетные и композиционные особенности; стилистические отличия; географическая принадлежность. Это дает возможность создать 3 разные классификации, отражающие определенные аспекты бытования этих предметов. Нами же была выдвинута гипотеза — стилистика и композиция будут тяготеть к географии предметов, разделяя находки по отличиям в изображении, получим плавное распределение их от Прикамских территорий до Европейского Северо-Востока.

Всего изучено 116 находок, 47 из них относятся к материалам Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места на реке Море-Ю — наиболее изученного памятника данного типа к северу от Прикамья (Мурыгин и др. 2016: 125–135). Выделено 2 подгруппы, 2 типа, 2 подтипа.

Подгруппа 1. Плакетки с одиночным изображением человеколося. 97 экз.

Тип 1. 38 экз. Антропоморфная фигура с головой лося (рис. 1: 1).

Характерна тонкая прорисовка фигуры, простота и схематичность изображения, много свободного пространства. У 36 плакеток присутствует рамка, из них 25 — с имитацией плетения. В 13 случаях фигура традиционно стоит на ящере, в одном случае ящер расположен рядом с фигурой вертикально, одно изображение является перевертышем. 13 предметов найдены в Прикамье, 25 — на территории Печорского Предуралья (Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место), однако

стилистически они тяготеют к пермским человеколосьям. Значимое отличие заключается лишь в исполнении «плетеной» рамки изделия. В Хэбидя-Пэдарских материалах у 23 экз. она присутствует только с одного края изделия, в двух случаях рамка выполнена идентично пермским находкам.

Тип 2. 59 экз. Антропоморфная фигура с человеческой головой, переходящей в голову лося. Критерием для выделения подтипов служит наличие или отсутствие у фигуры крыльев.

- Подтип А. **35 экз.** Изображение человеколося без крыльев (рис. 1: 2). На территории Прикамья найдены 11 экз., 23 — в Республике Коми, у одного экземпляра определить место нахождения не удалось. Стилистически тяготеет к типу 1 — схематичное изображение, лишенное проработанных деталей. Однако два экземпляра, найденные в Прикамье, больше напоминают подтип Б, а плакетки из Республики Коми, наоборот, ближе к типу 1.
- Подтип Б. **24 экз.** Изображение «крылатого» человеколося (рис. 1: 6). В отличие от подтипа А, фигуры антропоморфов более широкие, объемные, для них характерны длинные треугольные носы, вытянутые шеи. На 23 из 24 пластин фигура направлена вправо. 21 человеколось имеет одно крыло, остальные — два. Композиция пластин с двукрылыми фигурами дополнена изображениями зооморфных голов, исключение — предметы из Пешковского клада (Голдина 1985: 262, № 8, 11, 16). Данный подтип территориально тяготеет к междуречью Ухты и Печоры — 14 экз. Находки с территории Прикамья — 9 экз. — идентичны более северным предметам. Одна плакетка, найденная на территории Свердловской области, стилистически представляет собой нечто среднее между типом 1 и типом 2. Интересны две пластины, практически идентичные, отличающиеся лишь наличием на одной литника и пустого пространства между головой человеколося и звериной головой (рис. 1: 4–5).

Подгруппа 2. Плакетки с изображением группы человеколосьей. 17 экз.

Из них 15 — Пермский край, 2 — Республика Коми. Пластины этой подгруппы представляют собой изображения человеколосьей в традиционном для групповых сюжетов ПЗС количестве — 2, 3, 5, 7. На одной пластине изображены четыре фигуры, однако она обломана, и на ней,

Рис. 1. Варианты плакеток с изображением человеколося: 1 — Подгруппа 1. Тип 1 (из клада с. Редикор Чердынского р-на Пермского края, по: Оборин, Чагин 1988: 104, ЧКМ-958/10); 2 — Подгруппа 1. Тип 2. Подтип А (Косинский р-н Пермского края, по: Эдинбург 2014: 111); 3 — Подгруппа 2 (Чердынский р-н Пермского края, по: Оборин, Чагин 1988: 99, ГИМ-91652); 4–5 — похожие плакетки (из коллекции Теплоуховых, Верхнее Прикамье, Пермский край, по: Оборин, Г. Н. Чагин 1988: 101, ПКМ-11405/10; Пешковский клад, по: Голдина 1985: 262), 6 — Подгруппа 1. Тип 2. Подтип Б (Троицко-Печорский р-н Республики Коми, по: Оборин, Чагин 1988: 103, ГИМ-91652)

вероятно, было 5 или 7 фигур (рис. 1: 3). Пока принято решение не выделять типы в этой подгруппе, приведем лишь статистику по количеству фигур на пластине.

Два человеколося — **4 экз.** Из них 2 — Республика Коми, 2 — Пермский край (Пешковский клад).

Три человеколося — **4 экз.** На двух пластине у фигур читаются женские черты, один обломок.

Четыре человеколося — **1 экз.** (обл.) Крылатые.

Семь человеколосей — **7 экз.** Из них 4 — крылатые, 6 — с человеческими и лосиными головами.

Таким образом, можно сказать, что разработанная в общих чертах классификация подтвердила выдвинутую гипотезу. В Подгруппе 1 —

плакетки с одиночным изображением человеколося — географическая привязка получилась следующая: Тип 1 — «Пермский», Тип 2.А — «переходный», Тип 2.Б — «Коми» вариант.

Плакетки второй подгруппы стилистически также разделились на условно «Пермские» (8 экз.) и «Коми» (9 экз.).

Тем не менее, если рассматривать всю совокупность предметов с изображением человеколосьей, за исключением незначительных стилистических различий, они имеют много общего в «пермском» и «печорском» зверином стиле, что, вероятно, определяется этническим родством и общностью идеологических представлений их создателей.

Список литературы

- Голдина Р. Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та.
- Мурыгин А. М., Липс С. А., Кардаш О. В. 2016. Древнее святилище на реке Море–Ю: Каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. Екатеринбург: Изд. гр. Караван.
- Оборин В. А., Чагин Г. Н. 1988. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство.
- Эренбург Б. А. 2014. Звериный стиль. Пермь: Сенатор.

«Чудские ямы» как источник средневекового домостроительства Пермского Предуралья

Половников Л. В.

Пермский национально-исследовательский
политехнический университет

Ключевые слова: *чудь, ямы, жилище, Средневековье, Пермское Предуралье*

В домостроительной традиции средневекового населения Пермского Предуралья была практика сооружения объекта интерьера — ям-кладовок. Остатки этих конструкций местное население идентифицировало как места захоронений чуди — «чудские ямы». Цель данной публикации — рассмотреть изменение представлений о вышеуказанном объекте сквозь историографический обзор.

Историк А. Крупенин в XIX в. оставил упоминание о чуди как о «финском племени» Пермского Предуралья (Крупенин 1859: 5). По мнению Л. П. Лашука, чудью восточные славяне называли племена финно-угорского населения Европейского Севера (Лашук 1969). Сохранились легенды о «чудном» народе, о его гибели в землянках или ямах, зафиксированные в литературе. Вот некоторые цитаты: «Соорудили землянки. Спустились в них, подрубили стойки, поддерживающие потолки. Их и задавило землей» (Микушев 1991: 24–25). «Чудь сама себя в землянках сожгла» (Канева 2006: 18). «Чудь в ямы влезла, потом все задохнулись» (Рочев 1985: 5). Л. Н. Лашук высказал предположение о том, как формировалось предание о местах самопогребения чуди: «со временем земля на “могилах” оседала, образуя ямы, а остальное уже дополняла народная фантазия» (Лашук 1969: 213).

В 1884 г. В. Н. Шишонко побывал на селище родановской культуры (IX–XV вв.) «Красные села», на правом берегу р. Шушпанка (приток р. Чусовой). Он интерпретировал заплывшие ямы как остатки жилых землянок (Шишонко 1884: 625).

В 1895 г. С. И. Сергеев в Чердынском уезде раскопал три «чудские ямы» в 4,5 версты от с. Верх-Боровского: «во всех трех ямах огнище, на глубине 2 аршин, на плотике из желтой, вязкой глины; черепки глиняной посуды...» (Сергеев 1897: 35–36).

М. В. Талицкий, осмотрев памятник «Красные села» в 1935 г., не подтвердил наличия заплывших ям, упоминаемых В. Н. Шишонко

(Талицкий 1951: 87). Заложенные шурфы открыли часть ямы-кладовки. В дальнейшем М. В. Талицкий при обследовании памятников наблюдал западины, которые он идентифицировал как остатки построек. В отчете за 1938 г. читаем: «Галюковское селище р. Велва... на мысу две чудские ямы, возможно, следы жилищ»; «Ям-городище... несколько ям чудских — следов жилищ» (Талицкий 1938: 7–8, 10–11). В 1951 г. подведен итог: «На ряде памятников в бассейне Иньвы мне приходилось наблюдать заплывшие ямы-кладовки как на Родановом городище» (Талицкий 1951: 88). Таким образом, археологические изыскания позволили исследователю идентифицировать «чудские ямы» как кладовые.

А. П. Смирнов в 1952 г. выразил иную точку зрения. Он утверждал, что ямы — это жилища-землянки. Жилища подобной конструкции можно встретить только на селищах, но не на городищах. А. П. Смирнов обосновывал свое предположение так, что в X в. у местных племен зародилась феодальная знать, ее местопребывание — городища, для нее характерны низкие срубные дома (Смирнов 1952: 233). В подтверждение данной гипотезы А. П. Смирнов привлекает опыт раскопок С. И. Сергеева 1895 г. (Смирнов 1952: 233). Также в качестве доказательства им был приведен рассказ путешественника X в. Инб-Руста: «На зиму они поселяются в ямах, над которыми устраивают крыши, похожие на крыши христианских храмов, и покрывают их землей» (Смирнов 1952: 233). Обратившись к источнику, замечаем, что свидетельства Инб-Руста относятся к славянским племенам (Хвольсон 1869: 32–33). Следовательно, экстраполировать опыт домостроительства одних народов на другие не вполне корректно. Три ямы, раскопанные С. И. Сергеевым со следами огнищ, жилищами не являются, одного описания недостаточно. Потому с мнением А. П. Смирнова согласиться не можем.

Материалы раскопок памятников родановской культуры позволили Н. Б. Крыласовой выдвинуть предположение, что в Пермском Предуралье в данный период была распространена практика ставить глинобитные печи над ямой-кладовкой. А. Н. Сарапулов, изучая средневековые хозяйственные сооружения, соглашается с мнением Н. Б. Крыласовой (Сарапулов 2017: 327). Таким образом, следы огнищ, которые описал С. И. Сергеев, это рухнувшие со временем остатки очага, а не жилище-землянка.

Легенды о гибели чуди под землей дали толчок к изучению «чудских ям». Осмотр подобных ям натолкнул В. Н. Шишонко на мысль,

что это землянки. Раскопки С. И. Сергеева и описание ям с кострищами позволили А. П. Смирному выдвинуть идею о существовании землянок на селищах. М. В. Талицкий относил заплывшие «чудские ямы» к жилищам. Затем он пришел к выводу, что это ямы-кладовки. Исследования Н. Б. Крыласовой позволяют относить ямы, раскопанные С. И. Сергеевым, к подочажным ямам-кладовкам в жилищах и согласиться с мнением М. В. Талицкого, что западины на памятниках — остатки ям-кладовок в средневековых жилищах.

Список литературы

- Канева И. А. 2006. Чудь в преданиях коми // Живая старина 2, 18–20.
- Крупенин А. Д. 1859. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края // Смышляев Д. Д. (ред.). Пермский сборник. Кн. 1. М.: Типография Лазаревского Института Восточный Языков, 1–45.
- Крыласова Н. Б. 2015. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды камской археолого-этнографической экспедиции 10, 122–134.
- Лашук Л. П. 1969. Чудь историческая, чудь легендарная // Вопросы истории 10, 208–216.
- Микушев А. К. 1991. Легенды и сказания народа коми // Дыхание Пармы 5, 15–37.
- Рочев Ю. Г. 1985. Национальная специфика коми преданий о чудь. Сыктывкар: Изд-во КФАН СССР.
- Сарапулов А. Н. 2017. Новый тип средневековых хозяйственных сооружений на территории Пермского Предуралья // Археология евразийских степей 1, 324–328.
- Сергеев С. И. 1897. Памятники древностей близ сел Искора, Губдора и Верх-Боровского Чердынского уезда // Труды ПУАК 3, 25–40.
- Смирнов А. П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М.: Изд-во АН СССР.
- Талицкий М. В. 1938. Археологические памятники бассейна Иньвы (правого притока Камы) // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка. Ф. 926. Оп. 1. Д. 1.
- Талицкий М. В. 1951. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III (МИА 22). М.; Л.: АН СССР, 33–96.
- Хвольсон Д. А. 1869. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста. СПб.
- Шишонко В. Н. 1884. Пермская летопись 1263–1881 гг. Четвертый период. 1676–1682 гг. Пермь: Типография Губернской Земской Управы.

Височные кольца из раскопок курганов у д. Зюзино в собрании Музея Москвы

^{1,2}Синцера К. Л., ²Деркачев В. О.

¹Институт археологии РАН

²Музей Москвы

Ключевые слова: височные кольца, семилопастные височные кольца, курганы вятичей, зюзинские курганы, древности Москвы

В 1949 г. в ходе разведочных работ под руководством М. Г. Рабиновича и Г. П. Смирновой были открыты три курганные группы — Зюзино 1, 2 и 3. Эти могильники располагались на территории и в окрестностях д. Зюзино (ныне района на юго-западе Москвы). За два года работ были исследованы 13 курганов группы Зюзино-1 (Рабинович 1949; 1950), а вещи, полученные в результате этих раскопок, поступили в фонды отдела «Археология» Музея истории и реконструкции Москвы («Музей Москвы»). Наиболее представительную категорию находок из курганов Зюзино-1 составляют височные кольца, которые так и не были подробно опубликованы автором раскопок. Это прежде всего семилопастные височные кольца из курганов № 8 (ОФ24678/485–488) и № 10 (ОФ24678/492–494) и одно перстнеобразное височное кольцо из кургана № 8 (ОФ24678/489). Целью настоящей публикации является введение в научный оборот височных колец из раскопок курганной группы Зюзино-1.

Прежде всего, необходимо кратко обозначить основные векторы в истории изучения височных колец московского типа, а именно их типологию и хронологию. Неоценимый вклад в исследование лопастных височных колец внесла Т. В. Равдина, проследившая все этапы развития этих изделий и разделившая их на три основные хронологические группы: рубеж XI–XII вв.; XII в.; конец XII — XIII в. В рамках этих групп бытует 16 различных типов (Равдина 1975: 123). Таким образом, была существенно откорректирована несколько устаревшая типология, предложенная В. И. Сизовым, а затем А. В. Арциховским, согласно которой височные кольца распределялись по группам в зависимости от формы прорези или ее наличия на изделии (Арциховский 1930: 46–51). Важным направлением в работе Т. В. Равдиной и Т. И. Макаровой стала систематизация височных колец второй половины XII — XIII в. с дополнительным орнаментом: выявление

взаимосвязи их разновидностей со способом изготовления (Макарова, Равдина 1992: 68–69). Н. А. Кренке разработал классификацию орнаментов на семилопастных височных кольцах, выделив 6 стадий развития: орнаментальное оформление верхней части щитка оказалось наиболее постоянным признаком, что позволило выделить три основных орнаментальных «традиции» (Кренке 2014: 40–41).

Височные кольца из Зюзино не остались незамеченными в историографии. Согласно типологии Т. В. Равдиной, образцы из зюзинских курганов относятся к числу семилопастных развитых колец и датируются XIII в. (Равдина 1968: 140). По классификации орнаментов Н. А. Кренке такие изделия встречаются в числе типов 3–2–1, 3–3–1, 5–3–1, то есть относятся к 3-й и 5-й хронологической стадии (1120–1150 и 1190–1220 гг.), второй и третьей орнаментальной традиции и характеризуются индивидуальными для этих типов особенностями орнаментации (Кренке 2014: 45–47). Лопастное кольцо ОФ24678/487 уже публиковалось ранее (Равдина 1968: 141). Б. А. Рыбаков упоминал о височном украшении, орнаментированном геометрическими мотивами и знаками плодородия, указывая в качестве места его находки Зюзино (Рыбаков 1987: 524–525): это изделие, однако, отсутствует в коллекции Музея Москвы.

ОФ24678/485 (рис. 1: 1): семилопастное височное кольцо с орнаментом «три точки»; две лопасти фрагментированы. Относится к числу наиболее поздних лопастных колец по типологии Т. В. Равдиной (конец XII — XIII в.), к типу VI (по наличию третьей штрихованной полосы, заходящей в лопасти). Тип 5–3–1 по Н. А. Кренке: 5-я стадия (заштрихованные полосы на щитке образуют фигуру в виде сегмента); 3-я орнаментальная традиция (заштрихованная дуга заходит на зубчики в верхней части щитка); внизу заштрихованные арочки, не смыкающиеся с полосой выше; датируется 1190–1220 гг.

ОФ24678/486 (рис. 1: 2): семилопастное височное кольцо с орнаментом «три точки». Тип VI по типологии Т. В. Равдиной. Тип 5–3–1 по Н. А. Кренке, 1190–1220 гг.

ОФ24678/487 (рис. 1: 3): семилопастное височное кольцо; дужка и две лопасти фрагментированы, три лопасти с гравированным узором (геометрический и «книжный орнамент»). Тип VI по типологии Т. В. Равдиной с геометрическим гравированным орнаментом. По типологии дополнительной орнаментации Т. В. Равдиной и Т. И. Макаровой — группа I (гравированный орнамент), вид 3 (с орнаментом и на лопастях, и на щитках), тип 1 (геометрический орнамент). По типологии Н. А. Кренке — тип 5–3–1, 1190–1220 гг.

Рис. 1. Височные кольца из курганов Зюзино-1: 1 – ОФ24678/485;
 2 – ОФ24678/486; 3 – ОФ24678/487; 4 – ОФ24678/488; 5 – ОФ24678/492;
 6 – ОФ24678/493; 7 – ОФ24678/494; 8 – ОФ24678/489

ОФ24678/488 (рис. 1: 4): семилопастное височное кольцо; сохранилась часть щитка, две лопасти, орнаментированные гравированным орнаментом (геометрические мотивы), частично дужка. Тип VI по типологии Т. В. Равдиной. По типологии дополнительной орнаментации Т. В. Равдиной и Т. И. Макаровой — группа I, вид 3, тип 1. По типологии Н. А. Кренке — тип 5–3–1, 1190–1220 гг.

ОФ24678/492 (рис. 1: 5): семилопастное височное кольцо с орнаментом «три точки»; сохранилась часть щитка, дужка. Тип VI по типологии Т. В. Равдиной. Тип 5–3–1 по типологии Н. А. Кренке, 1190–1220 гг.

ОФ24678/493 (рис. 1: 6): семилопастное височное кольцо; сохранился щиток, дужка, две лопасти. Тип VI по типологии Т. В. Равдиной. Тип 5–3–1 по типологии Н. А. Кренке, 1190–1220 гг.

ОФ24678/494 (рис. 1: 7): семилопастное височное кольцо с орнаментом «три точки»; крайне фрагментированное; частично сохранился щиток и две лопасти. Тип VI по типологии Т. В. Равдиной. Тип 5–3–1 по типологии Н. А. Кренке, 1190–1220 гг.

ОФ24678/489 (рис. 1: 8): перстнеобразное височное кольцо (проволочное), простое несомкнутое. Кольца такого типа были широко распространены по всей Северной Руси и не могут служить хронологическим признаком (Левашева 1967: 7–8).

Таким образом, все семилопастные височные кольца из курганов Зюзино-1 в собрании Музея Москвы относятся к одному и тому же типу. Интерес представляют экземпляры ОФ24678/487, 488, гравированные геометрическими узорами и «книжным орнаментом»; последний примечателен сочетанием солярных мотивов с христианскими. Эти образцы входят в особую категорию височных украшений с дополнительным орнаментом, характерным для развитого варианта простых семилопастных височных колец (Равдина, Макарова 1992: 68).

Список литературы

- Арциховский А. В. 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН.
- Кренке Н. А. 2014. Классификация орнаментов семилопастных височных колец московского типа и проблема их этнической интерпретации // РА 3, 39–49.
- Левашева В. П. 1967. Височные кольца // Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Труды ГИМ 43). М.: Сов. Россия, 7–54.
- Макарова Т. И., Равдина Т. В. 1992. Семилопастные височные кольца с орнаментом // РА 4, 68–82.

- Рабинович М. Г. 1949. Отчет о раскопках курганной группы Зюзино. 1949 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 308.
- Рабинович М. Г. 1950. Отчет о раскопках курганов у д. Зюзино за 1950 год // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, 564.
- Равдина Т. В. 1968. Типология и хронология лопатных височных колец // Крупнов Е. И. (ред.). Славяне и Русь. М.: Наука, 136–142.
- Равдина Т. В. 1975. Хронология «вятичских» древностей: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Рыбаков Б. А. 1987. Язычество древней Руси. М.: Наука.

Декорирование железных изделий в эпоху Средневековья в Пермском Предуралье

Смертин А. Р.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет*

Ключевые слова: *железные изделия, декорирование, торсирование, инкрустация, чеканка, Средневековье, Пермское Предуралье*

Железные предметы в эпоху Средневековья имели преимущественно утилитарное предназначение. Однако кузнечная продукция также иногда декорировалась.

В исследовании задействованы материалы родановской культуры Пермского Предуралья (конец XI — XV в.). Всего выделено несколько техник декорирования: торсирование, витье, чеканка, инкрустация.

Торсирование заключается в скручивании металлического прута вокруг своей оси (рис. 1: А). Прут закручивался при небольшом нагреве, что обеспечивало равномерный шаг витков. Такой способ украшения изделий Н. Б. Крыласова отнесла к XIII–XIV вв., что совпадает с датировкой, предложенной Р. Д. Голдиной и В. А. Кананиным (Смертин 2020: 348).

Торсированные изделия происходят из комплексов XII–XIV вв. Среди них представлены элементы очажной системы: дужки котлов — 4 экз.; части цепей — 2 экз.) (могильники: Антыбары, Телячий Брод; городища: Рождественское, Анюшкар), элементы экипировки (топоры — 3 экз.) (могильники: Антыбары, Плотниково, Телячий Брод), инструменты (кочедыки — 4 экз.; ножницы — 2 экз.; сверла — 2 экз.) (могильники: Телячий Брод, Аверинский; Редикар; городища: Рождественское, Саламатово, Анюшкар), обломки предметов (5 экз.). Аналогичные находки известны в слоях XII–XIV вв. в Волжской Булгарии и в XII–XV вв. в Древней Руси (Смертин 2020: 349).

Вторая техника украшения железных изделий — витье (гнутье) (рис. 1: Б). Предметы закручивались вдоль своей длины при небольшом нагреве. Известны многочисленные однолезвийные кресала с рукоятью в виде двух отогнутых (завитых) крючков — так называемые калачевидные. Они бытуют по всей Евразии в основном в X–XIII вв.,

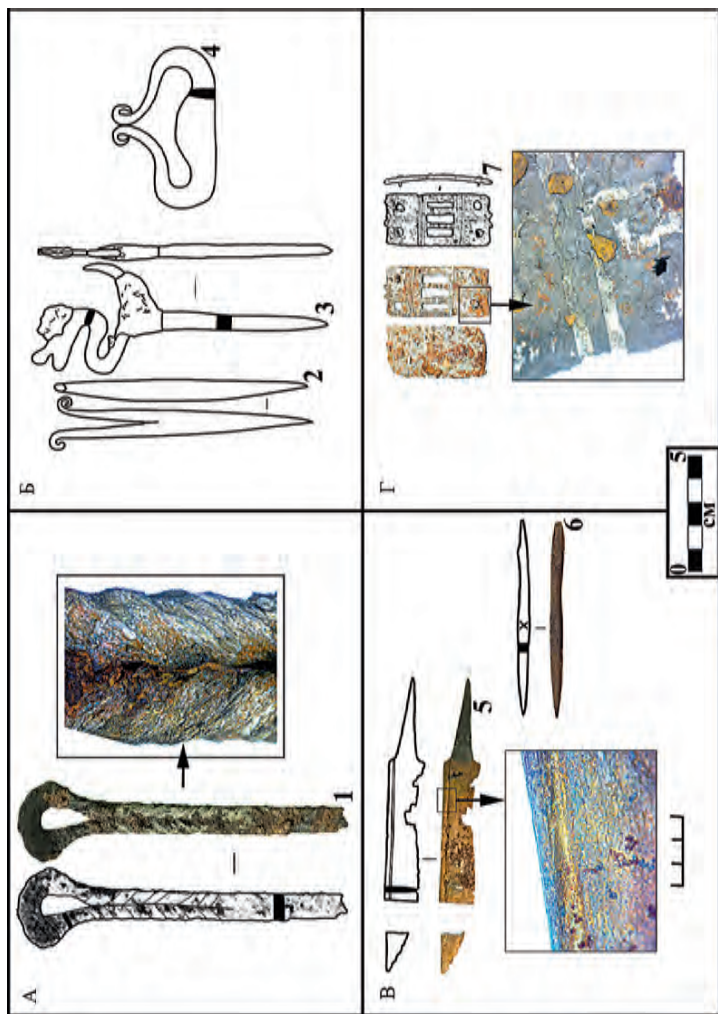

Рис. 1. Декорирование железных изделий: А — торсирование; Б — витье; В — чеканка; Г — инкрустация.
 1 — кочедык (Плотниково могильник); 2, 3 — светец (Искор городище, Нижний Чусовской городок по Н.Б. Крыласовой);
 4 — кресало (Аношкар городище); 5 — нож (Аношкар городище); 6 — шило (Петуховское городище); 7 — поясная
 накладка (Плотниково могильник)

но известно применение техники и на аналогичных огнивах XIV–XIX вв. (Крыласова 2007: 129–130, 185). Второй пример витья зафиксирован на осветительных приборах (светцы – 8 экз.) (Телячий Брод, Искор, Редикар, Эсперово, Нижний Чусовской городок). Держатели чаще всего представлены вилообразными планками. Единична находка держателя в форме водоплавающей птицы с загнутыми окончаниями. Одно из окончаний предмета сформировано в виде отогнутого кверху хвоста, вторая часть символизирует голову птицы, имеет S-образный изгиб с небольшим раздвоением на конце (рис. 1: Б/З). Их бытование приходится на XIII–XV вв. Подобные изделия известны в аналогичное время в Древней Руси, Перми Вычегодской и в Нижнем Прикамье (Крыласова 2007: 196–197).

Третья техника декорирования – чеканка (рис. 1: В). Для Средневековья использование чеканки на железе весьма ограничено. Насечки наносились зубилом или бородком на разогретый предмет. Из-за коррозии на артефактах случаи чеканки выявляются редко. На шиле с Петуховского городища известен крестообразный след (1 экз.). На расчищенных ножах с городища Анюшкар (3 экз.) обнаружены насеченные полосы в виде небольшого дола, косой линии 23 мм и параллельных насечек 17 мм. Отдельной группой выступают ключи от замков, на которых по кругу стержня фиксируются пробитые полосы. Они бытуют в XI–XV вв. и проникают, вероятно, из Волжской Булгарии и Древней Руси (Крыласова 2007: 112).

Похожие насечки на ножах, серпах, удилах, стременах и ключах встречены в Волжской Булгарии, в Древней Руси в слоях XIII–XV вв. (Колчин 1953: 167–168; Белорыбкин 2001: рис. 45, 97, 100–104; Сережников 2020: 178–179). Данные пометки могли являться как элементом декора, так и клеймом или тамгой.

К четвертому способу декорирования относится инкрустация мягких металлов в железную основу (рис. 1: Г). Известен проушный бородовидный топор из с. Пянтег (датирован XII–XIV вв.), инкрустированный серебром узорами из зигзагообразных линий (Данич 2015: 80). Подобные находки инкрустации на оружии (топоры и мечи) и предметах конской упряжи (стремена) единично известны и в Волжской Булгарии, и в Древней Руси (Кирпичников 1966а: табл. XIX–XX; 1966б: рис. 20–21; Измайлов 2022: 153–154).

На Плотниковском могильнике обнаружена уникальная для рассматриваемого региона находка железной поясной гарнитуры с инкрустацией и лужением оловом (XIII–XV вв.). Основы поясных

накладок — пластины из сырцово́й стали, на которых зубилом выбивались формы и канавки для оловянных полос. После изготовления основы происходило лужение — покрытие погружным горячим способом накладок оловом в целях декорации. На некоторых накладках в канавки забивались оловянные полосы. Аналогий данному комплексу по технологии не обнаружено (Брюхова и др. 2023).

Техники декорирования железных предметов не особенно распространены как в ареале родановской культуры, так и на сопредельных территориях. Тем не менее именно после XI–XII вв. возрастает число случаев украшения кузнечных изделий. Встречены уникальные предметы с полудой. Железные орудия в большинстве своем изначально не предназначены для парадной демонстрации, и случаи их декорирования единичны.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023.

Список литературы

- Белорыбкин Г. Н. 2001. Золотаревское поселение. Пенза: ПГПУ.
- Брюхова Н. Г., Подосенова Ю. А., Смертин А. Р. 2023. Железная поясная гарнитура из погребений Плотниковского могильника (родановская культура, Пермский край) // Поволжская археология 2, 8–21.
- Данич А. В. 2015. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции 10, 71–124.
- Измайлов И. Л. 2022. Знаки-тамги как символы болгарской государственности X — первой трети XIII века // Археология Евразийских степей 1, 148–159.
- Кирпичников А. Н. 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII (САИ Е 1–36). М.; Л.: Наука.
- Кирпичников А. Н. 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. (САИ Е 1–36). М.; Л.: Наука.
- Колчин Б. А. 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (МИА 32). М.: АН СССР.
- Крыласова Н. Б. 2007. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ.
- Сережникова Д. С. 2020. Железные бытовые предметы с клеймами из раскопок в Великом Новгороде XIII — первой половины XV века // Вестник ТГУ 186, 175–182.
- Смертин А. Р. 2020. Торсированные железные изделия из средневековых материалов Пермского Предуралья // Конончук К. В. (ред.). Актуальная археология 5: Материалы Международной научной конференции молодых ученых. СПб.: Невская Типография, 348–351.

**Костяная пластинка от шкатулки XIII в.
из раскопок Южного пригорода Херсонеса Таврического**

Цымбал М.Л.

НИУ «Высшая школа экономики»

Ключевые слова: *Херсонес, Херсон, кость, костяная пластинка, слой разрушения XIII в., археологический комплекс*

Среди изделий византийских мастеров наиболее заметными и в то же время малоизученными представляются художественные изделия, изготовленные из кости и рога (далее — скелетные). Одна из показательных групп находок — резные пластинки с разными сюжетами. Костяные накладки имеют декоративное назначение, а сами изделия в основном производились индивидуально (Душенко 2016: 120). В X–XII вв. такие пластинки изготавливались из слоновой кости и, прежде всего, использовались для создания предметов церковного назначения. Несколько реже в византийском искусстве формировались иные сюжеты (сцены охоты, военных походов, изображения животных и т. д.). В XII в. изделия из слоновой кости из-за их дороговизны были вытеснены простой костью домашних животных, а качество изображений начало портиться (Банк 1978: 82). Наиболее квалифицированные ремесленники сосредотачивались в столице Византии, откуда с помощью торговцев изделия расходились во многие уголки страны и за ее пределы. Несмотря на то, что самые искусные мастера находились в Константинополе, имеется возможность говорить и о локальных производствах.

Одним из таких центров, вероятно, мог быть Херсонес, откуда происходит большое количество разнообразных костяных предметов (Романчук 1981: 96–98). Большая часть находок такого рода, обнаруженных в ходе раскопок городища, вероятно, имела импортный характер, хотя не исключены и местные подражания. Резные изделия из скелетного материала с зооморфными изображениями, найденные в Херсонесе, исходя из технологических отличий, можно разделить на две группы. Первая — рельефная (Яшаева и др. 2011: 284, 290, 292, 294–295, № 320, 336–340, 346–350, 355), она является наиболее распространенной и в то же время требующей весьма высокого уровня мастерства. Технологически эта группа характеризуется выемчатой техникой, создающей объемное изображение. Вторая группа — контурная (Яшаева и др. 2011: 291, № 341–345). Данный технологический

вид характеризуется неглубокими выемками, приблизительно одной глубины, которые создают простые и менее детализированные изображения. Первая группа в Херсонесе имела импортный характер, хотя не исключены и местные подражания. Вторая группа, скорее всего, была местного производства.

Костяная пластинка, исследуемая в работе (рис. 1), была найдена в 2022 г. в одном из колодцев Южного пригорода Херсонеса Таврического (объект 98, раскоп 10)¹. Исходя из археологического контекста находки, ее датировку можно установить в пределах середины — второй половины XIII в. Эта пластика выполнена весьма небрежно в технике контурной резьбы. Мотивы орнаментации данного изделия, вероятно, были позаимствованы из типичных сюжетов, использовавшихся византийскими мастерами. Дальней аналогией этому предмету среди произведений византийского искусства можно считать боковые пластинки шкатулки из музея Метрополитен (Evans, Wixom 1997: 504, № 342). Шкатулка датируется XII в. Предположительно она изготовлена итальянскими мастерами по византийским моделям. Похожие по мотивам и технологическому исполнению изображения представлены на костяных колчаных накладках кочевников XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов 1961: 30–31; Малиновская 1974: табл. I–XIV).

Пластинка разделена резной горизонтальной линией на две части. Сверху на этой линии изображен какой-то зверь, идущий влево. Рисунок выполнен очень грубо, суммарно обозначены тулово животного, лапы, голова, глаз обозначен точкой. В верхней части (над зверем) пространство заполнено орнаментом в виде «сеточки», характерной для изделий кочевников того времени. Снизу нанесены линии, исполненные в разных направлениях; не исключено, что здесь тоже можно видеть зооморфное изображение.

По бокам от главного изображения представлена «рамка» из двух вертикальных параллельных линий. Справа она заполнена орнаментом из горизонтальных линий, слева орнамент не имеет четкого выражения, скорее всего, это пересекающиеся линии.

Пластинка имеет четыре несимметрично расположенные отверстия для крепления костяными гвоздиками. Один из них сохранился. Такое расположение отверстий в целом характерно для византийских изделий.

¹ Автор выражает благодарность Сергею Львовичу Соловьеву за возможность публикации данной находки.

Рис. 1. Костяная пластинка из раскопок Южного пригорода Херсонеса Таврического

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что рассматриваемая пластинка могла быть изготовлена местным мастером в XIII в. Как представляется, в ее орнаментации нашли отражение художественные традиции как греческого городского мира, так и кочевнического. Несмотря на невысокое качество самого изображения, данная пластинка имеет важное значение для изучения местного искусства.

Список литературы

- Банк А. В. 1978. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки. М.: Наука.
- Душенко А. А. 2016. Косторезное дело Мангупа: дис. ... канд. ист. наук. Симферополь.
- Малиновская Н. В. 1974. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 132–175.
- Романчук А. И. 1981. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // Античная древность и средние века 18, 84–105.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ.
- Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. 2011. Наследие византийского Херсона. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техас. ун-та.
- Evans H. C., Wixom W. D. 1997. The glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A. D. 843–1261. New York: The metropolitan Museum of Art.

Пальмы из погребений монгольского времени Северной Монголии

Цэнд Д.

Алтайский государственный университет

Ключевые слова: Северная Монголия, гора Яшил, монгольское время, погребение, оружие, пальмы.

В результате археологических исследований, проведенных в Северной Монголии на погребальных памятниках монгольского времени, было обнаружено много предметов вооружения. Среди них имеются находки, известные в научной литературе под названием «пальма». Такие изделия состояли из древка разного размера и железного наконечника, у которого была несомкнутая втулка и ножевидный клинок с односторонней заточкой лезвия, переходящего в острие. Они зафиксированы на трех некрополях: Хавцал-II, Зуун хярын дэнж-I и Яшил (рис. 1: 1).

В 2008 г. монголо-русской экспедицией под руководством А. В. Харинского и Д. Эрдэнэбаатара были проведены археологические раскопки на памятнике Хавцал-II, находящемся на северном берегу оз. Хубсугул в сомоне Ханх аймака Хубсугул Монголии. При осмотре выброса из грабительской ямы кургана был обнаружен железный наконечник пальмы. Общая длина его — 17,6 см, длина втулки — 8,5 см, ширина втулки — 1,1–2 см, ширина клинка у основания 1,2 см (Харинский и др. 2010: рис. 1: 5).

В 2018 г. монголо-русской экспедицией под руководством А. В. Харинского и С. Оргилбаяра были произведены исследования памятника Зуун хярын дэнж-I в Прихубсугулье, также находящегося на территории сомона Ханх. При раскопках комплекса № 1 под камнями кладки, в ее северной части, найден железный наконечник пальмы с втульчатым насадом. Длина его составила 20,7 см (клинок — 11,2 см, втулка — 9,5 см), ширина у основания клинка — 1,4 см, толщина 0,1–0,5 см (Оргилбаяр и др. 2019; Харинский и др. 2023: рис. 3: 3).

В 2022 г. монголо-русской экспедицией Монгольского национального университета и Алтайского государственного университета осуществлялись раскопки курганов монгольского времени у горы Яшил в сомоне Орхонтуул аймака Сэлэнгэ. В ходе раскопок был найден наконечник пальмы в погребении кургана № 3 со стороны левой тазовой кости погребенного. Он имеет цилиндрическую несомкнутую втулку, а также клинок с обухом и лезвием, плавно сужающимся

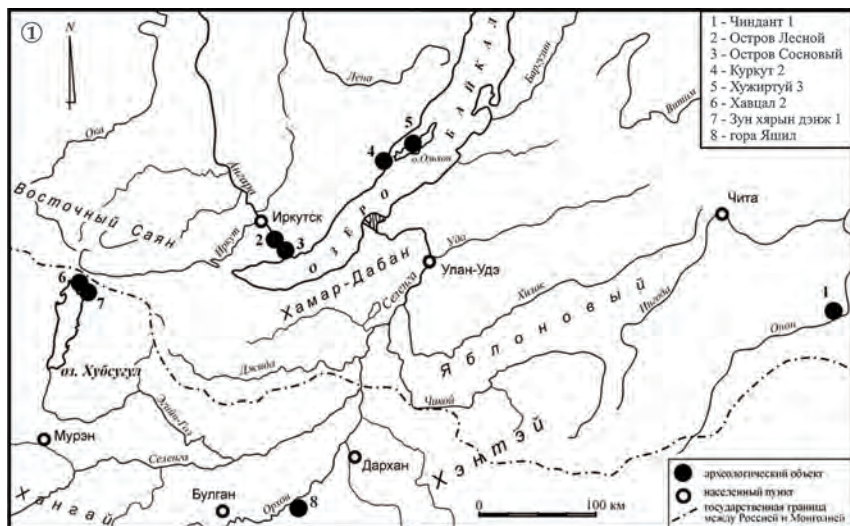

Рис. 1. Расположение памятников на территории Северной Монголии и Байкальского региона и новая находка наконечника пальмы: 1 — археологические объекты, на которых обнаружены наконечники пальм с насадом в виде несомкнутой втулки (по: Харинский 2020: рис. 3, с дополнением); 2 — наконечник пальмы, найденный в погребении памятника Яшил

к острию (Цэнд и др. 2023: рис. 4: 7). Размеры изделия следующие: общая длина — 21,9 см, длина втулки — 9,6 см, толщина — 1,6 см, длина клинка — 12,3 см, ширина — 1,6–2 см, толщина до 0,5 см (рис. 1: 2).

Наконечник пальмы, найденный в кургане № 3 памятника Яшил, является самым крупным по размерам, по сравнению с аналогичными по форме вышеуказанными находками. Судя по опубликованным материалам, по состоянию на 2020 г. на территории Северной Монголии и Байкальского региона обнаружено восемь наконечников от пальм с несомкнутой втулкой (три из них происходят с поселений, а пять — из погребений). Согласно результатам радиоуглеродного анализа, вре-

мя использования пальм с несомкнутой втулкой в рассматриваемой области Азии предварительно было определено концом VIII — серединой XII в. (Харинский 2020: 371). Наконечник, найденный в кургане № 3 на некрополе Яшил, является девятой находкой. Исследования, проведенные у горы Яшил, указывают на более широкую территорию распространения пальм. В настоящее время памятник Яшил является самым южным среди изученных археологических объектов Байкальского региона и Северной Монголии (рис. 1: 1).

Пальма является наименее распространенным оружием, встречающимся в погребениях средневековых монголов. По мнению А. В. Харинского, с XIII в. пальмы с несомкнутой втулкой уже не использовались в вооружении кочевников и полукочевников Байкальского региона и Тувы (Харинский 2020: 372–373). Такое оружие было больше характерно для северных народов. Для археологических памятников Монголии число фактов обнаружения пальм очень малое. Это указывает на то, что пальмы редко использовались средневековым населением империи. На территории Северной Монголии, где раскопано более двухсот погребений монгольского времени, сейчас известны всего три находки. Однако они имеют важное значение, так как, по всей видимости, отражают контакты с соседними племенами.

Список литературы

- Оргилбаяр С., Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., Мандалсурэн Н. 2019. Монгол-Оросын хамтарсан «Тув Азийн археологийн шинжилгээ-1» туслийн Хувсгул аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан ур дүнгээс // Эрдэнэбаатар Д. (ред.). Монголын археологи-2018. Улаанбаатар: Бемби сан, 140–146 (на монг. яз.).
- Харинский А. В. 2020. Пальмы с втульчатим наконечником из Байкальского региона и их более поздние модификации // Археология Евразийских степей 6, 366–378.
- Харинский А. В., Оргилбаяр С., Коростелев А. М., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М. А. 2023. Могильный XI–XIII вв. Зуун хярын дэнж 1 на северном побережье озера Хубсугул (Монголия) // Нижневолжский археологический вестник 22, № 1, 289–307.
- Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А. М. 2010. Херексур — универсальный объект погребальной практики // Черная М. П. (ред.). Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 322–324.
- Цэнд Д., Идэрхангай Т.-О., Тишкин А. А. 2023. Средневековые погребения у горы Яшил (Северная Монголия) // Известия Лаборатории древних технологий 19 (4), 93–105.

История изучения стратегий расселения средневекового населения Пермского Предуралья

Чакилева Ю. И.

Уральский федеральный университет

Ключевые слова: *Средневековье, ломоватовская культура, родановская культура, стратегии расселения*

Стратегии расселения древнего населения, оставившего различные археологические культуры, в настоящее время становятся частой темой для исследований. Не является исключением изучение стратегии расселения носителей ломоватовской и родановской археологических культур, существовавших на территории Пермского Предуралья (бассейн Верхней и частично Средней Камы) в VII–XV вв.

Попытки сформулировать общие признаки расположения памятников ломоватовской и родановской археологических культур были предприняты еще М. В. Галицким. Михаил Васильевич полагал, что изначально существовали преимущественно временные поселения, которые на рубеже X–XI вв. дополнились поселениями с мощным культурным слоем, существовавшими продолжительное время. Подобную систему расселения автор связывает с подсечно-огневым земледелием и сменой на рубеже X–XI вв. техники обработки земли (Галицкий 1951).

В. А. Оборин в своих работах (Оборин 1956; Бадер, Оборин 1958) подтверждает тезис о том, что на раннем этапе ломоватовской культуры преобладают городища, некоторые из которых затем становятся селищами. Он указывает на появление к концу существования родановской культуры небольших хорошо укрепленных поселений (например, Искорское, Пянтежское). Также исследователь выделяет три района группирования памятников родановской культуры — Зюздинский район, Чердынский и Гайнский районы, а также район в бассейнах рек Иньвы и Обвы.

Более подробно памятники ломоватовской культуры описаны Р. Д. Голдиной (Голдина 1985). Автор приводит общие характеристики расположения городищ, разделяя их на три типа в зависимости от размера площадки памятника. Каждый тип исследователем связывается с определенным периодом, и со временем площадь городищ уменьшается. Городища, по мнению автора, располагаются на высоких труднодоступных мысах, расположенных под углом к реке против ее

течения. Р. Д. Голдина, указывая на неравномерность распределения памятников, выделяет 10 территориальных групп, которые в свою очередь могут содержать в себе более мелкие группы памятников. Основываясь на том, что каждая такая группа обычно содержит в себе несколько типов памятников с разными функциями (городище, селище, могильник и святилище), автор делает выводы о характере социального устройства у носителей ломоватовской культуры.

Работы двух последних десятилетий характеризуются внедрением новых методов. А. В. Вострокнутов (Вострокнутов 2011; 2017) использует геоинформационную базу данных, содержащую различные векторные слои с информацией о водных объектах, местоположении памятников, артефактов, связанных с сельским хозяйством, топонимов и растровые данные с информацией о почвах. Автор использует картографический метод, чтобы по векам проследить динамику функционирования всех памятников начиная с харинской эпохи и заканчивая родановской культурой. На основе количества и характера памятников А. В. Вострокнутов выделяет период «стабильности» в VIII–XII вв., сменившийся в XIII в. резким сокращением числа поселений. Одной из вероятных причин кризиса автор называет установленное по письменным и палеоклиматическим данным похолодание в этот период.

Вторым направлением в исследованиях становится хозяйственное освоение территории вокруг памятников. А. В. Вострокнутов указывает, что площадки, на которых расположены поселения, могли быть освоены под сельскохозяйственные нужды и могли иметь форму прямоугольников, расположенных вокруг поселения и используемых поочередно (Вострокнутов 2019).

Характерной чертой современного этапа исследования является применение палеоэкологических данных. Д. А. Демаковым и А. Н. Сарапуловым было проведено исследование (Демаков, Сарапулов 2019), объектом которого стала группа из 46 памятников, расположенных на берегу реки Кама в Гайнском районе Пермского края. Авторы приходят к выводу, что расположение памятников на высоком берегу обеспечивало безопасность от затоплений, которые могли происходить в пойме. Исключения в виде расположения памятников вдали от реки объясняются выгодным с точки зрения обороны местом. Все памятники обеспечены водными ресурсами (ручьями, мелкими реками). Исследователи отмечают, что расположение поселений на высоких сухих местах, а также характерная «гнездовость» неукрепленных памятников могут косвенно указывать на использование подсечно-огневого земледелия.

Таким образом, сформулированные еще первыми исследователями тезисы постепенно углубляются с появлением новых данных. Наиболее актуальным представляется использование палеоэкологических, геоморфологических и геоинформационных методов в изучении стратегий расселения средневекового населения Пермского Предуралья.

Список литературы

- Бадер О. Н., Оборин В. А. 1958. На заре истории Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во.
- Вострокнутов А. В. 2011. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI–XV вв. Опыт картографического исследования с применением климатических данных // Казанская наука 8, 15–19.
- Вострокнутов А. В. 2017. Историческая динамика населения междуречья Камы и Иньвы в V–XV вв. н. э. По данным картографии // Археология Евразийских степей 1, 78–86.
- Вострокнутов А. В. 2019. Исследование пространственных данных о хозяйстве населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья на примере междуречья Камы и Иньвы // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции 15, 52–58.
- Голдина Р. Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та.
- Демаков Д. А., Сарапулов А. Н. 2019. Особенности расположения археологических объектов и хозяйственной деятельности населения эпохи средневековья на территории современного Гайнского района Пермского края // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции 15, 44–51.
- Оборин В. А. 1956. К истории земледелия у древних коми-пермяков // СЭ 22, 66–75.
- Талицкий М. В. 1951. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА 22, 4–58.

Химический анализ гарнитуры поясов неволинского типа

Черных А. А.

Удмуртский государственный университет

Ключевые слова: неволинская культура, поясная гарнитура, рентгенофлуоресцентный анализ (РФА)

Неволинская культура датируется концом IV — серединой IX в., ее памятники находятся в Сылвенско-Иренском поречье Пермского края. Могильники данной культуры — сложные комплексы, которые сочетают курганные (до начала VII в.) и бескурганные части (Голдина 2012а: 203–204). Одним из ярких атрибутов неволинской культуры является поясная гарнитура.

По времени бытования пояса делятся на 4 варианта: VI в. — верх-саинский (харинский); VII в. — бартымский (геральдический/агафоновский); VIII в. — неволинский с подвариантами: А — неволинский, Б — восточный (катандинский, согдийский), В — восточный с деталями предсалтовского; последняя четверть VIII — первая четверть IX в. — сухоложский (Голдина и др. 2018: 145).

В данной работе речь пойдет о трех подвариантах неволинского варианта поясов. Все три разновидности отличны друг от друга. Подвариант А (по типологии Р. Д. Голдиной) представляет собой кожаный пояс шириной 2–2,5 см, длиной до 70 см, украшенный накладками, пряжкой и наконечником ремня. К основному ремню прикреплены, как правило, 12–16 кожаных привесок размерами 3,5–4×10 см, украшенных накладками: круглые, тройчатки, Ж-образные, вытянутые прямоугольные с изображением личин (Голдина 2012б: 36). Наконечники ремней обычно дополнены вертикальным рядом голов медведей.

Подвариант Б не имеет привесок и представляет собой кожаную ленту шириной около 2 см, украшенную главным образом прямоугольными, арочными, серпообразными и другими оригинальными накладками, цельнолитой пряжкой и наконечником. Для того чтобы больше показать влияние Средней Азии на культуру Прикамья, была выделена среди восточных поясов еще одна группа: восточные пояса с деталями (пряжкой или наконечником), украшенными растительными узорами или пальметтой (подвариант В) (Голдина 2012б: 36–37).

Кроме внешних отличий также стоит отметить, что подвариант А характерен для женских погребений, а подварианты Б и В были найдены преимущественно в мужских захоронениях (Голдина 2012б: 36–37).

Для рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) был выбран материал из 3 могильников неволинской культуры: Верх-Саинского (далее ВС) (12 погребений и 3 участка), Неволинского (далее Н) (1 погребение) и Усть-Иргинского (далее УИ) (7 погребений и 1 участок). Анализ проводился канд. ист. наук, доцентом кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ С.А. Перевозчиковой и автором статьи. Был проведен химический анализ 58 накладок, 12 наконечников ремней и 15 пряжек из 12 цельных поясов и отдельных фрагментов. Выбранные погребения в большинстве (8 погр.) датируются второй половиной VIII в.; погр. 92 ВС — первая половина VIII в.; погр. 153 Н — VIII в.; 7 погребений — VII–VIII вв.; погр. 74А, 15, 19 ВС датируются последней четвертью VIII — первой четвертью IX в.

Исследование проводилось с помощью прибора рентгенофлуоресцентного анализа поверхности S1 Turbo SD LE при напряжении 40 кВ, сила тока — до 60 мА. Чистка предметов осуществлялась лимонной кислотой до исчезновения слоя патины. Полученные результаты заносились в таблицу.

Несмотря на столь явные различия по внешнему признаку, анализ показал, что по химическому составу все три подварианта неволинского варианта поясов схожи: 84 из 85 проанализированных элементов состоят из сплава меди и свинца. Основными добавками к сплавам являются: цинк (в 33 находках из 85 (39%)) и олово (в 14 из 85 (16,5%)). В 81 находке (95%) встречается незначительная доля железа (до 5%).

В результате были выявлены следующие закономерности. Внутри одного пояса или типа гарнитуры все время присутствует сплав меди и свинца, но медь может изменяться в количестве от 22 до 93%, в соответствии с этим меняется и содержание свинца: от 2 до 74% (погр. 65Б ВС (9 находок)). К таким погребениям также относятся: погр. 50, 70, 77, 83, 92 ВС; погр 153 Н.; погр. 14 УИ.

Эти данные применимы и к определенному типу гарнитур. В сплаве накладок тройчаток (13 экз.) меняется содержание меди от 17 до 99%, соответственно свинец — от 1 до 78%. Так же изменяется состав в следующих группах гарнитур: прямоугольные накладки с площадкой и без нее, Ж-образные, круглые; наконечники ремней с медвежьей личиной; пряжки с пластиной сердцевидной формы.

Можно отметить, что внутри определенного типа гарнитуры встречаются пары (иногда даже из разных могильников) с примерно идентичным сплавом: в группе накладок тройчаток таких пар можно выделить три: погр. 29 и уч. У/18 ВС (медь 93–96%, свинец 2%, цинк 2–4%);

погр. 50 и 92 ВС (медь 73,7%, свинец 16–22%, цинк 3–8%); погр. 74А ВС и погр. 153 Н (медь 62–67%, свинец 24–32%, цинк 2–8%).

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на внешнее различие трех подвариантов неволинского варианта поясной гарнитуры, все три группы схожи между собой по химическому составу (медно-свинцовый сплав). Этот вывод соотносится с утверждением Р. Д. Голдиной, что именно Прикамье было центром производства уникальных бронзовых изделий — то есть все три подварианта неволинского варианта поясной гарнитуры были изготовлены на одной территории (Прикамье) (Голдина и др. 2018: 146).

Список литературы

- Голдина Р. Д. 2012а. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV — начало IX в. н. э.) // Голдина Р. Д. (ред.). Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. — XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции 25). Ижевск: УдГУ, 203–286.
- Голдина Р. Д. 2012б. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции 21). Ижевск: УдГУ.
- Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В. 2018. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции 19). Ижевск: УдГУ.

**Стекланные браслеты из материалов раскопок
объекта культурного наследия федерального значения
«Крапивное, городище-1» в Шебекинском городском округе
Белгородской области в 2021–2022 гг.**

Шлыков К. Е.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Ключевые слова: *стекланные браслеты, Крапивенское городище, древнерусское поселение, Северский Донец*

Стекланные браслеты являются типичной находкой в культурном слое древнерусских городских поселений. Хронологические рамки бытования этих украшений в Древней Руси установлены в пределах второй четверти XII — середины XIV в. (Феребов 2018: 189). Некоторыми отечественными исследователями стекланные браслеты рассматриваются как массовый материал, позволяющий датировать слои. Разработаны различные классификации (Полубояринова 1963: 178; Олейников 2002: 51–52), среди которых наиболее удобной мною признается классификация по форме и цветовой палитре браслета (Щапова 1972: 111–112).

Стекланные браслеты из культурного слоя Крапивенского городища, несмотря на внимание археологов к памятнику, до сих пор не становились объектом отдельного исследования (Дьяченко 2010: 3–4). ОКН «Крапивное, городище-1» расположен на высоком мысу правого берега р. Корень (бассейн Северского Донца) на окраине с. Крапивное Шебекинского г. о. Белгородской обл. и составляет ядро комплекса памятников древнерусского времени. Его (и прилегающего памятника «Крапивное, селище-2») изучение в 2021–2022 гг. позволило выявить новые археологические материалы, в том числе изделия из стекла, в первую очередь 16 фрагментов стекланных браслетов (Каменев 2022: 37, 67–68; Степовой 2022: 63; Журбенко 2023: 62).

В коллекции представлено 8 крученых браслетов. Они изготовлены из непрозрачного или полупрозрачного стекла. По форме выделяются 7 среднекрученых браслетов, одно украшение — крупнокрученое с тремя акцентированными гранями; 5 браслетов в поперечном сечении имеют круглую форму, 2 — овальную и 1 — прямоугольную. Цветовая гамма изделий разнообразна: 4 фрагмента черно-коричневой

расцветки, 2 — синей, 1 — желто-черной. Определение цвета одного браслета затруднено из-за плохой сохранности. По размерам сечения выделяются браслеты средние и толстые; внутренний их диаметр, включая 2 браслета, средний. Маленький диаметр (4,5–4,7 см) указывает, вероятно, на использование этих изделий в качестве детских украшений (Королева 2017: 106).

Гладкие браслеты, изготовленные из непрозрачного или полупрозрачного стекла, обнаружены в 6 экз. Выделены 5 фрагментов круглой формы, 1 овальной. Синюю расцветку имеют 3 фрагмента, по одному коричневую, фиолетовую и бирюзовую. Один синий браслет украшен декором в виде перевитья, а коричневый — рядом продольных полос. Два фрагмента имеют уплощения на одном из концов. Размеры сечения украшений средние, не считая одного предмета, который отличается малым внутренним диаметром и является, вероятно, фрагментом браслетообразного височного кольца (Королева 2017: 106).

Кроме того, выделены также фрагмент нетипичного для древнерусского ремесла браслета подтреугольной формы из черного непрозрачного стекла (византийский импорт?) и фрагмент фиолетового (сине-зеленого?) рифленого овального в профиле браслета.

Таблица 1. Распределение стеклянных браслетов с ОКН «Крапивное, городище-1» и «Крапивное, селище-2»

Тип формы	Цвет						Декор		Размеры				
	Черно-коричневый	Желто-черный	Фиолетовый	Синий	Бирюзовый	Не определен	Перевитье	Продольные полосы	Поперечное сечение			Внутр. диаметр	
									Малое (2–4 мм)	Среднее (5–6 мм)	Крупное (7–9 мм)	Малый (4–4,7 см)	Средний (5–6,5 см)
Гладкий	1		1	3	1		1	1	1	4	1	1	5
Среднекрученый	4	1		1		1				5	2	2	5
Крупнокрученый				1						1			1
Рифленый			1								1		1
Подтреугольный	1									1			1
Всего	6	1	2	5	1	1	2	1	11	4	3	13	
	16												

Таким образом, представив краткое описание коллекции стеклянных браслетов 2021–2022 гг. с Крапивенского городища, мы можем подвести предварительные итоги их изучения (табл. 1). Преобладание форм крученых и гладких браслетов однозначно указывает на древнерусское происхождение основной их массы. Браслеты Крапивенского городища, по всей видимости, являются импортом. Не располагая сведениями о химическом составе сырья, невозможно говорить о конкретном производственном центре, откуда они были доставлены. Однако учитывая торговые связи городища с Поднепровьем, на роль главных экспортеров могут претендовать Киев и Любеч (Дьяченко 2010: 9). По крайней мере, такую картину показывают материалы схожего памятника — Донецкого городища (Дьяченко и др. 1996: 67). Собранный коллекция достаточно скромна (16 экз.). В ней отмечается преобладание изделий коричнево-черного и синего цветов. Нетипичная картина распределения находок может быть связана как с неполнотой выборки, так и вполне историческими, но пока неизвестными причинами (местная мода?). Однако можно уверенно утверждать, что комплекс стеклянных браслетов Крапивенского городища сформировался в XII — первой половине XIII в., в период активной жизни на поселении, окончившийся с монгольским нашествием.

Список литературы

- Дьяченко А. Г. 2010. Охранная зона памятника археологии регионального значения «Крапивное. Городище-1» у села Крапивное Шебекинского района Белгородской области (пояснительная записка). Белгород.
- Дьяченко А. Г., Лапчинская Л. В., Шапова Ю. Л. 1996. О химическом составе и происхождении стеклянных браслетов Донецкого городища // Пряхин А. Д. (ред.). На Юго-Востоке Древней Руси. Воронеж: Изд-во ВГУ, 63–71.
- Журбенко Л. Н. 2023. Отчёт об археологических работах (раскопки) на территории объекта культурного наследия федерального значения «Крапивное, городище-1» в Шебекинском городском округе Белгородской области в 2022 году. Белгород. Архив ИА РАН, Р-1.
- Каменев В. В. 2022. Отчет об археологических разведочных работах на территории объекта культурного наследия федерального значения «Крапивное, городище-1», выявленного объекта археологического наследия «Крапивное селище-2», а также в долине р. Корень в пределах Шебекинского городского округа Белгородской области в 2021 году. Белгород. Архив ИА РАН, Р-1.
- Королева Е. П. 2017. Стеклянные браслеты, браслетообразные височные кольца с территории детинца Замковая гора в городе Мстиславль: типоло-

- гия и технология изготовления // Вестник Полоцкого государственного университета, серия А, 9, 100–107.
- Олейников О. М. 2002. Стекланные браслеты Великого Новгорода // РА 1, 51–73.
- Полубояринова М. Д. 1963. Стекланные браслеты древнего Новгорода // Арциховский А. В. Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции 3. М.: АН СССР, 165–199.
- Степовой А. В. 2022. Отчет об археологических работах (раскопки) на территории объекта культурного наследия федерального значения «Крапивное, городище-1», в Шебекинском городском округе Белгородской области в 2021 году. Белгород. Архив ИА РАН, Р-1.
- Феребов А. Н. 2018. Основания датировки стекланных браслетов, найденных на территории Московского Кремля // Археология Подмосквья 14, 189–200.
- Щапова Ю. Л. 1972. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ.

Место костяных изделий в погребальном обряде средневекового населения Пермского Предуралья

Шмырина М. Е.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Ключевые слова: *костяные изделия, Пермское Предуралье, эпоха Средневековья, погребальный обряд, могильники*

В материалах средневековых памятников Пермского Предуралья костяные изделия являются одной из наиболее распространенных категорий предметов. В древности изделия из кости и рога использовались человеком во всех областях жизнедеятельности. Преимущественно предметы из кости и рога обнаружены на поселенческих памятниках, в материалах могильников они сравнительно редки. В рамках исследования были проанализированы материалы Плотниковского (29 погребений), Рождественского (2 погребения), Баяновского (13 погребений), Плесинского (12 погребений), Редикарского (4 погребения) могильников. В общей сложности рассмотрено 60 погребений, содержащих костяные изделия. Большинство погребений, имеющих половозрастные определения, принадлежат мужчинам.

Костяные изделия из погребальных памятников Пермского Предуралья можно разделить на несколько категорий: орудия труда для домашних производств и предметы быта, предметы вооружения и охоты, украшения и детали костюма, предметы гигиены, изделия для досуга. Среди орудий труда для домашних производств представлены кочедыки, детали ткацкого станка, фрагменты рукоятей. Кочедыки и их фрагменты идентичным тем, что присутствуют на поселенческих памятниках. Эти предметы встречены в мужских или детских погребениях в большинстве случаев на уровне таза (Крыласова, Брюхова 2017: 37), по всей видимости, они располагались на поясе. Интерес представляет погребение Плесинского могильника, где были встречены скоплением костяные иглы для вязания (13 экз.) в женском погребении у костей рук (ГКУК КПКМ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 11. Л. 18). Фрагменты рукоятей наиболее распространены в мужских погребениях, но присутствуют и в женских. Зачастую рукояти присутствуют вместе с предметами, которыми они снабжались, — ножами, шильями, различными видами оружия (Оборин 1961).

Предметы вооружения и охоты представлены наконечниками стрел. Они встречаются в погребальных памятниках от раннего до развитого Средневековья и маловариативны. Костяные наконечники присутствуют в мужских погребениях, преимущественно молодых индивидов. Наконечники стрел в пространстве погребения расположены «в ногах» или в области таза, в единичных случаях в районе черепа.

Украшения и детали костюма из погребальных памятников включают амулеты из костей животных, рыб и птиц, костыльковые подвески, нашивки и пронизки. Для средневекового Пермского Предуралья характерно широкое распространение амулетов из частей скелета животных. Амулеты применялись средневековым человеком в качестве тотема или оберега (Крыласова, Косинцев 2021: 90). Амулеты-натуралии из костей костно-хрящевых рыб из погребальных памятников преимущественно изготовлены из позвонков щуки. Данный факт может свидетельствовать как о частоте добычи этого вида рыб, так и о его сакральном значении (Коновалова, Шмырина 2021: 113). Амулеты из таранных костей бобра присутствуют преимущественно в мужских и детских погребениях. Встречены также амулеты, выполненные из зубов и когтей. Амулеты из когтей медведя располагаются исключительно в мужских погребениях, что может свидетельствовать о семантическом значении данных предметов. Костыльковые подвески различны по своим размерам, но имеют общую форму. Предметы носили утилитарное назначение — для крепления подвесок-накосников в волосах, подвешивания к поясу ножен и прочих предметов (Белавин, Крыласова 2008: 389). Экземпляры меньшего размера могли использоваться в качестве пуговиц, что подтверждается их расположением в центральной части погребения и у кистей рук.

Из предметов гигиены встречены гребни и копоушки. Преобладают цельные односторонние гребни с зооморфной спинкой. еще всего они встречаются в женских погребениях. Роговые гребни зачастую входят в украшения кос, являясь их завершением (Крыласова 2001: рис. 16). В мужских погребениях гребни встречаются в основном в области таза — на поясе или в наполнении поясных кошельков. Копоушки, встреченные в погребениях, располагаются в области таза или черепа и имеют пластинчатую форму. В женских погребениях они обычно являлись частью накосников.

Среди предметов досуга можно выделить таранные кости мелкого рогатого скота со следами обработки, которые могли использоваться для игры в бабки либо в качестве амулетов. Также к предметам досуга

можно отнести находки костяных варганов. Варганы представлены исключительно в материалах Деменковского могильника преимущественно в женских погребениях.

Костяные изделия являются редкой категорией находок в погребальных памятниках Пермского Предуралья. Данный факт может быть связан как со спецификой погребального обряда, так и с плохой сохранностью костяных изделий в силу специфики почв. Вероятно, костяные и роговые предметы использовались средневековым человеком в погребальном обряде наравне с металлическими изделиями. Наблюдаются половозрастные различия в распределении костяного инвентаря в погребениях. Так, например, наконечники стрел, амулеты, связанные с промысловой магией, встречаются исключительно в мужских погребениях. Гребни и копоушки являются преимущественно принадлежностью женщин, хотя присутствуют и исключения.

Список литературы

- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. 2008. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГГПУ.
- Коновалова К. Ю., Шмырина М. Е. 2021. Костяные украшения и детали костюма из материалов средневековых поселенческих памятников бассейна р. Иньва // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции 19, 112–118.
- Крыласова Н. Б. 2001. История Прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГГПУ.
- Крыласова Н. Б., Брюхова Н. Г. 2017. Плотниковский могильник. Пермь: ПГГПУ.
- Крыласова Н. Б., Косинцев П. А. 2021. Амулеты-натуралии из костей млекопитающих в средневековом Пермском Предуралье // Вестник Пермского университета. История 51 (1), 81–93.
- Оборин В. А. 1961. Отчет о работе археологической экспедиции Пермского государственного университета и Копи-Пермяцкого окружного краеведческого музея в июле 1961 г. ГКУК КПКМ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–67.

Изображение вооруженных всадников и лошадей на блоках стен Маяцкого городища

Щербинин А. С.

Белгородский государственный университет

Ключевые слова: лошади, вооруженные всадники, Маяцкая крепость, «граффити», IX век, рисунки

В начале XX в., издавая материалы раскопок на Маяцком мысе, Н. Е. Макаренко весьма метко отметил, что «Маяцкое городище принадлежит к тем остаткам прошлого на берегах Дона, которым было суждено неоднократно служить материалом для археологических статей, заметок и рефератов» (Макаренко 1911: 43). Само городище относится к салтово-маяцкой культуре и датируется IX в. Оно имеет площадь 95×80 м, практически не застроено зданиями изнутри, расположено на высоком мысе в Лискинском районе Воронежской области при впадении реки Тихая Сосна в Дон. Фортификация городища не совершенна, ее стены достигали всего 1,5–2 м в высоту (Флеров 2010: 55). Наиболее масштабные раскопки проводились в рамках совместной Советско-болгаро-венгерской экспедиции, которая проходила в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. Было обнаружено более 100 рисунков, или «граффити», на меловых блоках, расположенных на высоте 0,6–0,8 или 1,2–1,6 м. Все изображения на стенах делятся на пять групп. Пятая группа по С. А. Плетневой — рисунки, изображающие в основном животных и всадников, реже — сюжетные композиции с всадниками, и именно она представляет интерес в рамках данной работы (Плетнева 1984: 57).

Всего известно три композиции, содержащие изображения всадника на лошади. Две из них (по общей нумерации, данной С. А. Плетневой, — XV/16 и XVI/17) содержат изображения человека, едущего верхом на коне, одно (XVIII/19,20) — сцену боя пешего и конного воинов (рис. 1) (Плетнева 1984: 67).

Лошади в двух случаях изображены с короткими подстриженными гривами, в одном случае грива пышная и развивающаяся (XVIII/19,20). Хвосты в двух случаях распущены (отображены на рисунке как «елочка»), в одном часть изображения фигуры животного, где должен располагаться хвост, утрачена (XV/16).

Конская упряжь на изображении XV/16 представлена седлом с двумя высокими луками и подседельником, а на блоке XVIII/19,20

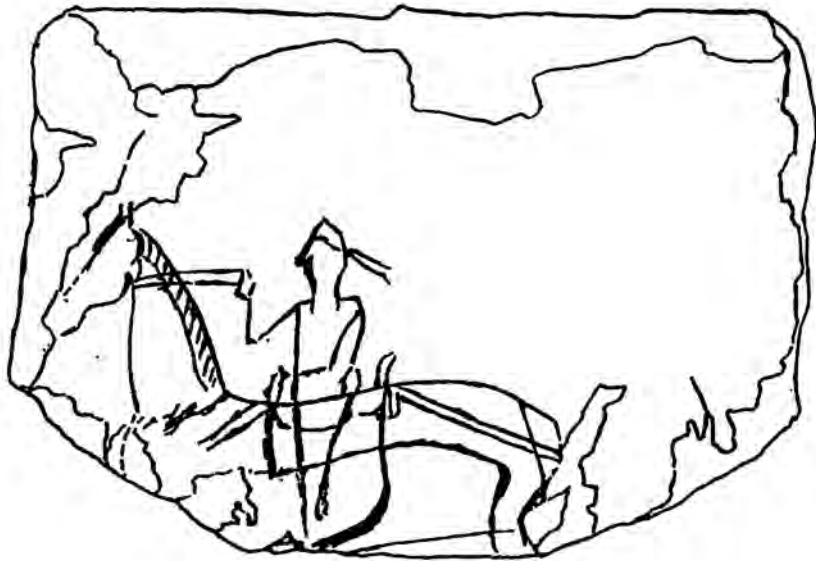

Рис. 1. Изображенные на поверхности меловых блоков сцена боя всадника с пешим лучником (блок XVIII/19, 20) и всадник в ритуально-торжественной позе (блок XV/16)

отображено с вертикальной прямой передней лукой и слегка наклонной с внутренней стороны задней. На этом же блоке от морды к приподнятой левой руке протянуты две вогнутые линии — поводья. Рисунок XVI/17 содержит посаженного без седла прямо на круп коня всадника.

Посадка наездника в двух случаях — прямая с вытянутыми ногами, но на изображении XVIII/19,20 всадник немного откинулся в седле.

Интересной деталью изображения, по утверждению С. А. Плетневой, является рисунок лошадиного доспеха-панциря на блоке XVIII/19,20. Подобный доспех не был найден в салтовских древностях. Возможно, это связано с тем, что такие панцири были достаточно дорогим вооружением, и коней с ними могли положить только в ханскую могилу, которая тщательно скрывалась (Плетнева 1984: 69).

Большинство известных изображений лошади хазарского времени с территории Восточной Европы имеют подвязанные хвосты, что может быть проиллюстрировано образами лошадей с Шиловской пластины и костяной пластины из Чир-Юрта (Плетнева 1986: 25; Багаутдинов 1998: 85). Изображения с подвязанным хвостом зафиксированы на объемных амулетах (9, 10) из Дмитриевского могильника (Флерова 2001: 73). Эта традиция известна у тюрков и позже: Алп-Арслан, второй султан государства Сельджукидов, также связал хвост своей лошади в битве при Манцикерте в 1071 г. (Запорожец 2011: 54). Рисунки лошадей с распущенными хвостами известны в Преславе, Дунайская Болгария (Артамонов 1962: 219).

Изображение гривы лошадей в салтово-маяцкой культуре представлены на ковше из Коцкого городка и костяной пластины из Чир-Юрта — гривы аккуратно подстрижены и причесаны (Смирнов 1909: 65; Плетнева 1986: 25).

Конскую упряжь на рисунках хазарского времени можно увидеть на той же пластине из Чир-Юрта, на Шиловской пластине и на ковше с Коцкого городка (Смирнов 1909: 65; Плетнева 1986: 25; Багаутдинов 1998: 85). Седла на данных изображениях имеют высокую переднюю луку, в то время как задняя отогнута к спине лошади. На Шиловской пластине прослеживаются также поводья (Багаутдинов 1998: 85).

Фигуры всадников, изображенных на ковше из Коцкого городка, Шиловской пластине и костяной пластине из Чир-Юрта, наклонены вперед, их ноги подогнуты.

Изображения конского доспеха не имеют аналогий на таких известных предметах салтово-маяцкого искусства, как костяная

пластина из Чир-Юрта, ковш из Коцкого городка и Шиловская пластина (Смирнов 1909: 65; Плетнева 1986: 25; Багаутдинов 1998: 85).

Проанализировав данный материал, можно выделить специфические черты «граффити» с всадниками на Маяцком городище: в отличие от рисунков степного варианта салтово-маяцкой культуры, прослежены изображения распущенного длинного лошадиного хвоста, который чаще всего отображен «елочкой», седла с высокой передней и задней лукой, а также вертикальную посадку всадника с вытянутыми ногами. Таким образом, можно предположить, что рисунки на блоках Маяцкого городища отражают специфику использования лошади лесостепным населением салтово-маяцкой культуры.

Список литературы

- Артамонов М. И. 1962. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Багаутдинов Р. С. 1998. Вопросы интерпретации резных изображений на шиловских костяных пластинах. Кемерово: Пограничье.
- Запорожец В. М. 2011. Сельджуки. М.: Воениздат.
- Макаренко Е. Н. 1911. Археологические исследования 1907–1909 годов. СПб.: Типография Главного Управления Дел.
- Плетнева С. А. 1984. Рисунки на стенах Маяцкого городища // Плетнева С. А. (ред.). Маяцкое городище. Труды Советско-Болгарско-Венгерской экспедиции. М.: Наука, 57–92.
- Плетнева С. А. 1986. Хазары. М.: Наука.
- Смирнов Я. И. 1909. Восточное серебро. СПб.: Типография В. Киришаума.
- Флеров В. С. 2010. «Города» и «замки» в Хазарском каганате. М.: Мосты культуры.
- Флерова В. Е. 2001. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.: Мосты культуры.

**Раскопки на Маркульском храме
(Очамчирский район, Республика Абхазия) 2022–2023 гг.:
методика и результаты полевых исследований**

Юрков В. Г., Егоров И. В., Юрков А. Г.

Институт археологии РАН

***Ключевые слова:** Маркульское городище, Абхазия, фотограмметрия, храм, погребения, коллективные захоронения, христианство, мусульманский обряд*

Маркульское городище расположено в Очамчирском районе Республики Абхазия. Центральным местом на памятнике является храм, относящийся к IV–XIV вв. Раскопки на его территории проводились в 2014–2017 гг. За это время была вскрыта площадь: самого храма до уровня пола (пол здания не вскрывался), к югу от храма до стены-ограды, к западу — до края обрыва плато (часть территории храма разрушена природной абразией и «ушла» в обрыв), частично также была раскрыта площадь к северу — до стены-ограды и небольшой участок за ней (Требелева, Шведчикова 2019). Исследования были продолжены в 2022–2023 гг. уже с применением иных технических методов фиксации.

Основная трудность раскопок храма заключалась в большом количестве захоронений, при том что значительная их часть находится в разрушенном, перемешанном состоянии. Объясняется это тем, что длительное функционирование храма приводило к тому, что новые захоронения разрушали предыдущие. Храм находится в зоне тектонической активности — следы землетрясений и оползней читаются в архитектурных остатках. Еще одной сложностью является очень плохая сохранность костных останков. Почвы в данном регионе очень кислые с доступом O_2 , климат теплый и влажный — это идеальные условия для разложения костей. Вполне очевидно, что одной из важнейших задач исследований памятника является правильная и подробная фиксация костных остатков¹. Методика их фиксации представляет собой следующее: весь участок раскопа делится условно на квадраты (1×1 м), и разрозненные кости маркируются по этим квадратам и штыкам. Целые погребения (в анатомическом порядке) или компактное

¹ Методика фиксации костных останков была предоставлена нам Т. Ю. Шведчиковой.

расположение костей вместе, без четкого анатомического порядка, маркируется под отдельным номером: погребение № / скопление №. В дополнение к данному методу фиксации нами также применялся метод фотограмметрической съемки как непосредственно каждого скопления/погребения (рис. 1: Б), так и всей площади раскопа по штыкам (рис. 1: В). Подробно метод изложен в статье (Trebeleva et al. 2022).

В 2022–2023 гг. раскопки проводились на «северном» и «восточном» участках. Северный участок раскопок (рис. 1: А) представляет собой пространство между северной стеной храма и стеной храмовой ограды. Его ширина в западной части составляет 1,7 м сужаясь к апсиде. Длина раскопа, достигавшая 5 м в 2022 г., в 2023 г была увеличена за счет прирезки по краям до 6,5 м. Здесь было снято 8 условных «штыков» (по 10 см каждый). На глубине 45–50 см было обнаружено первое погребение, при дальнейших раскопках в общей сложности было исследовано 4 погребения и 24 скопления костных останков. Погребения не содержали инвентаря. Вещественные находки представлены единичными фрагментами керамических сосудов и строительной керамики, все они были сконцентрированы в верхних слоях.

Иную картину представлял собой восточный участок. Для него характерен очень сильный перепад высот (рис. 1: Г), поэтому одной из задач раскопок было достижение одного уровня на всей этой площади. Раскоп 2022 г. был вписан в условную общую сетку: линия 5, квадраты С–D, при этом с запада он ограничен стеной, подпирающей апсиду, а с севера — стеной ограды. Размеры участка составили 4,9×1,67 м. Раскоп 2023 г. был расширен к югу на квадрат В до южной оградной стены, его длина составила 7,9 м.

Здесь было снято 4 условных «штыка» глубиной от 15 до 30 см. Культурный слой содержал крупные камни. Отличительной его особенностью является также большое количество черепицы (более 4000 фрагментов). На участке были открыты погребения, ориентированные головой на юг, что нехарактерно для христианских захоронений. Погребенные лежали на черепице и были засыпаны ею сверху. В 2022 г. такой обряд оставался загадкой, но раскопки 2023 г. дали на ее ответ — черепица лежит сверху слоя завала обрушившихся стен, а погребения были впущены в этот слой, то есть совершены после разрушения храма, в мусульманский период. Интересно, что подобная ориентация погребенных уже встречалась при раскопках 2017 г. с внешней стороны северной ограды. Тогда же была найдена монета с арабской надписью (Требелева, Шведчикова 2019), позднее опреде-

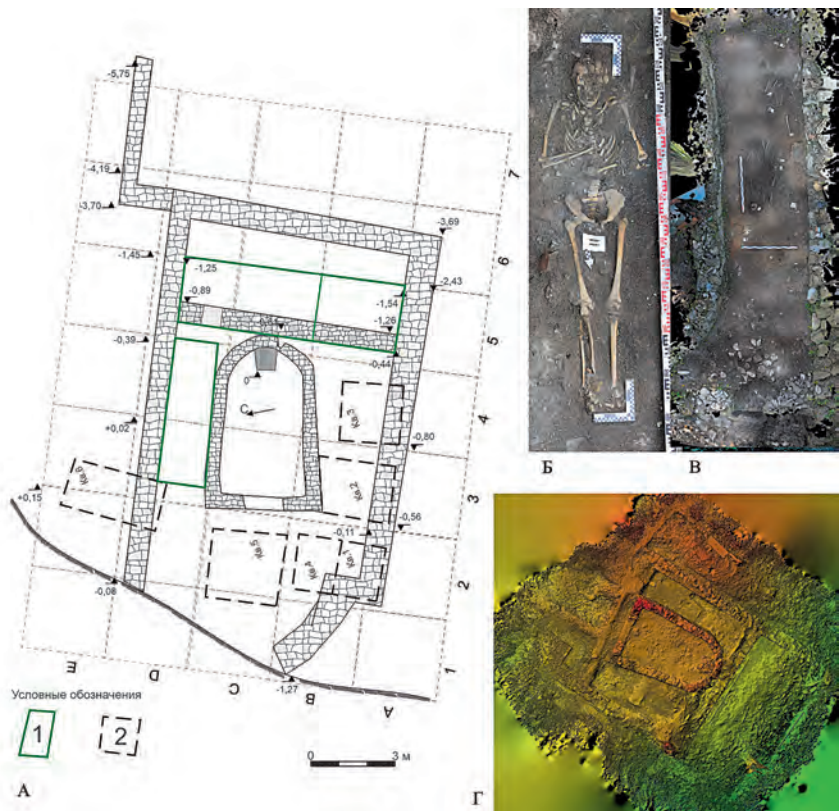

Рис. 1. А — План с сеткой квадратов и указанием раскопов: 1 — раскопы 2022–2023 гг., 2 — раскопы 2014–2017 гг.; Б — ортофотоплан погребения 1/2023 г.; В — ортофотоплан северного участка, шт. 8; Г — цифровая модель местности по результатам завершения работ 2022 г.

ленная¹ как бешлик хана Менгли II б. Селима (Бахчисарай). По данной монете погребения датируются XVIII в.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на разрушение храма предположительно в XIV в., данное место почиталось местным населением как «святое», что подтверждается традицией совершать здесь захоронения.

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-18-00466.

¹ Определение принадлежит И. В. Зайцеву.

Список литературы

- Требелева Г. В., Шведчикова Т. Ю. 2019. Захоронения на территории Маркульского храма // Нуралис. Труды отдела классической археологии ИА РАН 1, 162–173.
- Trebeleva G., Glazov K., Kizilov A., Kizilova A., Yurkov V., Yurkov G. 2022. Advanced Technologies Used in Digitizing the Cultural Heritage of Northwestern Colchis: The Experience of the Markul Expedition // Applied Sciences 12 (4), 20–52.

Динамика расселения древней и средневековой мордвы: по материалам могильников

Якунин К.Д.

Пензенский государственный университет

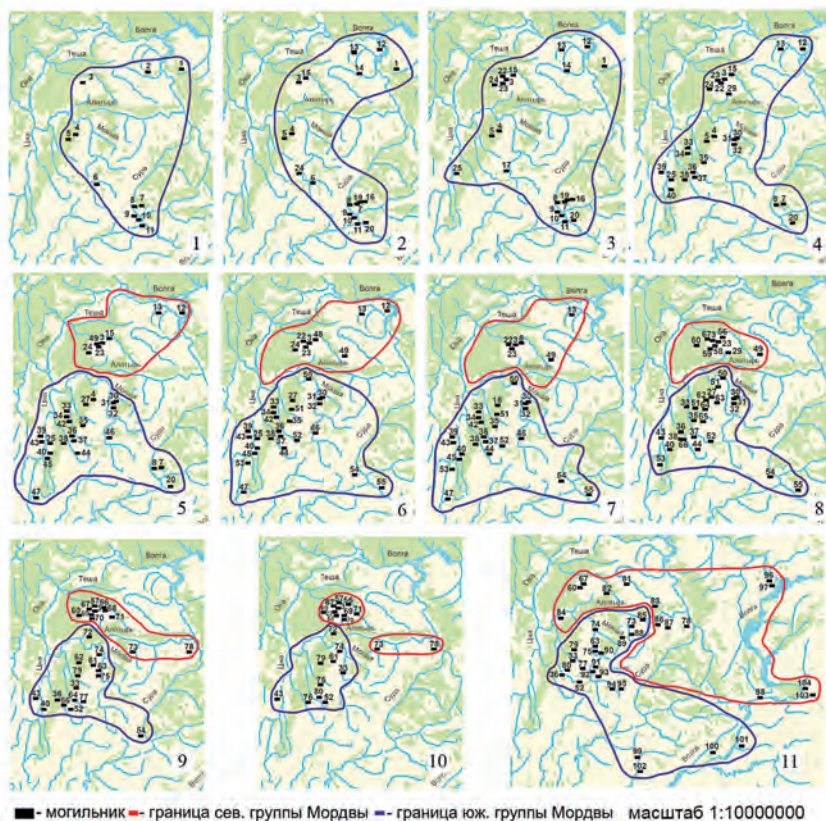
Ключевые слова: мордва, динамика расселения, эпоха Великого переселения, Средневековье, мордовские могильники

Основным источником по расселению древней и средневековой мордвы являются материалы могильников, которые достаточно хорошо датированы, что позволяет проследить динамику расселения. Со второй половины II — начала III в. происходит формирование двух локальных групп. Северная группа расселяется по верхнему оттоку реки Волга до реки Теша, южная группа селится в бассейне реки Сура (рис. 1: 1) (Шитов 2000). Разделение не привело к утрате культурного единства, незначительные локальные отличия проявляются только в погребальном обряде, который не имеет устойчивого характера. Подобная ситуация сохраняется вплоть до VII в. Мордва в это время предстает как единая общность племен с общими традициями, ритуалами, особенностями погребального обряда (рис. 1: 2–4). В конце VII в. проявляются различия в ориентировке умерших: северная группа мордвы стала хоронить головой преимущественно на север, а южная — головой на юг (Вихляев 2000). Происходит сдвиг мордовских памятников на запад. Северная группа занимает бассейн р. Теша, а южная — бассейн р. Цна и р. Мокша. В Посурье количество могильников резко сокращается (рис. 1: 5–8). Причиной этого стала экспансия тюркских кочевых племен, пришедших с юга и востока (Вихляев 2013).

Процесс ослабления позиций мордвы в Око-Сурском междуречье продолжился с IX по XII в. (рис. 1: 6–8). Памятники перемещаются дальше на запад, были утрачены сурский и верхневолжский центры, северная группа мордвы закрепляется в бассейнах рек Теша и Алтырь, а южная — занимает междуречье рек Цна и Мокша (Пушкова 2022). Этот период времени является одним из самых сложных в истории мордвы. Восточные группы попадают в вассальную зависимость от Волжской Булгарии, в бассейне Тешы происходит ряд столкновений с русскими княжествами, которые нашли отражение в летописных источниках (Жиганов 1977).

Татаро-монгольское нашествие привело к существенной перегруппировке мордовских могильников. Многие из них прекращают

функционировать. Особенно существенный урон наблюдается в бассейне р. Теша (рис. 1: 9–10). Вместе с тем монгольское нашествие остановило русскую и болгарскую экспансию. Стабилизация внутриполитической обстановки благоприятно отразилась на демографии мордовского населения. Уже в XIV в. возникает целый ряд новых памятников в бассейнах рек Мокши и Алатыря. Мордовские могильники появляются далеко за пределами прежней этнической территории на р. Медведица и на Самарской Луке (рис. 1: 11). Северная группа мордвы постепенно попадает в зону русского влияния, а южная находится в непосредственном подчинении золотоордынской администрации. Подобное разделение привело к ускорению процессов дифференциации мордвы на два субэтноса — мокшу и эрзу (Ставицкий 2022).

В заключение стоит отметить особую роль могильников при проведении условных границ территорий, занимаемых мордвой в разные промежутки времени, и при изучении динамики ее расселения. Данный источник позволяет проследить разделение мордвы на локальные группы эрзи и мокши.

Рис. 1. Карты расселения Мордвы в эпоху с III по XIV в. по материалам могильников (с. — северная, ю. — южная): 1 — Таутовский; 2 — Сергачский (Святой ключ); 3 — Стексовский; 4 — Мордовско-Козловский; 5 — Степановский; 6 — Ражкинский; 7 — Селиксенсий; 8 — Пензенский; 9 — Алферьевский; 10 — Усть-Узинский; 11 — Шемьшевский; 12 — Ивановский; 13 — Волчихинский; 14 — Сергачский (Кожина слобода); 15 — Абрамовский; 16 — Степановский с.; 17 — Тезиковский; 18 — Степановский ю.; 19 — Селикса-Трофимовский; 20 — Армиевский с.; 21 — Ивановский с.; 22 — Личадеевский с.; 23 — Погибловский с.; 24 — Старший Кужендеевский; 25 — Серповский; 26 — Степановский ю.; 27 — Степановский с.; 28 — Ивановский ю.; 29 — Выползовский; 30 — Краснослободский (Мецанский лес); 31 — Старозуборевский; 32 — Тенишевский; 33 — «Заря»; 34 — Журавкинский с.; 35 — Кельгининский; 36 — Старобадиковский; 37 — Луговской; 38 — Пановский; 39 — Томниковский; 40 — Елизавет — Михайловский; 41 — Абрамовский; 42 — Журавкинский ю.; 43 — Давыдовский; 44 — Малоижморский; 45 — Кроково — Кужновский; 46 — Красный Восток; 47 — Лядинский; 48 — Красное; 49 — Перемчалконский; 50 — Пурдошанский; 51 — Куликовский; 52 — Кармалейский; 53 — Кулеватовский; 54 — Кривозерский; 55 — Армиевский ю.; 56 — Красное; 57 — «Пятница»; 58 — Сыресеевский с.; 59 — Сыреевский ю.; 60 — Младший Кужендеевский; 61 — Мордовско-Паркинский; 62 — Куликовский с.; 63 — Ефаевский; 64 — Куликовский ю.; 65 — Кельгининский; 66 — Сядемский; 67 — Личадеевский ю.; 68 — Зареченский; 69 — Выползовский с.; 70 — Выползовский ю.; 71 — Гагинский; 72 — Саровский; 73 — Дубровский; 74 — Стародевиченкий; 75 — Черемисский; 76 — Калиновский ю.; 77 — Беднодемьяновский; 78 — Манадышский; 79 — Куликовский; 80 — Пичтадинский; 81 — Борнуковский; 82 — Коринский; 83 — Большеизнатовский; 84 — Нароватовский; 85 — Кендянский; 86 — Папулевский; 87 — Киржеманский; 88 — Василевский; 89 — Вертелимский; 90 — Волгатинский; 91 — Паньжинский; 92 — Старосотенский; 93 — «Казбек»; 94 — Долгоруковский; 95 — Черноезерский; 96 — Карташихинский с.; 97 — Муранский; 98 — Карташихинский ю.; 99 — Комаровский; 100 — Покровский; 101 — Черемшанский; 102 — Аткарский; 103 — Барбашинский; 104 — Усинский

Список литературы

- Вихляев В. И. 2000. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Красный октябрь.
- Вихляев В. И. 2013. Расселение мордвы в III — в начале XIII вв. // Поволжская археология 2, 162–170.
- Жиганов М. Ф. 1977. Память веков. Саранск: Мордов. кн. изд-во.
- Пушкова А. А. 2022. География расселения мордвы в Окско-Сурко-Цнинском междуречье VIII — первой половине XIII вв. // Историко-географический журнал 1 (1), 93–99.
- Ставицкий В. В. 2022. История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей 6, 155–166.
- Ставицкий В. В. 2016. Эрзя и мокша по данным археологии // Центр и периферия 1, 4–11.
- Шитов В. Н. 2000. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Мокшин Н. Ф. и др. (ред.). Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всерос. научной конференции финно-угроведов. Саранск: Мордовский гос. университет им. Н. П. Огарева, 52–60.

НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Пуговицы из коллекции ОАН «Город Гижигинск»: первый опыт классификации

Ватолина А. Е.

Северо-Восточный государственный университет

Ключевые слова: *Гижигинск, археологические раскопки, пуговицы, Север Дальнего Востока России*

Гижигинской археологической экспедицией при исследовании ОАН «Город Гижигинск» найдены артефакты, свидетельствующие о функционировании объекта в XVIII — начале XX в. (Батаршев и др. 2022). Массовый материал представлен комплексом швейной фурнитуры (пряжки для ремня, пуговицы, бусы, заклепки). Анализ и интерпретация одного из его элементов — пуговиц — позволяет предположить время его появления в Гижигинске в середине XIX — начале XX в.

Как известно, пуговица в комбинации с петлей — это приспособление для соединения деталей одежды. С древнейших времен пуговицы выполняли утилитарную (застежка для одежды), декоративно-эстетическую (украшение), магическую (оберег) и информационную (знак принадлежности человека к определенной социальной группе или профессии) функции (Кавко, Малахов 2006).

Общее число найденных при раскопах пуговиц ОАН «Город Гижигинск» — 95 экземпляров. Их анализ позволил классифицировать по следующим признакам: внешний вид (цвет и форма), материал и способ изготовления, размер, метод крепления, назначение.

Внешний вид. Цвет пуговиц — коричневый, бежевый, черный, красный, белый, темно-коричневый, розовый, темно-зеленый, фиолетовый, синий, голубой, оранжевый, желтый, светло-розовый, серый. Преобладающие цвета — белый (39 экз.) и коричневый (20 экз.). По форме пуговицы преимущественно плоские, округлой (30 экз.) и круглой (59 экз.) формы, 3 экземпляра — грибовидной формы, в единичных экземплярах представлены пуговицы овальной, конусовидной и эллипсоидной формы. На шести пуговицах имеется рельефный узор по внешней окантовке. На двух пуговицах лицевая часть полностью

рельефная. На одной из пуговиц черного цвета присутствует надпись «sanotex», на другой пуговице на обратной стороне нанесено клеймо «Ламберг», на третьей — клеймо «Бр. Бухъ СПб».

Материал и способ изготовления. Изделия изготовлены из пластмассы (50), металла (14), перламутра (13), кости (9), дерева (3), стекла (2), пластмассы и металла (2), бересты (1), эбонита (1). Металлические пуговицы корродированы, перламутровые имеют следы стертости.

Размер. Пуговицы отличаются размером. Их диаметр — 7–35 мм, толщина — 1–11 мм.

Метод крепления. Пуговицы различаются по количеству отверстий и способу крепления. Преимущественно на плоских пуговицах — четыре (62 экз.) или два (18 экз.) сквозных отверстия. На девяти пуговицах имеются ножки для крепления к одежде. На 4 металлических пуговицах отверстия для крепления к одежде не сохранились.

Назначение пуговиц. Вероятно, крупные (13–35 мм) пуговицы использовались для верхней одежды, мелкие (7–11 мм) — для белья, платьев, рубашек и детской одежды. Коренные жители Севера Дальнего Востока России нашивали пуговицы на шаманскую одежду, ритуальные головные уборы, использовали в качестве прикладов в амулетных комплексах (Хаховская 2015).

Основная часть изучаемых пуговиц изготовлена фабричным способом и, вероятно, была завезена из центральных районов России и других стран. Пуговицы с надписью «sanotex» изготовлены компанией «Колтс Пластик» (Colt's Plastics), основанной в 1920 г. как подразделение Colt's Patent Fire Arms Manufacturing Co (США, штат Коннектикут). Металлическая пуговица с надписью «Ламберг» использовалась при шитье мундиров и гражданского платья в Санкт-Петербурге (Лебедева 2021). Пуговицы из перламутра в XIX в. делали на Лебедянской фабрике в Липецкой области (Акимов 2016). Пуговица из бересты могла быть изготовлена на месте. Об этом свидетельствует обнаруженное рядом с ней сырье — фрагменты бересты. Возможно, такие пуговицы производились коренным населением — эвенями, коряками, ительменами. И сегодня костяные пуговицы являются элементом декоративно-прикладного искусства эвенов Магаданской области (Лебедева 2021).

В целом анализ пуговиц из коллекции ОАН «Город Гижигинск» позволяет сделать вывод о разнообразии одежды населения, предположить торговые связи гижигинцев с центральной частью России

и, возможно, другими странами. Предварительно датировать весь материал можно концом XIX — началом XX в. — именно к этому времени относится функционирование фабрики «Ламберг» в г. Санкт-Петербурге и компании «Колтс Пластик» в США.

Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», проекты № 13/2020-Р, № 33/2022-И.

Список литературы

- Акимов В. В. 2016. Промыслы и ремесла Лебедяни и уезда // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Электронный ресурс. URL: <http://www.lebedyan.com/istoriya/remyosla/gorod-masterov/> (дата обращения: 10.01.2024).
- Батаршев С. В., Понкратова И. Ю., Дорофеева Н. А., Малков С. С., Голохвастов М. В., Лебедева Л. С., Нестерович А. В. 2022. Историческая археология Севера: город Гижигинск // Северо-Восточный гуманитарный вестник 1 (38), 23–34.
- Кавко А. Н., Малахов А. П. 2006. Пуговица как информационный и функциональный элемент одежды // Литовский, С. М. (ред.). Тезисы докладов XXXIX научно-технической конференции преподавателей и студентов университета. Витебск: ВГТУ, 82–83.
- Лебедева Л. С. 2021. Пуговицы из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (по результатам исследования в 2020 г.) // Материалы 59 Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 75–76.
- Хаховская Л. Н. 2015. Статус и престиж в культуре аборигенов Северо-Востока России (на примере изделий с форменными пуговицами) // Вестник археологии, антропологии и этнографии 29 (2), 128–140.

Китель из погребения 2116 Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевск

Данилова К. В.

Удмуртский государственный университет

Ключевые слова: *Ижевск, 1810–1936 гг., Троицкое (Нагорное) кладбище, ткани, китель, погоны*

Троицкое (Нагорное) кладбище в Ижевском заводском поселении (г. Ижевск, Вятская губерния / Вотская автономная область) функционировало с 1810 по 1932 г. Начиная с 1960-х гг. территория бывшего кладбища была частично застроена жилыми, хозяйственными и спортивными сооружениями.

В 2007 г. Троицкое (Нагорное) кладбище г. Ижевска было поставлено на учет как выявленный объект археологического наследия. С этого момента начинаются ежегодные спасательные археологические раскопки на территории некрополя. За годы работ выявлено и изучено 2753 погребения (Перевозчикова 2023: 192–195). Наибольшее количество могил (1381 погребение) раскопано в 2013 г. в ходе спасательных археологических работ В. А. Бернц. В 102 захоронениях (7,4%) сохранились фрагменты тканей.

В некоторых погребениях сохранились ткани, позволяющие определить и частично реконструировать погребальные костюмы умерших. Чаще всего в могилах Троицкого (Нагорного) кладбища можно встретить остатки головных уборов, верхней одежды, брюк, что связано с лучшей сохранностью плотных тканей. Ранее автором уже были рассмотрены погребения, где остатки костюмов были определены как служебная форма (Данилова, Смердова 2023).

В погребении 2116 из-за плохой сохранности антропологического материала пол и возраст умершего не были установлены. Погребение было совершено вытянуто на спине, головой на запад. В погребении найдены монета Николая I, фрагменты кителя с погонами и кожаная обувь (Данилова, Смердова 2023).

В захоронении в области туловища сохранилось множество фрагментов кителя. Ткань суконная, полотняное переплетение нити (по определению художника-реставратора музея-заповедника «Лудорвай» Л. И. Буяновой). Археологизированная ткань имеет песочный цвет. На фрагментах прослеживаются следы швов, кромки, подгибы, петлицы для пуговиц. Среди более сохранившихся фрагментов име-

ются спинка изделия (из цельнокроеной средней и боковых частей), обе полочки, двušовные рукава. Остальные части одежды представлены в виде мелких фрагментов. Подборт кителя с шестью прорезями для пуговиц выполнен из другого, более плотного материала полотняного переплетения, серого цвета. Внизу изделия была отдельно пришита кромка, шириной 1,5 см в сложенном пополам виде. К низу спинки были пришиты фалды — от них сохранились лишь концы длиной до 13 см. По низу рукавов фиксируются следы ленты шириной 2,5 см.

Интерес представляют хорошо сохранившиеся погоны, состоявшие из нескольких деталей: поля погон с вырезанной на них цифрой «12» и прорезью для пуговиц (размеры 13,5×7 см), подбои с прорезью для пуговиц (оборотная сторона; размеры 13,5×7 см) и два фрагмента из войлока, расположенные внутри погон (5×5 см).

В погребении найдена обувь плохой сохранности в виде нескольких фрагментов телячьей кожи (по определению канд. биол. наук, директора Естественно-научного музея УдГУ А. Г. Меньшикова), бересты и кожаного каблука. Наличие кожаного каблука и бересты свидетельствует о том, что на ноги умершего были надеты ботинки или сапоги (Данилова, Смердова 2023).

Можно предполагать, что на умершего при захоронении был надет китель. Брюки полностью не сохранились. Отличительной чертой кителя является наличие фалд. Интерес представляет цифра «12» на погонах. Скорее всего, она указывает на номер Подвижной инвалидной роты № 12 Ижевского оружейного завода.

Формирование инвалидных рот при Ижевском оружейном и железодельном заводах началось с 1812 г. Первоначально подвижные инвалидные команды, располагавшиеся на Ижевском оружейном заводе, имели номера рот № 19 и 20. В дальнейшем наблюдается смена номеров: в отчетах за ноябрь 1834 г. фигурируют номера рот № 15 и 16; в декабре 1834 г. вместо № 15 снова возвращается № 19; далее — номера инвалидных рот № 15 и 16 существуют до 1842 г., где они уже окончательно сменяются на № 12 и 13. В 1859 г. роты № 12 и 13 сменяются на роты № 6–8. К инвалидам относили солдат, неспособных нести воинскую службу в связи с ранениями и увечьями, полученными на войне или при выполнении служебных обязанностей в мирное время (Петрова 2017: 9–22).

Можно предположить, что выявленный китель относился к летней форме. Об этом свидетельствует полное отсутствие следов подкладочной ткани.

Таким образом, умерший из погребения 2116 Троицкого (Нагорного) кладбища, скорее всего, был захоронен в служебной/военной одежде в виде летнего военного кителя и брюк, а также в ботинках или сапогах (верхняя часть которых могла не сохраниться) (рис. 1). Есть возможность установить и примерное время погребения.

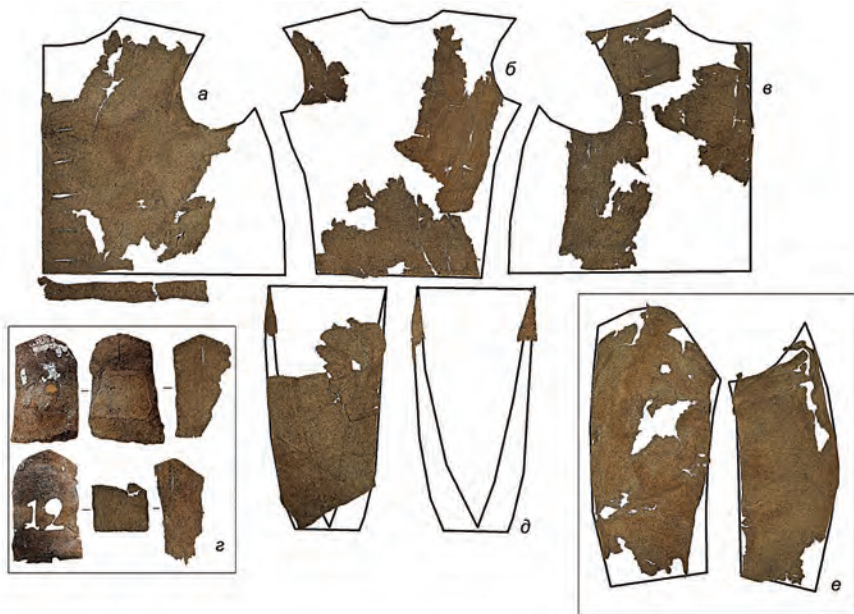

Рис. 1. Троицкое (Нагорное) кладбище г. Ижевска. Погребение 2116. Схематичное изображение кроя кителя: а, в – передняя часть; б – спинка; г – погоны; д – фалды; е – передние и задние части рукава

Несмотря на плохую сохранность монеты (имеются только очертания «Н I»), можно отнести ее к периоду 1839–1848 гг. Учитывая время функционирования роты № 12 – с 1842 по 1859 г., военный мог быть захоронен ориентировочно в период с 1842 по 1848 г.

Список литературы

Данилова К. В., Смердова В. А. 2023. Остатки костюмных комплексов из погребений Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска // Перескоков М. Л., Чуйкина Е. В. (ред.). XVI Бадеровские чтения. Пермь: ПГНИУ, 94–97.

- Перевозчикова С. А. 2023. Общие черты погребального обряда Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска 1810–1932 гг. // Перескоков М. Л., Чуйкина Е. В. (ред.). XVI Бадеровские чтения. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 192–195.
- Петрова А. В. 2017. Подвижные инвалидные роты Ижевского оружейного завода // Из истории оружейного дела: сборник статей: (по итогам исследовательской работы за 2016 год). Ижевск: МВК СО им. М. Т. Калашникова, 9–22.

**Оборонительные сооружения г. Березова
в конце XVI — первой половине XVII в.
по письменным и археологическим источникам**

Ермакова К. К., Кардаш А. О.

Сургутский государственный университет

Ключевые слова: *Север Западной Сибири, Березово, археологические источники, письменные источники, архитектура, историческая урбанистика*

Город Березов был основан в 1593 г. и являлся административным центром Березовского уезда. В 1926 г. Березов потерял статус города и в настоящий момент является поселком городского типа. Стационарные археологические исследования пгт Березово были начаты в 2004 г. экспедицией ООО «НПО “Северная археология”» под руководством Г. П. Визгалова (Визгалов 2022: 26). В 2006 г. «Городище Березовское»¹ как объект археологии поставлено на государственный учет. Раскопки в разных частях памятника совместно с Центром югорской археологии и этнографии Сургутского государственного университета² с перерывами ведутся по настоящее время.

При археологических раскопках Березовского городища было исследовано более 1700 м² культурного слоя кремлевской и посадской части города (Визгалов 2022: 25–28). В одном из раскопов в кремле была найдена острожная стена. Были обнаружены остатки башен: Спасской (наиболее ранняя), Глухой и Пермской. Кроме того, были найдены три линии острожной стены. Рядом с северной линией находился ров шириной 2 м. Изучение письменных данных позволило установить, что ров был вырыт в 1607 г. для защиты от нападения остяков и самоедов. В 1636 г. ров был укреплен, но потом обвалился.

Реконструкция этапов развития укреплений города Березова с конца XVI в. по XVIII в. проводилась на основании комплексного анализа археологических и письменных источников. Нами были

¹ Поставлен на учет Приказом Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры № 378/01-12 от 28.12.2006 под № 3639.

² Исследования выполнялись в рамках государственного задания № 2020-146-14 и поддержке РНФ проект № 22-18-00624 «Историческая урбанистика русских городов Севера Сибири: Березов».

изучены и опубликованы 11 письменных источников об архитектуре города Березова в конце XVI — начале XVIII в., некоторые публиковались впервые (Визгалов и др. 2023: 12–123). Наиболее ценными из документов являются Краткий городской список Березова на 1627 г., Роспись П. Хмелевского на 1636 г., наиболее полно описывающая состояние городских укреплений, а также городские списки 1686–1713-х гг., позволяющие проследить динамику изменения городских укреплений в коротком временном периоде и содержащие поименный список служилых людей с учетом их служб и годового жалования. Городские списки составлялись ежегодно и имели практически идентичное содержание.

Первый чертеж города Березова составлен в конце XVIII в. С. У. Ремезовым (Чертежная книга Сибири... 1701: 8). На его основе, с привлечением археологических и письменных источников, были созданы реконструкции укреплений с учетом древнего ландшафта (рис. 1).

Первые сведения об укреплении города появляются в 1627 г.: «на Березове в городе и в стенах 2 башни с воротами и 2 глухих», в остроге — 5 башен, из них одна глухая, а также двое ворот без башен. Дозорная сметная роспись П. Хмелевского зафиксировала состояние сооружений Березова на 1636 г. Стены кремля образовывали почти правильный квадрат. Главной башней крепости была угловая Спасская проезжая башня. Попасть в крепость через Спасскую башню можно было только из острога. Крепостей, рва, подкопов и слухов у Березовской крепости и острога по состоянию на 1636 г. не было. Ров со стоячим заостренным частоколом, выкопанный предположительно в 1607 г., «осыпался, и во рву тын огнил».

В 1642 г. случился сильнейший пожар, о последствиях которого можно судить по документу, датируемому 1644 г.: «Острог мал, низок и ветх, в остроге церковь, съезжая изба, казенные амбары, воеводский двор и тюрьма, в острожной стене одна башня с воротами, что была отнята во время пожара». Для восстановления острога были использованы уцелевшие бревна, из-за чего уже к 1648 г. он пришел в полную негодность. В документе указано, что своими силами починить его было невозможно, но без крепостных сооружений жить небезопасно. После этого было принято решение о восстановлении острога не за одно лето, как это практиковалось ранее, а по мере возможности. Так, строительство затянулось почти на 20 лет.

Таким образом, письменные источники, затрагивающие архитектурное описание Березова на различных этапах его застройки,

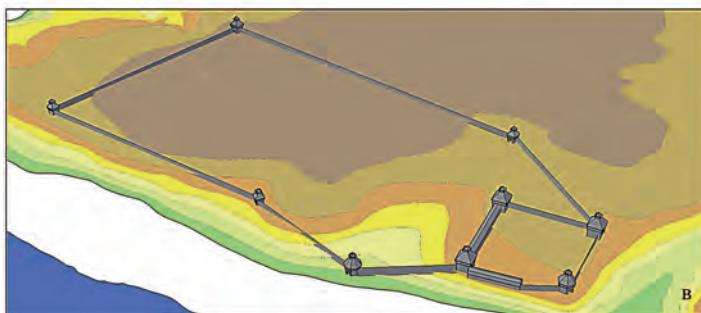
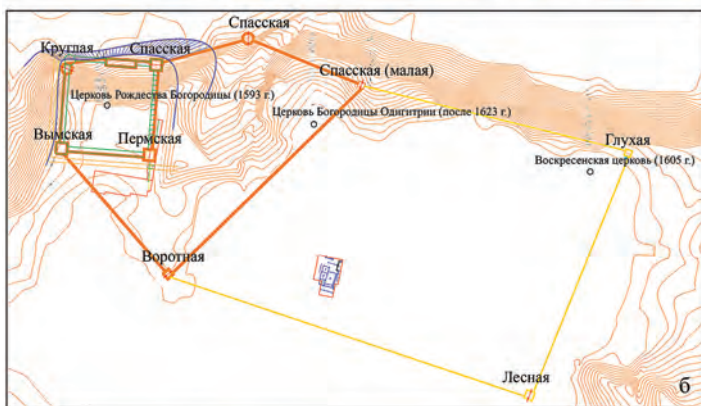

Рис. 1. План города Березова: а – карта города Березов с окрестностями конца XVII в. из «Чертежной книги Сибири, составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым» 1701 г.; б – план города Березова до пожара 1642 г., созданный Е. Н. Петровой на основе письменных и археологических источников; в – 3D-реконструкция укреплений города Березова до пожара 1642 г., созданная с учетом исторического рельефа

верифицированные археологическими исследованиями, позволяют воссоздать рельеф и архитектуру населенных пунктов на различных этапах строительства с учетом изменений рельефа по естественным и антропологическим причинам. Археологические исследования, как и изучение письменных источников, будут продолжены, что позволит решить главную задачу проекта РНФ — введение в научный оборот новых данных развития Березова в начале XVII — XVIII в.

Авторы выражают благодарность Г.П. Визгалову — руководителю проекта «Историческая урбанистика русских городов Севера Сибири: Березов» и архитектору Е.Н. Петровой за предоставленную информацию и материалы.

Список литературы

- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. 2022. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийск, Нефтеюганск, Сургут: АНО «Институт археологии Севера».
- Визгалов Г. П., Горшков И. Д., Ермакова К. К. 2023. Свод градостроительных источников города Березов XVI–XVIII вв. // Северные древности 7, 12–123.
- Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеновым Ремезовым в 1701 году. 2003. М.: Федеральная служба геодезии и картографии России.

Археологическое изучение якутских погребений в конце XIX — начале XX в.

Иванов А. А.

Алтайский государственный университет,
Арктический научно-исследовательский центр РС (Якутия)

Ключевые слова: якуты, Средневековье, история изучения, погребения, материальная культура

В данной публикации будут приведены анализы источников, опубликованных в ходе археологических исследований погребений на территории Якутии в дореволюционный период.

Важно отметить, что в XVIII в. якуты практически полностью проходят христианизацию, сохранив заметные следы языческих верований. Поэтому можно обнаружить немало погребений того времени, отражающих религиозный синкретизм.

Дореволюционный период археологического изучения погребений якутов характеризуется первоначальным накоплением материалов. В тот период не было зафиксировано погребений ранее XVIII в. Раскопки «Тыгынова кургана» до сих пор остаются предметом научных дискуссий.

Ричард Карлович Маак, известный исследователь Сибири и Дальнего Востока, первым начал изучение якутских погребений. Во время пребывания в Вилюйском округе Якутской области (1853–1855 гг.) он вскрыл несколько воздушных погребений и описал надмогильные сооружения (чаардаты). Обнаруженный сопроводительный инвентарь умерших людей включал предметы охоты, украшения и посуду. Р. К. Маак отправил черепа из погребений в Императорскую Академию наук в Санкт-Петербург (Маак 1994: 275–280).

Первыми раскопками грунтовых захоронений в якутской археологии считаются работы Н. Г. Сарычева в 1888 г. Он осмотрел семь курганов, среди которых был объект, связанный с предводителем хангаласского племени якутов — Тыгыном. В результате раскопок на «Тыгыновом кургане» было обнаружено пять костяков, в том числе один женский. Вместе с металлическими предметами, такими как наконечники стрел, меч, кольца, сосуд и др., найдены костяные наконечники стрел, светло-зеленые бусины и яйцеобразные камни (Сарычев 1889: 31–32).

В 1894 г. вилуйским исправником Кочаровским в Сунтарском улусе обнаружен арангас якутского князья Мындая, жившего, по преданию, в конце XVII — начале XVIII в. Так как труп князья мумифицировался и сохранился достаточно хорошо, после осмотра губернатором было решено предать его тело земле. Такое решение связано с опасением вызвать народные волнения суеверного толка среди инородцев (Стрелов 1928: 98–101).

Н. Л. Геккер осуществил археологические раскопки трех якутских погребений на территории Ботурусского (ныне Таттинского) улуса. Первое погребение имело надмогильное сооружение типа балагана со срубом из толстых бревен и берестой. В нем были найдены кости, у которых оказался нарушен анатомический порядок. Считается, что это результат перезахоронения. С принятием христианства некоторые якуты хоронили своих предков по христианскому обычаю. Второе захоронение вызвало интерес автора из-за особого расположения тела погребенного. Автор сопоставил это со сказками, где упоминается обычай хоронить подобным образом людей, умерших «дурной» смертью, то есть в результате самоубийства. Третье погребение молодой женщины оказалось богатым, с наличием большого количества медных украшений. По остаткам одежды и украшений Н. Л. Геккер соотнес его с ранее обнаруженными погребениями из Вилуйского округа. Он посчитал, что обычай хоронить покойника в грунте у якутов не существовал и был привнесен русскими первопроходцами (Геккер 1896: 183–196). Антропологическую коллекцию Н. Л. Геккер передал в коллекцию музея Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в Санкт-Петербурге.

Православный просветитель Гр. М. Попов (Попов 1910: 113–115) и якутский краевед М. Н. Тимофеев-Терешкин (Тимофеев-Терешкин 1915: 98) выпускали краткие сообщения об обнаруженном арангасе. По словам местных жителей, погребение принадлежало князю Эчекиню — сыну Мындая. В сообщениях дается краткое описание сопроводительного инвентаря и самого арангаса. Помимо всего прочего в работе Гр. М. Попова освещается представление о загробной жизни якутов до принятия христианства.

Таким образом, археологическое изучение якутских погребений исследователями конца XIX — начала XX в. до сих пор имеет большое значение для понимания истории и культуры якутского народа. Оно дало новые сведения о жизни, обрядах и верованиях якутов

до принятия христианства. Исследования в этой области продолжают и в настоящее время, а новые открытия углубляют наши знания об истории и культуре Якутии.

Список литературы

- Геккер Н. Л. 1896. Три якутские могилы // Изв. ВСОИРГО 26, 183–196.
- Маак Р. К. 1994. Виллойский округ. 2-е изд. М.: АО «Яна».
- Попов Гр. М. 1910. В Якутской глуши: Сборник статей из приходской жизни Якутской Епархии. Иркутск: Паровая типо-литография П. И. Макушина и В. М. Посохина.
- Сарычев Н. Г. 1889. Результаты раскопок кургана около г. Якутска (Письмо г. Сарычева от 18 декабря 1888 г.) // Изв. ВСОИРГО 20, 31–32.
- Стрелов Е. Д. 1928. Арангас якутского князьца Мындая // Изд. ЯОРГО 3, 98–101.
- Тимофеев-Терешкин М. Н. 1915. Краткое описание дохристианской могилы якута Эчекина 1915 // Изв. ЯРГО 1, 98.

**Пространственный анализ предметов косторезного
производства из культурного слоя Вологодской крепости:
по материалам раскопок 2020 г.**

*Кабанова А.А.
ООО НПЦ «Артефакт»*

Ключевые слова: *Новое время, косторезное производство, Вологда, крепость, пуговицы*

Вологодская крепость играла значительную роль в формировании города XVI–XVII вв. Основанная во второй половине XVI в. по указу Ивана Грозного крепость, строительство которой продолжалось в течение XVII в., стала на это время одним из центров развития городской застройки (Адрианова и др. 2016: 91–95).

Археологическое изучение Вологодской крепости было начато в 1993 г. И. П. Кукушкиным. За прошедшее время на территории крепости было заложено порядка 20 раскопов (Кукушкин 2018: 94). В 2020 г. в заложенном Л. С. Адриановой раскопе было обнаружено 349 предметов из кости и рога. Костные остатки преимущественно залегали в 11-м пласте (90%), который по выявленному нумизматическому материалу и фрагментам керамической посуды датируется рубежом XVII–XVIII вв. Наличие в заложенном раскопе остатков конструкций, отсутствие выраженных следов деформаций культурных напластований позволяет судить о непотревоженности выявленного комплекса.

Первичная систематизация этой коллекции на основе типологического анализа позволила определить, что 266 единиц составили отходы производства: обломки со следами обработки, костяные пластины с отверстиями от заготовок пуговиц и бусин (рис. 1: 2–5). К категории изделий отнесен 51 предмет из кости и рога (рис. 1: 6, 7, 10–11). Также было обнаружено 32 предмета, условно названные «шпонками» из-за визуального сходства с этой деталью многих механизмов (рис. 1: 1, 8, 9). Обнаруженное количество и типологический состав коллекции предметов из кости в целом не типичен для культурного слоя г. Вологды, что позволило предположить, что раскопом была изучена часть косторезного производственного комплекса.

Цель работы заключается в атрибуции костяных предметов, именуемых «шпонками». Были поставлены задачи по описанию этой

категории предметов, выделению характерных признаков и определению пространственных взаимосвязей обнаруженных «шпонок» с остальными категориями предметов из кости. Для решения поставленных задач на основе типологического анализа был выделен ряд признаков «шпонок», а также выполнен пространственный анализ посредством программного пакета IndorCAD путем визуализации их расположения относительно изделий из кости и отходов косторезного производства и изученных в раскопе археологических объектов.

Рис. 1. Категории костяных предметов из культурного слоя г. Вологды (по материалам раскопок 2020 г.): 1, 8, 9 — изделия неустановленного назначения, условно именуемые «шпонки»; 2–5 — пластины с отверстиями от заготовок пуговиц и бусин; 6 — пуговица; 7 — бусина; 10 — накладка; 11 — гребень

По внешним признакам «шпонки» можно описать как предметы из плотной или пористой части трубчатой кости животного с гладким желобком, продольно расположенным в медиальной части пред-

мета. Среди визуально определяемых признаков «шпонок» выделяются форма, наличие прорези на торце, косых субпараллельных порезов от узкой к широкой части и выраженность желобка. По форме «шпонки» делятся на конусовидные и цилиндрические. Порезы от узкой части покрывают «шпонку» либо полностью, либо частично, либо отсутствуют на ней совсем. Желобок на «шпонке» либо глубокий, четкий, или поверхностный и не выразительный. Размеры «шпонок» варьируют от 3×0,9 до 4,5×1,3 см с диаметром бóльшего торца 0,8–1,1 см. Примечательно, что у «шпонок» конусовидной формы узкий торец всегда имеет диаметр порядка 1 см и от него исходят порезы. Желобок пролегает только по плотной части кости, там, где плотная структура переходит в пористую, желобок отсутствует.

Выделенные признаки позволяют разделить «шпонки» на отдельные группы (цилиндрические, конусовидные), ранжировать по степени покрытия порезами, выраженности желобка. Но выделяемые группы никак не коррелируют с размерами и наличием прорези на торце. В первую очередь это объясняется количественной ограниченностью выборки и отсутствием прямых аналогий. В связи с чем был актуализирован пространственный анализ.

В результате проведения пространственного анализа было выявлено, что «шпонки» располагались рядом с отходами от изготовления пуговиц — пластинами для их изготовления на плотной части трубчатых костей, их обломками и бракованными заготовками пуговиц и бусин. Вместе с обломками костей, «шпонки» и отходы концентрировались на мостовой и между двумя конструкциями. В остальной части раскопа были обнаружены утилизированные изделия из кости и меньшая часть отходов косторезного производства без явной системности в их расположении. Таким образом, было установлено, что атрибутируемые «шпонки» располагались вблизи пластин и их фрагментов от изготовления пуговиц и бусин. При этом они менее всего связаны с другими категориями из полученной коллекции костяных предметов.

На основании проведенной систематизации предметов из кости, описания их категорий и изучаемого типа изделий, а также пространственного анализа их расположения можно сделать вывод о том, что изделия из кости, условно именуемые «шпонками», как и костяные отходы от изготовления пуговиц и бусин, относятся к определенным этапам косторезного производства, которые отличаются по месту утилизации от первичной обработки сырья и от оформления завершеного

изделия. Следовательно, раскопом 2020 г. была изучена часть культурного пространства, во время формирования которого «шпонки» утилизировались вместе с отходами от производства бусин и пуговиц. Такие структуры в культурном слое г. Вологды наблюдаются крайне редко. Продолжение накопления источников по косторезному производству и их последующий анализ позволит более доказательно объяснить роль «шпонок» и их место в представлениях о ремеслах населения г. Вологды в Новое время.

Список литературы

- Адрианова Л. С., Васенина М. Г., Васильева Н. Б., Косорукова Н. В., Кукушкин И. П., Суворов А. В. 2016. В глубину веков: очерки вологодской археологии. Вологда: Древности Севера.
- Кукушкин И. П. 2018. Вологодская крепость. Вологда: Древности Севера.

Монеты Шарканского и Большеволокковского могильников XVIII–XIX вв.: планиграфический анализ

Окишев Д. Е.

Удмуртский государственный университет

Ключевые слова: *Новое время, удмурты, погребения, планиграфия, монеты*

На сегодняшний день известно более 100 удмуртских могильников Нового времени, в погребениях которых встречены монеты. Из них 25 датированы XVIII–XIX вв. В данной работе рассматривается нумизматический материал из двух некрополей, раскопанных в 2019 и 2020 гг. Предварительная датировка памятников — вторая половина XVIII — середина XIX в. Такое хронологическое определение предложено на основании находок монет в погребениях (Перевозчикова, Черных 2020; Черных, Перевозчикова 2021).

Коллекции обоих могильников насчитывают 218 монет из 37 погребений Шарканского (88% общего количества погребений) и 28 — Большеволокковского могильников (57% общего количества погребений). В анализируемой выборке имеется 41 серебряная монета (18 — Шарканский, 23 — Большеволокковский) и 177 медных (76 и 101 соответственно). На Большеволокковском могильнике еще 40 монет происходят из разрушенных погребений. В погребениях найдено от 1 до 12 монет. В основном они встречаются в составе женских украшений, а также в качестве дара умершему (как элемент погребального ритуала/обрядя). Большую сложность для датировки представляют погребения, в которых монеты встречены как атрибут женского костюма, так как подобные украшения могли накапливаться и храниться в семье достаточно длительное время.

Состав монет в каждом отдельном захоронении имел определенные хронологические различия. Попробуем проверить этот тезис, используя планиграфический анализ погребений с находками монет.

Планиграфия — метод, предполагающий изучение взаимного расположения объектов или их компонентов в пространстве и как итог — выявление и объяснение определенных закономерностей в их распределении.

В конце 1980-х гг. Н. И. Шутова, проанализировав более 1000 погребений из 22 удмуртских могильников XVI — первой половины XIX в., заметила, что характер нумизматических находок в них отличается

(Шутова 1992: 155–172). Погребения XVI — начала XVIII в. содержали серебряные копейки, деньги и чешуйки, целые или пробитые. В комплексах второй половины XVIII в. преобладали медные монеты, а серебряные встречались, как правило, только пробитыми. Это явление объяснялось, прежде всего, отсутствием медной монеты в российском денежном обороте до XVIII в. (Кучеренко, Мошнягин 1968).

В анализируемых мною могильниках серебряные монеты представлены «чешуйками», монетами номиналом 5, 10, 15, 25 копеек и гривенниками. Время их обращения приходится на середину XVIII в. Монеты с пробитыми отверстиями встречены в составе женских головных или нагрудных украшений (Шаркан, пп. 8Б, 11Б, 20, 29, 41; Большое Волково, пп. 10, 18, 26, 46, 47). Такие могилы размещались, как правило, в одном ряду. Из общей даты Большеволковского могильника выбиваются монеты-чешуйки (всего 15), поскольку известно, что их обращение в России было прекращено в 1718 г. (Кучеренко, Мошнягин 1968). Только чешуйки найдены в составе головного убора п. 47, а также в п. 30. В п. 26 они найдены в комплекте с медной монетой 1758 г. а в п. 32 — в составе прощального дара вместе с двумя деньгами 1739 г. В п. 17 чешуйка найдена с деньгами 1748–1763 гг. Почти все указанные могилы находятся в центре погребального пространства.

Непробитых серебряных монет в выборке мало. В Шаркане их всего 5: 20 копеек 1829 г. (п. 12А), 5 копеек 1826 г. (п. 29) и три недатированных монеты (пп. 28, 30 и 15). Погребения 28, 29, 30 располагаются компактно в северо-западной части кладбища; все три датированы не ранее 1811 г. В Большом Волкове таких монет тоже 5. Это 3 гривенника и 2 полуполтинника (25 коп.): в пп. 16 и 17 гривенник и полуполтинник чекана 1767 г., гривенник из п. 29 отчеканен в 1771 г. В п. 44 это копейка 1835 г. и 25 копеек 1852 г.

Медные монеты отверстий не имеют. Они помещались в могилу в основном в виде дара умершему при захоронении или прощании (Верещагин 1995: 29).

На основании анализа монет удалось достаточно надежно определить динамику заполнения Большеволковского могильника. Самые поздние монеты 1835, 1840, 1852 и 1855 гг. найдены в составе инвентаря п. 41 (северная часть могильника) и п. 44 — на его западной окраине. Монеты XIX в. (1801 г. и 1814 г.) найдены в пп. 9, 10 в юго-восточной части раскопа. Центральную часть кладбища занимали могилы XVIII в. Можно считать, что кладбище заполнялось из центра в северном и в юго-восточном направлении.

В Шарканском могильнике четкой динамики не наблюдается, погребения с монетами XVIII и XIX вв. встречены на всей площади исследованного участка. Комплекты с монетами только XVIII в. обнаружены в 6 погребениях: 3 мужских (№ 2, 13, 37) и 3 детских (№ 7, 18, 27). Они располагались в разных частях могильника, однако заметим, что в каждом ряду имелось по 1–2 таких захоронения. В четырех случаях монеты XVIII в. найдены в погребениях вместе с монетами XIX в., точнее 1810–1829 гг. В пп. 16 и 24 монеты разного чекана лежали в кожаных кошельках. Гривенник 1746 г. найден в п. 11 в составе шейно-нагрудного украшения женщины (костяк Б), подзахороненной в более раннюю могилу 11В с монетами 1815–1840 гг.

Таким образом, планиграфический анализ погребений с монетами позволил выявить хронологические различия в заполнении территории обоих могильников. В более раннем Большеволковском могильнике динамика захоронений имела, по-видимому, радиальный характер (от центра к периферии). На Шарканском могильнике порядок захоронений выдерживал более строгий рядовой принцип.

Список литературы

- Верещагин Г. Е. 1995. Вотяки Сосновского края. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- Кучеренко Э. И., Мошнягин Д. И., 1968. Нумизматика в школе. М.: Просвещение.
- Перевозчикова С. А., Черных Е. М. 2020. Спасательные археологические работы на территории Удмуртской Республики // Черных Е. М. (ред.). Археологические открытия в Удмуртии — 2019. Ижевск: б/и, 4–6.
- Черных Е. М., Перевозчикова С. А. 2021. Спасательные раскопки Большеволковского могильника «Вужшай» // Черных Е. М. (ред.). Археологические открытия в Удмуртии — 2020. Ижевск: б/и, 12–15.
- Шутова Н. И. 1992. Удмурты XVI — первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.

Бутылочные клейма Нового времени из раскопок в г. Перми

Романова Л.В.

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ключевые слова: *бутылочные клейма, Новое время, виноторговля, стекольная фабрика*

В ходе многолетних раскопок на территории исторического центра г. Перми были собраны обширные и представительные коллекции разнообразных бытовых предметов периода Нового времени. Большинство предметов из этих коллекций до сих пор не опубликовано, в том числе и многочисленные изделия из стекла. К этой категории можно отнести стеклянную тару, посуду, украшения из стекла, оконные стекла. Самой многочисленной группой является стеклянная тара — бутылки для алкоголя и прохладительных напитков, аптечная посуда и медицинские изделия, флаконы для парфюмерии и технических жидкостей.

В данной работе рассматриваются клейма-оттиски на винных бутылках и штофах. Клейма представляют собой круглые или овальной формы медальоны, наплавленные на стенки бутылок или плечики штофов. Найденные при раскопках на территории Перми клейма-оттиски можно разделить на три категории — импортные клейма, обозначающие содержимое, клейма поставщиков импортных вин и клейма российских заводов — производителей бутылок.

На данный момент большая часть найденных клейм все еще нуждается в расшифровке, что необходимо для атрибуции и датирования предметов.

Всего было найдено 73 клейма (1995–2015). Из них к явно импортной продукции можно отнести клейма с надписями «B.Marco Jerez» (4 шт.), «IR.PRIV.PREM.FAB.G.LUXARDO ZARA» (2 шт.), «LONDON» (1 шт.), «HAUT SAUTERN» (2 шт.), «HAUT. BARSAC. IREOTL» (1 шт.), «CHATEAU LAFITE C&FF GRAND VINE» (1 шт.).

На клеймах «HAUT SAUTERN» и «HAUT. BARSAC. IREOTL» обозначена марка вина — Сотерн, белое десертное вино, производимое во Франции, в регионе Бордо. В 1855 г. были выделены отдельные винодельческие субрегионы, в том числе Барсак, которые могли добавлять самоназвание при маркировке вина. Таким образом, данные клейма датируются второй половиной XIX в.

«CHATEAU LAFITE» — так до 1868 г. именовалось винодельческое хозяйство региона Пойяк. Однако полное соответствие надписи на клейме «CHATEAU LAFITE C&FF GRAND VINE» не найдено, что затрудняет датировку клейма.

Клеймо с надписью «IR.PRIV.PREM.FAB.G.LUXARDO ZARA» принадлежит бутылке ликера, производимого в Далмации на заводе Джироламо Люксарди с 1821 г. Соответственно, датируется серединой — второй половиной XIX в.

Клеймо с надписью «LONDON», с изображением короны над надписью, пятиконечной звезды и букв С С под ней, предположительно, может относиться к контрабандному или поддельному товару, так как в музейных и частных коллекциях присутствует значительное количество подобных клейм плохого качества и с ошибками в написании.

Клеймо на плечиках бутылки: «WILLBORN MOSCOU», по-видимому, принадлежит винотоваровцу Карлу Вильборну, который присутствует в списке 1-й Гильдии купцов, промышленных обществ и товариществ за 1897 г. из сборника «Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской Империи, том второй. Издание А. С. Суворина, 1897», есть «ВИЛЬБОРНЪ, Карл (вина и сигары), г. Москва, Ильинка, д. Серпуховск. Город. Общества» (Вся Россия 1897).

Клеймо овальной формы «L. BAUER & Co.» принадлежит виноторговой фирме Л. Д. Бауэра, основанной в 1845 г. в Москве. Торговый дом Бауэр и С^о упоминается в справочнике «Вся Россия» за 1899 г. (Вся Россия 1899).

Клеймо овальной формы «SM&C» может принадлежать Степану Мауху. В справочнике «Весь Петербург» за 1896 г. указан Маух Степан, купец, Васильевский остров, 11-я линия, дом 16, торговля иностранными винами.

Интересны клейма с изображением государственного герба и надписью «ЛИВАДИЯ ИМЕНИЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА». Согласно «Списку населенных мест Таврической губернии по сведениям 1864 года», составленному по результатам VIII ревизии 1864 г., Ливадия — собственная Ея Императорского Величества дача, с 30 дворами, 140 жителями, двумя дворцами, православной церковью, телеграфной конторой и парком.

Большую часть найденных при раскопках клейм составляют бутылочные и штофные клейма первой половины XIX в. с надписями кириллицей, обозначающие стекольные заводы. С 1783 г. владельцы

заводов и мануфактур должны были иметь собственную отличительную маркировку. «Положением о клеймении изделий Российских фабрик», вступившим в силу с 1 января 1831 г., были предусмотрены правила оформления самого клейма: «клеймо должно содержать в себе означение имени и фамилии фабриканта, хотя начальными буквами, и места, где находится» (ПСЗ РИ, т. V: 119). Также на штофных клеймах зачастую обозначен объем.

Самыми распространёнными из подобных клейм в Перми являются клейма с маркировкой «Ш: Ф. Г. К.» Таких найдено четыре с датой 1818, и два с нечитаемой датой. Принадлежность данных клейм какому-либо заводу пока не определена. Следующие по частоте встречаемости клейма с маркировкой «Б: Ф. Г. К.» и «ФМА». Таких найдено по четыре штуки, даты с 1809 по 1818 г. Клейма с надписью «Б: Ф. Г. К.» также пока не атрибутированы.

Часто встречаются клейма Юмывшевской стекольной фабрики Камышловского уезда Пермской губ. Это клейма с надписями «ФВЮ», «ФМА» (3 шт.), «Што. ЮМ: Ф. М: А.», «ШТО? Ф.ЮМ:? М:», «Чет. ЮМ.Ф. М.А.», «ФМШ». Владельцем фабрики с 1801 до 1809 г. был купец Михаил Шанин, затем, до 1816 г. Яблошников (Гильдерман 2023: 83–87). Все эти клейма стекла светло-зеленого цвета.

Таким образом, мы наблюдаем разнообразие структуры рынка алкогольных напитков с явным преобладанием местной продукции в первой половине XIX в. и появлением заграничных, в том числе довольно дорогих, вин в последней четверти века.

Список литературы

- Гильдерман А. В. 2023. Бутылочные клейма Юмывшевской стекольной фабрики. // Перескоков М. Л., Чуйкина Е. В. (ред.). XVI Бадеровские чтения. Пермь: ПГНИУ, 83–87.
- Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. 1897. СПб.: А. С. Суворин.
- Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. 1899 СПб.: А. С. Суворин
- Полное собрание законов Российской империи. Т. V. 1830 // Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=22 (дата обращения: 10.01.2024).

Изразцы с территории Казанского Богородицкого монастыря (по материалам LXXVII раскопа 2017 г.)

Садриев Н. Р., Каплан П. Ю.

*Музей археологии РТ Института археологии
им. А. Х. Халикова АН РТ*

Ключевые слова: *Казань, изразцы, раскопки, типология, Казанский Богородицкий монастырь, XVII–XVIII вв.*

В 2017 г. на территории Казанского Богородицкого монастыря были продолжены археологические полевые работы. Основной целью работ был сбор сведений о топографии монастыря и уточнение границ монастырской территории. В ходе работ было обнаружено 59 сооружений, 30 ям, 6 канав и 20 столбовых ям. Были выявлены жилые и хозяйственные постройки XVI–XIX вв. В секторах 1 и 3 выявлен фундамент Теплой церкви Рождества Богородицы, построенной в первой трети XVII в. (Беляев 2022: 244).

В ходе проведения археологических работ была собрана коллекция материалов, характеризующих и датирующих этот памятник. Среди находок выделяется коллекция поливных и неполивных изразцов XVII–XVIII вв. в количестве 543 ед., включающих в том числе фрагменты румп (124 ед.). Большая часть изразцов пострадала во время пожаров: прокаленные изразцы были деформированы, глазурь ошлакована, ее цвет изменен. Эти разрушения отчасти осложнили работу по систематизации фрагментов, так как на глазурованных рельефных изразцах закипание глазури привело к неразличимости изображений. За основу систематизации изразцов с территории Благовещенского собора был взят морфологический принцип, который позволил выделить основные типы изразцов.

По характеру поверхности все печные изразцы Богородицкого собора можно разделить на рельефные, рельефно-расписные и гладкие (Зубарева 2013: 67). Рельефные изразцы представлены как поливными полихромными, так и неполивными фрагментами.

Самой многочисленной является группа рельефных полихромных изразцов с различным растительно-геометрическим орнаментом (290 ед.):

1. Ковровые изразцы с изображением рядов ромашек в секировидных рамках (56 ед.), реконструируемые размеры — 19,5×19,5, высота румпы — 5,5 см. Орнамент пришел в Русское

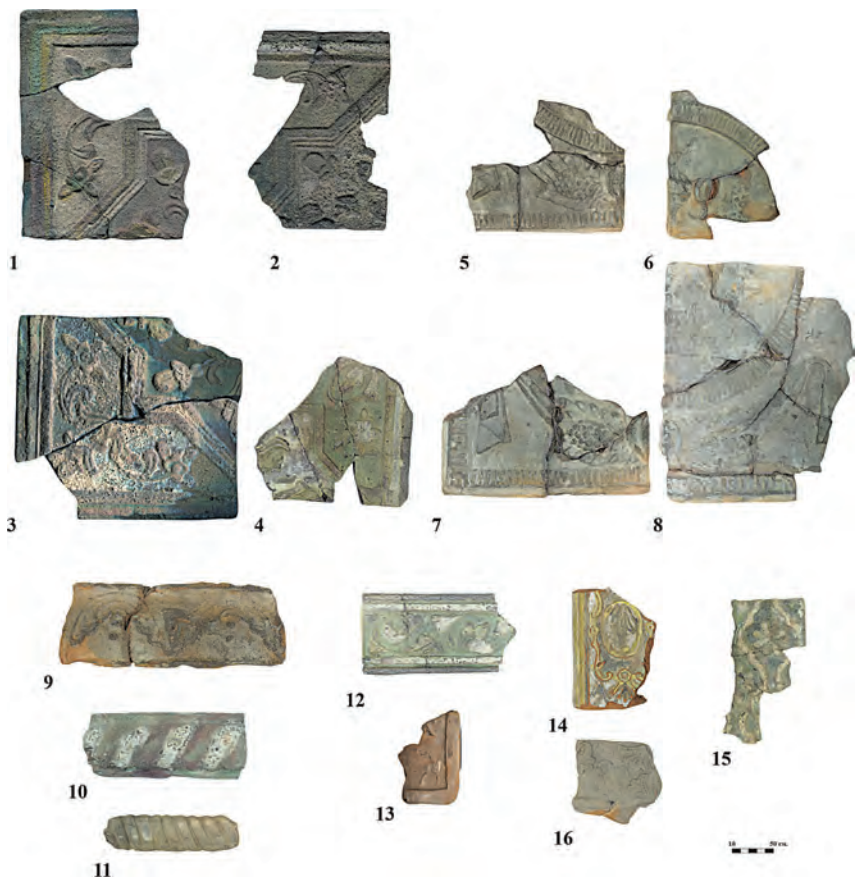

Рис. 1. Изразцы Казанского Богородицкого монастыря: 1–4, 10, 12, 15 – поливные рельефные изразцы; 5–8, 9, 11, 13, 16 – неполивные рельефные изразцы; 14 – поливной рельефно-расписной изразец

государство из-за польско-литовского рубежа с мастерами-белорусами (рис. 1: 15).

2. Изразцы с изображением дубовых листьев и желудей (139 ед.) представлены несколькими формами – квадратными изразцами «большой руки» (60 ед.) и бордюрами разной ширины (79 ед.). Изразцы имеют трехступенчатую рамку, по которой можно отнести к другим элементам печи еще ряд орнаментальных мотивов (рис. 1: 1–4, 12). Изразцы «боль-

шой руки» четырехчастные зеркальные, в центральной части композиции находится восьмиконечная звезда, в которой располагаются фигурные ветки с желудем. В четырех углах композиции также расположены фигурные ветки и побеги с цветами и листьями. Реконструируемые размеры изразца — 22,5×22,5 см, высота румпы — 7 см. На бордюрах фигурные изображения дубовых листьев, ширина их при этом различная. Бордюры шириной 9,5 см имеют рамку по обеим длинным сторонам, а бордюры шириной 10 см имеют рамку, которая прерывается и переходит в рамку изразцов верхнего ряда. Этот вид изразцов не встречается на других известных памятниках Казани и не встречался ранее в публикациях.

3. Изразцы с изображением вазы с завитками и мелкими бусинами (3 ед.) встречаются также среди неполивных изразцов.
4. Бордюры со жгутовым полихромным орнаментом (18 ед.), размеры 7×16 см, высота румпы 4, 5 см (рис. 1: 10).
5. Карнизы с различным растительно-геометрическим орнаментом (10 ед.), ширина 7 см, длина не реконструируется.

Остальные фрагменты поливных рельефных изразцов (64 ед.) сильно ошлакованы и не поддаются идентификации.

Группа неполивных рельефных изразцов состоит из рельефных рамочных (замкнутых) изразцов, развитых изразцов (то есть имеющих продолжение орнамента в следующем изразце), плоских изразцов, а также перемычек, бордюров и карнизов (129 фрагментов).

Многочисленным в группе неполивных изразцов является тип четырехчастных изразцов с лентой, продетой в круглые кольца (45 ед.). В центральной части в круглой рамке изображена ваза с S-образными ручками и ягодами (рис. 1: 5–8). Рамка как квадратная по периметру, так и круглая по центру выполнена в виде линий насечек. Размеры 21×21 см, высота румпы 7,5 см.

Изразцы с изображением вазы по центру с побегами, завитками и мелкими бусинами представлены 12 фрагментами.

Жгутообразные перемычки (рис. 1: 11) с плоской гребнеобразной румпой представлены 18 фрагментами, длина перемычки — 14,5 см.

Бордюры с разнообразным растительно-геометрическим орнаментом (10 ед.) и изображением гуся и растительного орнамента с высокой детализацией изображения (рис. 1: 16). Остальные 10 бордюров имеют растительно-геометрический орнамент (рис. 1: 9).

Сюжет замкнутых рамочных изразцов поддается идентификации только на 1 изразце с изображением задних ног копытного животного (рис. 1: 13). Остальные 7 единиц не поддаются идентификации.

Плоские неполивные изразцы представлены 4 фрагментами.

Гладкие поливные изразцы (20 ед.) прямоугольной формы сохранились фрагментарно, центральные части утрачены, размеры не реконструируются. Рельефно-расписные изразцы (11 ед.) с изображением медальонов в центре (рис. 1: 14) представлены сильно ошлакованными и деформированными городками и прямоугольными формами, относятся ко второй половине XVIII в. (Маслих 1983: 175).

Таким образом, археологические исследования на территории Казанского Богородицкого монастыря позволили дополнить обширный комплекс знаний по истории материальной культуры города Казани. Необходимость систематизации накопленного материала вызвана особенностями музейного учета и хранения. Расцвет использования и производства изразцов в Казани приходится на вторую половину XVII — первую половину XVIII в., о чем свидетельствуют многочисленные рельефные полихромные изразцы, датирующиеся этим периодом. Ввод в научный оборот коллекции изразцов позволит исследователям других регионов провести аналогии с местным производством и, наоборот, отследить влияния других регионов в становлении изразечного дела на Руси.

Список литературы

- Беляев А. В. 2022. Отчет о проведении археологических раскопок на территории Казанского Богородицкого монастыря в Республике Татарстан, г. Казани, ул. Большая Красная, 5 в 2017 году, в 8 томах. Раскоп LXXVII // Научный фонд ИА АН РТ.
- Данилов П. Г. 2020. Тобольские изразцы XVIII века из Дворца наместника // Вестник археологии, антропологии и этнографии 50 (3), 101–109.
- Зубарева М. М. 2013. Изразцы Казани конца XVI–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.
- Кочкина А. Ф., Васильева И. Н. 2022. Самарские печные изразцы: типология, технология (к постановке проблемы) // Сташенков Д. А. (ред.). Самарский край в истории России. Материалы Восьмой Межрегиональной научной конференции, посвященной 170-летию основания Самарской губернии и 135-летию со дня основания СОИКМ им. П. В. Алабина. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина, 181–201.
- Маслих С. А. 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобразительное искусство.

Культ гор в наскальном искусстве Нового времени Минусинской котловины

Сирюкин И. В.

Кемеровский государственный университет

Ключевые слова: *наскальное искусство, Минусинская котловина, Средний Енисей, этнографические рисунки, культ гор, изых*

Почитание горных вершин обнаруживается в культах многих народов. Например, культ горы Олимп или Синая. В связи с особенностями рельефа культ гор имел широкое распространение и у аборигенного населения Хакасской котловины. А. П. Степанов описывает верования коренного населения и указывает, что верования «татар не-христиан» основываются на почитании священных холмов и роц, которые служат местом проведения обрядов и жертвоприношений. «Они почитают своих старинных идолов, которые... водружены на... холмах» (Степанов 1835: 82–84). Также известно описание культа горы Иней-гас, которую местное население называло «Каменной старухой» из-за особых очертаний утеса. Д. А. Клеменц сообщает о том, что хакасское население ежегодно собирается в данном месте и приносит жертвы скале (Записки... 1891: 27). Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев приводят слова М. А. Кастрена, который исследовал Сибирь в период с 1845 по 1849 г.: «Поклонялись в прежние времена также и высоким скалам, святость которых обозначалась намалеванными или высеченными фигурами... рассказывают, что еще и ныне в иной день многие татарские поколения собираются у подножия “писаных скал”... чтобы отмечать свои праздники» (Кызласов, Леонтьев 1980: 64). Среди рисунков Минусинской котловины стоит выделить сюжет с «хороводами»: возможно, эти сцены отображают проведение сезонных ритуалов (рис. 1: 1–2). Проводя ритуалы, хакасы выбивали свои тамги (родовые знаки), оставляя «подпись», которая являлась свидетельством проведенного обряда.

Важной частью молений являлись жертвоприношения, во время которых животное, обычно лошадь, преподносилось духу. Жертвоприношения хакасов носили бескровный характер, животное не умерщвлялось. Для проведения ритуала выбирали белого скакуна, его выводили в священное место. После обрядов с его шеи сбрасывалась узда, что свидетельствовало об освобождении и переходе коня под власть духа — изыха (Степанов 1835: 85). Лошадь украшали, в гриву

Рис. 1. Наскальные рисунки, связанные с культом гор: 1 — «хороводы», г. Оглахты; 2 — шаманские камлания, г. Тенсей; 3 — изображение «изыха», г. Оглахты (по: Кызласов, Леонтьев 1980); 4 — плитка, найденная в «обо»

вплетались ленты, а тело омывали молоком; завершив обряд, шаман выбивал фигуру коня на скале (Бурнаков 2006: 64–65). Рисунки украшенных коней обнаруживаются на памятниках Минусинской котловины в огромном количестве. Одно из ярких изображений горного комплекса Оглахты — изображение «изыха», фигура коня украшена солярными знаками, орнаментом, бубенцами на шее, на крупе животного выбита тамга, возможно, демонстрировавшая принадлежность животного. На спине коня можно увидеть изображение антропоморфного персонажа — вероятно, так показан дух, живущий в горах и помогающий населению, приносящему ему жертвы (рис. 1: 3).

Одним из свидетельств культуры гор являются «обо», встречающиеся на вершинах гор и в наши дни (Кузнецов 1889: 18). «Обо» представляют из себя сложенные из камней груды, создававшиеся в честь духов-хозяев гор. Проходящий по вершине обязан поднести камень. Женские и мужские «преподношения» отличались, мужчины приносили камни, женщины подносили березовые ветки, втыкавшиеся в восточную сторону насыпи. Рядом с «обо» было запрещено смеяться, петь песни, так как это могло разозлить духа, который пошлет испытания (Потапов 1946: 146).

Вопрос о времени создания «обо» является дискуссионным. Среди этнографов бытует мнение о том, что «обо» сооружались в кыргызское время (I тыс.), так как хакасы называли эти камни «кыргызскими камнями» (Бутанаев 2003: 34). Другое мнение мы встречаем у авторов XIX в., которые указывают, что обычай бросать камни и ветви в определенных местах во время прохода по перевалам сохраняется у хакасов и в XIX в. Таким образом, можно считать, что традиция имела древние корни, но говорить о сохранении этих сооружений в неизменном виде некорректно (Кузнецов 1889: 18).

Во время полевой разведки в 2017 г. на вершине скалы Забочинской Тепсейского археологического микрорайона отрядом Кемеровского государственного университета было обнаружено три насыпи. В одном из «обо» отряд нашел плитку с выбитым изображением коня, предположительно датируемым Новым временем. Фигура коня имеет общие черты с изображениями, представленными на соседнем памятнике наскального искусства — горе Оглахты; рисунок выполнен в контурной манере, тело лошади изображено крепким, а голова — маленькой, что является характерной чертой для изображений рассматриваемого периода (рис. 1: 4). Можно предположить, что использование расписанной плитки при сооружении «обо» являлось

жертвой духу горы. Возможно, изучив похожие памятники соседних регионов, мы сможем обнаружить тенденцию использования разри-сованных плиток при создании «обо». Стоит отметить также, что памятники наскального искусства входят в сферу интересов туристов, которые могли сложить новые конструкции, изменить их положение или уничтожить.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00974, <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>.

Список литературы

- Бурнаков В. А. 2006. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН.
- Бутанаев В. Я. 2003. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова.
- Записки Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. 1891. Кн. 11: Материалы, собранные Д. А. Клеменцом при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск: Типогр. Окружн. штаба.
- Кузнецов И. П. 1889. Древние могилы Минусинского округа. Томск: Типо-лит. В. В. Михайлова и П. И. Макушина.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. 1980. Народные рисунки хакасов. М.: Наука.
- Потапов Л. П. 1946. Культ гор на Алтае // СЭ 2, 145–160.
- Степанов А. П. 1835. Енисейская губерния. СПб.: В тип. Конрада Вингебера.

Предметы быта и культуры XVI–XX вв. с раскопок Рождественского комплекса в Пермском крае

Смирнов Д. С.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет*

Ключевые слова: *Рождественский могильник, Постановово, материальная культура, история российского крестьянства, археология Нового времени*

Исследования материальной культуры деревни Нового и Новейшего времени через анализ археологических источников только начинают развиваться в России. Благодаря этому решается проблема отсутствия исчерпывающих данных в архивных и музейных фондах о деревнях, так как коллекции представлены выборочно, а экспонаты не способны дать полное представление о жизни крестьянства. Статья является частью работы «Материальная культура б. д. Постановово на территории Карагайского округа по археологическим данным».

На территории средневекового Рождественского могильника Пермского края фиксируется культурный слой, связанный с функционированием деревни Постановово с конца XVI до середины XX в. В качестве источников использовались коллекции с раскопок 2008–2022 гг. Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ.

Большая доля находок относится к элементам жилых и хозяйственных построек (кирпичи и их кладки, элементы печи и ее развал, гвозди, костыли, обоймы, детали дверей, фрагменты оконного стекла) и кухонной посуде (фрагменты керамической посуды, сковородок, котлов, бочонков, чугунков, ведер, ковшей и самовара).

Исследований, отдельно посвященных «деревенской археологии» Нового и Новейшего времени в Предуралье, еще не проводилось. До данного исследования никто не выделял в археологической коллекции деревень Нового времени категорий повседневных и статусных (престижных) вещей (Марочкин и др. 2018). Критерий группы «престижности» основывался на этнографическом и архивном материале (Мозель 1864; Рычков 1772; Чагин 1991; Янович 1903 и т. д.).

К группе «статусных» вещей относится фарфоровая и фаянсовая посуда («Т-ва М. С. Кузнецова № 7», «Т-ва М. С. Кузнецова. Д. Ф.», «Коминтерн ст. Волхов окт. ж. д.»), вилки, самовары, лампадки,

керосиновые лампы, бутылки из-под Рижского бальзама («РИЖСКИЙ БАЛЬЗАМЪ НАСТОЯЩІЙ «ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ», «Krug-Fabrik P. Nauheim & Cic Wirges»), ранняя эмалированная кружка с вихревым сине-белым орнаментом, стеклянная посуда (сахарница, пробки графинов, солонка), парфюмерные флаконы («Брокаръ и К^о в Москвѣ»), пробка «ТЖ» — «Трест Жиркость»), баночки из-под мази и крема. Среди новинок середины XIX в. выделим минеральную воду — «Завед. искусств. мин водъ Ф. Грахе въ Казани», аптечные флаконы («АПТЕКА»; «PHARMACiE»; с цифрой «1» и «4/15» на дне, «20 гт» и «2», «ИНД.»).

Любопытно, что категорию «статусных» вещей можно связать с профессией жителей, так как были найдены мундирные пуговицы почтово-телеграфных служащих и других гражданских или военных чиновников. Известно, что в 1910 г. в с. Рождественск в полутора километрах от деревни открыто почтовое отделение (Обзор Пермской губернии за 1910 год). Благодаря почтово-телеграфной службе жители могли позволить себе покупать посуду по прейскуранту фабрик и другие предметы престижного характера. Но обозначим, что пуговицы могли быть потеряны во время Гражданской войны или рабочего визита.

Отметим, что в домохозяйствах независимо от достатка было большое количество кухонной утвари, керамической гончарной посуды для повседневного использования. Найдены фрагменты столовой посуды (миски, кружки, подойника, кувшинов и кашника) и кухонной посуды (горшков, квашенки, латок и корчаг).

В результате раскопок обнаружена коллекция старообрядческих крестов-тельников XVIII — до начала XX в., состоящая из 14 целых изделий и 10 фрагментов, которые принадлежат к распространенным типам простых восьмиконечных крестов, вписанных в более удобную форму четырехконечного. Интересно, что с XVIII до XX в. из-за позиций официальной церкви все производство медных крестиков стало монополией старообрядцев (Тетерятников 1977: 167), таким образом их приобретали и носили не только староверы.

В коллекции имеется 18 монет, которые дают возможность определить нижнюю дату существования деревни и в какие годы она перестала существовать (монеты с 1535–1538 гг. до 1936 г.). Это подтверждается архивными данными — в 1623–1624 гг. место называют починком Вотцкое городище (Шумилов 2008: 63), а к 1939 г. относится последнее упоминание д. Постанового (Материалы о разукрупнении... 1938–

1947) и устными свидетельствами из воспоминаний Н. В. Галиахметовой, чья бабушка была уроженкой деревни.

Интерес представляет медная гирилка от Русского разбивного разновеса с маркировкой «3» — 3 золотника, рамка голосовой планки гармони и глиняная игрушка или ручка сосуда, изображающая птичку.

Обычно, как отмечает Х.И. Мозель, в Пермской губернии «крестьяне в своем семейном быту чрезвычайно постоянны, строго держатся старины и не допускают никакого постороннего влияния» (Мозель 1864: 533), чего нельзя сказать про жителей б. д. Постанового, которые использовали современные вещи. Как писал Г. Н. Чагин, «металлическая, стеклянная и фаянсовая посуда вошла в обиход только зажиточных крестьян с конца XIX в.» (Чагин 1991: 112). Как правило, «статусные» вещи встречаются в административных центрах, где сосредоточено много представителей купеческих и государственных деятелей, а уровень потребления и социальный статус имеют большое значение.

Список литературы

- Марочкин А. Г и др. 2018. Начало археологического изучения «кемеровских» деревень // Герш К. В. (ред.). Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новокузнецк: НФИ КемГУ, 65–73.
- Материалы о разукрупнении Пермско-Ильинского района Молотовской области. 3 февраля 1938 г. — 18 августа 1947 // ГАПК. Ф. р-564. Оп. 3. Д. 2907. Л. 49.
- Мозель Х.И. 1864. Материалы географии и статистики России, собранные офицером генерального штаба. Пермская губерния. Ч. 2. СПб.: Ф. Персона.
- Обзор Пермской губернии за 1910 год. 1911. Пермь: Типо-лит. губ. правления.
- Рычков Н. П. 1772. Продолжение Журнала или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб.: Императорская Академия наук.
- Тетерятников В. М. 1977. Медные кресты и иконы в народной жизни // The New Review 129, 167.
- Чагин Г. Н. 1991. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX в. Пермь: Томский ун-т.
- Шумилов Е. Н. 2008. Исчезнувшие населенные пункты Пермского края. Изд. 2-е. Пермь: Перм. книжное изд-во.
- Янович В. М. 1903. Пермьяки: этнографический очерк. СПб.: МВД.

Глиняная посуда XVII–XVIII вв. города Тары

Сопова К. О.

Институт археологии и этнографии СО РАН

Ключевые слова: керамика, археология Нового времени, Западная Сибирь, русские, технико-технологический анализ

Тарская крепость — первый русский город в среднем течении Иртыша (Омская область). В ходе раскопок получена обширная коллекция керамики XVII–XVIII вв. Для разделения керамики на хронологические группы отобраны материалы из четко датированных слоев Тарской крепости. Проанализировано 294 венчика от разных сосудов и 14 археологически целых форм. Определение технологии производства керамики базировалось на микроскопическом анализе поверхностей и изломов сосудов. Анализ показал, что все изделия изготовлены из ожелезненного глинистого сырья. Естественные примеси представлены включениями бурого железняка и песка разной размерности. В составе формовочных масс керамики фиксируются минеральные и органические примеси — шамот, навоз.

Керамика XVII в. (рис. 1: 1–3) происходит из закрытых комплексов — сгоревшей избы первой четверти XVII в. (датировка по радиоуглеродному анализу образцов дерева) и из сруба с подполом, датирующихся третьей четвертью XVII в. (по вещевым находкам — бусины, монеты-чешуйки) (Тихонов 2017). Основные категории посуды — горшки и корчаги. Встречаются также миски, латки, горшки со сливом.

По способу конструирования встречаются как изделия, выполненные методами скульптурной лепки с использованием гончарного круга в качестве вспомогательного инструмента, так и полностью изготовленные на круге. 53% посуды изготовлено на гончарном круге методом вытягивания из цельного куска глины; 38% — лепным способом с последующей доработкой на круге (оформление венчика, заглаживание поверхности); 9% — методом скульптурной лепки.

В качестве дополнительной обработки поверхности характерны разнообразные виды заглаживания — тканью, кожей, пальцами, деревянным инструментом. Встречается лощение (прием уплотнения поверхности глиняных изделий) (Бобринский 1978: 223). Фиксируются как полностью лощеные сосуды, так и керамика с орнаментальным лощением. Единичны находки керамики, покрытой глазурью (корич-

невого и зеленого цвета). Встречаются орнаментированные изделия — горшки с прочерченными горизонтальными линиями или с косо поставленными вертикальными штампами на плечиках.

Большинство сосудов обожжено в восстановительной среде — цвет излома и черепка темно-серый. Среди немногочисленной посуды, обожженной в окислительной среде, большинство фрагментов подвергались кратковременному доступу кислорода.

Для керамики второй половины XVII в. чаще всего встречаются горшки. 78% посуды выполнено целиком на гончарном круге, 13% изготовлено методом скульптурной лепки и доработано на круге и 9% — полностью методом скульптурной лепки.

Поверхность обрабатывалась разными вариантами заглаживания (деревянным инструментом или тканью), сплошным лощением. Встречаются сосуды, покрытые глазурью коричневого цвета, и единичные сосуды со следами обваривания. Орнаментация — вдавленные горизонтальные линии на плечике сосуда. Обжиг выполнен в восстановительной среде.

Керамика XVIII в. (рис. 1: 4–8) происходит из заполнения двух срубов: первый датирован по индивидуальным находкам (Тихонов 2017), второй — по монетам (Татауров 2020).

Типологически выявлены горшки, корчаги, крынки, миски, сковороды, тарелки, чернильница, рукомойник. Целиком на гончарном круге изготовлено 49% сосудов, 28% — методом скульптурной лепки с дальнейшей доработкой на круге, 23% — полностью лепные сосуды.

Отличительной чертой керамики XVIII в. является большее количество сосудов с орнаментом. Варианты орнаментации — ногтевые вдавления по горизонтали вокруг плечика сосуда, волнообразные и горизонтальные прочерченные линии, сочетание горизонтальных и косых линий. Орнаментация прочерченными линиями чаще всего встречается на горшках. Чаще, чем на посуде XVII в., фиксируется керамика, покрытая глазурью коричневого, зеленого, горчичного цвета. Встречаются изделия с подглазурной росписью. Обжиг выполнен в восстановительной среде.

Русская керамика Нового времени в Сибири зачастую описывается исследователями без выделения узкодатированных комплексов. Авторы используют разные классификационные и типологические схемы для описания материалов, что затрудняет создание общей хронологической шкалы для русской керамики Сибири (Балюнов 2018: 129). Разработка типологии и хронологии керамической посуды может

Рис. 1. Керамика Тарской крепости: 1–3 – керамика XVII в.; 4–8 – керамика XVIII в.

быть решена в результате анализа находок, происходящих из закрытых, надежно датированных археологических комплексов.

Работа выполнена в рамках Госзадания НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0005.

Список литературы

- Балуонов И. В. 2018. Тобольская керамическая посуда конца XVI – XVII века: опыт классификации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, философия 17 (5), 120–129.
- Бобринский А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука.
- Татауров С. Ф. 2020. Отчет о проведении археологических раскопок в городе Таре Омской области на объекте археологического наследия «Городище «Тарский кремль» в 2019 году по Открытому листу № 1746-2019 от 12.08.2019. Омск.
- Тихонов С. С. 2017. Отчет о проведении археологических работ на объекте археологического наследия «Тарская крепость» в 2016 году по Открытому листу № 713 от 15.06.2016. Омск.

Социальное устройство остяко-вогульских княжеств (из истории изучения)

Яковлева Е. А.

Уральский федеральный университет
им. первого Президента Б. Н. Ельцина

Ключевые слова: остяко-вогульские княжества, феодализм, вождество, князь, богатырь

Впервые вопрос о социальной организации остяко-вогульских княжеств был поднят С. В. Бахрушиным в его исследовании «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.». Эта работа была неоднозначно воспринята в советской исторической науке и вызвала дискуссию (Бахрушин 1935). Исходя из позиций марксизма (как его понимал С. В. Бахрушин), исследователь впервые поднял вопрос о вызревании феодальных отношений в обществе, экономика которого ориентировалась не на производящие, а на присваивающие формы хозяйства — рыболовство и охоту (Бахрушин 1935: 20). Примечательно, что дискутирующие стороны опирались в своих рассуждениях на глубокое аналитическое исследование С. К. Патканова, посвященное героическому эпосу южных хантов (Патканов 1891).

Основным критиком С. В. Бахрушина выступил Н. Н. Степанов, обозначивший свои позиции в статье «К вопросу об остяко-вогульском феодализме» (Степанов 1936). Автор отрицал формирование феодальных отношений у остяков и вогулов до вхождения Сибири в состав Московского государства. Он отметил, что работа С. В. Бахрушина представляет собой «модернизацию исторического прошлого с недостаточно критичным подходом к источникам» (Степанов 1936: 26). Кроме того, несмотря на новаторство С. В. Бахрушина в постановке проблемы, его исследование не соответствовало марксистскому формационному подходу (Степанов 1936: 31).

Пристальное внимание Н. Н. Степанов также уделил значению роли «князя». Ссылаясь на труды С. К. Патканова, исследователь полагает, что в описываемый период слово «князь» выступало синонимом термина «богатырь». При этом первое понятие рассматривалось в качестве позднего заимствования, относящегося к русскому периоду истории Сибири (Степанов 1936: 23).

В рамках дискуссии поднимался вопрос относительно социальной категории «мыгдат-жах» — земляные люди, которых С. К. Патканов характеризует как «простых людей» и «подданных» богатыря (Патканов 1891: 82–84). По мнению Н. Н. Степанова, в источниках не фиксируется полной власти князя даже во время военных походов (Степанов 1936: 23). Более того, выдержки из этнографических источников, приводимые Н. Н. Степановым, указывают на минимальные социальные отличия между простыми людьми и богатырями.

Согласно работе С. К. Патканова, в былинах не фиксируется механизм происхождения «княжеской» власти, а описывается уже сложившийся институт не только главы-князя, но и «родовой аристократии» из княжеской фамилии. Князя представляли своего рода военную касту, в обязанности которой входила охрана территорий и населения от внешних врагов (Патканов 1891: 77). Ценные данные по этой теме приведены в сборнике «Вогульские сказки», подготовленном В. Н. Чернецовым. Ученый связывает трансформацию образа богатыря с появлением железного оружия и частной собственности на военную добычу (Чернецов 1935: 17–18).

В последующие годы историки и этнографы вновь обращались к определению характера обско-угорского средневекового общества. Так, И. Н. Гемуев и А. М. Сагалаев утверждают, что в обрядовой практике обских угров сохранились следы военно-потестарной организации (Гемуев, Сагалаев 1986: 188). Е. П. Мартынова пишет, что угорские княжества являлись потестарными структурами, сложившимися под влиянием внешней опасности, они строились на территориально-этнической и территориальной основе (Мартынова 1995: 79).

В статье С. Ф. Кокшарова «К 70-летию выхода книг С. В. Бахрушина и В. Н. Чернецова» утверждается, что данные археологии свидетельствовали о сложении у таежных угров военных вожеств в средневековое время (Кокшаров 2005). Эта тема в российской историографии была также рассмотрена Н. Н. Крадиным (Крадин 1995). В пользу вожеств у средневековых угров Приобья высказываются также Е. В. Вершинин и Г. П. Визгалов. Они квалифицировали остяко-вогульские княжества как простые вожества, в которых власть вождя и его окружения держалась только на военных успехах и грабеже соседей (Вершинин, Визгалов 2022: 149).

Несмотря на широкую разработку темы, имеющиеся данные могут свидетельствовать о разном устройстве остяко-вогульских княжеств. В рамках теории вожеств такое разнообразие вполне возможно.

В настоящее время в вопросе социального устройства остяко-вогульских княжеств достигнуты определенные успехи, но вряд ли его можно признать полностью решенным.

Список литературы

- Бахрушин С. В. 1935. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Ин-т народов Севера.
- Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. 2022. Таежные властители и Московское государство в XV–XVII веках // Северные древности: археология, этнография, история 1, 138–153.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. 1986. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука.
- Кокшаров С. Ф. 2006. К 70-летию выхода книг С. В. Бахрушина и В. Н. Чернецова // Редин Д. А. (ред.). Три столетия академических исследований Югры: От Миллера до Штейница. Ч. 2. Екатеринбург: Волот, 129–147.
- Крадин Н. Н. 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Попов В. А. (ред.). Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Москва: Восточная литература, 11–61.
- Мартынова Е. П. 1995. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // Лукина Н. В. (ред.). История и культура хантов. Томск: Том. ун-т, 77–120.
- Патканов С. К. 1891. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина IV, 66–108.
- Степанов Н. Н. 1936. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // СЭ 3, 19–35.
- Чернецов В. Н. 1935. Вогульские сказки. Л.: Художественная литература.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Археологические изыскания Троицкосавско-Кяхтинского отдела РГО

Бальжанов Б.Л.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Ключевые слова: *Троицкосавско-Кяхтинское отделение, Русское географическое общество, археология, погребения, Ю.Д. Талько-Грынцевич*

В 1894 г. в Троицкосавске открылось Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (далее — ТКО РГО). Оно стало центром археологических исследований в Забайкальской области, так как именно через Кяхту пролегли маршруты известных путешественников — Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, Г. Е. Грумм-Гржимайло и др. Цель данной публикации — определить значение деятельности ТКО РГО в археологии региона. Для этого необходимо собрать сведения о первых археологических исследованиях на территории современной Бурятии, выявить основные научные результаты археологических изысканий, проводившихся членами отделения, и определить значение деятельности членов ТКО РГО в этой области.

Первые крупные археологические исследования в Бурятии принято связывать с именем Юлиана Доминиковича Талько-Грынцевича. Его стараниями были проведены раскопки более 130 мест и около 500 могил, относящихся к разным археологическим культурам и периодам. Ю. Д. Талько-Грынцевич исследовал разнотипные памятники, не фокусируясь на одном памятнике или конкретной культуре. Именно он впервые попытался классифицировать сведения о погребениях в Забайкалье, разделив их на разновременные группы, опираясь на визуальный осмотр. Каждой группе был присвоен значок, который наносился на карту в месте обнаружения могильника. По сути, это стало первой попыткой создать карту археологических объектов в Забайкалье. Помимо этого, Ю. Д. Талько-Грынцевич изучил погребения «в деревянных гробах, обернутые в бересту», или «в выдолбленной колоде», отнесенные им к периоду Средневековья, вдоль рек Селенга, Хилок и Чикой (Талько-Грынцевич 1900б: 48–50).

Ю. Д. Талько-Грынцевичем было высказано предположение о смене трех культур в Забайкалье (каменный век, медный век, бронза и железо) (Талько-Грынцевич 1900а: 63). Заметим, что не все предположения пионера археологии оказались верны: так, культура плиточных могил, по его мнению, относилась к эпохе хунну (Талько-Грынцевич 1900б: 63; 1928: 9), однако в настоящее время выявлено, что к ней относятся «погребения в гробах». Результаты изысканий отражены во многочисленных трудах ученого (Талько-Грынцевич 1898; 1900б; 1905 и др.)

Другим видным деятелем Общества был преподаватель реально-го училища в Троицкосавске А. П. Мостиц, ученик известного археолога И. Т. Савенкова (Малая энциклопедия Забайкалья 2011: 368). Еще до приезда в Троицкосавск Александр Павлович начал заниматься археологией и на основе своих данных написал статью «Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты» (1894). В 1895 г. по заданию отделения А. П. Мостиц направился в первую в истории бурятской археологии поездку с целью поиска «поселений каменного века» вдоль долины р. Селенги. Отметим, что А. П. Мостиц раскопки не проводил, а лишь собирал подъемный материал и фиксировал памятники, которые ему удалось обнаружить. Результатом поездки стал доклад А. П. Мостица «Следы каменного века в долине реки Селенги» (1896). В том же году Александр Павлович исследовал долину реки Чикой и по материалам работ опубликовал статью «Следы доисторического человека в долине р. Чикой» (1897).

Директор Кяхтинского музея П. С. Михно совершил ряд экспедиций по долине р. Чикой, на Ямаровские минеральные источники. В 1902 г. под его началом была проведена обширная экспедиция в Монголию, в окрестностях озера Хубсугул. Свои исследования Петр Саввич проводил и в советское время, вплоть до 1930-х гг. Коллекция, собранная им, включает находки из памятников Дурены, Урлун-Жиндо, Хамнигадай, Елань, р. Сава, Усть-Кяхта, Эдуй, Хулдаг, Гусиное озеро, Хара-Бусун и др.

Помимо перечисленных ученых, в ТКО РГО археологическими исследованиями занимались Я. С. Смолев, А. М. Лушников, С. А. Успенский. Однако собственных научных трудов они не оставили, а об их деятельности известно по сформированным музейным коллекциям (Дикий 2019: 98).

В революционные годы отделение Общества прекратило свою деятельность и возобновило ее в 1925 г. после создания Бурят-Монгольской

секции Восточно-Сибирского отделения РГО. Однако уже в 1931 г. Общество было реорганизовано в краеведческое, и постепенно деятельность его сошла на нет.

За время работы ТКО РГО его членами было обследовано значительное количество памятников археологического наследия, принята попытка систематизации и классификации памятников, собран и обследован обширный антропологический и археологический материал, который был передан Кяхтинскому краеведческому музею. Учеными отдела опубликованы статьи в 15 выпусках сборника трудов ТКО РГО. Таким образом, деятельность отделения положила начало изучению археологических памятников Бурятии. Труды Ю. Д. Талько-Грынцевича, А. П. Мостица и др. не потеряли своей актуальности и для современных исследователей.

Список литературы

- Дикий Я. В. 2019. История формирования первых археологических коллекций Кяхтинского краеведческого музея (конец XIX — начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири 26 (4), 97–100.
- Малая энциклопедия Забайкалья. Археология 2011. Гениатулин Р. Ф. (ред.). Новосибирск: Наука.
- Мостиц А. П. 1894. Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты // Протоколы ТКО ПО РГО. № 3.
- Мостиц А. П. 1896. Следы каменного века в долине реки Селенги // Протоколы общих собраний. ТКО ПО РГО 1 и 2, М., 19.
- Мостиц А. П. 1897. Следы доисторического человека в долине р. Чикоя // Протоколы ТКО ПО РГО № 2–3.
- Попов В. В. 1927. Михно как краевед // Бурятоведение 3–4, 59–63.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. 1898. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади: Палеоэтнологический очерк // Труды КОРГО. Т. 1. Вып. 2, 1–77.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. 1900а. Древние обитатели Центральной Азии // Труды ТКО ПО РГО. Т. 2, Вып. 1–2. М.: Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 61–76.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. 1900б. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. // Труды ТКО ПО РГО Т. 1, Вып. 3. М.: Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 35–76.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. 1905. Древние памятники Западного Забайкалья (с картою их распределения) // Труды XII Археологического съезда в г. Харькове 1902 г. Т. 1. М., 492–505.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. 1928. Население древних могил и кладбищ Забайкальских. Верхнеудинск: Изд-во Бурят-Монгольского научного общества.

Формирование основ методики полевых археологических исследований в СССР: опыт советских специалистов

Бирюков М.Д.

Алтайский государственный университет

Ключевые слова: *методика полевых исследований, А.А. Миллер, А.В. Арциховский, Б.С. Жуков, И.И. Мещанинов, С.И. Руденко, М.П. Грязнов*

С середины 1920-х гг. в отечественной археологии началась активная разработка методик полевых исследований, чему способствовали новое и дореволюционное поколения специалистов. Этот опыт имеет важное значение и требует системного историографического обобщения. Для реализации этой цели осуществлялся анализ публикаций, в которых отражен начальный этап в обозначенной области. В результате выявлен процесс формирования методик, отмечена специфика исследований разных научных школ, описано их влияние на дальнейшее развитие науки.

Среди дореволюционных специалистов стоит отметить вклад А.А. Миллера. Он реализовал ступенчатую систему раскопок и использовал при полевых работах нивелировочную сетку (Миллер 1926: 110), а также указал на необходимость полного исследования курганной насыпи из-за разного количества захоронений под ней (Миллер 1934: 112–113).

В тот же период в археологии складываются свои научные школы. В Москве их создают В.А. Городцов и Б.С. Жуков. Одним из ярких представителей школы В.А. Городцова был А.В. Арциховский, который работал в области городской археологии русского Средневековья и проводил раскопки большими площадями (Арциховский 1956: 11). Он сравнивал летописные и вещественные источники, применял анализ замкнутых в пределах определенных построек вещевых комплексов, что позволяло выяснить функциональное назначение сооружений (Янин 2002: 1094). В рамках палеоэтнологической школы методики полевых исследований были предложены и апробированы Б.С. Жуковым, который стремился приблизить археологию по точности к естественным наукам. Он занялся приведением полевой документации в целостную и удобную для восприятия форму, заказывал в типографии специальные карточки для фиксации материала (Жуков 1929: 60–61). Его разработки касались в основном поселений. Была пред-

ложена «методика районных исследований», заключающаяся в изучении как можно большего числа памятников на одной территории. Для их раскопок предлагалось производить длинные и широкие разрезы, которые служили для уточнения стратиграфии и были необходимы для выяснения «бытовых деталей», после чего начиналось послойное вскрытие широкой площади (Жуков 1927: 17).

Ленинградские археологи не только критиковали московских коллег, но и предлагали свои решения. И. И. Мещанинов считал, что необходимо как можно более широкое изучение территории памятника сплошной площадью для плановой увязки объектов друг с другом. Он уделял большое внимание сбору этнографических и лингвистических данных, фиксировал обнаруженные надписи, орнаменты и изображения. В 1920-х гг. ленинградские исследователи С. И. Руденко, С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов и другие внесли свой вклад в развитие рассматриваемой темы. Результаты их деятельности широко известны, отметим лишь некоторые из них. Так, в ходе раскопок на Алтае пазырыкских курганов пришлось столкнуться с мерзлотой и большим количеством льда в захоронениях, что требовало применения особых приемов в ходе исследований. Важным достижением С. И. Руденко стало использование планиграфического анализа могильников для палеосоциологических реконструкций (Тишкин, Дашковский 2003: 60). М. П. Грязнов внес значительный вклад в совершенствование методики исследования погребального обряда. В ходе работы на памятниках афанасьевской культуры он осуществлял раскопки широкими площадями, расчистку оград и надмогильных сооружений, выявлял их конструкции и этапы строительства (Красниенко 2022: 46).

Процесс формирования советской археологии в 1920–1930-х гг. шел чрезвычайно интенсивно. Методы, утратившие актуальность, быстро заменялись новыми. Несмотря на различие в теоретических взглядах, в разработках всех специалистов можно выявить общие тенденции — стремление к получению большого количества материала, масштабность исследований и привлечение методов смежных дисциплин. Прошедшие проверку временем и неоднократно испытанные, они составили основу археологической методики в послевоенные годы.

Список литературы

- Арциховский А. В. 1956. Археологическое изучение Новгорода // Арциховский А. В., Рыбаков Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. (МИА СССР 55). М.: Изд-во АН СССР, 7–43.

- Жуков Б. С. 1927. Из методологии изучения культур стоянок и городищ // Жуков Б. С., Бадер О. Н. (ред.). Материалы к доистории Центрально-промышленной области. М.: тип. Серпуховск. «Промторга», 13–18.
- Жуков Б. С. 1929. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография 1, 54–78.
- Красниенко С. В. 2022. Э. Б. Вадецкая — М. П. Грязнов: ученик — учитель / оппоненты // АВ 34, 48–52.
- Мещанинов И. И. 1932. О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников // Сообщения ГАИМК 1–2, 6–12.
- Миллер А. А. 1925. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции академии в 1923 г. // Известия РАИМК IV, 1–42.
- Миллер А. А. 1934. Археологические разведки. М.; Л.: Гос. соц. — экон. изд-во.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К. 2003. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алтайского университета.
- Янин В. Л. 2002. Историк, вооруженный лопатой: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР А. В. Арциховского // Вестник РАН 72, 1093–1099.

Археолог Л. А. Чалая в Семипалатинске и во Владимире

Галкин Т. О.

Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль»

Ключевые слова: *Л. А. Чалая, неолит Казахстана, Владимир, преподавательская деятельность*

Имя Людмилы Андреевны Чалой, специалиста по неолиту Казахстана, малоизвестно широкому кругу археологов, однако ее хорошо помнят студенты-историки и юристы Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (далее — ВлГУ), которым пришлось обучаться в начале 2000-х гг. во Владимирском государственном университете. Данное исследование посвящено основным вехам в биографии исследовательницы, которая в течение жизни меняла сферы деятельности от изучения неолита до преподавания теории государства и права.

Л. А. Чалая родилась в 1940 г. в Ташкенте. В 1954 г. окончила семилетнюю Бузулукскую школу Оренбургской области и поступила в педагогическое училище Оренбурга. После его окончания с 1958 г. работала воспитателем и учителем школы-интерната г. Бузулук. С 1961 по 1966 г. она училась в МГУ на вечернем отделении исторического факультета. В это же время работала в должности лаборанта (позднее — старшего лаборанта) в Институте геологии АН Казахской ССР в г. Алма-Ата. После университета по распределению работала преподавателем на кафедре истории Семипалатинского педагогического института им. Н. К. Крупской (1966–1968 гг.). В 1968 г. поступила в аспирантуру МГУ на исторический факультет, кафедра археологии. После окончания аспирантуры, в 1971 г., под руководством Л. Р. Кызласова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Неолитические памятники Северо-Восточного и Центрального Казахстана» и вернулась в Семипалатинский пединститут на кафедру истории в должности заведующей (Чалая 1971). При подготовке диссертации Людмила Андреевна использовала материалы С. С. Черникова, который выступил ее официальным оппонентом (Бедельбаева 2019: 54). В 1974 г. Л. А. Чалая была утверждена в ученое звание доцента кафедры истории. Учитывая роль кафедр общественных наук в воспитательном процессе, руководство Семипалатинского педагогического института в 1977 г. приняло решение о создании факультета общественных наук. Первым деканом стал А. А. Замятин, затем З. Т. Новикова, а позже — Л. А. Чалая.

В ходе собственной экспедиционной деятельности Л.А. Чалая внесла весомый вклад в изучение неолита и энеолита юго-запада Барабинской лесостепи. Возглавив Северо-Казахский отряд Хакасской археологической экспедиции МГУ в конце 1960-х — начале 1970-х гг., она развернула широкую разведывательную деятельность (Захаров 2012: 138). После исследования стоянок Пеньки-1 и 2 она выделила комплексы неолита и энеолита, указав на их сходство с рядом западносибирских памятников (Чалая 1972: 177, 180; Захаров 2010: 471; Мерц 2021: 103). Безусловной заслугой Л.А. Чалой стало выделение локальных вариантов «микролитических культурных зон», сделанное на основании предшествующих наблюдений А.А. Формозова (Гребенюков 2008: 71). Важными являются и наблюдения Л.А. Чалой над орнаментацией неолитической керамики стоянок Пеньки-1, 2. Наблюдения над формами и орнаментом сосудов позволили выстроить хронологическую схему развития, которая, однако, вызвала возражения В.Ф. Зайберта (Гребенюков 2008: 73). К сожалению исследовательницы, ее предположение о мозаичности, чересполосном бытовании отщеповой и пластинчатой индустрий в эпоху неолита не выдержало испытания временем (Логвинов 1986). После защиты кандидатской диссертации Л.А. Чалая отошла от исследований каменного века в Казахстане.

В 1981 г. Л.А. Чалая переехала во Владимир, где была принята на кафедру философии Владимирского политехнического института в должности доцента. С 1992 г. она переходит на вновь созданную кафедру юриспруденции. За два десятилетия Людмила Андреевна полностью переключилась на изучение и преподавание теории государства и права. Тем не менее в начале «нулевых» после преобразования Владимирского политехнического института во ВлГУ и появления там кафедры истории Отечества Л.А. Чалую привлекли к чтению курса «археология» для впервые набранных студентов-историков, культурологов и музеологов. В 2002–2003 гг. она с успехом читала курс лекций по археологии.

Стоит указать, что на поприще юриспруденции Л.А. Чалая достигла некоторых успехов. Учебное пособие по истории договорных отношений отмечено на Всероссийском конкурсе лучшей научной книги в 2004 г. (Чалая, Лядова 2008). За работу со студентами она отмечена благодарностями руководства университета и Владимирской области, Министерства образования и науки Российской Федерации. В 2011 г., заболев, Л.А. Чалая отошла от преподавания и передала свою вну-

шительную библиотеку на кафедру истории, археологии и краеведения ВлГУ. 21 июля 2013 г. после продолжительной болезни Людмила Андреевна Чалая скончалась, оставив после себя научные труды по археологии и юриспруденции.

Выражаю искреннюю благодарность за помощь в подготовке статьи сотрудникам музея ВлГУ и М. С. Слепкову, заместителю директора по учебной работе МБОУ СШ № 1 г. Суздаля.

Список литературы

- Бедельбаева М. В. 2019. «Рыцарь без страха и упрека» (к 110-летию со дня рождения С. С. Черникова) // Қазақстан археологиясы 3 (5), 46–61.
- Гребенюков В. И. 2008. Изучение неолита центрального, северо-восточного и северного Казахстана в 60–80 годы прошлого столетия // Вестник ННГУ 3, 69–78.
- Захаров С. В. 2012. История открытия и изучения памятников неолита казахстанского Приишимья // Онгар А. (ред.). Труды филиала института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Т. 1. Астана: Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана, 136–147.
- Захаров С. В. 2010. История становления и развития энеолитоведения Северного Казахстана // Кумеков Б. Е. (ред.). Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 469–474.
- Логвин В. Н. 1986. Неолит и энеолит степного Притоболья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Мерц В. К. 2021. К вопросу о культурно-исторических процессах в неолите Северо-Восточного Казахстана и сопредельных регионов // Тишкин А. А. (ред.). Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 102–112.
- Чалая Л. А. 1971. Неолитические памятники Северо-Восточного и Центрального Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Чалая Л. А. 1972. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2 // Акишев К. А. (ред.). Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 163–181.
- Чалая Л. А., Лядова А. В. 2008. История договорного права. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та.

Раскопки курганного могильника у с. Доброе Владимирской губернии по архивным данным

Дремова П. С.

Институт истории материальной культуры РАН

Ключевые слова: *Русское археологическое общество, К.Н. Тихонравов, Владимирская губерния, курганный могильник*

Изучение средневековых курганных могильников во Владимирской губернии в 1851–1854 гг. связано с именами А. С. Уварова и П. С. Савельева. Материалы их масштабных раскопок (вскрыто более 7 тысяч насыпей) неоднократно становились предметом обсуждения (Спицын 1905; Рябинин 1979; Лапшин 1991; Макаров 2015). Внимание исследователей сосредоточено на идентификации памятников, их топографической привязке, изучении погребальных комплексов и отдельных находок.

Вне поля зрения авторов остались вопросы, связанные с организацией работ и их влиянием на развитие археологического изучения погребальных памятников Владимирского края.

В данном ключе интерес представляет фигура К. Н. Тихонравова¹ — увлеченного краеведа и любителя древностей, который получил первый полевой опыт в «экспедициях» А. С. Уварова (1851–1852 гг.) и П. С. Савельева (1853 г.).

Несмотря на то, что государственный археологический проект Кабинета Его Императорского Величества был свернут, К. Н. Тихонравов нашел способ продолжить исследование курганных могильников близ Владимира. В 1858 г. он обратился в Русское археологическое общество (далее — РАО) с просьбой раскопать группу курганов у с. Доброе. С разрешения РАО и при его финансовой поддержке К. Н. Тихонравов «успешно исполнил принятое на себя поручение» и раскопал 71 курган в 5 верстах от г. Владимира (Веселовский 1900: 210–211). Результаты работ в свое время не были опубликованы (Веселовский 1900: 210–211); А. А. Спицын высказал мнение об их утрате (Спицын 1905: 91).

¹ Константин Никитич Тихонравов (1822–1879) — владимирский краевед, историк, археолог, этнограф, действительный член археологических обществ (РАО, МАО), автор более 500 публикаций, в основном во «Владимирских губернских ведомостях» (подробнее о нем см.: Жебелев 2017: 567–569).

В Научном архиве ИИМК удалось обнаружить материалы, относящиеся к этим археологическим работам. В комплексе документов содержатся переписка РАО с местной владимирской администрацией по вопросам технического и финансового характера; переписка с К. Н. Тихонравовым, его донесения, дневник полевых работ и литографированный план курганной группы у с. Доброе (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Д. 42).

Анализ этих материалов позволяет заключить, что К. Н. Тихонравов хорошо усвоил опыт, полученный им от столичных археологов, и применил его на практике, ежедневно фиксируя ход полевых работ. «Дневник разрытия курганов при селе Доброе близ города Владимира» составлен по образцу дневника П. С. Савельева и содержит информацию, распределенную по четырем графам. В первой графе дана сквозная нумерация курганов¹, во второй — окружность (диаметр) курганов, в третьей — «глубина от поверхности», то есть высота насыпи, и в четвертой — описание погребения (положение погребенного, его половая принадлежность, характер сохранности), а также состав и местоположение находок (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Д. 42. Л. 17–23).

Все исследованные погребения имели высоту насыпи до 2 м и представляли собой ингумации достаточно плохой сохранности без сопроводительного инвентаря. В ряде погребений К. Н. Тихонравову удалось обнаружить и зафиксировать элементы погребального костюма — бронзовые пуговицы, медные, бронзовые и серебряные кольца, фрагменты шелковых тканей и позументов. Общее число находок превысило 140 единиц, обозначенных под 41 инвентарным номером². Согласно определению А. А. Спицына, курганная группа может быть датирована XII в. (Спицын 1905: 91); этого мнения придерживаются и современные исследователи (Зими́на и др. 1995: 301).

Следует отметить, что курганный могильник в настоящее время утрачен, поэтому единственным источником информации о нем является архивная документация. Ее изучение и введение в научный оборот представляется оправданным и важным. Первые самостоятельные раскопки К. Н. Тихонравова интересны с точки зрения организации работ и способа полевой фиксации, который восходит к работам экспедиции Кабинета Его Императорского Величества. Необходимо

¹ Нумерация дана в соответствии с порядком раскопок курганов и отражена на инструментальном плане могильника.

² Все они были переданы в музей РАО (Там же).

подчеркнуть, что после работ, организованных РАО, К. Н. Тихонравов продолжил исследование курганных могильников Владимирской губернии, установив связи с ИАК (ИАК 2019: 1102–1106).

Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

Список литературы

- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Д. 42: Исследование курганов, находящихся бл. с. Доброго в 5 верстах от губернского города Владимира, произведенное чл.-сотр. [К. Н.] Тихонравовым. 38 л.
- Веселовский Н. И. 1900. История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб.: Типография Главного Управления Уделов.
- ИАК 2019. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. В 2 томах. Том 2. СПб.: ИИМК РАН.
- Жебелев С. А. 2017. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов ИРАО (1846–1924). М.: Индрик.
- Зими́на М. Т., Красков Ю. А., Леонтьев А. Е., Михайлова Л. А., Самойлович Н. Г., Седова М. В. 1995. Археологическая карта России: Владимирская область. М.: Институт археологии РАН.
- Лапшин В. А. 1991. О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения: тезисы докладов 1-й научной конференции (Муром, 1990 г.). Муром: Муромский историко-художественный музей, 7–9.
- Макаров Н. А. 2015. А. С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси // Археология Владимиро-Суздальской земли 5, 3–13.
- Рябинин Е. А. 1979. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.) // СА 1, 228–244.
- Спицын А. А. 1905. Владимирские курганы // ИАК 15, 84–172.

**«Революция символов» Жака Ковэна
в свете археологических и антропологических открытий
1990–2020-х гг.**

Караченец К. Б.

НИУ «Высшая школа экономики»

***Ключевые слова:** неолитизация, революция символов, докерамический неолит, Гебекли Тене, Чатал-Хююк*

Жак Ковэн (Cauvin) в своей работе «Рождение божеств. Происхождение земледелия. Революция символов в эпоху неолита» (Cauvin 2002), впервые изданной в 1994 г., предположил, что изменения в коллективной психологии если не предшествовали всем другим процессам на пути неолитизации культур PPN (Pre-Pottery Neolithic, докерамический неолит), то как минимум играли не менее важную роль. Основываясь на богатом опыте раскопок культур докерамического неолита, Ж. Ковэн выдвинул концепцию «революции символов», согласно которой на стыке натуфийской культуры и мурейбетского варианта PPNA (Pre-Pottery Neolithic A, докерамический неолит А) около 10000–9500 л. до н. э. была выделена хиамская культура, представители которой впервые в человеческой истории стали проявлять признаки наличия религиозных верований, построенных вокруг поклонения пантеону антропоморфных богов. Возникновение зачатков организованной религии «Женщины и Быка» послужило, согласно Ж. Ковэну, катализатором изменения массового сознания представителей мурейбетской ветви PPNA, привело к поклонению человеческой воле, инициативе и осознанной деятельности, к осознанию собственных возможностей, к стремлению к прогрессу, к переоценке своего места в природе и космосе. Это сподвигло представителей этой культуры на осознанное преобразование природы путем приручения животных и возделывания злаков, возведение построек квадратной формы, массовое производство престижного оружия, хелванских наконечников и на начало первой в истории человечества экспансии, которая привела к распространению процесса неолитизации на другие культуры путем диффузии.

Концепция «революции символов» оказала большое влияние на археологию Ближнего Востока. Новый взгляд позволил посмотреть на процесс неолитизации под другими углами. Со времени смерти

Ж. Ковэна в 2001 г. интерес к памятникам культур РРП значительно возрос. Йен Ходдер (Hodder), один из родоначальников постпроцессуального подхода в археологии, на который опирался Ж. Ковэн в своих построениях, уже в свою очередь использовал концепцию «революции символов» для интерпретации данных раскопок в Чатал-Хююке.

С момента последней прижизненной публикации книги Ж. Ковэна в научный оборот введено много эмпирического материала, относящегося к ритуальной деятельности представителей культур РРП. Крупные монографии, посвященные новейшим данным с раскопок памятников Гебекли Тепе (Шмидт 2011) и Чатал-Хююк (Hodder 2010), были опубликованы после смерти Ж. Ковэна.

В результате критического анализа концепции «революции символов» в свете новых материальных свидетельств оформления обрядовой деятельности культур РРП автор работы пришел к выводу, что предположение о существовании в РРП культа неолитической Богини, на которое опирался Ж. Ковэн при построении своей концепции, не выдерживает проверку актуальным эмпирическим материалом. К такому выводу можно прийти, оценив в отрыве от теоретических построений только эмпирический материал, используемый Ж. Ковэном в своей работе. Материальная культура Гебекли Тепе и Чатал-Хююк отмечена явным воспеванием мужских атрибутов, как в антропоморфном, так и в зооморфном воплощении. С высокой долей вероятности можно предположить, что в центре символической системы Чатал-Хююка помещены мужчины, поражающие диких животных, а в центре символической системы Гебекли Тепе — антропоморфные маскулинные Т-образные столбы. Кроме того, данные с раскопок Гебекли Тепе вынуждают перенести предполагаемый момент изменения в коллективной психологии на более ранние сроки, чем предполагал Ж. Ковэн. Несмотря на эти уточнения, автор работы приходит к выводу, что сама концепция «революции символов», несомненно, нуждающаяся в корректировке, остается актуальной для анализа процесса неолитизации.

Список литературы

- Шмидт К. 2011. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гебекли Тепе. СПб.: Алетейя.
- Cauvin J. 2002. The Birth of the Gods and the Origins of Agriculture. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hodder I. 2010. Religion in the Emergence of Civilization: Çatalhöyük as a Case Study. New York: Cambridge University Press.

Начальный этап изучения «оленных» камней в Синьцзяне

Му Цилэ

Алтайский государственный университет

Ключевые слова: *Синьцзян, культурное наследие, «оленные» камни, музей, датировка*

«Оленные» камни — это монументальные памятники древнего камнетесного искусства, которые обнаружены в разных регионах Внутренней Азии. В основном они были созданы в период поздней бронзы и в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Актуальность изучения «оленных» камней в Синьцзяне заключается в необходимости установления западной границы их распространения, а также в проверке ряда гипотез о происхождении и использовании таких изваяний (Ковалев 2000; Волков 2002; Тишкин 2017 и др.).

В данной публикации внимание будет уделено первому этапу изучения «оленных» камней в Синьцзяне, исходной точкой которого является начало 1960-х гг. В музее Синьцзян-Уйгурского автономного района (г. Урумчи, Китай) имеется коллекция таких изваяний, обнаруженных в это время (Ван Бо 1995: 239). В 1970-е гг. во время переписи объектов культурного наследия в Китае были отмечены «оленные» камни из округа Алтай.

С 1981 по 1989 г., во время второй национальной переписи реликвий, число «оленных» камней в Синьцзяне увеличилось. В то же время обследование западных отрогов Монгольского Алтая на предмет наличия «оленных» камней было предпринято советским исследователем В. В. Волковым. Но это касалось только юго-западной части современного Ховдского аймака Монголии (Волков 2002: 111–112). В 1985 г. Ван Бинхуа в своей статье упомянул два монумента без изображений человеческих фигур, которые советские ученые обозначали как «оленные» камни (Ван Бинхуа 1985: 16). В 1986 г. во время исследования и раскопок гробницы Баоцзыдун в уезде Вэньсу были обнаружены 10 «оленных» камней (Тишкин, Чань 2020: 119). В 1987 г. в книге «Петроглифы Китайского Алтая», подготовленной Чжао Янфэном, указаны два «оленных» камня. На одном отмечены изображениями предметов вооружения, а на другом — изображения лошадей (Чжао Янфэн 1987: 119). В 1988 г. Чжань Чжияо в одной из статей проанализировал и описал пять «оленных» камней. Он указал, что такие изваяния распространены на востоке Синьцзяна (в уездах Фуюнь и Цинхэ), а также

рассмотрел следующие вопросы: коннотация «оленных» камней, их реалии, верхняя и нижняя границы распространения, исторические свидетельства связи с древней кочевой культурой алтайской языковой семьи (Чжань Чжияо 1988).

В 1995 г. Ван Бо сделал обзор 53 «оленных» камней, найденных в Синьцзяне. Он рассмотрел проблемы их происхождения и хронологии, дал характеристику и определил типы древних изваяний. Особое внимание было уделено находкам из округов Алтай и Аксу, а также находящимся в разных музеях. «Оленные» камни были подробно описаны: расположение, количество, описание, размеры, изображения. Большинство из них обнаружено возле древних каменных гробниц. Изваяния в основном встречены в горных долинах, которые до сих пор являются местом проживания кочевников. По мнению исследователя, «оленные» камни являются культурными реликвиями, оставленными древними жителями (Ван Бо 1995: 256).

В 1995 г. Ван Бо и Ци Сяошань упомянули «оленные» камни Синьцзяна в книге «Исследование каменных антропоморфных изваяний степей на Шелковом пути», в шестой главе книги «Оленные камни Евразийских степей и связанные с ними проблемы». В этой работе (Ван Бо, Ци Сяошань 1995) «оленные» камни, найденные в Синьцзяне, разделены на два типа: типичные (с изображениями оленей) и атипичные (без петроглифов животных).

Таким образом, указанные публикации свидетельствуют о том, что на начальном этапе изучения «оленных» камней в Синьцзяне было выявлено около 60 таких статуй. Хотя эти древние изваяния распространены в разных районах, в основном они сосредоточены в уездах Цинхэ и Фуюнь (Гишкин, Чань 2020: рис. 1). Из них 80% являются атипичными, хотя отмечено и небольшое количество типичных «оленных» камней с изображениями животных (Ван Бо, Ци Сяошань 1995: 258–275). Стилль петроглифов на «оленных» камнях аналогичен аналогичным находкам в Монголии, Южной Сибири и Забайкалье. Это указывает на тесное родство в рамках одной археологической культуры, а также на то, что они были созданы в один и тот же период времени.

Список литературы

Ван Бинхуа 1985. Тянь-Шань дунбу шидяо жэньсян [Антропоморфные каменные изваяния Восточного Тянь-Шаня] // Сяньцзянь вэньу ди 1 ци, 16 (王炳华. 1985. 天山东部的石雕人像 // 新疆文物第1期, 16) (на кит. яз.).

- Ван Бо 1995. Синьцзян луши цзуншу [Обзор оленных камней в Синьцзяне] // Каогусюе цзикань цзю. 239–260 (王博. 1995. 新疆鹿石综述 // 考古学集刊九, 239–260) (на кит. яз.).
- Ван Бо, Ци Сяошань 1995. Сычоу чжи лу цаоюань шижэнь яньцзю [Исследование каменных антропоморфных изваяний степей на Шелковом пути]. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ (王博, 祁小山. 1995. 丝绸之路草原石人研究. 新疆人民出版社) (на кит. яз.).
- Волков В. В. 2002. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир.
- Ковалев А. А. 2000. О происхождении оленных камней западного региона // Ольховский В. С. (ред.). Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 138–180.
- Тишкин А. А. 2017. «Оленные» камни Монголии и сопредельных территорий как один из показателей архаичной кочевой империи (к постановке вопроса) // Деревянко А. П., Тишкин А. А. (ред.). V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул: АлтГУ, 1026.
- Тишкин А. А., Чань А. 2020. «Оленные» камни в Синьцзяне: распространение и особенности изучения // Деревянко А. П., Макаров Н. А., Мочалов О. Д. (ред.). Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II. Самара: СГСПУ, 2020, 119–121.
- Чжао Янфэн 1987. Чжунго Аэртайшань яньхуа [Петроглифы Китайского Алтая]. Сиань: Шэньси жэньминь мэйшу чубаньшэ. (赵养锋. 中国阿尔泰山岩画 // 陕西人民美术出版社, 1987年 119页) (на кит. яз.).
- Чжань Чжияо 1988. Синьцзян алэтай луши чжи гуанькоу [Взгляд на оленные камни Алтая, Синьцзян] // Синьцзян шифань дасюе сюебао (чжэжюе бань) ди 1 ци, 90–100 (张志尧. 1988. 新疆阿勒泰鹿石之管窥 / 新疆师范大学学报(哲社版), 90–100) (на кит. яз.).

Археология Предбайкалья в панораме интересов ВСОИРГО

¹Рахматуллина О. Р., ²Мархаева Д. А.

¹Иркутский государственный университет

²Иркутский областной краеведческий музей
им. Н. Н. Муравьева-Амурского

Ключевые слова: *Предбайкалье, И. Д. Черский, Н. Н. Агапитов, А. М. Станиловский, ВСОИРГО*

Территории Предбайкалья в археологическом отношении исследовались членами Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО) на протяжении всего периода существования отдела. Под термином «Предбайкалье» в данной статье подразумеваются следующие территории современной Иркутской области: Приангарье от истока р. Ангары до г. Усть-Илимска, верховья р. Лены, Приольхонье и юго-западное побережье оз. Байкал (Бердников, Соколова 2023). В рамках работы ограничимся только историей исследования территории байкальского побережья.

В течение полувековой деятельности ВСОИРГО с 1877 по 1917 г. на территории Байкала работали многие ученые, среди которых, в рамках исследования, затронем лишь некоторые сюжеты, связанные с научной деятельностью И. Д. Черского, Н. Н. Агапитова и А. М. Станиловского.

Среди наиболее активных исследователей Сибири, регулярно публиковавшихся в «Известиях», назовем И. Д. Черского, который, будучи разносторонним специалистом, фактически является одним из основателей так называемого междисциплинарного подхода в археологии. После работы в 1871 г. на стоянке, знаменитой сегодня как первый памятник эпохи палеолита, открытый в России, — Военный госпиталь (Каменный век... 2001), Иван Деметьевич Черский в 1877–1880 гг. производил геологическое обследование береговой линии озера Байкал. В 1879 г. им, попутно с основной целью командировки, были выявлены и описаны каменные городища, могильные сооружения и жертвенники в районе Приольхонья (Медведев и др. 2015).

Член ВСОИРГО Н. Н. Агапитов в 1881 г. проводит археологические изыскания в Приольхонье, открывая наскальные рисун-

ки в бухтах Саган-Заба и Ая и проводя первые раскопки древних могильников на Байкале (Медведев и др. 2015). По этому поводу на страницах «Известий» сообщается: «На лето 1881 г. предположены были 4 экскурсии: 1. Г. Агапитова в Верхоленский и Балаганский округ с целью ознакомления с состоянием шаманства... и для археологических изысканий... Г. Агапитов ограничился посещением южной части Верхоленского округа, а именно Ольхонского и Верхоленского бурятских ведомств, посетил о. Ольхон и часть Иркутского округа по Якутскому тракту. В эту поездку... были производимы археологические изыскания, увенчавшиеся весьма удовлетворительным и неожиданным успехом: найдены... изображения животных и людей (при значительном числе фигур) на скалах оз. Байкала, открыто несколько доисторических кладбищ человека железного века, причем вскрыто до 15 могил, из которых приобретено полных 2 скелета (одного взрослого человека и ребенка), коллекция железных предметов, бус, ткани, почти цельные горшки и черепки с разнообразными узорами, кости животных, кроме того, осмотрено 9 городищ, стены из камня на острове Ольхон и на материке» (Известия ВСОИРГО 1881: 87).

Будучи консерватором музея ВСОИРГО, А. М. Станиловский регистрирует древние находки, найденные участниками гидрографических экспедиций по северному Байкалу в 1902 г. После этого Антон Михайлович проявляет научный интерес к «каменной культуре Восточной Сибири» и совершает ряд научных поездок на Байкал (Свинин 1992: 116). Благодаря сборам А. М. Станиловского расширились представления о древних обитателях региона: собраны каменные, бронзовые и керамические коллекции, открыт ряд новых памятников (Свинин 1992). Отметим также, что А. М. Станиловский был известен своей любовью к фотографии, и именно благодаря ему сохранились снимки некоторых членов ВСОИРГО — Н. Н. Козьмина, М. Н. Хангалова, Д. П. Першина и др. (Кузнецова 2012).

Интерес к археологическим исследованиям Предбайкалья сохранялся у членов ВСОИРГО на протяжении всего периода существования Общества. Экспедиции активно финансировались отделом, а результаты их становились достоянием научной общественности. Значение ВСОИРГО и успехи его представителей сложно переоценить, при этом направление археологических исследований Предбайкалья занимало достойное место в панораме интересов Восточно-Сибирского отдела ИРГО.

Список литературы

- Бердников И. М., Соколова Н. Б. 2023. Социокультурная динамика в неолите Байкало-Енисейской Сибири: проблемы, гипотезы, факты // Ситди-ков А. Г. (ред.). Археология Евразийских степей 4. Казань: АН Республики Татарстан, 174–191.
- Известия ВСОИРГО. 1881. Т. 12 (2–3). Иркутск.
- Каменный век Южного Приангарья: Путеводитель междунар. симпозиума «Современные проблемы палеолита Евразии». Ч. I. Иркутский геоархеологический район. 2001. Иркутск: Изд-во Иркутского университета.
- Кузнецова В. В. 2013. Комплектование коллекции портретных фотографий деятелей Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества в фондах Иркутского областного краеведческого музея // Дамешек Л. М. (ред.). Известия ИГУ. Серия «История» 2. Иркутск: Изд-во ИГУ, 67–71.
- Медведев Г. И., Бердникова Н. Е., Горюнова О. И., Липнина Е. А., Новиков А. Г., Бердников И. М. 2015. Геоархеологическое байкаловедение: становление, современное состояние, специфика // Медведев Г. И. (ред.). Известия ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология» 11, Иркутск: Изд-во ИГУ, 3–38.
- Свинин В. В. 1992. Археологические памятники Байкала и их исследователи // Массон В. М. (ред.). Древности Байкала. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 111–133.

Обзор зарубежной и отечественной историографии изучения средневековых деревянных мостов

Соколов А. Ю.

Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого

Ключевые слова: историография, Средневековье, деревянные мосты

История средневекового деревянного мостостроения до сих пор остается малоизученной темой. Во-первых, это связано с характером источников. Дерево — недолговечный материал, и зачастую от мостов практически ничего не остается. Кроме того, мосты редко попадали на страницы письменных источников, но могли быть упомянуты в контексте какого-либо важного события. Изобразительные источники также не могут дать исчерпывающей информации, так как возникает сложность с их интерпретацией, и относятся они в основном к концу Средневековья. Во-вторых, мосты — сложные инженерные сооружения, поэтому для их изучения требуются технические знания.

Переходя к анализу зарубежной историографии, надо отметить, что мосты чаще всего являются предметом специальных исследований по отдельным регионам, что затрудняет составление целостной картины изучения для всей Европы. При этом преобладают работы, посвященные каменным мостам, что можно связать с недоступностью археологических материалов по деревянным мостам до второй половины XX в., когда в Европе начались их открытия подводными археологами. Однако упоминания о предполагаемых деревянных мостах появляются в литературе еще в XIX в. (Wilke 2016: 11).

Некоторые работы косвенно затрагивают тему деревянных мостов в контексте развития мостостроения в целом. В литературе преобладает следующая схема: брод — поваленное дерево — деревянный мост — каменный мост (Merdinger 1961). Распространено мнение, что после падения Западной Римской империи мостостроение было в упадке (Merdinger 1961: 199; Hill 1997: 71). В настоящее время считается, что в Средние века происходит «Ренессанс мостостроения» и расширение роли мостов в обществе (Wilke 2020: 17).

Замкнутость на местных исследованиях не позволяет на данный момент ответить на вопрос о единстве или различиях традиций

деревянного мостостроения Европы. В начале XX в. в исследователи заметили сходство конструкций каменных мостов по всей Европе, не указав, в чем оно выражалось (Inglis 1912: 164–166). Возможно, схожесть конструкций характерна и для деревянных мостов. Кроме того, есть лишь единичные случаи упоминания материалов средневековой Руси. В этом смысле зарубежные авторы искусственно отделяют Русь от остальной Европы, не рассматривая всю территорию как единое культурное пространство.

Л. Купер (L. Cooper) и С. Риппер (S. Ripper), характеризуя ситуацию с изучением средневековых мостов в Великобритании, пишут, что внимание исследователей сосредоточено на архитектурных формах и хронологии, а археологические раскопки, которые могли бы предоставить возможность изучить конструктивные решения, проводятся редко (Cooper, Ripper 2011: 209). Это можно распространить и на остальные страны, но стоит отметить, что на территории Польши и Германии археологические изыскания ведутся наиболее активно (например: Kola 2010).

Деревянное мостостроение остается малоизученной темой и в отечественной историографии. До 1980-х гг. специальных исследований по этой теме не предпринималось, работы в основном сводились к истории деревянного зодчества и хозяйственных сооружений, где кратко упоминались мосты, либо это были очерки развития мостового дела Древней Руси (Николаи 1898; Иванова-Веэн 1984). При этом географические рамки исследований чаще всего касались ее северной части. Отмечая, что строительство мостовых переправ на Руси началось еще в древности, исследователи указывали, что преобладающим типом стационарных переправ были мосты на «городнях», под которыми подразумевались срубные сооружения, заполненные камнями (ряжи)¹. Устойчивость быта Русского Севера позволила сохранить эту традицию строительства вплоть до наших дней, поэтому их часто привлекают в качестве аналогий средневековых мостов Руси (Николаи 1898: 4; Иванова-Веэн 1984: 59).

В настоящее время единственным комплексным исследованием мостостроения Руси являются подводно-археологические работы в Великом Новгороде под руководством А. В. Степанова. В своих работах он впервые привлекает и материалы зарубежных исследователей (Степанов 2020). Стоит отметить, что разработанность темы строи-

¹ Археологические работы в Великом Новгороде показали, что «городнями» в источниках назывались свайные опоры (Степанов 2020: 140).

тельства деревянных мостов Руси, по сравнению с зарубежными исследованиями, уступает в количественном отношении, но в целом развивается в схожем направлении.

Список литературы

- Иванова-Везн Л. И. 1984. Русские деревянные мосты // Гаврюшин Н.К. (ред.). Памятники науки и техники. М.: Наука, 53–73.
- Николай Л.Ф. 1898. Краткие исторические данные о развитии мостового дела в России. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих.
- Степанов А.В. 2020. «Мост церес Волхово». К вопросу взаимосвязи речной переправы и фортификаций Новгорода в X–XII веках // Материалы XXXIII конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология», 139–147.
- Cooper L., Ripper S. 2011. Hemington Bridges — Three Successive Medieval Crossings of the River Trent in the English Midlands, UK // *Archäologie der Brücken. Vorgeschichte, Antike, Mittelalter, Neuzeit*. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 209–213.
- Hill D. 1997. A history of engineering in classical and medieval times. New York: Barnes & Noble.
- Inglis H. G. 1912. The Ancient Bridges in Scotland, and their relation to the Roman and Mediaeval bridges in Europe // *PSAS*46, 151–177.
- Kola A. 2010. The early medieval bridges at Ostrow Lednicki in the light of underwater archaeological studies // *Archaeologia Baltica* 32, 89–96.
- Merdinger C.J. 1961. Bridges through the Ages: Part 1. The Beginning // *The Military Engineer* 53 (353), 198–203.
- Wilke G. 2016. Konstruktionsunterschiede zwischen den Brücken im nordwest-slawischen Gebiet // *Přehled výzkumů* 55, 11–35.
- Wilke G. 2020. Uwagi o plenerowych rekonstrukcjach pradziejowych I średniowiecznych przepraw mostowych w Europie Środkowej. Mosty drewniane // *Studia Lednickie* 19, 15–58.

Создание Центра по сохранению историко-культурного наследия в Иркутской области

Сулова О. В.

Иркутский государственный университет

Ключевые слова: *наследие, археология, памятник, объект, Иркутск*

Сохранением историко-культурного археологического наследия в Иркутской губернии занялись еще в царский период. До 1917 г. активная работа по выявлению и изучению археологического наследия велась силами Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества (ВСОРГО) (Штрихи к портрету... 2020: 16).

В период становления советской власти вопрос сохранения наследия стоял на последнем месте. Однако в 1920 г. в Иркутской области члены ВСОРГО открыли подотдел по охране культурных ценностей губернского отдела народного образования. В 1924 г. на базе подотдела при Иркутском краеведческом музее был создан отдел охраны памятников искусства и старины (ОХРИС). Отдел ОХРИС был первым органом, который при содействии городских властей предпринимал попытки выявления, сохранения и охраны археологического наследия (Шободоев, Душкина 1999: 14). В 1934 г. он прекратил свое существование. Обязанности охраны в Иркутске перешли к краевому отделу народного образования (КРАЙОНО). К своим новым обязанностям в КРАЙОНО отнеслись без должного внимания, аргументируя сложившуюся ситуацию тем, что «нужных людей нет» (ГАИО. Ф. Р. 47. Оп. 1. Д. 83. Л. 23). В результате в 1930-е гг. Иркутск лишился многих уникальных архитектурных памятников (Акулич 2002: 37).

На Всесоюзном археологическом совещании в 1945 г. была определена дальнейшая политика в области охраны историко-культурного наследия. Необходимо было провести подсчет разрушенных памятников, произвести учет сохранившихся и т. д. Особое внимание уделялось популяризации археологического наследия (Альтман 1945: 22).

В 1965 г. появляется первая общественная организация — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) с отделением в Иркутске, которое сыграло заметную роль в сохранении памятников историко-культурного наследия.

Следующим эпохальным событием было создание в 1989 г. в Иркутске Центра по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН).

Появление ЦСН являлось «следующим шагом в развитии отрасли», так как Центр стал первым самостоятельным органом охраны историко-культурного наследия не только в Иркутской области, но и в стране (Штрихи к портрету... 2020: 31).

Предшествовал созданию центра ряд важных документов. Первым документом было «Положение об охране и использовании памятников истории и культуры», утвержденное Постановлением Совета министров СССР от 16.08.1982 № 865. В нем утверждалось, что все памятники истории и культуры, находящиеся на территории СССР, охраняются государством. В пункте 5 делался акцент на том, что управление в области охраны и использования памятников истории и культуры осуществляется Советом министров СССР и другими государственными структурами, а также специально уполномоченными государственными органами охраны памятников. В этом же положении в пункте 9 были прописаны права государственных органов охраны памятников: проверять соблюдение правил охраны, использования, учета и реставрации памятников истории и культуры, давать указания по устранению выявленных нарушений и многое другое (Электронный фонд... 2024).

Второй документ, на основании которого создавался Иркутский ЦСН, — Постановление Совета министров РСФСР от 10.08.1986 № 236 «О генеральной схеме управления отраслью культуры в РСФСР», в котором подробно регламентировался вопрос управления отраслью. В целях «коренной перестройки» в деле сохранения исторического наследия исполнительный комитет областного Совета народных депутатов г. Иркутска вынес решение «О создании “Центра по сохранению исторического наследия”» от 29.05.1989 № 240, подписанный первым заместителем исполнительного комитета Л. А. Платоновым и секретарем исполнительного комитета В. В. Ключниковым. Данный документ является уже третьим, и в нем давалось разрешение создать ЦСН на базе Производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры и утвердить его «Устав» (ГАИО. Ф. Р-3525. Оп. 1. Д. 1. С. 1.; Д. 2. С. 1).

28 июня 1989 г., в уже четвертом по счету документе, подписанном В. А. Китаевым, начальником управления культуры Иркутской области, говорится об открытии с 1 июля нового государственного органа. Основной задачей его стала охрана, использование и популяризация памятников истории и культуры через координационные, научные, проектно-производственные и другие мероприятия. Все работники

производственной группы были переданы в ЦСН (Штрихи к портрету... 2020: 25–35).

Уникальность данной государственной структуры состояла в том, что это было первое учреждение подобного рода, давшее толчок для создания таких же центров в других регионах. Министерство культуры РСФСР, используя опыт ЦСН, в 1990 г. разработало типовое Положение о научно-производственных центрах. Благодаря наработкам иркутских специалистов была проведена реорганизация органов охраны памятников. Основными направлениями деятельности стали не только выявление, учет, охрана и использование памятников, но и реставрация, проектирование и инспекционная работа. Все виды работ по памятникам и отводам земельных работ под строительство согласовывались в ЦСН. Проводилось археологическое обследование территорий. Составлялись списки памятников, проектов охранных зон, зон регулирования застройки, проектов реставрации. Важным моментом в работе ЦСН было проведение спасательных археологических и реставрационных работ (Штрихи к портрету... 2020: 36–37). Деятельность Иркутского ЦСН стала основой для дальнейшей плодотворной работы других органов охраны историко-культурного наследия по всей стране.

Список литературы

- Акулич О. А. 2002. Иркутский областной краеведческий музей и власть: 1930-е годы (по материалам ГАИО) // Краеведческие записки 9, 34–49.
- Альтман Н. И. 1945. Всесоюзное археологическое совещание // Исторический журнал 5, 14–22.
- Государственный архив Иркутской области (ГАИО) Ф. Р. 47. Оп. 1. Д. 83. Л. 23.
- Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-3525. Оп. 1. Д. 1. С. 1.; Д. 2. С. 1.
- Шободоев Е. Б., Душкина Т. И. 1999. История охраны памятников в Иркутской губернии // Земля Иркутская 11, 13–15.
- Штрихи к портрету времени: Сборник материалов, посвященный 30-летию создания производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры Иркутской области. 2020. Иркутск: Востсибкнига.
- Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014069> (дата обращения: 06.01.2024).

**Становление и развитие дендрохронологического метода
в отечественной археологии:
от зарождения до современности**

Храбров Д. С.

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого*

Ключевые слова: *историография, дендрохронология, археология, дендроклиматология, датирование*

В отечественной науке первые исследования по изучению годичных колец деревьев начались в XIX в. в работах ботаников и путешественников (А. И. Шренк, А. Н. Бекетов и др.) и были нацелены на определение факторов, влияющих на их прирост (Румянцев 2010). В начале XX в. Ф. Н. Шведовым поднимался вопрос дендроклиматологии, а именно определение периода засух через изучение древесных слоев. Однако его работа прошла незамеченной, и к дальнейшему осмыслению дендрохронологии вновь вернулись уже в 1930–1940-х гг. (Черных 1996: 20). Окончательное оформление дендрохронологии в качестве самостоятельной научной дисциплины в СССР произошло в 1950-х гг., под влиянием западной, в первую очередь немецкой, дендрохронологии. Таким образом, первые отечественные дендрохронологи использовали как зарубежный опыт, так и опыт российских ботаников для адаптирования метода. Начальный этап советской дендрохронологии характеризуется ориентацией на археологическое датирование, концентрацией в рамках Европейской России и акцентированием на создание единых дендрошкал территориально отдаленных памятников.

Первым отечественным дендроархеологическим исследованием является попытка датирования алтайских пазырыкских курганов И. М. Замоториным в 1950-х гг. (Замоторин 1959). Ему удалось составить лишь относительную хронологию памятника. Дальнейшие попытки его абсолютного датирования И. М. Замоториным, Е. И. Захариевой и Л. С. Марсадоловым так и не принесли успеха. В связи с этим основателем отечественной дендрохронологии считается Б. А. Колчин, который немногим позже И. М. Замоторина, в 1959–1962 гг., смог успешно применить метод для абсолютного датирования мостовых Невского раскопа г. Новгорода, запустив тем самым систематические

исследования на археологических памятниках Европейской России (Колчин 1962).

После успешного применения метода для датирования археологического памятника Б. А. Колчин и Н. Б. Черных начали расширять новгородскую дендрощкалу и создавать шкалы Белоозера и Полоцка, для дальнейшего их сопоставления в 1965 г. в единую хронологию для Северо-Запада СССР. В 1960–1970-х гг. ученые начинают работы по масштабному изучению материалов археологических памятников, архитектурных сооружений и современного леса для создания единой дендрощкалы Восточной Европы (Колчин, Черных 1977).

С середины 1960-х гг. начинается становление уральской дендрохронологии, ориентирующейся на климатические исследования. Тем не менее к 1980 г. С. Г. Шиятов проводит первое в Сибири успешное датирование археологического памятника — Мангазейского городища (Шиятов 1980). Однако, несмотря на данный успех, дальнейшее возвращение к дендроархеологии Урала произошло уже в 1990-х гг. (датирование Надымского, Усть-Полуйского, Усть-Войкарского городищ и др.).

В 1990–2000-х гг. происходит постепенный рост независимых центров дендрохронологических исследований. Так, помимо Москвы (Б. А. Колчин, Н. Б. Черных, А. Ф. Урьева, А. А. Карпухин и др.) и Екатеринбурга (С. Г. Шиятов, Р. М. Хантемиров и др.), дендрохронологические центры появляются в Новгороде (О. А. Тарабардина), Пскове (М. И. Кулакова), Иркутске (В. И. Воронин), Новосибирске (И. Ю. Слюсаренко) и Красноярске (В. С. Мыглан, Е. А. Ваганов, З. Ю. Жарников и др.).

Для современных исследований Европейской России характерен переход к локальному изучению памятников, датированию предметов искусства и компьютеризации исследовательского процесса. Помимо этого, в новгородской лаборатории О. А. Тарабардиной впервые в России были проведены работы по изучению карбонизированной древесины дуба и древесины, полученной в ходе подводно-археологических исследований (Тарабардина 2014).

Для современной сибирской дендрохронологии характерна компьютеризация, акцент на климатические исследования, географическое расширение на Южную и Восточную Сибирь, а также датирование архитектурных сооружений и предметов искусства. Важно выделить работу группы В. С. Мыглана по датированию с помощью дендрохронологии средневекового землетрясения (Назаров, Мыглан 2012).

Относительно датирования археологических и архитектурных памятников Сибири нужно отметить первое датирование И. Ю. Слюсаренко памятника пазырыкской культуры (Слюсаренко 2010) и масштабные исследования З. Ю. Жарниковым исторических построек Сибири.

Таким образом, развитие отечественной дендрохронологии характеризуется стремлением к компьютеризации, расширением предметной области применения метода с существующим районированием приоритетных направлений и географическим расширением применения метода.

Список литературы

- Замоторин И. М. 1959. Относительная хронология Пазырыкских курганов // СА 1, 21–31.
- Колчин Б. А. 1962. Дендрохронология Новгорода // СА 1, 113–139.
- Колчин Б. А., Черных Н. Б. 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М.: Наука.
- Назаров А. Н. Мыглан В. С. 2012. Перспективы построения 6000-летней хронологии по сосне сибирской для территории Центрального Алтая // Journal of Siberian Federal University. Biology 1, 70–88.
- Румянцев Д. Е. 2010. История и методология лесоводственной дендрохронологии. М.: ГОУ ВПО МГУЛ.
- Слюсаренко И. Ю. 2010. Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Тарабардина О. А. 2014. Новгородский Великий мост в свете данных дендрохронологических исследований // Лопатин Н. В. (ред.). Археология и История Пскова и Псковской Земли 59. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 218–224.
- Черных Н. Б. 1996. Дендрохронология и археология. М.: NOX.
- Шиятов С. Г. 1980. Датировка деревянных сооружений Мангазеи дендрохронологическим методом // Белов М. И и др. (ред.). Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеиздат, 93–107.

Начальный этап изучения памятника Тахти-Сангин на юге Таджикистана

Элмуродов Л. Х.

Алтайский государственный университет

Ключевые слова: *Кобадиян, Амударья, Тахти-Сангин, Храм Окса, археология, экспедиция, цитадель*

В 70-е гг. XIX в. Средняя Азия становится частью Российской империи. Спустя некоторое время ее стали посещать известные русские ученые для изучения всех сфер жизни народов, заселявших данную территорию. Впервые памятник Тахти-Сангин упоминается путешественником Русского географического общества Н. А. Маевым (Литвинский, Пичикян 2000: 23). В 1926–1927 гг. Б. П. Деннике, директор Музея искусств Востока, организывает первую научную экспедицию в Среднюю Азию. М. М. Дьяконов отмечает, что Б. П. Деннике первый провел раскопки на территории Тахти-Сангина (Дьяконов 1953: 264–265). Отчет о работе этой экспедиции на территории памятника отсутствует. Цель данной статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать результаты первого этапа археологических раскопок памятника Тахти-Сангин для дальнейшего обобщения истории его многолетних исследований.

Археологический памятник Тахти-Сангин, что в переводе с таджикского означает «Каменный трон», расположен в Кобадиянском районе южной части Таджикистана, на границе с Северным Афганистаном. Он находится всего в 5 км к северу от памятника ахеменидского времени Тахти-Кобад, расположенного на правом берегу реки Амударья (древнего Окса), недалеко от слияния рек Вахш и Пяндж, которые впадают в Амударью.

После окончания Великой Отечественной войны, в 1946 г. в Таджикской ССР была организована Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция (СТАЭ) под руководством Александра Юрьевича Якубовского. Экспедицию организовали Институт материальной культуры АН СССР, Государственный Эрмитаж и Таджикский филиал АН СССР (Якубовский 1950: 32). Позже экспедиция была переименована в Таджикскую археологическую экспедицию (ТАЭ). Основная задача СТАЭ заключалась в проведении научных исследований в Верхнем Зарафшане. Небольшой отряд под руководством А. М. Беленицкого и М. М. Дьяконова проводил экспедиции на юге Таджики-

стана (Дьяконов 1950: 184). В 1946–1951 гг. были открыты и описаны десятки археологических памятников Южного Таджикистана.

В 1956 г. вновь появилась идея провести археологические исследования на месте слияния Вахша с Пянджем. В этот раз экспедицией руководил А. М. Мандельштам. Ученый заложил шурф на северной стороне цитадели размером 11×7 м и обнаружил каменные постройки, относящиеся к позднекушанскому периоду. Однако после достижения глубины 2,5 м А. М. Мандельштам решил прекратить раскопки, хотя он был близок к открытию храма (Ходжаева 2023: 24). Отчет об этих работах не был опубликован, и об обнаружении каких-либо находок в этом шурфе нам не известно.

В 1976 г. вновь были возобновлены археологические работы на городище. Для проведения исследований Тахти-Сангина был сформирован небольшой Тахтикубадский археологический отряд. Экспедицией руководили Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян. Одной из причин возобновления археологических исследований на Тахти-Сангин явилась дискуссия о местонахождении Амударьинского клада (The Oxus Treasure). Сокровища Окса — это коллекция из 180 артефактов из драгоценных металлов, датируемых империей Ахеменидов (550–330 гг. до н. э.), которые были обнаружены на северном берегу реки Окс (Амударьи) недалеко от Тахти-Сангин между 1876–1880 гг. (обычно обозначается как 1877 г.). Основная часть коллекции в настоящее время хранится в Британском музее в Лондоне.

Работы на городище в 1976–1979 гг. дали точные данные о местонахождении Амударьинского клада. Был открыт каменный храм, который позже в науке стали называть Храм Окса (Литвинский, Пичикян 2000: 47). Кроме здания храма Окса, на Тахти-Сангине в эти годы были раскрыты двор храма, парадный вход во двор храма, северный угол стены храма и жилая часть городища. Были обнаружены свыше 8000 экземпляров разнообразных археологических предметов, керамики, монет, произведений искусства и художественного ремесла, датируемых временем от VI в. до н. э. до IV в. н. э.

Начальный этап изучения памятника Тахти-Сангин позволил получить интересные данные, которые оказались в центре внимания последующих исследований. Благодаря этим экспедициям и богатым находкам до сих пор на городище продолжают археологические работы. Этот памятник имеет огромное значение для нашего понимания прошлого и культурного наследия региона, и его изучение продолжает оказывать влияние на развитие археологии, истории и других наук в Таджикистане и за его пределами.

Несмотря на все достижения, исследование еще далеко от завершения. Дальнейшие исследования памятника Тахти-Сангин помогут расширить наши знания о древних цивилизациях, которые процветали в этом регионе и оказали значительное влияние на историю и культуру Таджикистана.

Список литературы

- Дьяконов М. М. 1950. Работы Кофарниганского отряда // Якубовский А. Ю. (ред.). Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Тадж. филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. М.; Л.: Наука, 147–188.
- Дьяконов М. М. 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) (1950–1951 гг.) // МИА 37, 253–293.
- Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. 2000. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М.: «Восточная литература».
- Ходжаева Н. Дж. 2023. Тахти-Сангин в истории и культуре Центральной Азии. Душанбе: Дониш.
- Якубовский А. Ю. 1950. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946–1947 гг. // Якубовский А. Ю. (ред.). Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Тадж. филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. М.; Л.: Наука, 13–56.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема репрезентации музейных коллекций Енисейской Сибири в цифровой среде

Арефьев А. Е.

*Сибирский федеральный университет,
Ачинский краеведческий музей им. Д. С. Каргаполова*

Ключевые слова: *Енисейская Сибирь, «Сибириана», музей, археология, коллекция, репрезентация*

Под понятием «Енисейская Сибирь» сегодня объединяются территории Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва, обладающие богатым и ярким историко-культурным и природным наследием. Хранители этого наследия — различные учреждения памяти, в том числе несколько десятков краеведческих и районных музеев, в которых находится большое количество уникальных предметов, рассказывающих об истории, культуре и традициях народов, проживающих по берегам Енисея. Доступ к этим предметам для широкой общественности и научного сообщества иногда бывает ограничен в силу разных обстоятельств: удаленность музея от краевого центра, его изолированность и замкнутость, непродуманное экспонирование материалов, их неправильное описание, атрибутирование и т. д. В современных условиях масштабной цифровизации всех сфер общественной жизни возникает необходимость выхода музеев в цифровое пространство, а вместе с этим объединение усилий учреждений памяти и научных организаций по изучению, оцифровке и репрезентации историко-культурного и природного наследия Енисейской Сибири.

Согласно определению большинства исследователей, репрезентация — это представление того или иного явления с помощью моделей, символов, знаковых систем. При этом в репрезентации сохраняются два направления — виртуализация как процесс создания виртуальной версии чего-либо и цифровизация как процесс перехода к новым цифровым технологиям и их повсеместному распространению (Внукова, Дмитриева 2002: 41).

Сибирский федеральный университет в настоящее время разра-

батывает междисциплинарную цифровую платформу «Сибиряна», на которой будут собраны разнородные по своему содержанию и происхождению региональные объекты историко-культурного и природного наследия, включая тексты и архивные документы, памятники истории и архитектуры, объекты археологии, живописные полотна, естественнонаучные коллекции и многое другое. Наполнение платформы содержанием организуется за счет сотрудничества учреждений культуры и памяти, научных и образовательных организаций. Также с целью объединения и координации действий ведущих российских научных и культурных организаций для обеспечения развития цифровых гуманитарных наук в условиях нового технологического уклада был создан консорциум «Цифровой след».

В ходе обозначенного сотрудничества было выявлено несколько проблем, с которыми сталкиваются музеи, выходящие в цифровое пространство. Об этих проблемах, в частности, говорилось на круглом столе «Музейные коллекции Енисейской Сибири в цифровой среде», состоявшемся в Сибирском федеральном университете в ноябре 2023 г. Большинству музеев не хватает специалистов-археологов, которые могли бы грамотно обработать археологические музейные коллекции. Из-за отсутствия таких специалистов археологические экспонаты остаются не описанными, а где-то даже не принятыми на музейное хранение. Для решения этой проблемы Сибирским федеральным университетом организуются «музейные экспедиции», суть которых в следующем: историками и археологами составляется подробное описание объектов, в случае необходимости они разделяются на основной, вспомогательный и сырьевой фонд, специалистами в области информатики и креативных индустрий создаются цифровые копии материалов основного фонда, делаются их 3D-модели. Все описания и цифровые копии предметов после их обработки остаются в музее, они могут быть использованы и для создания музейных экспозиций, и для научно-отчетной работы — это решение еще одной проблемы, поскольку без должного качества описания и фотографий невозможно, например, заполнение Госкаталога, который используется сегодня как инструмент, выполняющий инвентарные, а не репрезентирующие функции.

В 2023 г. сотрудниками лаборатории археологии Енисейской Сибири были описаны и оцифрованы палеолитические и неолитические коллекции Ачинского краеведческого музея им. Д. С. Каргаполова, палеолитические коллекции Новоселовского районного исторического музея, материалы фондов и экспозиций Енисейского историко-ар-

хитектурного музея-заповедника им. А. И. Кытманова, Дивногорского художественного музея. Было просмотрено несколько тысяч предметов археологии и этнографии, созданы цифровые копии материалов основных фондов музеев, которые в дальнейшем будут размещены на платформе «Сибериана».

Краеведческие и районные музеи Енисейской Сибири, выходя в цифровое пространство, сталкиваются со многими трудностями: начиная с дефицита специалистов, заканчивая недостаточной компьютеризацией и общей изолированностью от научного сообщества. Сотрудничество различных учреждений памяти, культуры и образования позволяет музеям не только посмотреть на свои же предметы с другой стороны, показать их важность и значимость, но и выйти на потенциально новый уровень репрезентации собственных коллекций. Несмотря на то, что вовлечение музеев Енисейской Сибири в процессы виртуализации и цифровизации находится пока на начальных этапах, вариант их взаимодействия с Сибирским федеральным университетом в ходе создания и наполнения платформы историко-культурного и природного наследия «Сибериана» уже можно назвать эффективным.

Список литературы

Внукова М. А., Дмитриева В. Е. 2022. Репрезентация музейного пространства в виртуальной среде (зарубежный опыт) // Вестник государственного университета «Дубна» 4, 41–48.

**Обследование археологических памятников
Восточного Оренбуржья: история изучения,
дистанционные методы исследования**

Есипов В. С.

Оренбургский государственный педагогический университет

Ключевые слова: *ГИС-технологии, Восточное Оренбуржье, NextGIS, мониторинг, археологическая карта*

Оренбургская область представляет собой растянутую в меридиональном отношении территорию протяженностью в 750 км. На этой территории граничат две физико-географические единицы: юго-восточная часть Русской равнины и Уральские горы. Здесь пересекаются научные интересы специалистов по археологии Южного Приуралья, Зауралья, Великой Степи и лесостепных районов. Поэтому в разное время на этой территории работали специалисты не только из Оренбургской области, но из Республики Башкирия, Челябинской области и Казахстана.

История изучения памятников Восточного Оренбуржья берет начало в конце XIX в. с деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии, которая проводила в то время эффективную и комплексную работу по сохранению археологического наследия. Так, проводились работы по картографированию памятников, осуществлялась их охрана от грабительских раскопок и уничтожения в результате природного и техногенного воздействия. На протяжении всего XX в. восточные районы также привлекали своими археологическими тайнами многих краеведов и археологов. Раскопки 1890 г. членом Антропологического отдела ИОЛЕАиЭ П. С. Назаровым в урочище Биш-Оба (курган № 1 известного могильника Сара в Кувандыкском городском округе Оренбургской области) являются первыми опубликованными археологическими исследованиями в данном районе (Федоров 2023: 256–284). В 1910 г. И. А. Кастанье был первым, кто сделал попытку собрать в один сборник археологические памятники Оренбургской степи, куда также входили объекты археологии восточной части области (Кастанье 1910). Позже на территории проводили разведочные и раскопочные работы такие известные археологи, как Б. Н. Граков, К. Ф. Смирнов, К. В. Сальников, М. Г. Мошкова и др. (Граков 1935: 91–118; Смирнов 1977: 3–51; Мошкова 1961: 115–126; 1962: 206–242; 1972: 27–48).

Отчеты полевых исследований конца 80-х — 90-х гг. XX в. представляют лишь описательный характер и в большинстве случаев имеют ошибочные координаты и географические привязки.

Сведения об археологических памятниках восточных территорий Оренбургской области на современном этапе нуждаются в пересмотре и проверке их достоверности. Обследование археологических объектов на современном уровне требует комплексного изучения. Для этого применяются такие дистанционные методы, как съемка геодезическими приборами, применение ГИС-технологий, аэрофотосъемка. Дистанционные методы могут применяться без выезда на памятник — по спутниковым снимкам создается цифровая модель рельефа, которая показывает множество высотных отметок объекта. Перечисленные способы позволяют перевести данные для компьютерного моделирования, что повысит информативность археологических памятников.

Важной чертой ГИС является возможность оперировать пространственно-ориентированными данными в динамическом режиме. Это дает возможность задать интересующие параметры объекта на карте и моментально получить отображение информации (Коробов 2011: 9). Кроме того, ГИС-технологии дают возможность вывести на новый уровень анализ археологических данных. Программа позволяет интегрировать данные об уклоне, растительности и плотности памятников на единицу площади (Коробов 2016: 280–311), а также моделировать условия. Целью данного исследования является определение возможностей ГИС-технологий и аэрофотосъемки при обследовании археологических объектов Восточного Оренбуржья.

Для решения поставленной задачи осенью 2023 г. при содействии Инспекции по охране объектов культурного наследия Оренбургской области был произведен мониторинг объектов археологического наследия федерального значения восточных районов Оренбуржья (Гайский, Медногорский и Кувандыкский городские округа, Кваркенский район). Результаты обследования вместе с архивными данными легли в основу данного исследования. В общей сложности были картированы 123 археологических объекта.

Данная работа выполнялась в программе NextGIS, которая практически идентична и интерфейсом, и функционалом программе QGIS. Каждый объект был охарактеризован по следующим параметрам: id (номер), view (вид памятника), name (наименование) date (дата исследования), report (наименование отчета), researcher (исследователь). На основе всех этих сведений была создана база данных

археологических объектов Восточного Оренбуржья. Эта база является системообразующей для составления ГИС археологической карты.

В настоящий момент составление археологической ГИС-карты Восточного Оренбуржья находится на начальной стадии, однако уже сейчас карта наглядно показывает сосредоточение археологических объектов на территории Восточного Оренбуржья и демонстрирует значительный исследовательский потенциал. База в NextGIS, в которую внесена информация о 123 объектах культурного наследия, позволит более точно определить расположение памятников, изучить их географический контекст и провести дальнейшие исследования восточных территорий области.

Список литературы

- Граков Б. Н. 1935. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций // Известия ГАИМК 110, 91–118.
- Кастанье И. А. 1910. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург: Паровая типография товарищества Каримов, Хусаинов и Ко.
- Коробов Д. С. 2011. Основы геоинформатики в археологии. Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета.
- Коробов Д. С. 2016. Применение ГИС и данных дистанционного зондирования в археологии // Черных Е. Н. (ред.). Междисциплинарная интеграция в археологии. М.: ИА РАН, 280–311.
- Мошкова М. Г. 1961. Сарматские курганы Оренбургской области // КСИА 83, 115–126.
- Мошкова М. Г. 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Смирнов К. Ф. (ред.). Памятники скифо-сарматской культуры (МИА 115). М.: Изд-во АН СССР, 206–242.
- Мошкова М. Г. 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Смирнов К. Ф. (ред.). Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени (МИА 153). М.: Изд-во АН СССР, 27–48.
- Смирнов К. Ф. 1977. Орские курганы ранних кочевников // Кузеева Р. Г. (ред.). Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 3–51.
- Федоров В. К. 2023. Петр Степанович Назаров — исследователь кургана в местности Бишь-Уба Орского уезда Оренбургской области в 1890 году (курган № 1 могильника Сара) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета 47 (3), 256–284.

Образ археолога в видеоиграх

Закандаев В. И.

*Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского*

Ключевые слова: *археология, игра, видеоигры, образы, стереотипы*

Компьютерные игры, помимо приятного времяпровождения, формируют определенные представления об окружающем мире, оказывают влияние на складывающееся мировоззрение детей и молодежи. Археология присутствует во многих компьютерных играх, формируя у играющих знания и стереотипы об археологах и их деятельности. В данной работе мы рассмотрим, как представлено археологическое направление в компьютерных играх.

Археология иногда встречается в крупномасштабных проектах в качестве дополнения к основному сюжету, в побочных заданиях или мини-играх. Примерить на себя роль археолога мы можем в дополнении Greymoor к игре The Elder Scrolls Online, изданном Bethesda Game Studios в 2011 г. Поиск реликвий и раскопки — это игровая механика, позволяющая с помощью мини-игр искать и выкапывать разнообразные ценности, разбросанные по всему миру. Во всех игровых локациях иногда выпадают следы реликвий, необходимые для старта поисков. Раскопки представлены в виде мини-игры: на экране появляется огражденный участок земли, разбитый на квадраты, а также доступные инструменты — око и кисточка. Око помогает найти реликвию, кисточкой нужно снимать по одному блоку земли. В игре можно «прокачивать» навыки и открывать более ценные артефакты. Также с очередным навыком расширяется выбор инструментов. Например, можно получить лопатку, которая копает на несколько слоев породы сразу. Если лопата заденет реликвию, то ей будет нанесен урон по полоске здоровья вверху экрана (Темное сердце Скайрима 2023). Таким образом, на примере данной игры мы видим, что археологи представлены целым сообществом и имеют свои цели, которых достигают при помощи определенных методов и инструментов.

Совершенно иная ситуация представлена в игре Uncharted: Drake's Fortune (Naughty Dog Uncharted), изданной Sony Computer Entertainment в 2007 г. Главный персонаж Дрейк — охотник за сокровищами. Его образ частично срисован с Индианы Джонса и Лары Крофт. Поэтому ждать от такого персонажа профессиональной этики

и сохранения культурного наследия не стоит. Древним городам суждено быть разрушенными и из-за подвигов Нэйт (История серии игр Uncharted: приключения благородного авантюриста). Этот незадачливый любитель старины то навлечет пожар на старое поместье, то нечаянно заставит пустыню проглотить затерянный город. Таких людей следует называть «черными копателями», но в игре нам их представляют как положительных героев. Не каждый игрок способен понять сам, что при подобном стремлении «коллекционировать» вещи с исторической ценностью история теряет куда больше, чем приобретет.

Интересна серия игр Tomb Raider. В переводе с английского название звучит как «расхитительница гробниц». И в первых частях серии игры название соответствует содержанию. Главная цель героини — найти различные древности, попутно сражаясь со «злодеями», не заботясь о сохранении культурного наследия. Однако уже в игре Tomb Raider от 2013 г., изданной компанией Square Enix, разработчики кардинально переписали значительную часть биографии Лары, сделав из расхитительницы гробниц начинающую свой путь девушку-археолога. Многим фанатам пришлось по душе «новая» Лара. Теперь она не только собирает древние вещи, но и исследует их. В игре нужно учить кириллицу, повышая навык владения греческим и русским языками (поскольку действия игры происходят в Сибири). Игрока учат тому, что археолог должен не только правильно работать кисточкой, но и изучать языки для того, чтобы лучше понимать историю.

Помимо коллекционирования древностей, во всех этих играх присутствуют описания к тем артефактам, которые находит игрок: краткая история о том, что это за вещь и откуда она появилась. Описанные выше и еще целый ряд изученных нами игр позволили на основании данного материала выделить несколько типов персонажей, ассоциируемых в играх с археологами:

1. «Искатель» — человек, который не является археологом, но по мере возможности и необходимости занимается поиском артефактов.
2. «Копатель» — человек, который добывает артефакты всеми возможными способами, грабит, рушит. Цель данного персонажа — получение наживы, сохранение же культурного наследия не входит в сферу его интересов.
3. «Археолог-профессионал» — человек, целенаправленно занимающийся своим делом. Это квалифицированный специалист, который заботится о сохранности памятника и найденных ар-

тефактов, знает историю того или иного предмета, совершенствует свои знания и навыки.

Таким образом, играя в компьютерные игры, можно получить самые разные знания и представления об археологах и археологии. Далеко не всегда они могут быть положительными. Однако есть ряд игр, который несет в себе позитивный багаж знаний: дает правильное представление об археологах и учит достойному обращению с археологическими памятниками. Такие игры могут способствовать привлечению внимания современной молодежи к археологии как науке, а также стать мотивом к участию в археологических экспедициях и в целом к интересу к древней истории.

Список литературы

- История серии игр Uncharted: приключения благородного авантюриста // DNS клуб. [Электронный ресурс]. URL: https://club.dns-shop.ru/blog/t-64-videoigryi/64948-istoriya-serii-igr-uncharted-priklucheniya-blagorodnogo-avanturist/?utm_referrer (дата обращения: 18.10.2023).
- Темное сердце Скайрима // Elder Scrolls Online. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elderscrollsonline.com/ru/updates/chapter/greymoor> (дата обращения: 18.10.2023).
- Tomb Raider // Square enix [Электронный ресурс]. URL: https://www.square-enix-games.com/en_US/games/tomb-raider (дата обращения: 20.10.2023).

**Цифровизация определения границ объектов
культурного наследия по результатам работ 2023 г.
в Республике Татарстан**

Зарипова Г. Х., Овечкина Л. В., Яранцева Н. С.

Институт археологии им. А. Х. Халикова

***Ключевые слова:** археология, цифровизация, мониторинг, объекты культурного наследия, цифровая модель рельефа, БПЛА*

Республика Татарстан является одним из богатейших районов России по количеству археологического материала. На данной территории на сегодняшний день насчитываются тысячи памятников более двадцати археологических культур, относящихся к широкому хронологическому диапазону от эпохи финального палеолита до Средневековья (Старостин 2001). Их изучение не только расширяет наши представления об истории региона, но и вносит весомый вклад в понимание развития древних цивилизаций. Среднее Поволжье и Прикамье с древнейших времен являлись важнейшими пунктами экономических и торговых интересов государств Восточной и Западной Европы, а также стран Востока (Руденко 2014).

В 2023 г. с целью актуализации информации о памятниках изучаемой территории и расширения представления о них была проведена масштабная работа по паспортизации порядка двухсот ОКН, которая включала в себя визуальный осмотр, словесное описание, фотографирование, топографическую съемку, сбор и анализ архивных данных, а также проведение археологических работ. Вся полученная информация об ОКН была отражена по установленной форме в паспорте объекта, что является необходимым согласно ст. 21 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Многие из обследованных нами памятников были открыты в ходе разведок в XX в. и уже были достаточно хорошо изучены в контексте возможностей своего времени (Калинин, Халиков 1954; Юсупов 1960; Фархутдинов 1975). Сегодня, вследствие бурного развития науки и техники, исследовательских ресурсов значительно больше, потому в ходе наших работ применялись доступные современные инструменты. Выбор конкретного способа исследования был обусловлен в первую очередь исходя из особенностей физико-географических условий

местоположения памятника. На пространствах, покрытых лесом, неизбежно возникают трудности топографических работ, которые требуют особого подхода к исследованию. То же самое касается и застроенных участков, а также территорий, осложненных овражно-балочной сетью. В ходе паспортизации мы применяли такие инструменты, как тахеометр, GNSS-оборудование, БПЛА, цифровой фотоаппарат.

Всего было обследовано 7 типов памятников: городища, селища, кладбища, могильники, стоянки, вал и эпитафический памятник. В основном изучались городища и селища (35,6 и 32,8% от общего числа обследованных памятников соответственно), кладбища (22%). Значительно меньше было могильников и стоянок (по 6 памятников каждого типа), единичными ОКН представлены вал и эпитафический памятник. Исследования охватили 21 район Татарстана, больше всего памятников было изучено в Тетюшском и Буинском районах. Здесь сконцентрировано 31,6% памятников, обследованных в 2023 г. в ходе паспортизации.

Для создания цифровой модели рельефа памятника в 58% случаях применялись методы наземной фиксации, в 40% — воздушная съемка. Для 5 ОКН топографические планы не были построены, так как памятники оказались либо затопленными, либо уничтоженными в ходе хозяйственной деятельности человека. На территориях, покрытых лесными насаждениями, использовались тахеометр и GNSS-оборудование. На открытых площадках, по мере возможностей организации полетов, стремились использовать БПЛА, так как его применение существенно упрощало и ускоряло получение результатов.

После сбора всех архивных данных и проведения археологических исследований было выяснено, что за весь период существования ОКН на 115 памятниках проводились какие-либо изыскания, а на 62 — нет. Более 60% исследуемых городищ в разное время были изучены раскопками, шурфами и зачистками, остальные были выявлены по наличию фортификационных сооружений и подъемного материала. Глазомерная съемка рельефа относилась в основном к городищам и практически не касалась других типов памятников.

На сегодняшний день на территории Республики Татарстан выявлено более 5 тысяч памятников археологии (Валеев 2019), на которых время от времени проводятся мероприятия по актуализации данных их состояния (Гарайева 2010). Материал, полученный в ходе паспортизации 2023 г. в виде археологических находок, фотографий, топографических планов с точными координатами местоположений границ

памятников, позволил пополнить локальную базу данных новой информацией об археологическом наследии региона. Полученные данные будут тщательно анализироваться и применяться в дальнейших исследованиях. В заключение необходимо отметить, что мероприятия по определению границ археологических памятников являются важными в сфере охраны объектов культурного наследия, поэтому должны проводиться регулярно и, что важно, с применением передовых технологий своего времени.

Список литературы

- Валеев Р. М. 2019. Археологическое наследие Татарстана и проблемы его изучения и сохранения // Поволжская археология 2, 202–209.
- Гарайева Л. И. 2010. Археологические исследования памятников XVI–XVII вв. на территории Республики Татарстан в 1992–2005 гг. // Рахимзянов Б. Р. (ред.). Средневековые тюрко-татарские государства 2. Казань: Изд-во «Ихлас», 162–169.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. 1954. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат.
- Руденко К. А. 2014. История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования».
- Старостин П. Н., 2001. Об особенностях и задачах археологической науки // Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие. Казань: Изд-во «Школа», 4–16.
- Фархутдинов Р. Г. 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татарское книжное издательство.
- Юсупов Г. В. 1960. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

**Исследования и реставрация римского ковша
из элитарного сарматского погребения I в. н. э.**

из Среднего Прихоперья

Золотарева Е. К.

Воронежский государственный университет

Ключевые слова: *ранний железный век, сарматы, элитарные захоронения, бронзовая посуда, реставрация металла*

С 2018 г. Еланской археологической экспедицией Воронежского государственного университета проводятся раскопки курганного могильника Ивановка 7 в Новохоперском районе Воронежской области (правобережье нижнего течения р. Елань).

В июле 2022 г. в могильнике был исследован курган 24. Здесь, в частности, было открыто элитарное среднесарматское погребение. На дне могилы обнаружен скелет взрослой женщины, частично разрушенный грабителями в древности. Несмотря на следы ограбления, в погребении был найден богатый и разнообразный сопроводительный инвентарь, датирующийся серединой — концом I в. н. э. (Медведев 2023: 211). Наиболее интересные находки были обнаружены у западной стенки могилы, где лежал небольшой бронзовый римский ковш, которому посвящена данная работа.

На бронзовом ковше можно увидеть клеймо мастера — ANSI·EPA — Луций Ансиус Эпафродит (Медведев 2023: 209). Этот мастер работал примерно с 50/55 г. по 80 г. н. э. Его мастерские находились в Кампании, а затем в Галлии (Трейстер 2020: 26). Данный ковш относится к типу Eggers 142 (Eggers 1951).

Перед реставрационными мероприятиями были проведены лабораторные исследования. Также перед началом работ был проведен визуальный осмотр памятника под микроскопом. По результатам визуального осмотра можно отметить следующие повреждения предмета: на внутренней стороне чаши и с внешней стороны венчика расположены пятна металла белого цвета, плотно прилегающие к поверхности. На венчике поверхность имеет белый отлив; на всей поверхности предмета присутствуют потертости, мелкие царапины, полученные в период бытования изделия; имеются также глинистые почвенные загрязнения; на внешней стороне венчика присутствует трещина. На нижней стороне ручки у края кольцевого окончания видны следы пластилина

бордового цвета (из-за тяжести ручки была необходима дополнительная фиксация при фотографировании). У основания ручки имеется сквозная трещина со следами прозрачного клея, нанесенного при левой консервации. Значительная часть поверхности покрыта окисной пленкой черно-золотого цвета. Фрагментарно располагаются продукты коррозии меди различных оттенков зеленого в виде плотных сплошных пятен и бородавок. На стенке под ручкой вследствие активной подповерхностной коррозии образовались утраты оригинальной поверхности. В некоторых местах стенки истончились и образовались сквозные трещины.

Подтеки белого металла могли говорить о покрытии ковша серебром. Первоначально была сделана проба на его наличие раствором хромпика, так как участок с белым металлом труднодоступен для проведения иных анализов. Микрохимический анализ показал отрицательный результат. В лаборатории Института геологии и нефтегазовых технологий КФУ был проведен РФА всей поверхности памятника. По его результатам состав металла показал наличие Cu в количестве более 80%, а также Sn — 16,4–19,2%.

Для обнаружения активной коррозии памятник был помещен во влажную камеру на двое суток. Результат показал небольшие следы коррозии.

По классификации сохранности археологических находок из медных сплавов, разработанной С. Г. Буршневой, группа сохранности памятника — А. Степень минерализации — III (Буршнева 2016: 41–42).

Под руководством С. Г. Буршневой и П. В. Федан была составлена программа необходимых реставрационно-консервационных мероприятий, включающая в себя сухую механическую чистку кистями, стабилизацию, консервацию 5% раствором Paraloid B-72 в этаноле, укрепляющую мастиковку трещин, консервацию восковой композицией и создание подложки из оргстекла. При механической расчистке были удалены все рыхлые продукты коррозии меди. Укреплены осыпающиеся части минеральной корки.

Изначально для стабилизации был выбран метод Розенберга, так как была вероятность, что при интенсивной горячей промывке имеющиеся трещины могут увеличиться и привести к дополнительным утратам. Обычно метод алюминиевой фольги используется на локальных участках, но в данном случае памятник был полностью покрыт железином и фольгой и помещен во влажную камеру на сутки.

При вскрытии оказалось, что весь памятник подвержен активной коррозии. Фольга была перфорирована практически на всех участках. Стало ясно, что стабилизация должна продолжиться, но на поверхности памятника обнаружались частые мелкие затемнения. Чтобы избежать повреждения естественной патины, было решено прибегнуть к интенсивной горячей промывке. Для этого была укреплена профзаклейка на внешней стороне чаши и сделана на внутренней.

Было проведено 78 циклов с периодическим контролем содержания хлоридов в воде с помощью микрохимического анализа с использованием азотной кислоты. Во избежание увеличения трещин вода не доводилась до кипения.

После очередного микрохимического анализа азотнокислым серебром, которое показало отсутствие хлоридов, было проведено тестирование во влажной камере (3 дня). Активной коррозии не обнаружено. Затем последовала просушка предмета.

Еще на этапе лабораторных исследований было понятно, что вес обломанной ручки слишком велик для простого склеивания. С учетом подповерхностных разрушений оно могло оказаться травматичным для памятника, так же как и установка штифтов.

Было решено сделать подложку из оргстекла толщиной 2 мм для большей жесткости. В связи с особенностями формы и повреждений памятника, подложка должна была начинаться от дна, покрывать поверхность под ручкой для фиксации трещин по краям утраченной оригинальной поверхности и переходить в подставку для ручки.

Для достижения поставленной задачи было решено сначала создать гипсовую модель, чтобы не повредить сам ковш. Для ее создания использовались альгинатная слепочная масса и супергипс 4-го класса. Далее выкройка из оргстекла с помощью строительного фена подгибалась уже на этой гипсовой модели. Для большей устойчивости ручки сделана дополнительная подпорка.

После подготовки подложки были выполнены последние пункты обозначенных реставрационных мероприятий (консервация 5% раствором Paraloid B-72; склейка фрагментов; монтаж на оргстекло; укрепляющая мастиковка и консервация восковой композицией). По завершении реставрационных работ предмет передан в фонды Археологического музея ВГУ.

Выражаю благодарность С.Г. Буришевой и П.В. Федан за оказанную помощь на протяжении всех реставрационных работ.

Список литературы

- Буршнева С. Г. 2016. Некоторые аспекты сохранности археологических находок из медных сплавов // Вестник музея археологии и этнографии VI, 39–45.
- Медведев А. П. 2023. Сарматское элитарное погребение I в. н. э. из Среднего Прихоперья // Кривошеев М. В. (ред.). Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматской культур. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 207–216.
- Трейстер М. Ю. 2020. Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии // Проблемы истории, филологии, культуры 2, 5–60.
- Eggers H. J. 1951. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. 1. Hamburg: [s. n.].

**Музейный комплекс «Священная кедровая роща»:
опыт использования достопримечательного места
«Сырковский Сор» в археологическом эксперименте**

Календарев Д. М., Плеханов Д. А.

Сургутский государственный университет

Ключевые слова: *«Сырковский Сор», «Священная кедровая роща», Салым, экспериментальная археология*

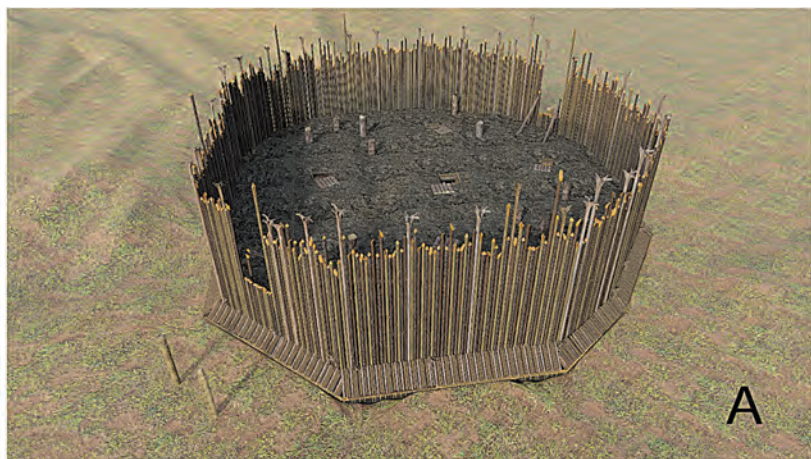
В основу создания музейного комплекса «Священная кедровая роща» в сельское поселение (далее — с. п.) Салым легли многолетние археологические, этнографические, географические исследования, которые велись с 1898 г. (Кардаш и др. 2021). На основании результатов исследований было принято решение создать музей археологии и археологического эксперимента¹.

В рамках создания музея проводится историко-архитектурная реконструкция городища Каюково 2, относящегося к эпохе неолита, основанием стали исследования 2018–2019 гг. (Кардаш 2020). В связи с тем, что поселение было ритуально сожжено, а деревянные элементы сохранились в виде угля, в нашем распоряжении имеются данные о планировочной структуре и архитектуре. Именно архитектурный аспект жилого комплекса Каюково 2 представляет наибольший интерес (Кардаш, Визгалов 2019). Для проверки гипотез о конструкции жилища была организована экспериментальная площадка на территории ДМ «Сырковский Сор»², где была воссоздана одна из построек Каюково 2 с фрагментом оборонительной стены. Планировочная структура реконструируется по материалам раскопок и видимых на поверхности остатков построек. Была создана 3D-модель городища (рис. 1: А) (Кардаш и др. 2020).

¹ Проект получил поддержку Фонда президентских грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества (проект № 23-1-015665) «Прыжок в прошлое: первые югорские крепости» и Проекта НИР СурГУ № 2023-227-18 «Югорская археология и этнография: сохранение и изучение культурного наследия в условиях нефтегазового освоения Севера».

² Включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в качестве объекта культурного наследия регионального значения, приказом Службы государственной охраны ОКН ХМАО — Югры № 9-нп от 11.07.2018 (с изм. от 16.05.2019).

Эксперимент изначально проводился в 2020 г. на территории ДМ «Соровские озера» близ с. п. Салым, в 2022–2023 гг. он был продолжен на площадке музея в качестве первого объекта для демонстрации и включал изготовление аутентичных орудий труда из камня, кости, кожи и реконструкцию всех этапов строительства, возведение оборонительных сооружений (Кардаш и др. 2022).

*Рис. 1. Реконструкция жилого-оборонительного сооружения Каюково 2:
А – 3D-модель поселения, выполненная Д. А. Плехановым;
Б – стройплощадка, лето 2023 г.*

Постройка возводилась из сухих стволов деревьев диаметром 10–12 см, которые затем засыпались землей. Гидроизоляция кровли и стен была сделана из шкур животных, которые предотвращали попадание песка и влаги внутрь помещения. В одном из фасадов существовал лаз — вентиляционное отверстие, необходимое для циркуляции воздуха и разведения огня в очаге. Наружная стена монтировалась вместе с сооружениями и являлась наружной опалубкой земляных стен всех построек. По итогам эксперимента оборонительно-жилой комплекс Каюково 2 можно охарактеризовать как древо-земляное сооружение, построенное по принципу формирования земляных грунтовых стен. Создание подобной системы обороны может свидетельствовать о том, что население было пришлым и принесло с собой фортификационные знания для организации своего существования во враждебной среде.

В результате эксперимента были реконструированы постройка № 3, часть центральной постройки № 6 и часть наружной стены, что составляет 20% от всего древо-земляного сооружения (рис. 1: Б). Были созданы площадки для изготовления шлифованных каменных орудий труда и производства керамических изделий. Орудия труда, не обнаруженные при археологических исследованиях данного памятника, реконструировались на основании данных, полученных при раскопках уральских торфяников. Например, было опробовано 4 способа монтажа каменных топоров и тесел. На данный момент реконструированное сооружение функционирует как экспонат, научный объект, образовательная площадка для обучения школьников с. п. Салым и студентов-практикантов СурГУ. Весь процесс эксперимента фиксировался на фото- и видеозапись и находится в открытом доступе¹, что также несет образовательную функцию. Изучение древо-земляного сооружения Каюково 2 не закончено, требуется проведение дальнейших раскопок и экспериментальной проверки. Предположительно следующим этапом должно стать не только воссоздание, но и сжигание сооружения.

Выражаем благодарность О.В. Кардашу, руководителю проекта и авторскому коллективу «Прыжок в прошлое: первые югорские крепости», а также археологу А.М. Родионову.

¹ Группа АНО «Институт археологии севера» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/nordarchoe>.

Список литературы

- Кардаш О. В., Визгалов Г. П. 2019. Каюковская культура эпохи раннего неолита в контексте расселения человека на Севере Западной Сибири (по материалам исследований 1999–2002 гг.) // Яковлев Я. А. (ред.). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого 17. Томск, Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 136–158.
- Кардаш О. В. 2020. Отчет о НИР «История изучения оборонительно-жилого комплекса Каюково 2 первой трети VI тыс. до н. э. по архивным данным 2000–2002, 2018–2019 годов». Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера».
- Кардаш О. В., Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н., Пицонка Х. 2020. Новые исследования городища раннего неолита Каюково 2 на севере Западной Сибири // Дмитриев А. В. (ред.). Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология 7. Новосибирск: Изд-во НГУ, 109–124.
- Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. 2021. Священная Кедровая Роща: формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках // Лапшин В. А. (ред.). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого 19. Ханты-Мансийск, Нефтеюганск, Сургут: АНО «Институт археологии Севера».
- Кардаш О. В., Визгалов Г. П., Пицонка Х., Чаиркина М. Н. 2022. Оборонительно-жилой комплекс Каюково 2 рубежа VII–VI тыс. до н. э. на севере западной Сибири. Опыт реконструкции архитектуры и планировочной структуры // Курбатов А. В. (ред.). Северные Древности: археология, этнография, история 1. Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера», 12–41.

Первые исследования древнего стекла Мариинской лесостепи

Калинская А. В., Созинов С. А.

*Федеральный исследовательский центр
угля и углехимии СО РАН*

Ключевые слова: *стекло, ранний железный век, таштыкская культура, Шестаково, Мариинская лесостепь*

В июне 2023 г. были продолжены полевые изыскания на погребально-поминальном комплексе таштыкского времени Шестаково III (Чебулинский муниципальный округ Кемеровской области — Кузбасса), время функционирования которого приходится на V–VI вв. н. э. В результате исследования было обнаружено 85 находок, среди которых — декорированная бусина из стекла (рис. 1) (Герман и др. 2023: 546). Изделие было зафиксировано в контексте объектов раннего железного века, связанных с периодом функционирования склепа.

Характеристика изделия. Длина бусины 32 мм, диаметр — 7 мм. Изделие округлой цилиндрической формы; канал цилиндрический, центрированный; края выпуклые, неровные. Декор, изготовленный отдельно, представлен геометрическими элементами в виде многократной спирали на всей поверхности изделия (поврежден). Цвет ядра и декора вино-красный. Ядро бусины было создано техникой вытягивания трубочки. После изготовления ядра были отдельно сделаны стеклянные нити, которые путем накладки в виде спирали помещались на всю его поверхность.

Рис. 1. Стеклянная бусина из погребально-поминального комплекса Шестаково III (раск. 2023 г.)

Химический состав изделия. Данные по химическому составу стекла были получены в Центре коллективного пользования ФИЦ УУХ СО РАН методом сканирующей электронной микроскопии и рентгеновского микроанализа (полуколичественный анализ) на сканирующем электронном микроскопе JEOL JSM-6390 LA с рентгеновским энергодисперсионным анализатором JED2300.

Исследуемое стекло натриево-алюминатное, относится к классу $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$, представлено типом $\text{Na}_2\text{O} \cdot \text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2 \cdot \text{Al}_2\text{O}_3$ (Щапова 1989: 99, 106) (табл. 1)¹. Данный химический тип характерен для восточного центра производства. Особенностью исследуемого стекла является высокое содержание алюминия.

Таблица 1. Химический состав стеклянных бус из памятников раннего железного века Мариинской лесостепи

Шифр анализа	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	MnO	SO ₃	Cl	TiO ₂	P ₂ O ₅	CuO
1-1	63,95	5,27	13,07	5,08	6,23	2,17	1,71	1,05	0,41	0,75	0,30	–	–
1-2	72,37	8,36	4,83	3,17	4,60	3,40	1,38	0,64	0,30	0,70	0,24	–	–
2	65,18	1,97	18,53	2,50	4,82	2,58	0,80	–	1,32	0,30	0,19	0,48	1,33
3	65,41	2,03	19,18	2,68	4,65	2,75	0,63	–	0,85	0,28	0,15	0,51	0,88
4	80,61	2,72	7,66	0,16	4,97	0,72	0,47	–	0,36	0,99	0,08	0,07	1,19
5	67,21	1,98	17,43	2,00	4,64	3,23	0,73	–	0,94	0,33	0,16	0,40	0,97
6	69,31	4,23	12,87	2,24	3,92	3,42	1,54	–	0,45	0,33	0,22	0,63	0,82
7	63,58	2,99	17,59	3,19	4,62	3,88	1,06	–	0,42	0,50	0,16	0,57	1,44

Импортные изделия из стекла, сделанные по восточному рецепту, появляются на территории Сибири в V в. до н. э. (Галибин 2001: 73–74), в Ачинско-Мариинской лесостепи и Минусинских котловинах в это время проживало население тагарской культуры. Аналогичный шестаковской бусине состав стеклообразующих элементов выявлен для изделий позднетагарских (лепешкинских, тесинских), таштыкских комплексов и памятников хуннского времени (Галибин 1983: 99; 2001: 126–129). В то же время база данных по химическому составу стеклянных бус из комплексов раннего железного века Минусинских котловин и Ачинско-Мариинской лесостепи далека до репрезентативности. С целью привлечения дополнительных сравнительных данных нами был предпринят анализ еще шести бусин из стекла,

¹ Из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Памятники: Шестаково I (№ 2, 3), Некрасово II (№ 4–6), Тисульские курганы (№ 7).

происходящих из позднеатагарских памятников Мариинской лесостепи (табл. 1). Полученные результаты совпадают с восточным рецептом, но с более низким содержанием алюминия в сравнении с бусиной из Шестаково III. Аналогичная ситуация фиксируется и по данным В. А. Галибина (Галибин 1983).

По опубликованным данным (в рамках рассматриваемого региона), стеклянные бусины цилиндрической формы с геометрическими элементами известны в позднеатагарских (лепешкинских) комплексах кургана 1 могильника Новомихайловка (не ранее III в. до н. э.) (Вадецкая 1999: рис. 79). Также, судя по описанию Э. Б. Вадецкой, бусины-пронизки винно-красного цвета, изготовленные по восточному рецепту, обнаружены в таштыкском грунтовом могильнике Комарково, датированном в пределах I–II вв. н. э. (Вадецкая 1999: 68).

По всей видимости, период бытования бусин данного типа имел достаточно широкие хронологические рамки, что в целом характерно для данной категории изделий. Предварительно отметим, что результаты анализа стеклянных бусин из могильников позднеатагарского времени демонстрируют низкое содержание алюминия (менее 5%) в отличие от шестаковской бусины и других бус из таштыкских грунтовых могильников (Галибин 1983: 99), где содержание алюминия выше и может являться отличительной особенностью состава стекла, характерного именно для таштыкских комплексов.

Находка на погребально-поминальном комплексе Шестаково III послужила поводом для обращения к проблемам изучения древнего стекла атагарской и таштыкской культур. Представляется очевидной необходимость типологизации и получения новых данных по химическому составу стеклянных бус из археологических памятников раннего железного века Южной Сибири для выявления корреляций с комплексами и выдвижения гипотез о происхождении изделий.

Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УХ СО РАН № АААА-А21-121012090006-0 проект «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Список литературы

- Вадецкая Э. Б. 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Галибин В. А. 1983. Состав стекла в памятниках Красноярского края // Древние культуры евразийских степей. Л., 98–100.

- Галибин В. А. 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Герман П. В., Леонтьев С. Н., Калинская А. В., Савельева А. С., Плац И. А. 2023. Продолжение исследований на курганном могильнике Шестаково III // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XXIX, 543–548.
- Щапова Ю. Л. 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета.

**Археозоологические материалы из раскопок
Полотова (Роданова) городища 2021 и 2023 гг.**

Коновалова К. Ю.

*Институт экологии растений и животных УрО РАН,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет*

Ключевые слова: *археозоология, фауна, Средневековье, животноводство, родановская культура*

Полотово (Роданово) городище расположено в Юсьвинском районе Пермского края, в 7 км северо-восточнее от с. Пожва в д. Городище на берегу Камского водохранилища. Первое письменное свидетельство о городище относится к 1772 г. Капитан Н. П. Рычков упоминает его в своем дневнике (Рычков 1772). В 1930-е гг. памятник изучался А. В. Шмидтом (1932 г.), Н. А. Прокошевым (1935 г.) и М. В. Талицким (1936–1937 гг.). В последние годы раскопки проводились под руководством Д. В. Шмуратко и А. Н. Сарапулова (Шмуратко 2016; Сарапулов 2021).

Материалом для работы послужила остеологическая коллекция из раскопок городища в 2021 и 2023 гг., исследуемая площадь составила 136 м². Раскопы прорезают вал и ров с востока на запад. Рассмотренные в данной публикации материалы дополняют проведенные ранее археозоологические исследования (Талицкий 1951; Коновалова 2022).

Сбор материала осуществлялся вручную, материал группировался по квадратам и условным горизонтам, отдельно был собран материал из объектов. Таксономическая идентификация остатков животных проводилась с помощью эталонной коллекции музея ИЭРиЖ УрО РАН. Определение возраста особей производилось по состоянию зубной системы и стадии прирастания эпифизов (Grant 1982; Silver, 1969). Объем исследуемой выборки составил 2033 экземпляра.

Кости имеют характерные для кухонных остатков признаки: большинство костей фрагментировано, присутствуют зарубки, видны следы пребывания в огне. Встречаются кости со следами погрызов собак. В выборке присутствуют все элементы скелета, что свидетельствует о разделке туши непосредственно на территории поселения.

До вида удалось идентифицировать 60% костей (табл. 1). Подавляющее большинство остатков (91%) принадлежит домашним

животным. Определены кости 9 видов диких млекопитающих. Среди них преобладают кости бобра (44%) и лося (35%).

Наиболее многочисленным домашним видом является крупный рогатый скот. Вторым по значимости видом является лошадь, меньший вклад вносит мелкий рогатый скот и свинья. Соотношение остатков домашних копытных несколько отличается от такового в Рождественском городище, где также доминируют КРС и лошадь, но практически не встречаются кости свиньи (Коновалова 2020).

Таблица 1. Видовой состав и количество костей животных из раскопок Полотова (Роданова) городища

Вид	Количество, экз.	Доля, %
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	550	27,05
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	443	21,79
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis aries et Capra hircus</i>)	69	3,39
Свинья (<i>Sus scrofa domesticus</i>)	65	3,20
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	1	0,05
Лось (<i>Alces alces</i>)	38	1,87
Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i>)	10	0,49
Бобр (<i>Castor fiber</i>)	47	2,31
Заяц-беляк (<i>Lepus timidus</i>)	3	0,15
Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>)	5	0,25
Белка (<i>Sciurus vulgaris</i>)	1	0,05
Волк (<i>Canis lupus</i>)	1	0,05
Выдра (<i>Lutra lutra</i>)	1	0,05
Рысь (<i>Lynx lynx</i>)	1	0,05
Неопределимые до вида млекопитающие	780	38,37
Птицы	14	0,69
Рыбы	4	0,20
Всего	2033	

Анализ 10 нижних челюстей крупного рогатого скота показал, что особи забивались преимущественно в возрасте 3–9 лет, также в выборке присутствует одна особь старше 9 лет и молодая особь в возрасте 3–8 месяцев. Среди фрагментов трубчатых костей, где возможно

оценить степень срастания эпифизов с диафизом, также преобладают остатки особей старше 3 лет, но встречаются кости животных в возрасте младше 2 лет. Такое соотношение характерно для мясо-молочного направления в животноводстве.

Определено 54 отдельных зуба лошади, из них только 1 зуб является молочным и принадлежит особи младше 2 лет. По состоянию эпифизов бедренных костей преобладают остатки животных старше 3–3,5 лет. Все фрагменты берцовых костей (7 экз.), где присутствовал эпифиз или метафиз, принадлежат особям старше 2 лет. Большинство лучевых костей (13 экз.) относятся к лошадям старше 1,5 лет, но представлены остатки одной особи младше этого возраста. Среди пяточных костей также преобладают кости особей с приросшим эпифизом старше 3 лет (9 экз.), имеется 1 экз. с неприросшим эпифизом. Таким образом, преимущественно забивались лошади старше 3 лет.

Кости свињи малочисленны, встречаются кости особей как старше 3,5 лет, так и младше 2 лет. Среди костей мелкого рогатого скота обнаружены остатки разновозрастных животных, старше 10–13 месяцев и 3,5–4 лет и младше 2,5 лет.

В результате анализа остеологического материала можно сделать вывод о том, что основным источником белковой пищи у средневекового населения Полютова (Роданова) городища являлось мясо крупного рогатого скота и лошади, а также молочные продукты. Забивались преимущественно взрослые животные, причем туши разделялись на территории поселения. Животноводство доминирует над промыслом млекопитающих, еще менее значима роль рыболовства и добычи пернатой дичи.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>.

Список литературы

- Коновалова К. Ю. 2020. Остеологические материалы из раскопок Рождественского городища (2018 г.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции 17, 33–38.
- Коновалова К. Ю. 2022. Фауна крупных млекопитающих из местонахождения Роданово (Прикамье) // Материалы Всероссийской конференции молодых ученых «Экология: факты, гипотезы, модели», посвященной Международному году фундаментальных наук 18–22 апреля 2022 г., Екатеринбург: Институт экологии растений и животных УроРАН, 87–90.
- Рычков Н. П. 1772. Продолжение журнала или дневных записей путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб.

- Сарапулов А. Н. 2021. Отчет о раскопках Полотово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2021 г. Архив МАЭ ПГГПУ.
- Талицкий М. В. 1951. Верхнее Прикамье в X–XI вв. // Черенцов В. Н. (ред.). Материалы и исследования по археологии Урала (МИА 22). М.: Изд-во АН СССР, 33–96.
- Шмуратко Д. В. 2016. Отчет о раскопках Полотово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2016 г. Архив МАЭ ПГГПУ.
- Grant A. 1982. The use of Tooth Wear as a Guide to the Age of Domestic Ungulates // Ageing and sexing animal bones from archaeological sites. B. Wilson, C. Grigson & S. Payne (eds.). Oxford, England: BAR (British series 109), 91–108.
- Silver I. 1969. The ageing of domestic animals // D. R. Brothwell, E. S. Higgs, G. Clark (eds.). Science in archaeology: a survey of progress and research. London: Thames and Hudson, 283–302.

**Использование метода фотограмметрии
при проведении археологических исследований
(на примере раскопок Поселения 2
по ул. Острогжской, 107а в г. Воронеж)**

Котова А. П.

Воронежский государственный технический университет

Ключевые слова: *геодезия, археология, БПЛА, ГНСС, электронный тахеометр, раскоп, памятник археологии*

Фотограмметрия — это научно-техническая область, ориентированная на разработку методов определения форм, размеров и пространственного положения объектов (в том числе археологических) по результатам измерения их фотографических изображений.

Применение исследуемого метода повышает качество полученной информации, позволяет выполнить трехмерную реконструкцию объекта археологического наследия, создать его точные реалистичные планы (Грушин 2018: 99–105).

Использование метода фотограмметрии позволяет совершенствовать методику полевой археологической фиксации, а также обработку полученной информации при проведении полевых археологических работ и демонстрации полученных результатов для широкого круга лиц (Хахулина и др., 2023а: 56–66; 2023б: 60–68).

Рассмотрим результаты использования фотограмметрии при проведении археологических раскопок Поселения 2 по ул. Острогжская, 107А в г. Воронеж. Памятник датируется эпохой раннего железного века (V–IV вв. до н. э.) — Средневековьем (XV–XVII вв.). Запланированное здесь строительство создавало угрозу уничтожения культурного слоя памятника, в связи с чем здесь были начаты охранные работы. В ходе их осуществления была построена цифровая модель раскопа с использованием материалов цифровой фотосъемки.

Для создания модели использована программа Agisoft Metashape, позволяющая обрабатывать и моделировать объекты по полученным фотоснимкам. В качестве геодезических данных использовались данные тахеометрической съемки, выполненные электронным тахеометром SOKKIA SET 530R, и данные аэрофотосъемки с квадрокоптера DJI Phantom 4 Pro.

Съемка территории раскопа квадрокоптером производилась вручную на низкой высоте (до 150 м высотой) с обходом препятствий. Было получено 178 кадров, которые были загружены в Agisoft Metashape, где были определены положение и ориентация камеры для каждого кадра, построено разреженное облако точек в 3D-пространстве и систематизированы данные о положении и ориентации камер (рис. 1: А).

На втором этапе на основе положений камер и используемых фотографий было построено плотное облако точек. Перед переходом на следующий этап плотное облако точек было отредактировано и классифицировано.

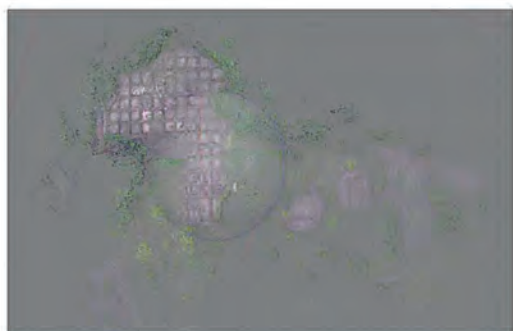
Далее была построена полигональная модель, или карта высот (рис. 1: Б), которая описывает форму объекта на основании плотного облака точек. Она представляет собой сеть замкнутых треугольников, вершинами которых являются точки либо разреженного облака, либо плотного облака, в зависимости от того, какое облако предпочтительнее для решения поставленной задачи.

На следующем этапе доступно построение текстуры для полигональной модели, а также построение ортофотоплана. Он проецируется на поверхность, указанную пользователем, — карта высот или полигональная модель (рис. 1: В). Ортофотоплан — это масштабный план, содержащий в себе данные ортогональной проекции местности, в связи с чем необходимо создавать привязку по контрольным точкам.

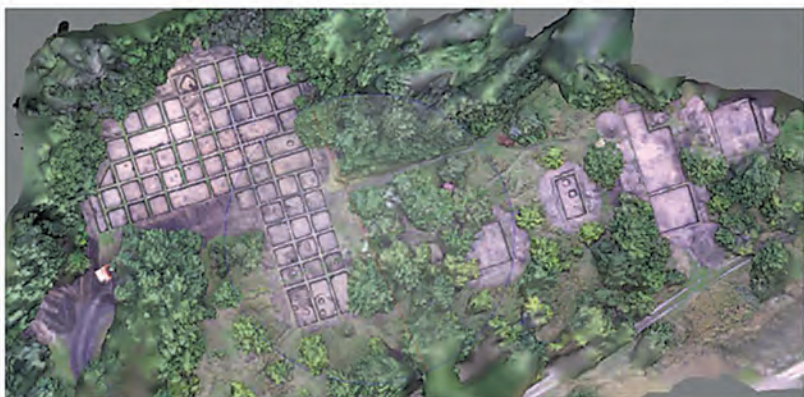
В программу нужно импортировать отснятые тахеометром точки жесткой сетки. Для удобства обнаружения необходимой контрольной точки можно сделать фильтрацию по точке в уже построенной модели, тогда программа автоматически выдаст нужные снимки. Затем мы задаем конкретной точке номер контрольного маркера. Привязку необходимо выполнять при использовании съемки с дрона, в котором уже есть данные о привязке каждого снимка в системе координат WGS-84.

Полученные результаты можно отправить растровой картинкой в Civil3D для дальнейшей работы с макетом. Подгружая откалиброванное облако точек в формате LAS, мы получаем полную модель памятника и возможность точно работать с ней, так как этот формат хранит в себе само облако точек с информацией о каждой из них.

LAS-файл открывается в программе ReCap, где создается проект, в который импортируется сам файл. Проект сохраняется с расширением «.gcs», при необходимости облако точек предварительно можно отредактировать.

A

Б

В

Рис. 1. Цифровая модель археологического раскопа Поселения 2 по ул. Острогжская, 107А, в г. Воронеж (2022 г.): 1 — разреженное облако точек; 2 — полигональная модель; 3 — ортофотоплан раскопа

Переходя в AutoCAD Civil3D, мы имеем возможность импортировать полученное облако точек. На данном этапе мы получаем плотное облако точек всего раскопа, кроме того, каждая точка имеет свой цвет, что упрощает поиск конкретной точки для векторизации модели.

На созданной модели можно выполнять как линейные, так и площадные замеры, точность измерений определяется точностью привязки модели при формировании расчетов в Agisoft Metashape.

Таким образом, главный плюс использования фотограмметрии — это точность, так как вся работа автоматизирована. Однако имеются и минусы: необходимы нормальные погодные условия на первой стадии работ и хорошее программное обеспечение для выполнения камеральной работы.

Несмотря на отмеченные минусы, использование фотограмметрии с каждым годом становится все более популярным в археологии. Документирование процесса раскопок и находок с помощью фотограмметрии, наряду с классическими способами, постепенно превращается в стандартный способ фиксации археологической информации.

Список литературы

- Грушин С. П. 2018. Фотограмметрия в археологии — методика и перспективы // Теория и практика археологических исследований 22 (1), 99–105.
- Хахулина Н. Б., Маслихова Л. И., Попов Б. А. 2023а. Применение современных геодезических технологий при изучении археологического памятника (на примере ОАН Городище Михайловский кордон) // Аграрная история 15, 56–66.
- Хахулина Н. Б., Маслихова Л. И., Трухина Н. И. 2023б. Возможности современного оборудования при археологических исследованиях на примере городища Михайловский кордон // Аграрная история 14, 60–68.

**Проблемы исследования и сохранения объектов
археологического наследия на территории г. Омска
в условиях стесненной городской застройки**

Оситашвили Д.З.

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

Ключевые слова: *археология в условиях городской застройки, исторические центры поселений, объект культурного наследия*

Развитие городов и поселений часто связано с вероятностью выявления объектов археологического наследия, специфика государственной охраны которых значительно отличается от сохранения иных типов объектов.

Объекты археологического наследия неразрывно связаны с местами селения людей вдоль рек. Город Омск основан в месте слияния двух рек — Омь и Иртыш. В связи с этим город обладает значительными по площади территориями, потенциально попадающими под вероятность обнаружения объекта археологического наследия.

Строительство и благоустройство в исторических центрах поселений зачастую не включает в себя археологическое наблюдение за ходом проведения земляных работ, а факт выявления объектов культурного наследия может быть скрыт недобросовестным заказчиком (подрядчиком) в целях недопущения приостановки работ в соответствии с действующим законодательством, поскольку это ведет к нарушению сроков производства работ.

В последние годы в историческом центре г. Омска активно ведутся работы по благоустройству прилегающих территорий, а также работы по комплексному благоустройству рекреационных зон, свободных от застройки, сохранению объектов культурного (архитектурного) наследия (далее — ОКН), включая работы, в ходе которых были зафиксированы и памятники археологии. Рассмотрим несколько примеров, когда при проведении работ так или иначе затрагивались объекты археологического наследия.

В 2016 г. в ходе проведения работ по сохранению ОКН федерального значения «Казачий Никольский собор» при проведении земляных работ в цокольном помещении храма было выявлено захоронение бронзового века. Поскольку работы проводились в полном

соответствии с действующим законодательством, это позволило избежать разрушения захоронения (URL: <https://bk55.ru/news/article/85251/>). Добросовестное поведение исполнителя работ позволило полноценно изучить выявленное захоронение.

В 2015 и 2017 гг. в ходе реставрации объекта культурного наследия регионального значения «Здание страхового общества “Саламандра”» под размещение музея «Эрмитаж-Сибирь» в траншее теплотрассы, которую проложили в советское время, были обнаружены несколько захоронений с погребальным инвентарем, включающим предметы из металла (URL: <https://ngs55.ru/text/gorod/2017/08/02/50722741/>). Находки относятся к переходному времени от бронзового века к железному (URL: <https://ngs55.ru/text/gorod/2015/09/29/2269623/>). Заказчик отказался останавливать работы, в связи с чем стало невозможным полноценное изучение выявленных захоронений.

В 2020 г. в ходе проведения работ по благоустройству набережной реки Омь на участке между Комсомольским и Юбилейным мостами подрядчиком проводились работы в непосредственной близости от объекта археологического наследия. В 2019 г. на территории был выявлен объект культурного наследия — «Культурный слой Первой Омской крепости» (URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_55/mass-media/news?item=54448196).

В ходе выполнения работ Министерством культуры Омской области был установлен факт вскрытия техногенных напластований XX в., а также погребенных слоев, связанных с историческим периодом существования города Омска до XX в. В отношении подрядчика был составлен протокол об административном правонарушении (URL: <https://omchanin.livejournal.com/3134304.html>). Неправомерное вскрытие грунта было произведено на глубину порядка 4 м.

Данный обзор показывает, что первый из представленных примеров наиболее позитивен в отношении сохранения выявленных в ходе работ объектов культурного наследия. Второй пример указывает на то, что на начальных этапах производства работ проектировщиком и заказчиком должны быть заложены расходы на ведение археологического надзора, но в представленном случае вероятность обнаружения объекта культурного наследия не была отражена в сроках исполнения работ. Третий пример показывает наиболее варварское отношение к сохранению объектов археологического наследия. Заказчику (подрядчику) было более выгодно понести административную ответственность, нежели заложить финансовые и временные риски на этапе

проектирования и включить мероприятия в соответствии с действующим законодательством в сметную документацию. Исходя из этого, можно констатировать, что пока штрафы за нанесение вреда объектам культурного наследия будут ничтожно малы в сравнении со стоимостью проведения необходимых мероприятий по их сохранению, данная практика будет продолжаться.

По нашему мнению, решением проблемы может выступить появление законодательной инициативы в отношении объектов археологического наследия, аналогичной положениям статьи 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ. Законодательно установленные ограничения могут побудить застройщиков включать в смету-калькуляцию на проектирование раздел обязательных археологических исследований.

Список литературы

- Под Никольским собором в Омске нашли захоронение бронзового века. Электронный ресурс. URL: <https://bk55.ru/news/article/85251/> (дата обращения: 10.01.2024).
- Возле «Саламандры» нашли скелет человека возрастом 3000 лет. Электронный ресурс. URL: <https://ngs55.ru/text/gorod/2017/08/02/50722741/> (дата обращения: 10.01.2024).
- В центре нашли скелеты возрастом 2500 лет. Электронный URL: <https://ngs55.ru/text/gorod/2015/09/29/2269623/> (дата обращения: 10.01.2024).
- Прокуратурой Омской области организована проверка соблюдения законодательства об охране объектов культурного наследия при проведении работ по благоустройству набережной р. Омь в г. Омске. Электронный ресурс. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_55/mass-media/news?item=54448196 (дата обращения: 10.01.2024).
- УДХиБ, СК Лидер и мэрия сознательно повредили первую крепость. Электронный ресурс. URL: <https://omchanin.livejournal.com/3134304.html> (дата обращения: 10.01.2024).

Связь лесных палеопожаров и истории заселения берегов озера Мергенъ в Приишимье

¹Трубицына Э. Д., ¹Нестерова М. И.,

¹Утягулова Р. Р., ²Рябогина Н. Е.

¹Тюменский научный центр СО РАН

²Гетеборгский университет

Ключевые слова: палеопожары, Приишимье, Мергенский АМР, анализ макроугля, озерные отложения, голоцен

Лесные пожары являются проблемой экологического и экономического характера, как в древности, так и в настоящее время. Для ретроспективной оценки древних пожаров была сделана реконструкция палеопожарной динамики на протяжении 12 тысяч лет по данным анализа макроугля керна озера Мергенъ около Мергенского АМР. Возрастные значения представлены калиброванными датами. При сопоставлении спорово-пыльцевых и археологических данных с показателями притока частиц макроугля на основе подсчетов исследователями были выделены следующие фазы изменения пожарной активности:

Фаза I (12–8,5 тыс. л. н.). На эту фазу приходится девять локальных пожарных эпизодов. Скорость накопления макрочастиц угля имеет низкое значение, что, вероятно, связано с существованием на финальном этапе позднего леднековья открытых ландшафтов с ксерофитной и галофитной растительностью и отсутствием топлива для сильных и частых пожаров в виде древесного массива (Ryabogina et al. 2019). Около 9 тыс. л. н. происходит трансформация растительности от тундростепи к полуоткрытым лесостепным ландшафтам и начинается распространение березовых лесов колочного типа, однако это не приводит к увеличению притока макроуглей.

Фаза II (8,7–6,0 тыс. л. н.). Здесь выделяется четыре локальных пожарных эпизода в начале фазы. Возрастает скорость аккумуляции макроскопических частиц угля, что, вероятно, связано как с природными факторами (лесов становится больше, распространяются смешанные лесостепные березово-сосновые леса, береза в них легко воспламеняется и полностью выгорает), так и с началом заселения берегов озера Мергенъ (Еньшин, Скочина 2023). Около 7,5–7,2 тыс. л. н. наблюдается кратковременное снижение скорости накопле-

ния макрочастиц угля, однако начиная с 7,2 тыс. л. н. прирост макрочастиц угля существенно увеличивается. Вероятно, это связано с появлением серии стационарных неолитических поселений Мergenъ-3, -5, -6, -7, -8 в прибрежной части озера (Еньшин, Скочина 2023). Хозяйство населения было ориентировано на рыболовство и охоту. Отмеченное увеличение частоты пожаров коррелирует с ростом численности населения и более разнообразными стратегиями освоением территории в неолите. Не исключено, что часть пожаров связана с намеренным сжиганием тростниковых зарослей вокруг озера для облегчения устройства запорного рыболовства. В то же время есть и климатические причины, которые могли способствовать пожарам, — этот период связан с наибольшим потеплением в голоцене (Ryabogina et al. 2019).

Фаза III (6,2–4,5 тыс. л. н.). В этот период наблюдается увеличение значений аккумуляции макрочастиц угля по сравнению с более ранними периодами, что, вероятно, связано с продолжением функционирования неолитических поселений в окрестностях озера.

Фаза IV (4,5–1,7 тыс. л. н.). На этом этапе наблюдается наиболее динамичная смена пожарной активности. Пирогенная нагрузка продолжает увеличиваться, возрастает частота и сила интенсивности пожаров. В это время выделяется семь локальных эпизодов пожара. Археологические находки поселения Мergenъ-6 выявили признаки обитания в эпоху раннего металла (Зах, Волков 2019), а в южной части озера в период поздней бронзы, в конце 4 тыс. л. н., появляется поселение Пахомовская Пристань-1 (Евдокимов, Корочкова 1991). Позже, около 2,9 тыс. л. н., берега озера заселяют представители красноозерской культуры (Зах, Зими́на 2014).

Фаза V (1,7 тыс. л. н. — настоящее время). На этой фазе наблюдается постепенное увеличение притока частиц макроугля. Здесь фиксируется пять достоверных локальных пожарных эпизодов. Рост интенсивности пожаров обусловлен увеличением плотности населения на территории Приишимья, а также новыми формами организации хозяйства из-за заселения территории русскими в Новое время: плотность населения возрастает, и сельскохозяйственная нагрузка на ландшафт увеличивается (Федоров 2022).

Таким образом, видно, что увеличение пожарной активности может быть связано как с климатическими изменениями, так и с влиянием антропогенного фактора, роль которого становится все более значимой в Новое время.

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 23-27-00437 «Ретроспективная динамика лесных пожаров Западной Сибири: влияние природных и антропогенных факторов на южной границе леса»).

Список литературы

- Еньшин Д. Н., Скочина С. Н. 2023. Хронология неолита Нижнего Приишимья (по данным Мергенского АМР) // Уральский исторический вестник 1, 46–54.
- Евдокимов В. В., Корочкова О. Н. 1991. Поселение Пахомовская Пристань I // Матвеева Н. П. (ред.). Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 50–63.
- Зах В. А., Волков Е. Н. 2019. Керамический комплекс поселка эпохи раннего металла Мергень 6 из Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии 2, 5–20.
- Зах В. А. Зими́на О. Ю. 2014. Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии 4, 47–57.
- Панфилов А. Н. 1993. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье: (Итоги полевых исследований). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН.
- Федоров Р. Ю. 2022. Стратегии адаптации культуры земледелия у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и их рефлексия в нарративных источниках // Вестник славянских культур 66, 30–42.
- Ryabogina N. E., Afonin A. S., Ivanov S. N., Li H.-C., Kalinin P. I., Udaltsov S. N., Nikolaenko S. A. 2019. Holocene paleoenvironmental changes reflected in peat and lake sediment records of Western Siberia: Geochemical and plant macrofossil proxies // Quaternary International 528, 73–87.

**Опыт статистического анализа остеологических материалов
из памятников эпохи бронзы и раннего железного века
Среднего Приоболья**

Утягулова Р. Р.

Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН

Ключевые слова: *скотоводство, животноводство, кластерный анализ, Среднее Приоболье*

Изучение производящего хозяйства является сложным направлением при реконструкции жизнедеятельности древнего населения. Первые свидетельства скотоводства в лесостепи Западной Сибири относятся к периоду ранней бронзы, а культуры поздней бронзы, в частности андроновского мира, соотносятся с развитым животноводством (Матвеев 2000).

В работе использованы ранее опубликованные данные остеологических коллекций с 16 поселений эпохи бронзы и раннего железного века, расположенных в лесостепной зоне Западной Сибири (Волков 2007; Матвеева и др. 2008; Цембалюк 2017). Были проанализированы следующие результаты остеологических исследований поселений: алакульская культура — Язев-1 (раскопки Т. М. Потемкиной, 1968–1971 гг.), Нижнеингальское-3 и Алабуга-1 (раскопки Н. П. Матвеевой, 1998–1999 гг.); андроновская (федоровская) культура — Дуванское-17 (раскопки М. Б. Абрамовой и О. Н. Корочкиной, 1978–1979 гг.), Черемуховый Куст (раскопки В. А. Заха, 1984–1985, 1988 гг.) и Щетково-2 (раскопки А. В. Матвеева, 1998–2001 гг.); черкаскульская культура — Черкаскуль-2 (раскопки К. В. Сальникова, 1956 г.), Ольховка (раскопки А. В. Матвеева, 1987 г.) и Ново-Шадрино-7 (раскопки О. Н. Корочкиной, 1980, 1983 гг.); бархатовская культура — Ново-Шадрино-2 (раскопки В. И. Стефанова, 1978 г.), Ново-Шадрино-7 (раскопки О. Н. Корочкиной, 1980, 1983 гг.), Красногорское городище (раскопки А. В. Матвеева, 1983–1984 гг.) и Коловское городище (раскопки Н. П. Матвеевой, 2001, 2003, 2005–2006 гг.); байтовская культура — Ботники-1а (раскопки Н. П. Матвеевой, 1980-е гг.) и Большой Имбирей-3 (раскопки Н. П. Матвеевой, 2004 г.).

На основе имеющихся данных осуществлялся кластерный анализ методом Варда (Ward's method) с вычислением расстояний Эвклида по методу ближайшего соседа (рис. 1). За основу расчетов было

выбрано минимальное количество особей. После этого определялось соотношение числа особей определенного животного к общему числу особей, выявленных на памятнике. Анализ позволил обозначить пять кластеров.

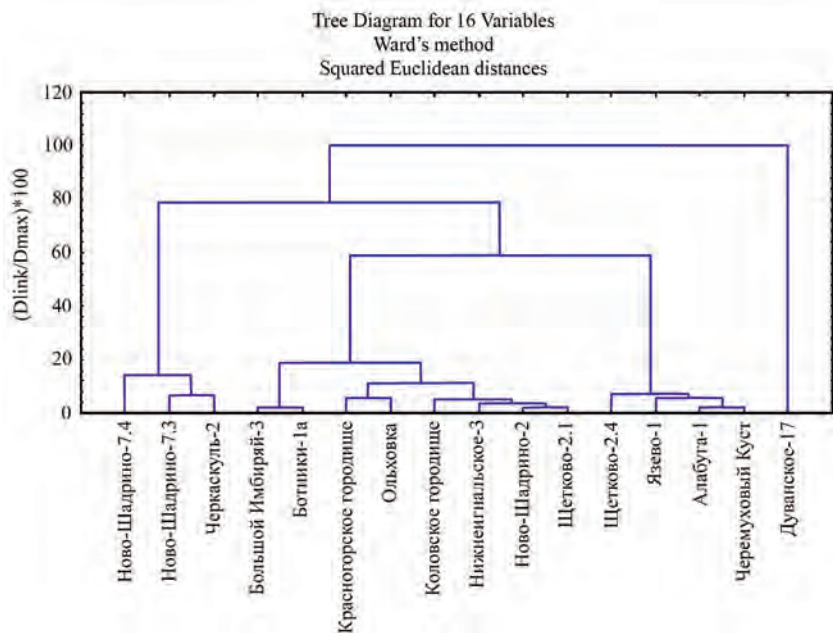

Рис. 1. Кластерный анализ остеологической коллекции с поселений эпохи бронзы и раннего железного века лесостепной зоны Западной Сибири

В отдельный кластер попало поселение Дуванское-17, вероятно, из-за незначительного количества костей диких животных на этом памятнике (4%). Такое выделение, по-видимому, можно объяснить сезонным проживанием, а также небольшой площадью раскопа и размерами остеологической коллекции.

Второй кластер представлен памятниками Черемуховый Куст, Щетково-2, Алабуга-1 и Язено-1. Он характеризуется небольшим количеством диких животных (12%), в основном представленных остатками лося, косули и оленя, и в большом количестве находками костей домашних животных (88%). Несмотря на разновременный характер поселений, такое соотношение вполне согласуется с общей картиной

хозяйственной деятельности населения алакульской, андроновской (федоровской) и бархатовской культур.

Третий кластер выделен по зоологическим остаткам с поселений Черкаскуль-2, Ново-Шадрино-7 (слой пахомовской и бархатовской культур). Отмечается увеличение разнообразия диких животных (54%) и уменьшение количества домашних (46%). Увеличение признаков присваивающего хозяйства вполне характерно для представителей пахомовской культуры. Наличие в данном кластере памятника черкаскульской культуры (Черкаскуль-2), вероятно, связано с небольшой зоологической коллекцией и требует доработок.

Четвертый кластер представлен поселениями Щетково-2 (слой андроновской (федоровской) культуры), Ольховка, Ново-Шадрино-2, Нижнеингалское-3, Красногорское и Коловское городища. Несмотря на разновременность всех указанных памятников, полученные данные демонстрируют большую роль животноводства у населения (87%) и незначительную роль охоты (13%). Выделенные поселения относятся к кругу андроновских древностей, для которых характерно такое соотношение. Данные традиции продолжают представители бархатовской культуры в поздней бронзе, памятники которых также представлены в данном кластере.

Пятый кластер выделился по материалам из поселений баитовской культуры Ботники-1а и Большой Имбиряй-3. Использованные данные не позволяют определить роль охоты в экономике, но анализ остатков домашних животных показал превалирование в сторону производящего хозяйства у носителей баитовской культуры. Распределение зоологических остатков позволило выявить 96% остатков домашних животных и всего 4% диких.

Проведенный анализ позволил проследить развитие хозяйственной деятельности населения Среднего Тобола в эпоху бронзы и раннем железном веке. В целом для представителей андронидных культур характерно доминирование животноводства над присваивающим хозяйством. Период развития пахомовской культуры характеризуется стабилизацией увлаженности (Матвеева и др. 2003), что позволило людям активнее вести присваивающее хозяйство. Для бархатовской культуры наблюдается уменьшение роли охоты и развитие животноводческой деятельности. Эти же традиции ведения хозяйства продолжают представители баитовской культуры в раннем железном веке.

Работа выполнена Институтом проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема No FWRZ-2021-0006).

Список литературы

- Волков Е. Н. 2007. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука.
- Матвеев А. В. 2000. Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.
- Матвеева Н. П., Берлина С. В., Рафикова Т. Н. 2008. Коловское городище. Новосибирск: Наука.
- Матвеева Н. П., Волков Е. Н., Рябогина Н. Е. 2003. Новые памятники бронзового и раннего железного веков (Древности Ингальской долины: Археолого-палеографическое исследование Вып. 1). Новосибирск: Наука.
- Цембалюк С. И. 2017. Байтовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Результаты археопаразитологического исследования образцов грунта из могильника «Викуловское кладбище»

Филимонова М. О.

Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН

Ключевые слова: археопаразитология, Западная Сибирь, Викуловское кладбище, русское население, *Dibothriosephalus* sp.

Археопаразитология — научное направление, позволяющее реконструировать и/или дополнять знания о питании, миграциях и болезнях людей, живших ранее, а также о санитарно-гигиеническом состоянии поселений (Reinhard 1992).

Археопаразитологическое исследование проводилось на антропологическом материале из грунтового могильника «Викуловское кладбище», который располагается на древней восьмиметровой террасе р. Ишим Западно-Сибирской равнины. Используемые в анализе погребения относятся к русскому населению, о чем свидетельствуют деревянные конструкции — колоды, характерные для русского погребального обряда, и положение рук умерших. На основе археологического материала погребения были датированы XVII–XVIII вв. (Илюшина 2010).

Русский погребальный комплекс могильника состоит из 24 погребений, но только у 15 индивидов сохранились крестцы, которые были использованы для исследования. Они хранятся в антропологической коллекции ТюмНЦ СО РАН. Во время проведения археологических раскопок костный материал был помыт. С помощью методики очистки крестцов с применением ультразвуковой ванны, разработанной в ТюмНЦ СО РАН (Filimonova, Slepchenko 2021), удалось собрать небольшое количество грунта с внутренней поверхности каждого крестца и из крестцовых отверстий. Полученный осадок регидратировали 0,5% водным раствором Na_3PO_4 . Для каждой пробы было приготовлено по 20 микропрепаратов, которые просматривались под микроскопом AxioSkop 40 с увеличением в 100 и 400 раз. Для измерения использовали программу AxioVision 4.6. Распространенность (Pr,%) паразитов в популяции и доверительные интервалы были рассчитаны с помощью программного обеспечения Quantitative Parasitology 3.0.

В результате исследования у 6 индивидов были обнаружены яйца, которые по морфометрическим признакам были отнесены к кишечным паразитам из рода *Dibothriosephalus*. Распространенность гельминтов

в изученной популяции составляет 40% (табл. 1) при доверительном интервале от 16,3 до 67,7%, который показывает, что с вероятностью 95% минимум 16,3% изученного населения были заражены яйцами цестод *Dibothriocerphalus* sp. Виды рода *Dibothriocerphalus* имеют довольно сложный цикл развития со сменой нескольких хозяев. Человек заражается паразитом при употреблении в пищу сырой или недостаточно термически обработанной рыбы (Бронштейн и др. 2020).

Таблица 1. Распространенность яиц Dibothriocerphalus sp. в исследованных пробах

Общая			Мужчины			Женщины			Дети		
N	n	P,% [95% ДИ]	N	n	P,% [95% ДИ]	N	n	P,% [95% ДИ]	N	n	P,% [95% ДИ]
15	6	40% [16,3– 67,7%]	7	1	14,3% [0,4– 57,8%]	5	2	40% [5,27– 85,3%]	3	3	100% [29,2– 100%]

Примечание. N – общее число исследованных погребений; n – число индивидуальных, зараженных паразитами; P – распространенность (число случаев заболевания); ДИ – доверительный интервал

Как показывают результаты археопаразитологического исследования из других синхронных памятников, оставленных русским населением в Западной Сибири, диботриоцефалез не был редким заболеванием, но при этом были распространены и другие гельминтные инфекции. Так, у русского сельского населения из могильника Горноправдинский отмечена высокая встречаемость паразитов *Dibothriocerphalus* sp. и *Opisthorchis* sp. (Filimonova et al., 2023). В человеческих копролитах, обнаруженных в городе Мангазея, помимо вышеуказанных «рыбных» гельминтов были обнаружены яйца *Ascaris lumbricoides*, *Trichuris trichiura* и *Taenia* sp. (Slepchenko et al., 2021). По сравнению с вышеперечисленными популяциями видовое разнообразие паразитов у населения, оставившего могильник Викуловское кладбище, более скудное. Это может быть связано с тем, что пробы для настоящего исследования были собраны с ранее чищенных крестцов, следовательно, была утеряна значительная часть органического материала. Также стоит учитывать, что самки рода *Dibothriocerphalus* в сутки могут откладывать до 2 млн яиц. Таким образом, высокий репродуктивный потенциал *Dibothriocerphalus* по сравнению с некоторыми другими паразитами человека, возможно, послужил причиной того, что яйца представителей только этого паразитического рода были обнаружены в пробах.

Полученные результаты демонстрируют, что яйца паразитов могут быть извлечены из ранее мытых крестцов, хранящихся в антропологических хранилищах. Также наличие в пробах яиц рода *Dibothriocephalus* позволило в некотором приближении реконструировать рацион питания русского населения, оставившего могильник «Викуловское кладбище».

Работа выполнена Институтом проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FWRZ-2021-0006).

Список литературы

- Бронштейн А. М., Максимова М. С., Федянина Л. В., Бурова С. В., Малышев Н. А., Лашин В. Я., Соколова Л. В., Давыдова И. В. 2020. Дифиллоботриозы: современная ситуация, последние достижения, и проблемы. Алгоритм диагностики и лечения // Медицинская паразитология и паразитарные болезни 2, 56–61.
- Илюшина В. В. 2010. Отчет о научно-исследовательской работе. Охранные исследования могильника «Викуловское кладбище» в Викуловском районе Тюменской области в 2008 г. // Архив ИА РАН.
- Filimonova M. O., Slepchenko S. M. 2021. Using sacrum stored in museums and anthropological depositories for archaeoparasitological research // Journal of Archaeological Science: Reports 39, 103173.
- Filimonova M. O., Ivanov S. N., Kenig A. V., Zaitseva E. A., Shin D. H., Slepchenko S. M. 2023. The first archaeoparasitological data on the Russian rural population in Western Siberia in the 18th-19th centuries // Anthropological Science 131 (2), 133–139.
- Reinhard K. J. 1992. Parasitology as an interpretive tool in archaeology // American Antiquity 57 (2), 231–245.
- Slepchenko S. M., Lobanova T. V., Vizgalov G. P., Ivanov S. N., Rakultseva D. S. 2021. Archaeoparasitological data and pathoecology of the town of Mangazeya in Western Siberia in the 17th century // Journal of Archaeological Science: Reports 35, 102770.

Данные об авторах

Андреева Ольга Викторовна — лаборант, Самарский государственной социально-педагогический университет, г. Самара, olgayer@mail.ru

Арефьев Анатолий Евгеньевич — специалист лаборатории археологии Енисейской Сибири, Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, г. Красноярск; научный сотрудник, Ачинский краеведческий музей им. Д. С. Каргаполова, г. Ачинск, aarefev@sfu-kras.ru

Арефьев Иван Андреевич — магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, vanya.aref2014@yandex.ru

Архипкина Татьяна Алексеевна — бакалавр, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, tanushka_2011@list.ru

Бакулина Ульяна Денисовна — бакалавр, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, ulya.bakulina@mail.ru

Бальжанов Батор Логинович — аспирант, стажер-исследователь, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, bator.balzhanov@mail.ru.

Белюсова Наталья Евгеньевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, consacrer@yandex.ru

Белюсова Наталья Евгеньевна — старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, consacrer@yandex.ru

Бирюков Максим Денисович — бакалавр, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, bigyukov.m.d@mail.ru.

Богданов Дмитрий Олегович — бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, bogdanovdmitriy2021@gmail.com.

Болонин Илья Артемович — магистрант, ассистент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, ilya.bolonin@yandex.ru

Борисов Егор Александрович — бакалавр, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, poxi0703@gmail.com

Бояринцева Ксения Евгеньевна — аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, boyarinceva98@gmail.com.

Бурашникова Ксения Сергеевна — бакалавр, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, k.burashnikova@g.nsu.ru

Бычков Дмитрий Александрович — младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, bda.nsk@yandex.ru,

Васючков Егор Олегович — ассистент, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск; Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, vasiuchkoveo@susu.ru

Ватолина Александра Евгеньевна — бакалавр, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, timinasashaa@yandex.ru

Верхолюмова Дарья Ильинична — бакалавр, Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского, г. Новозыбков, darjaverh@yandex.ru.

Власенко Дмитрий Евгеньевич — бакалавр, Забайкальский государственный университет, г. Чита, dmitrivlasenko2003@mail.ru

Власенко Дмитрий Евгеньевич — бакалавр, Забайкальский государственный университет, г. Чита, dmitrivlasenko2003@mail.ru

Галкин Тимур Олегович — канд. ист. наук, главный научный сотрудник, Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль», г. Зарайск, timyrgalkin@gmail.com

Глушко Надежда Вячеславовна — лаборант, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, glushko_nadia@inbox.ru

Горланов Сергей Сергеевич — младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, г. Москва, gorlanovsergserg@mail.ru

Гражданкина Виктория Алексеевна — бакалавр, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, grazhdankina_v0607@mail.ru

Гречишникова Дарья Константиновна — бакалавр, Новосибирский государственный университет; лаборант, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, d.grechishnikova@g.nsu.ru.

Григорьева Ирина Михайловна — лаборант, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара; аспирант, младший научный сотрудник, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, irinasosnovtceva1996@yandex.ru

Гурулев Дмитрий Александрович — младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, pepel-ls@mail.ru

Данилова Карина Владимировна — магистрант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, karinka27.12@mail.ru

Демаков Денис Александрович — научный сотрудник, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, demakov-denis@mail.ru

Деревнина Алена Сергеевна — бакалавр, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, fjellvarruly@gmail.com

Деркачев Владислав Олегович — специалист отдела археологии, Музей Москвы, г. Москва, DerkachevVO@culture.mos.ru

Джуманов Артур Тимурович — младший научный сотрудник, Томский государственный университет, dzhumanov-97@mail.ru

Дремова Полина Сергеевна — лаборант Научного архива, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, pdremova8@gmail.com

Дроков Егор Александрович — бакалавр, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, drokov31@gmail.com

Егоров Егор Дмитриевич — магистрант, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Egor.Egorov@novsu.ru

Егоров Илья Васильевич — лаборант, Институт археологии РАН, г. Москва, mr.egorovilia2001@mail.ru,

Ермакова Ксения Кирилловна — лаборант, Сургутский государственный университет, г. Сургут, хепiуа954@mail.ru

Есипов Виталий Сергеевич — научный сотрудник, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, vital-arh93@mail.ru.

Жамбровская Софья Андреевна — бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, zhambrovskayas@mail.ru.

Завершинская Мария Павловна — научный сотрудник, ООО «Южархеология», г. Ростов-на-Дону, marialarenok@gmail.com

Закандаев Влад Игоревич — магистрант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, mrvlad13@mail.ru

Зарипова Гульнур Харисовна — младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова, г. Казань, vafina.gulnur5@mail.ru

Зленко Елена Юрьевна — лаборант, Институт археологии РАН, г. Москва, elenazlenko6998@mail.ru

Золотарев Дмитрий Павлович — инженер-исследователь, Научно-исследовательский центр «Байкальский регион», Иркутский государственный университет, г. Иркутск, dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Золотарева Елена Константиновна — аспирант, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, troja2004@mail.ru

Иванов Артем Анатольевич — аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул; младший научный сотрудник, Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия), г. Якутск, ivanov.artem8@mail.ru

Иванов Ярослав Дмитриевич — лаборант, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, yadivanov66@yandex.ru

Кабанова Анастасия Александровна — лаборант, ООО НПЦ «Артефакт», г. Вологда, arheo35@yandex.ru

Календарев Данил Михайлович — бакалавр, Сургутский государственный университет, г. Сургут, kalendarjov_dm@edu.surgu.ru

Калинская Анна Викторовна — лаборант, Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, г. Кемерово, kalinskaja.anna@yandex.ru

Каплан Полина Юрьевна — научный сотрудник, Музей археологии РТ Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук РТ, Казань, kapolina15@gmail.com

Караченец Константин Борисович — бакалавр, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, kbkarachenets@edu.hse.ru

Кардаш Александр Олегович — лаборант, Сургутский государственный университет, г. Сургут, ur.kardash@yandex.ru

Каримбаева Зулхумар Расулжанкызы — магистрант, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск; лаборант, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан, z_karimbayeva@mail.ru

Кирюшин Кирилл Юрьевич — канд. ист. наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, kirill-kirushin@mail.ru

Клементьев Алексей Михайлович — научный сотрудник, Институт земной коры СО РАН, klem-al@yandex.ru

Климова Анна Дмитриевна — аспирант, Институт археологии РАН, г. Москва, klimova.ad@mail.ru

Князев Кирилл Евгеньевич — бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, catuhak@gmail.com.

Кобзева Екатерина Витальевна — бакалавр, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, kobzevanatala15@gmail.com

Коновалова Ксения Юрьевна — инженер 1 категории, Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург;

лаборант-исследователь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, kseniakon@icloud.com

Коршун Константин Сергеевич — стажер-исследователь отдела античной археологии Института археологии Крыма РАН; аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, kostyakorshun1996@mail.ru

Котова Алина Павловна — ассистент, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, alinau25@gmail.com

Кузнецов Вадим Евгеньевич — магистрант, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, vadim_kuznetsov2000@mail.ru

Кузьмина Юлия Владимировна — младший научный сотрудник, Музей Москвы, г. Москва, juliakuzminovamos@gmail.com

Куприянова Елена Владиславовна — директор учебно-научного центра изучения проблем природы и человека, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, dzdan@mail.ru

Куприянова Мария Дмитриевна — лаборант, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, kupriuanova.masha@gmail.com

Лактаева Элеонора Михайловна — бакалавр, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, laktaeva2000@mail.ru

Ларенок Оксана Павловна — научный сотрудник ООО «Южархеология», г. Ростов-на-Дону, ksenialarenok@gmail.com

Левина Екатерина Владимировна — бакалавр, Новосибирский государственный университет; лаборант, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, katlevina2002@gmail.com

Ляпунова Татьяна Павловна — бакалавр, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, tatanalapunova1664@gmail.com

Мальшев Александр Сергеевич — ассистент, Дальневосточный федеральный университет; лаборант, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, alexandrm463@gmail.com

Мальцев Владислав Сергеевич — бакалавр, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Dualg@yandex.ru

Мамедова Фируза Юсифовна — главный хранитель фонда, Государственный историко-культурный заповедник «Кешикчидаг», г. Акстафа, Азербайджан, firuzamamedova29@gmail.com

Маркелов Никита Денисович — бакалавр, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, nmarkelov35@gmail.com

Марковский Григорий Иванович — младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, markovskyyu@gmail.com

Мархаева Дарима Андреевна — научный сотрудник, Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского; стажер-исследователь НИЦ «Байкальский регион» Иркутского государственного университета, г. Иркутск, darimamarhaeva@gmail.com.

Маскаева Татьяна Алексеевна — бакалавр, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, tmaskaeva@ya.ru

Мещеряков Артем Михайлович — бакалавр, Государственный университет просвещения, г. Мытищи, artemmes2001@mail.ru

Миняйло Юлия Юрьевна — магистрант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, rostyjka@gmail.com

Михиенко Валерия Алексеевна — младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, volnavvv@mail.ru

Можаева Александра Александровна — бакалавр, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, aleksakokr@mail.ru.

Моисеев Максим Геннадьевич — бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, st095365@student.spbu.ru.

Му Цилэ — аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, mixel123@163.com

Мурсагулиев Муса Гамидович — директор, Государственный историко-культурный заповедник «Кешикчидаг», г. Акстафа, Азербайджан, mursaqulov@gmail.com

Мучкина Лина Владимировна — бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, linamuchkina@gmail.com

Наджафов Шамиль Надирович — доцент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии, этнографии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, shamil_pesefov@mail.ru

Некраш Алина Анатольевна — лаборант, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, nekrash.alina@mail.ru

Немцева Дарья Константиновна — бакалавр, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, nemcevadara286@gmail.com.

Непочатова Анна Владимировна — магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; лаборант Белгородской региональной общественной организации «Общество любителей древней истории», г. Белгород, anna_wolf_2199@vk.com

Нестерова Мария Ивановна — магистрант, Тюменский государственный университет, Тюмень, младший научный сотрудник, ТюмНЦ СО РАН, Тюмень, nesterova.masha.2000@mail.ru

Никулина Кристина Вячеславовна — бакалавр, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, kristina_nikulina_13@mail.ru

Новгородов Алексей Петрович — магистрант, Северо-Восточный государственный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск; лаборант, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН, г. Якутск, povgorodovaleksej06@gmail.com

Овечкина Людмила Викторовна — младший научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Халикова, г. Казань, ya.116@yandex.ru

Окишев Данил Евгеньевич — магистрант, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, okishev.danil.23@gmail.com

Оситашвили Давид Зазович — магистрант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск. davidoff317@gmail.com

Охлопков Валерий Васильевич — лаборант-исследователь, Арктический научно-исследовательский центр РС (Якутия), г. Якутск; аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, okhlopkov.valera@mail.ru

Павлюткин Иван Денисович — бакалавр, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, 27kaspersky@gmail.com

Пантелеева Татьяна Юрьевна — магистрант, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, panteleeva.tatyana.99@mail.ru

Петрищева Дарья Павловна — младший научный сотрудник, Государственный исторический музей, г. Москва, Brightpraw@yandex.ru.

Пивнева Дарья Владимировна — бакалавр, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, daria_05@list.ru

Письмарова Анастасия Витальевна — аспирант, Институт археологии РАН, г. Москва, pismarova1407@gmail.com

Плеханов Денис Андреевич — младший научный сотрудник, Сургутский государственный университет, г. Сургут, design.plekhanov@gmail.com

Плотников Даниил Романович — бакалавр, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Подгорных Анна Михайловна — бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, annam.02@mail.ru.

Половников Леонид Вячеславович — ассистент, Пермский национально-исследовательский политехнический университет, г. Пермь, lv_polovnikoff@mail.ru

Проконова Мария Михайловна — аспирант, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, m. m.prokonova@utmn.ru

Пурэвдорж Эрдэнэпурэв — аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, eegiir48@gmail.com

Радаева Юлианна Дмитриевна — бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, yulianna.radaeva@yandex.ru

Рахматуллина Олеся Рустамовна — старший лаборант, Учебно-научно-исследовательская лаборатория археологии, этнологии, проблем палеоэкологии и эволюции человека, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, olesya.yavus@bk.ru

Резникова Варвара Анатольевна — бакалавр, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, reznikova.varya@mail.ru

Родионов Антон Михайлович — научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, rodionanton@yandex.ru

Романова Людмила Васильевна — инженер, Пермский национальный исследовательский университет, г. Пермь, yoxaren@list.ru

Рябогина Наталья Евгеньевна — к. г. — м. н., научный сотрудник, Гетеборгский университет, г. Гетеборг, Швеция, nataly.ryabogina@gmail.com

Савко Илья Андреевич — инженер-исследователь, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; младший научный сотрудник, Алтайский государственный университет; аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, savko.ilia2016@yandex

Садриев Наиль Равилевич — ведущий инспектор фонда, Музей археологии РТ Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук РТ, Казань, nail.sad@mail.ru

Светлаков Дмитрий Андреевич — бакалавр, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, svetlakov.dima01@gmail.com

Селютина Анна Ильинична — магистрант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, selyutina.anna12@gmail.com

Синцерова Ксения Леонидовна — младший научный сотрудник, Музей Москвы; аспирант, Институт археологии РАН, г. Москва, SintserovaKL@culture.mos.ru

Сирюкин Иван Витальевич — ассистент, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, ivansiryukin@mail.ru

Смертин Андрей Романович — ассистент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь; лаборант-исследователь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, arsmertin@mail.ru

Смертина Анастасия Юрьевна — ассистент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, nnazarowa@mail.ru

Смирнов Данил Сергеевич — магистрант, Пермский гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, danil-smir00@mail.ru

Смолкина Василиса Сергеевна — бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, лаборант, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, smolkinavasilis@yandex.ru

Созинов Сергей Анатольевич — к. ф. — м. н., руководитель Центра коллективного пользования ФИЦ Угля и углехимии СО РАН, г. Кемерово, sozinov71@mail.ru

Соколов Александр Юрьевич — магистрант, Новгородский государственный университет им. Ярослава мудрого, г. Великий Новгород, sanchelo2508@gmail.com

Соломонова Марина Юрьевна — старший преподаватель, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, m_solomonova@list.ru

Сопова Кристина Олеговна — инженер-исследователь, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, sopova.kr@gmail.com

Суслова Оксана Васильевна — аспирант, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, oksanamovchan888@mail.ru

Сыроватко Федор Александрович — бакалавр, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, fedor-syrovatko@yandex.ru

Такташева Снежана Дмитриевна — бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, sn.taktasheva@gmail.com

Титова Александра Вячеславовна — старший лаборант Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, alexandrTitov@gmail.com

Тишкин Алексей Алексеевич — лаборант-исследователь, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, mattcraft@mail.ru

Тоцкий Дмитрий Анатольевич — старший лаборант, ООО НПО «ЦИИС», г. Новосибирск, dmitriy.tockiy@gmail.com

Трофимов Антон Геннадьевич — аспирант, Самарский государственный социально педагогический университет, г. Самара, trofimovanton1996m@gmail.com

Трубаева Полина Алексеевна — бакалавр, Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, trubaeva.polina@gmail.com

Трубицына Элеонора Дмитриевна — младший научный сотрудник, Институт проблем освоения севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень, el.yuzh@gmail.com

Уткин Константин Игоревич — магистрант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, eternalego.erepublic@gmail.com

Утягулова Римма Римовна — аспирант, младший научный сотрудник, Институт проблем освоения севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень, rim9593@yandex.ru

Федорченко Александр Юрьевич — научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, winteralex2008@gmail.com

Федорченко Александр Юрьевич — научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, winteralex2008@gmail.com

Ферапонтов Антон Ильич — магистрант, Государственный академический университет гуманитарных наук; лаборант, Институт археологии РАН, г. Москва, ferapontov00@inbox.ru

Филатов Егор Алексеевич — инженер, Институт геологии и минералогии СО РАН, egorphylatov@gmail.com

Филимонова Мария Олеговна — младший научный сотрудник, Институт проблем освоения севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень, mashaofilimonova@yandex.ru

Фролов Игорь Константинович — бакалавр, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, frolov.igor@sgspru.ru

Халимуллина Лилия Рамилевна — аспирант, Институт археологии РАН, г. Москва, khalmullina96@mail.ru

Харитонов Роман Михайлович — инженер-исследователь, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, tengeri_ashina@list.ru

Храбров Данил Сергеевич — бакалавр, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, danil.hrabrov@mail.ru

Цымбал Марк Леонидович — магистрант, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, marostis@yandex.ru

Цэнд Дул — аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, dultsendee@gmail.com

Чакилева Юлия Игоревна — магистрант, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, fadedfox0626@gmail.com

Чанаев Адель Борисович — студент, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, adchan@yandex.ru

Черных Анастасия Александровна — бакалавр, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, anasteisha2028@mail.ru

Шишкина Ольга Олеговна — канд. ист. наук, старший преподаватель, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, olgashishkina145@gmail.com

Шлыков Кирилл Евгеньевич — бакалавр, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, k.schlykoff@yandex.ru

Шмырина Мария Евгеньевна — ассистент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, mashah98@mail.ru

Шербинин Артем Сергеевич — бакалавр, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, kingandkryz@gmail.com

Элмуродов Лутфулло Хайруллоевич — аспирант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, infolutfullo@gmail.com

Юрков Альберт Глебович — лаборант, Институт археологии РАН, г. Москва, albertyurkov@yandex.ru

Юрков Владлен Глебович — лаборант, Институт археологии РАН, г. Москва, vladlen.yurkov.v@mail.ru

Юсифзаде Лале Асифовна — заместитель директора, Государственный историко-культурный заповедник «Кешикчидаг», г. Акстафа, Азербайджан, lale.yusifzade@gmail.com

Яковлева Евфимия Алексеевна — магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, yakovleva-evfimiya@mail.ru

Якунин Кирилл Денисович — бакалавр, Пензенский государственный университет, г. Пенза, akunink92@gmail.com

Яранцева Наталья Станиславовна — младший научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Халикова, г. Казань, natalya300194@mail.ru

Ячменев Олег Юрьевич — бакалавр, Забайкальский государственный университет, г. Чита, 199970725dyuu@gmail.com

Список сокращений

- АВ — Археологические вести
АДСВ — Античная древность и средние века
АИА — Архив института археологии
АлтГУ — Алтайский государственный университет
АМР — археологический микрорайон
АН — Академия наук
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
АЭ ЛОИА — Археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии
БИ — Боспорские исследования
БПЛА — беспилотный летательный аппарат
БФАН — Башкирский филиал Академии наук
ВААЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВГУ — Воронежский государственный университет
ВлГУ — Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
ВСОИРГО — Восточно-Сибирское отделение ИРГО
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГИС — географическая информационная система
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗабГУ — Забайкальский государственный университет
ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗС — Законодательное собрание
ИА АН РТ — Институт археологии академии наук Республики Татарстан
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИВЛ — Издательство восточной литературы
ИГИиПМНС СО РАН — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИГМ СО РАН им. В. С. Соболева — Институт геологии и минералогии Сибирского отделения Российской Академии наук им. В. С. Соболева
ИЗК СО РАН — Институт земной коры Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИОЛЕАиЭ — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии

ИПОС ТюмНЦ СО РАН — Институт проблем освоения севера Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
КАЭЭ — Камская археолого-этнографическая экспедиция
КГПИ — Куйбышевский государственный педагогический институт
КемГУ — Кемеровский государственный университет
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФУ — Казанский федеральный университет
ЛГПУ — Липецкий государственный педагогический университет
МАО — Московское археологическое общество
МарНИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)
МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири
МБОУ СШ — Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя школа
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии
МИС — Морская изотопная стадия
МНР — Монгольская Народная Республика
НА ЦАИ НовГУ — Научный архив Центра археологических исследований Новгородского государственного университета
НВЭ — Нижневолжская экспедиция
НГУ — Новосибирский государственный университет
ННГУ — Нижневартовский государственный университет
НПО — научно-производственное объединение
ОАН — объект археологического наследия
ОГПУ — Оренбургский государственный педагогический университет
ОКИСАР — Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик
ОКН — объект культурного наследия
ПГГПУ — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПКМ — Пермский краеведческий музей
ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПУАК — Пермская ученая архивная комиссия
РА — Российская археология
РАЕ — Российский археологический ежегодник
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАН — Российская академия наук
РАО — Русское археологическое общество

РНФ – Российский научный фонд
РС (Я) – Республика Саха (Якутия)
РФА – рентгенофлюоресцентный анализ
РЭМ – Российский этнографический музей
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СО – Сибирское отделение
СОГБУК – Смоленское областное государственное бюджетное учреждение культуры
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СТАЭ – Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция
СурГУ – Сургутский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТАС – Тверской археологический сборник
ТАЭ – Таджикская археологическая экспедиция
ТГУ – Томский государственный университет
ТЛМ – термолюминисцентный метод
ТОКМ – Томский областной краеведческий музей
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ФИЦ УУХ СО РАН – Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты Сибирского отделения Российской академии наук
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЧКМ – Челябинский краеведческий музей
ЯРГО – Якутский отдел РГО
FTIR – Fourier-Transform Infrared Spectroscopy

Научное издание

АКТУАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ 7

Материалы международной научной конференции
молодых ученых

Санкт-Петербург, 1–4 апреля 2024 г.

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*

Подписано в печать 15.03.2024. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 29,5. Тираж 300 экз. Заказ № 253
Дата выхода: 29 марта 2024 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография».
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, лит. БМ.
Тел./факс: +7(812) 380-79-50.
E-mail: spbcolor@mail.ru